

КНИГА ПЕРВАЯ. ДЖЕЙЯ

ВЕРАНДА СИ

ВРЕМЯ КУМАРУНА

18+

Волшебство обязательно вернется. Однажды... Роман раздвигает пределы эротических фантазий. Это история наслаждений и страсти в антураже сказочного мира. Влада — не Золушка, а реальная женщина; самодостаточная москвичка, дитя 90-х. Эрик — не принц, влюбленный в наивную девушку, а сгорающий от страсти сексуально-активный правитель из альтернативной реальности. Есть ли у страсти будущее, если между ними стоит шокирующая физиологическая несовместимость? Читай первую книгу «Джейя» цикла «Время кумаруна» и заряжайся энергией страсти!

Веранда Си

ВРЕМЯ КУМАРУНА

Книга первая

Джейя

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Только не влюбись!

1

«Выход»

Владе было двадцать девять, и свой следующий день рождения она ожидала почти без неприязни. Ну, почти... Кризис «о, боже, какая я уже старая!» она пережила немногим раньше, чем обычно это бывает, — в двадцать четыре. Тогда, осознав, что юность ушла безвозвратно, она более не страшилась ни двадцатипятилетия, ни последующих за ним дат. Теперь ей оставалось чуть менее полугода до юбилея, но она воспринимала этот факт философски и без надрыва.

Любимая работа, масса увлечений, надежный мужчина, который уже несколько лет был рядом и отвечал всем весомым критериям среднестатистической женщины. Немного не хватало ребенка для завершения идеальной картины, однако она была уверена, что до сорока в век продвинутой медицины у нее есть куча времени, чтобы реализоваться и в этой пугающей ее сфере — материнстве.

«Ура! Сегодня суббота, — подумала она, едва очнувшись ото сна. — Не надо рано вставать, вечно преодолевая нечеловеческое желание поспать. В половине случаев я просыпаюсь на работу будто с того света. Остальные побудки нелегче — сродни персональному апокалипсису... Но сегодня не рабочий день!» Осознав в полуспящем мозгу этот факт, она перевернулась на другой бок, натянула повыше одеяло и, сожалея, что человек не может выспаться впрок, еще на полтора часа погрузилась в сладкую дрему.

Вчера был ее любимый день — вечер пятницы. Разумеется, вечер не может всерьез называться «днем», но пятничные вечера так невообразимо прекрасны, что в шутку могут считаться дополнительными днями недели. Когда завершается рабочая пятидневка и впереди два выходных дня, у трудового человека есть несколько часов после работы вечером, чтоб заниматься всем, чем ему захочется. А впереди весь уик-энд, который ни на грамм еще не начался, но ты уже вправе расслабляться как душе угодно!

Вчерашний вечер пятницы прошел мило и мирно. Вместе с мужем она смотрела

скачанный фильм по большому плоскому телеку, полулежа в кровати, выпивала и закусывала, снимая напряжение рабочей недели. На двоих ими была распита бутылочка красного вина и съедена гора бутербродов с икрой, семгой и сырокопченой колбасой. Фейерверк вкусов дополнили также оливки и малосольные огурцы. Подобное разнообразие в еде и незамысловатость в приготовлении Владе всегда нравились, впрочем, как и во многом другом.

Фильмы по комиксам про супергероев стали одними из ее любимых за последний десяток лет. После того, как шайка людей икс надрала задницу очередному антигерою, вино было уже давно выпито, а хмель успел выветриться из головы. Они уснули по разные стороны своей широкой кровати, пожелав друг другу сладких снов.

Встав утром в половину десятого, раньше своего мужчины, Влада пошла на кухню, чтобы выпить такую всегда необходимую ей кружку слабозаваренного черного чая. Она не любила крепкий, его горечь была ей неприятна. Кофе же она вообще на дух не переносила, ей не нравился ни его вкус, ни запах. Она находила эту свою особенность весьма странной. Большинство знакомых ей взрослых людей обожали кофе, но ей самой он действительно был категорически неприятен. Слабый же чай — совсем другое дело: и цвет красивый, и вкус мягкий.

В полдень у нее была назначена встреча с подругой, точнее коллегой-приятельницей с прошлой работы, с которой она не виделась довольно давно. Ксюха была позитивной и беззаботной девушкой, общение с ней всегда придавало бодрость духа и вдохновляло Владу на новые безумные идеи. Место встречи на этот раз было выбрано нетривиально: обычному походу в кафе они предпочли «общение с природой» — прогулку по Московскому зоопарку. Островок экзотической жизни посреди каменного мегаполиса, герои разных детских сказок в одном флаконе... Они обе давненько не бывали там, о чем недавно зашел разговор в переписке по skype. Так спонтанно приятельницами было принято решение восполнить этот пробел.

Августовский приятный теплый день. Полдень. Встреча на Баррикадной. Влада, как чаще всего бывало, оказалась в условленном месте первой. Теплый ветерок раздувал ее стрижку боб-каре, поэтому ей то и дело приходилось поправлять взлетающую веером челку. Сегодня она надела голубое джинсовое платье, неплохо подчеркивающее примечательность ее фигуры, вместе с тем оно не выглядело кричащим. В ее гардеробе было немало экстравагантных фасонов и цветов, но для встречи с подругой она предпочла более сдержанный вариант. Также она выбрала оранжевые туфли с закрытым носком на невысокой танкетке, подобные она носила летом в дни интенсивных пеших прогулок. В остальное время Влада, конечно, предпочитала шпильки, отдавая им первенство в личном рейтинге «супер-секси обуви всех времен и народов». Все необходимые женские вещицы она сложила в маленький рюкзачок, стараясь сегодня отказаться от своей любимой дамской сумки, в которой помещалась половина ее женской вселенной. Этот рюкзак она приобрела недавно, как раз для подобных случаев, когда необходима легкость и мобильность. Особой любви к современным молодежным течениям в моде она не испытывала, считая, что давно нашла свой стиль в вечно юной элегантной классике, возможно, с некоторыми элементами легкого эпатажа. Такая одежда прекрасно подходила ее фигуре и, надо сказать, возрасту. А новомодные хипстерские штучки — это удел молодого поколения, к которому, к сожалению, она уже не принадлежала, хотя внешне ей по-прежнему нередко давали двадцать пять, а иногда и вовсе льстили на двадцать три. Этот рюкзачок стал исключением в ее гардеробе,

хипстерской штуковиной, неплохо гармонирующей с этим джинсовым платьем, которое все же не было лишено некоторых признаков элегантности. За этими размышлениями о шмотках и стиле Влада не заметила, как, спустя не более десяти минут, из метро вышла Ксения.

Та, как всегда, была в своем репертуаре: яркая, цветущая, одета в нереальное оранжевое невесомое платье с черно-красным цветочным принтом. Пожалуй, сочетание цветов диковатое, но удачный орнамент и фасон спасали ситуацию. Довершали образ бордовые босоножки на большущем каблуке и платформе. Казалось, она не изменяет любимому фасону обуви при любых обстоятельствах! Длинные светлые (натурального цвета!) волосы струились локонами. Этой ее способности постоянно укладываться Влада не переставала удивляться. Ксюха и на работу всегда приходила завитая, а на ее длиннющих прямых от природы волосах обеспечить это было весьма не просто. От идеальной картинки ее отличала лишь небольшая полнота, причем действительно очень умеренная, придающая образу пикантность. Это обстоятельство никогда не мешало ей в общении с противоположным полом. Наверное, им обоим доставались разного поля ягоды, так как Владины ухажеры часто отличались страстью к женской худобе.

Приятельницы горячо обнялись, обменялись эмоциональными приветствиями и направились к кассам зоопарка. Билеты почти не подорожали с тех пор, как Влада была здесь последний раз. Не то чтобы она помнила, сколько стоил вход три-четыре года назад, но сегодняшняя цена ей показалась весьма приемлемой для такого прекрасного заведения.

«Конечно, можно долго рассуждать и спорить с «зелеными» о том, что животные в неволе имеют массу ограничений, это против их природы и «бла-бла», — думала она. — Но ведь здесь неплохо кормят!» Она полагала, что в естественной среде за любую порцию необходимо бороться; собственно, каждый новый день зверя схож с предыдущим: от рассвета до заката искать, чем же заполнить голодное брюхо. Ей не казалось, что такая жизнь идеальна и ее следует предпочесть сытому теплomu и размеренному существованию в оборудованных вольерах Московского зоопарка.

«К тому же все эти звери родились в неволе и не сумеют прожить в дикой природе, они привыкли к людскому вниманию и к обедам по расписанию. Возможно, у них даже остается время на раздумья о прекрасном, чтение или вязание, ведь сэкономленное на поиск еды время необходимо чем-то заполнять... — Девушка улыбнулась этой своей инфантильной идее. — Если бы зоопарки по какой-то причине перестали существовать, никто бы из этих бедолаг не выжил. Поэтому поздно рассуждать о добре и зле жизни в неволе, ведь альтернативы для них не существует. К тому же зоопарк — это радость, это окно в детство, сахарная вата, мороженое, чебуреки, улыбки детей и взрослых». Влада обожала все, что напоминало ей о самом беззаботном и радостном времени, когда сказки были живыми, дед Мороз — настоящим, а волшебное кольцо лежало на ее ладони...

Народ толпился возле вольера с гепардами. Самец прохаживался вдоль периметра кругом натянутой металлической сетки то вправо, то влево, при этом вплотную прислонялся к ней. Отважные зеваки прикладывали ладони к отверстиям, некоторые просовывали пальцы. Картина коллективного ощупывания шкуры хищника навела Владу на размышления: «Экстремальное развлечение, не думаю, что это хорошая идея. Судя по выражению морды этого котика, он их всех люто ненавидит. Впрочем, я хорошо понимаю пятнистого».

Однажды в Таиланде она фотографировалась с живым тигром. Красавец был на поводке, под присмотром хозяина-тайца и возлегал на возвышении. После оплаты услуги в несколько батов она подседа к зверю и приобняла, коснувшись ладонями его шкуры. Тигр,

скорей всего, в лучшем случае был безмерно сыт, а в худшем — чем-то накачан, так как не проявил никакого интереса к происходящему. Ощущение, вызванное прикосновением к его меху, ей не забыть никогда: плотный, упругий, волос жесткий, вместе с тем мягкий и шелковистый. Тигр качеством шерсти напомнил ей старого плюшевого мишку, вот только был молодым и натуральным. Сочетание противоположностей — жесткости и мягкости. Владе всегда нравилось создавать в памяти всевозможные списки и рейтинги. Излюбленной была коллекция тактильных ощущений. Прикосновение к шкуре тигра заняло в ней после поездки в Тай свое почетное место. «Интересно, гепард сильно отличается на ощупь? — гадала она. — Трогать не буду, не в этот раз и не этого гепарда».

Жираф был высок, особенно если смотреть снизу, находясь в метре от его ног. Сейчас для девушек все выглядело именно так, не считая разделяющего их забора из сетки-рабицы. Парнишки-подростки протягивали в отверстия морковку, несмотря на развешанные предупреждения, что кормить жирафов запрещено. Парнокопытный охотно угощался, обвивая овощ своим длиннющим синим языком. Знала ли Влада раньше, что язык жирафа синий? Возможно, когда-то и знала, но забыла.

— Смотри, какие высокие двери в доме, где живут жирафы! — восхитилась она, дергая Ксюху за руку, и продолжила мысленно: «Не у каждого животного в зоопарке есть собственное каменное здание, но у самых высоких имеется».

— Ага, и правда, — согласилась та.

— Наверное, зимой они проживают в этом теплом желтом доме, не выходя на улицу, они же африканские, замерзнут.

Влада никогда не была в зоопарке зимой. Она решила, что стоит запланировать это мероприятие на предстоящую зиму и прогуляться здесь вместе с Сашкой.

Девушки подошли к палатке, торгующей сахарной ватой. В головах обеих одновременно мелькнула идея эту вату приобрести, что и было сиюминутно выполнено. Две взрослые красивые девушки двадцати девяти и двадцати семи лет, в модных платьях, красивых туфлях, с сахарной ватой на палочках в руках. Веселые, довольные, радостно щебечущие обо всем, что видят вокруг, вперемешку с обрывочной информацией о личной жизни и рабочих перипетиях. Всегда, когда они встречались, мир надевал на глаза розовые очки беззаботности. Влада не всегда была такой позитивной. Она бывала разной. Одной стороной ее личности являлась именно эта — задорная улыбка, юмор, смех, веселье, бурные эмоции, выразительная речь, жесты. Она мысленно называла это «своим демонстративным поведением». Не то чтобы она притворялась такой, нет. Это было частью ее, давалось легко и непринужденно. На публике и в общении с друзьями она вела себя именно так. Те, кто был плохо знаком с ней, часто полагали, что в этом и состоит суть характера Влады, считая ее лишенным всяческого уныния человеком, эдакой позитивной и солнечной девочкой, с лица которой не сходит улыбка. Когда же они впервые видели ее в других ипостасях, сильно удивлялись и говорили что-то вроде: «Влада, ты ли это?»

Насколько она успела узнать Ксюху, та была пропитана позитивом насквозь. Подруга вносила ноты радости во все сферы жизни и не была уличена в раздвоении личности, чего Влада в шутку полагала о себе. Бывшая коллега, по ее мнению, в отличие от нее самой, обладала некоторой инфантильностью, ведь постоянный позитив является скорее исключением для взрослого разумного человека. Картину дополняла некоторая узость и специфичность суждений Ксюши, что иногда проскальзывало в ее речах, и Владе с позиций ее образования и жизненного опыта было сложно закрывать на это глаза и считать подругу

идеалом среди женщин. Но, безусловно, девчонка была мечтой многих мужчин, если верить общепринятому мнению, — веселая, добрая, не чересчур умная, чтобы сумела выгодно оттенить мыслительные способности партнера. Встречи с ней всегда давали подпитку Владиной положительной энергии, и на некоторое время она и сама становилась эдаким идеалом противоположного пола. Хотя, насколько она успела разобраться в тонкостях внутреннего устройства мужчин, не все было так однозначно. Реальность нередко расходилась с принятыми шаблонами: мужчины намного сложнее, чем женщины о них думают, и идеалы у них разные. Что хорошо для одного — не подходит другому. Ноги, грудь, постель и борщ — не единственно возможный список их потребностей в женщине, как любит преподносить современная культура.

Когда девушки проходили мимо слонов, сахарная вата уже заканчивалась. Один из гигантов радовал публику — танцевал под доносящуюся из громкоговорителей мелодию. Слон раскачивался из стороны в сторону в такт музыке, то поднимая, то опуская хобот. Влада задалась вопросом: «Интересно, их здесь специально дрессируют или это его самостоятельный выбор и заложенная природой тяга к прекрасному?» Она склонялась, скорее, ко второму варианту — вряд ли в зоопарке занимались дрессурой, как-никак это не цирк.

Приятельницы подходили к павильону «Ночной мир». Влада любила эту экспозицию и посещала ее всякий раз, когда бывала здесь. Внутри традиционно было темно. Павильон представлял собой длинный коридор, в котором тускло подсвечивались террариумы с мелкими ночными животными: ежами, жабами, совами и прочими экзотическими тварями. Все они искренне полагали, что на земле в данное время царит ночь, и занимались своими повседневными делами. Некоторые из них были неприятны, другие — забавны: шиншилла, например, сгоняла лишний вес на беличьем колесе. Она так громко топала и расшатывала его, что соседи — карликовый африканский еж и сенегальский галаго, возможно, думали, что каждую ночь неподалеку происходит землетрясение.

Коридор заканчивался массивными двустворчатыми дверями темного цвета, над которыми горела яркая табличка с говорящей надписью «выход». Переступив порог, Влада на секунды зажмурилась — в глаза ударил яркий солнечный свет. Казалось, у нее резко упало давление и в голове включился испорченный телевизор. Она ухватилась рукой за косяк, чтобы не упасть.

Такие явления иногда с ней происходили с детства, когда в возрасте десяти-двенадцати лет ей поставили диагноз вегето-сосудистая дистония. Обычно подобное случалось при резком вставании из лежачего и иногда сидячего положения, а также в периоды болезней ОРЗ при общем ослаблении организма. Когда стала взрослой, головокружения происходили с ней намного реже. Кстати, она недавно услышала по телику, что в настоящее время медицина отрицает такой диагноз. Под этим названием скрывается целый комплекс заболеваний различной этиологии. Общими являются только симптомы, а вызваны они могут быть совершенно разными нарушениями. Вот так уже на ее веку исчезали из справочников одни болезни и появлялись новые.

К счастью, на сей раз Влада не лишилась сознания и устояла. Давление постепенно пришло в норму, и она открыла глаза. Беглый взгляд, брошенный на Ксюшу, неожиданно закорился на лице. Судя по его выражению, с ней определенно тоже что-то произошло несколькими секундами ранее: весь ее облик отражал крайнюю степень недоумения и испуг.

Центральный парк Нью-Йорка

— Владка, что это со мной сейчас было? — мертвым голосом спросила Ксюха.

— Тоже головокружение?

— Нет. Я будто разлетелась на тысячу частей и спустя вечность слилась воедино, — объяснила девушка, тяжело дыша.

Обе осмотрелись по сторонам.

— Где это мы? — почти одновременно произнесли они.

Приятельницы стояли посреди вымощенной белым камнем дороги, которая тянулась от горизонта к горизонту среди зеленого парка. Это была ухоженная территория с газонами, аккуратно подстриженными деревцами и кустарниками, образующими сложные ландшафтные композиции. Парк располагался на огромном равнинном участке меж лесистых гор, синеющих вдалеке. Их вершины были голы и едва проступали сквозь вечернюю дымку. То там, то тут виднелись белые каменные статуи причудливых форм. Влада отнесла бы их к стилю модернизм или абстракционизм, жаль, что она недостаточно хорошо разбиралась в искусстве и не понимала разницу между этими понятиями. Подобной парковой архитектуры она никогда ранее не видела, хотя Discovery и National Geographic в прошлом насмотрелась в избытке. По разные стороны от центральной мраморной аллеи отходили перпендикулярные дорожки меньшей ширины, уводя потенциального путника в дебри зеленой растительности. Кое-где вдалеке меж гор виднелись очертания белых каменных строений с высокими острыми шпильями, кардинально отличающимися от крыш московских зданий. Дверь павильона ночных обитателей, из которой они только что вышли, как будто испарилась. Ни многочисленных людей, ни животных Московского зоопарка здесь не было. Определенно, это было совершенно другое место, в котором они оказались каким-то необъяснимым образом.

Девушки посмотрели друг на друга — в глазах застыл ужас. Это только в фильмах героини, оказавшиеся непостижимым образом в новой обстановке, озираются по сторонам, произносят: «Где это я?» — и тут же идут выяснять ответ на вопрос. Их не сильно страшат возможные чудовища, демоны-убийцы, киборги и вампиры... Но ведь любой из них или все разом могут подстергать героев на пути!

— Влада, бляха-муха, что за фигня происходит?!

— Ксюха, мы реально во что-то влипли. Если это не сон, мы с тобой куда-то перенеслись. Хорошо, если мы до сих пор находимся в России, а что если нет?.. — Она состроила смешную гримасу, изображающую чрезмерное волнение и недоверие к происходящему. — Давай будем стараться сохранять самообладание, — добавила она. — Это самое важное в критических ситуациях, основополагающая истина.

На некоторое время Влада задумалась. Ксения стояла на месте и продолжала озираться по сторонам.

— Прежде, чем куда-то идти, нам надо понимать, каким «инвентарем» мы обладаем, — сказала Влада.

Она раскрыла свой хипстерский рюкзачок и высыпала содержимое на мрамор. В нем были мобильник, расческа, пудра с зеркалом, ключи от квартиры, пилка для ногтей, бальзам для губ, маленькая упаковка влажных салфеток, одна единственная конфетка «Кара-Кум», ну и, конечно, кошелек с деньгами и пластиковыми картами. Налички было не так много, возможно, хватило бы на плацкартный билет до Москвы, если их не слишком уж далеко занесло. Окажись девушки в другом государстве или, например, далеко за Уралом, средств

явно не хватило бы ни на билеты, ни на пропитание в дороге. Конечно, еще имелась кредитка, что улучшало их шаткое финансовое положение, если, конечно, в здешних местах принимали Visa. Влада осмотрела содержимое и констатировала:

— Не густо! Жалко, я не взяла с собой веревку, нож, спички и палатку, они всегда так необходимы в дикой природе... Да уж, шутка не смешная, — прокомментировала она собственные слова.

Она взглянула на телефон — сети не было. Отчего-то это ничуть ее не удивило. Ксения следом произвела подобные манипуляции со своей сумочкой-клатчем. Содержимое было почти аналогичным: телефон, ключи, кошелек (денег в котором было еще меньше), расчесочка, резинка для волос, а также сигареты и спички. «И как же это все там уместилось?» — задалась вопросом Влада и воскликнула:

— Спички! Бинго!

— Что дальше? Разведем костер — поджарим сосиски?.. И телефон, кстати, тоже не ловит... — Ксюха окончательно растерялась и поникла. На ее привычный позитив не осталось и намека.

Влада поняла, что обязана взять лидерство в свои руки и попытаться подумать за них обеих. Киснуть в экстремальной ситуации было совершенно непродуктивно.

— Нужно хорошенько проанализировать данные. Я буду рассуждать вслух логически, подключайся, — сказала она, собрав остатки спокойствия в кулак. — Итак, мы невероятным образом находимся не там, где должны быть. Попали сюда одновременно, при этом испытали странные ощущения, причем твои были неприятнее. Не знаю, о чем это может говорить?.. Все это звучит крайне странно, но ведь так все и было! Мы не можем отрицать того, что видим своими глазами.

— Да, все так, как ты говоришь, — подтвердила подруга.

— А дальше все звучит совсем бредово, но постараемся пока абстрагироваться. Допустим, мы героини фильма. И в его сценарии возможно все! Мы не знаем жанр: комедия это или фильм ужасов? Головокружение, тошнота, кажущийся разрыв тела на части в твоём случае могут указывать на факт телепортации — перемещение в пространстве. Теоретически, мы можем находиться даже на другой планете, как Джон Картер с Марса. Но, судя по растительности, это вряд ли так: я узнаю некоторые виды кустарников, встречала такие на нашем русском юге в районе Сочи, ну и в Абхазии. Вон там впереди вроде бы кипарисы. — Влада указала рукой на растущие чуть ли не на горизонте высокие узкие деревья. — Хотя они слишком далеко, чтоб утверждать наверняка. Или же мы с тобой перенеслись во времени — в будущее или прошлое. Судя по обстановке, скорее, в будущее... Но я надеюсь, Ксюня, что мы все-таки на Земле и никаких шуточек со временем не произошло. Тогда у нас есть шанс вернуться домой, особенно если найдем банкомат.

— Влада, ты меня пугаешь.

— Архитектура вокруг, горы кругом — это явно говорит, что мы не в Москве, Ксю. Таких ландшафтов у нас нет. Подобные горы я видела на Черном море и на Средиземном. Сопки на Дальнем Востоке тоже, кстати, немного похожи. А в Америках и Африке я не бывала, не могу выдвигать гипотезы на этот счет. Ну и в Австралии, разумеется, тоже, — добавила она после недолгой паузы, затем подумала: «Ты давай не умничай мне тут».

— Я была только в Турции и Египте, — сообщила Ксюша, по-прежнему пребывая в тумане.

Влада еще раз осмотрелась по сторонам и сказала нарочито игриво, чтоб не сильно

испугать и без того взволнованную подругу:

— Будем надеяться, что эту местность населяют люди, а не пришельцы. И очень рассчитываю, что тут нет монстров или кровожадных животных, подстерегающих в кустах...

Влада неожиданно для себя отметила, что ее чрезвычайно заинтриговало это необъяснимое происшествие. Страх будто ослабил хватку, шок сменился авантюрным настроением. Уже около получаса они находились здесь, и ничего плохого пока не произошло. Все это обещало стать для нее главным приключением в жизни, вир-туром от лучшего оператора мира, что по карману лишь избранным мультимиллиардерам. По ее крови в ускоренном темпе все еще бежал адреналин, но предыдущие рассуждения представлялись ей вполне здравыми. «Лишь бы только это кино не оказалось триллером или фильмом ужасов», — надеялась она.

— Влада, посмотри, — сказала Ксюша и указала пальцем в небо. — Что-то мерцает в воздухе над нами.

И правда, кое-где в толще атмосферы, достаточно низко в сравнении со звездами, но довольно высоко, чтобы можно было достать с земли подручными предметами, мерцали маленькие светящиеся огоньки бледно-голубого цвета. Чтоб их увидеть, нужно было хорошо приглядеться. Но если вглядываться — их количество заметно возрастало и можно было насчитать пару десятков блесточек в зоне видимости.

— Да, это нечто незнакомое. Плюс один балл в пользу теории перемещения на другую планету, твою мать, — констатировала Влада. — И почему тут так тихо и никого нет? День на дворе, вроде бы место приличное, территория ухоженная, почему так безлюдно?

Она внимательно прислушалась, но не смогла различить ничего, кроме дуновения ветерка и шороха листьев.

— Тихо как на кладбище, — сказала она и пожалела, вспомнив о состоянии приятельницы.

— А вот, кажется, пение птицы вдалеке, — заметила та.

— И правда, похоже.

— Слушай, Владка, да ты гонишь, да не может быть всего этого! — взорвалась Ксюша. Она перешла на очень громкий высокий голос, граничащий с визгом:

— Это не кино! Мы в Москве живем, в две тысячи шестнадцатом! Я слышала, что в Новой Москве хотят строить русский Диснейленд. Может, мы там находимся?

— Тише, тише, тише, моя дорогая... Не надо кричать, это небезопасно, — попыталась успокоить ее Влада. — Даже если ты права, тут в кустах может притаиться самый обычный «битцевский» маньяк, ущерба от которого может быть больше, чем от пришельцев. В любом случае, мы как-то же тут оказались из нашего зоопарка и не можем найти логическое объяснение. К тому же эти горы... Думаю, что нам пора выбрать направление и пойти на поиски людей, вон вечерет уже.

Девушки переглянулись и поняли, что думают об одном. Сейчас должно быть не более двух-трех часов дня, а, судя по расположению здешнего солнца и с учетом времени года, уже в районе семи-восьми вечера.

— Вечерет. Ну, куда пойдём? — сказала Ксюша.

Влада в который раз оглянулась кругом. Аллея была очень длинной и довольно широкой. Она производила впечатление центральной улицы какого-то большого парка, возможно, сравнимого по размерам с Центральным парком Нью-Йорка. Хотя она отдавала себе отчет, что опирается в этой оценке лишь на образы, полученные из СМИ.

— Вот что я думаю. Если мы хотим выйти к людям (будем надеяться, что тут живут именно они), надо идти по этой аллее в одну из сторон, вопрос лишь — в какую. Вон у горы есть странные здания со шпильями, но непонятно, как туда добираться. Такая длинная аллея непременно должна вывести к чему-то важному, — предположила Влада. — Опасность в том, что нас рано или поздно заметят. И если тут живут не люди, нам, вероятно, не поздоровится. Если же мы хотим разобраться во всем незаметно, надо идти какими-то обходными тропами. Но я боюсь, что это все равно нас не уберезет. Наше обнаружение аборигенами — вопрос времени. Никаких возможностей обороняться мы не имеем, где искать помощи — не знаем. К тому же не представляем, какие тут водятся звери, насекомые, ядовитые пауки и колючие растения. Скрываться долго все равно не получится, но если мы не найдем ночлег до заката, рискуем пасть жертвами природы. Солнце сядет очень скоро, и настанет ночь. Идем по аллее — и будь что будет. Да и ноги уже побаливают, чтобы лазить по дебрям. И пить, блин, так хочется.

— Пошли в ту сторону, — указала Ксюша в направлении растущих вдалеке пирамидальных деревьев. — Как-то прохладно уже стало, да?

Влада кивнула. Она застегнула рюкзак и закинула его на спину, приготовившись к долгой ходьбе. Сама она негласно сделала тот же выбор — пойти в сторону кипарисов. В самом конце аллеи, если хорошо приглядеться, находилось подобие ступеней пьедестала. Возможно, это был лишь обман зрения, но проверить все же стоило. Ведь на другом конце дорога оканчивалась глухим туманом и не давала никаких подсказок.

— Скажи, ты видишь там вдалеке ступени? — спросила подругу Влада.

— Нет, у меня неважное зрение. А ты видишь?

— Не уверена, но вроде бы там что-то подобное есть. У меня единица.

Высокие бордовые каблуки и оранжевые танкетки задвигались в выбранном направлении. Туфли успели натереть Владе ноги, мозоли уже болезненно ощущались. «И почему я не взяла с собой пластырь?» — думала она, ступая по белому камню. Только цокот Ксюхиных каблуков разбавлял тишину.

— Ксю, тебе не кажется странным, что в таком большом парке не видно ни единой клумбы?

— Странностей вообще много. Тут и скамеек нет, и фонтанов. И людей, и звуков...

Спустя примерно двадцать минут они приблизились к высоким деревьям.

— Это стопроцентно кипарисы, сомнений нет, — сказала Влада.

Ксюха потрепала ее за плечо и указала пальцем на землю между деревьями:

— Смотри, белка!

«И точно белка. Рыжая», — подумала Влада и сказала:

— Белка — это добрый знак. Плюс один балл в пользу Земли.

Ступени пьедестала с этого расстояния были отчетливо видны, даже Ксения разглядела их. До места оставалось не более полутора километров.

«Кажется, подъем по лестнице ведет на некое подобие площади, — прикидывала Влада. — Скорее всего, там находится большое открытое пространство, но кусты все скрывают. Царящая тишина зловеща, но дорога, усаженная кипарисами, — это очень красиво, у местных развито чувство прекрасного. Сколько же нужно садовников, чтоб содержать парк таких размеров в образцовом состоянии?»

За сотню метров до цели девушки уловили какие-то неясные звуки. То ли это был гул некоего большого монотонно гудящего механизма, то ли десятки голосов еле слышно

нашептывали что-то в едином порыве. Разом стало как-то не по себе... Тишина пустынной аллеи ни в какое сравнение не шла с этим вызывающим животный трепет звуком неизвестности.

Вот они и дошли: прямо перед ними возвышалась мраморная лестница из десяти очень крутых ступеней. «Может быть, тут живут великаны?» — пронеслось в воображении Влады, но она не озвучила этой мысли. Взявшись за руки, ненадолго застыв перед первой ступенью, они сделали шаг, второй, третий... Девушки взобрались наверх, и их взорам открылась новая картина.

3

Шоу должно продолжаться

Глазам Влады открылась широкая белая площадь раза в три крупнее, чем Красная. На ней собрались люди в белых и серебристых одеждах, человек пятьдесят-шестьдесят. Их лица были обращены к величественному светлому дворцу, ну, или к зданию, похожему на него. Все стояли не шевелясь, как статуи, и что-то тихо нашептывали. Определенной системы в расположении фигур она не обнаружила, но в целом люди тяготели ближе к центру площади.

Дворец был великолепен, возведен в невероятном абстрактном стиле, вместе с тем очень сбалансированный и приятный глазу: из стекла, белого мрамора и металла; стильный, мощный, одновременно легкий, словно бы невесомый, парящий в лучах закатного солнца. Его обтекаемые линии напоминали нечто наподобие летящей птицы, либо старинного парусника. Невозможно было бы представить, что в нем располагалось некое бюджетное учреждение вроде поликлиники или жилье. Влада не сомневалась, что перед ней и подругой во всей красе предстал именно дворец, в котором восседает король или находится правительство здешних мест. Замок не был очень высоким и не имел острых шпилей, как те, что возвышались над зданиями в горах, однако он занимал очень обширную площадь. На обозримом с позиции девушек участке он имел переменную этажность от четырех до пяти уровней, однако можно было догадываться, что строение продолжается далеко за пределами их видимости, и ситуация с этажностью вполне могла бы измениться за поворотом. Теперь Влада поняла, что аллея, по которой они сюда пришли, не была центральной. Дворец стоял по левую руку от них и, когда они двигались по дороге, его скрывала парковая растительность. Потому до самого подступа к лестнице он оставался для них невидимым.

Взгляд девушки снова обратился к необычным людям на площади. Их лица были обращены к дворцу, то есть к ней тела были повернуты левым боком. Все как один стояли ровно и безмолвно, как будто чего-то ожидая. Тревожный звук исходил именно от них. Казалось, все что-то нашептывали единым хором, но разобрать слова было невозможно. Фасоны одежд представляли собой некий микс из нарядов фильма «Пятый элемент» и эпохи Древней Греции, а может быть и Рима, ведь она не была большим знатоком истории. Платья примерно однотипных расцветок — белые и серебряные, а также сочетания этих двух оттенков. Влада поймала себя на мысли, что все присутствующие здесь были женщинами лет до тридцати, но в основной массе моложе нее. Она внимательно оглядела толпу в поисках мужчин — безрезультатно. Никто не обращал на подруг внимания, неподвижно стоя в ожидании чего-то и нашептывая песнопения. Ближайшие от них незнакомки находились метрах в пятнадцати.

Влада тихо сказала Ксюше на ухо:
— Похоже, ситуация усложняется.

— Что будем делать? — одними губами спросила та.

Влада пожала плечами. Она не знала, как действовать дальше. Вроде бы это были люди, вот и прекрасное жилище у них имелось, а значит, нашлись бы и еда, и ночлег. Но все здесь были явно чужестранцами, вряд ли понимающими по-русски. Надежды на их помощь почти не было. Теперь она сильно сомневалась, что по-прежнему находилась в две тысячи шестнадцатом. Все увиденное более смахивало на какой-нибудь... трехтысячный. Пока она обдумывала дальнейшие шаги, выбирая между вариантами «незаметно удалиться» и «остаться и посмотреть продолжение шоу», прогремел звук, похожий на удар в гигантский гонг. Женщины отмерли, встrepенулись и перестали нашептывать. Несколько пар глаз обратились на незваных гостей. Вскоре на девушек уже смотрели все собравшиеся на площади.

Стало жутко, вернее, еще более жутко.

Женщины в экстравагантных бело-серебристых одеяниях с невероятно голубыми или синими глазами взирали на них пронизательными взглядами, не выражая никаких особых эмоций: ни злости, ни удивления, ни симпатии. Неподвижные, безэмоциональные, в основном красивые лица с яркими глазами всех оттенков синего. Среди них были небесно-голубые, цвета аквамарина, темно-синие, васильковые и бог знает какие еще цветовые вариации, иногда с примесью зеленого или фиолетового. По коже Влады пробежал реальный холод. Картина явно намекала, что перед ними стояли синеглазые инопланетянки. В пользу этого говорило также и то, что на запястьях каждой мерцали неоновые браслеты, отливающие яркой неестественной синевою.

Будто сговорившись, но без видимого внешнего сигнала, женщины стали быстро стекаться с разных концов площади в направлении подруг.

«Что они делают? Нас сейчас схватят?» — судорожно прогнозировала Влада. Но ни одна не подошла к ним близко. Вскоре они образовали телами две шеренги, проход между которыми вывел бы девушек в самый центр площади, если бы они решились пройти по нему.

«Этим действием они, наверное, приглашают нас проследовать по коридору и стать участниками шоу голубоглазых амазонок из будущего?» — строила догадки шокированная девушка.

«Жертвоприношение? — следующее, что пришло ей на ум. — Они молились весь этот день на площади, чем вызвали наше появление в этом мире, чтобы далее принести в жертву какому-нибудь местному божку...»

Она попыталась найти контраргумент в мысленных баталиях с подсознанием: «До сих пор никто не выказал к нам агрессии. Нет весомых причин для паники. В любом случае, выбора-то нет. Убежать и спрятаться на веки вечные в кустах или притвориться белками — варианты никудышные...»

Глаза подруг встретились, каждая читала мысли другой без слов. Особых вариантов не было, они взяли за руки и сделали шаг в направлении коридора из тел голубоглазок.

«Интересно, о чем думает Ксения Борисовна? — размышляла Влада. — А я сейчас с том, что я здесь единственная кареглазая дама. Среди них есть подобные экземпляры? Ксюха-то вон сероглазая, ну почти такая же, как и эти. Синевы только в ее глазах маловато... Тебе подумать больше не о чем?» — прервала она себя строго.

В центре площади находился некий круг, отдаленно напоминающий цирковую арену. Он был выложен особым по фактуре камнем, цветом же ничем не отличался от царящего повсюду белого. Круг был огражден редко стоящими невысокими колоннами, на вершине

которых не было свода. Столбы создавали лишь условную границу, меж ними можно было свободно входить и выходить за пределы выложенного суперкамнем круга.

«Почему суперкамнем? — переспросила она себя. — Вероятно, это именно он! Как же иначе? Это же самый центр дворцовой площади. Все вокруг мраморное, а что может быть дороже из отделочных материалов? Даже не знаю... Наверное, этот камень в центре, больше похожий на дешевый известняк рыхлой ячеистой структурой, ну точно «супер», раз им предпочли выложить самую сердцевину. Возможно, это жертвенник или место для молитвы... а может, для казней? Или бог весть чем еще все тут занимаются!»

Проводя подруг взглядами к центру площади, женщины расступились и в произвольном порядке заняли новые места безмолвного ожидания. Многие расположились в этом центре-арене, другие — неподалеку от границ. Подруг вновь перестали замечать, будто они были приглашенными гостями на этом мероприятии, которых любезно встретили и после позволили развлекать себя самостоятельно.

«А чего, собственно, ждем, дамы?» — мысленно поторапливала собравшихся Влада.

Ксюша потянула ее за руку, отводя в сторону от центрального круга. Отойдя метров на пятнадцать, они остановились на краю толпы. Отходить еще дальше они не рискнули. Влада прикинула: «Что же будет, если вовсе уйти с площади? Погонятся за ними или отпустят восвояси? И куда мы пойдём?.. Так бежать или остаться? И что же здесь планируется дальше?»

Раздался еще один удар гигантского гонга. Вероятно, он был действительно огромным, раз мог издавать такой оглушительный звук.

«Это гигантские колонки, вещающие запись гонга», — съязвило взволнованное подсознание.

«Собственно, какая разница, мисс Марпл», — ответила она ему.

Дворцовые ворота (назвать их дверями язык не поворачивался) распахнулись, на площадь вышла процессия из нескольких десятков мужчин, облаченных в нечто, вновь напомнившее ей одеяния эпохи Древнего Рима в смешении с нарядами из «Пятого элемента». Торсы их были защищены серебристыми доспехами, а ниже красовались подобия юбок длиной чуть выше колена. Влада не могла хорошо разглядеть эти замысловатые фасоны, но то, что это были мужчины, на них надеты именно доспехи, а также юбки вместо брюк, и все они выполняют защитные функции, — в этом она была доподлинно уверена.

Меж двух колонн стражей степенно и важно прошел высокий атлетически сложенный мужчина в светло-золотом облачении. Цвет его одежд был нечто средним между золотом и серебром, таким оттенком мог бы обладать сплав этих двух металлов. К своему стыду, Влада не помнила, как он называется. Она пообещала себе, что если когда-то сможет вновь добраться до «Википедии», обязательно найдет и запомнит это название.

Мужчина в золотом остановился, отойдя от дворцовых врат на несколько десятков шагов. Все же он находился далековато, чтобы Влада смогла разглядеть его лицо. Но она отметила, что его слегка волнистые, длинные, почти до плеч, светлые волосы прекрасны и развиваются на ветру точно знамя Победы, отливая теплым ласковым золотом.

«Красивый, только не влюбись, — промелькнуло в ее голове. — О нет, только не это!» — остановила она себя. Эта опасная мысль однажды уже посещала ее в юности, тогда она с трудом пережила последствия своего болезненного увлечения. Каким коварным оказалось это безобидное на первый взгляд: «Только не влюбись»!

Золотоволосый был одет, как и все здесь, в стиле «пятого Рима» или «Древнего

элемента». (Влада решила, что нужно как-то обозначить эту диковинную моду, поменяв местами слова в этих словосочетаниях.) Однако наряд его выглядел более роскошно, чем у остальных. Доспехов он не носил. Верх костюма был сшит из разных асимметричных кусков золотистой ткани, весьма умело подобранных со сложной конструкторской смекалкой. А низ наряда отдавал реальной «древностью»: на нем было подобие юбки римлян с увесистым золотым поясом на бедрах и обувь в стиле римских сандалий, ну, пожалуй, более замысловатая. Влада заключила: «Судя по тому, откуда он вышел в сопровождении роскошной свиты в золотистом облачении, среди бело-серебристого остального народа, — пред нами ни кто иной, как местная шишка, возможно, принц или царь, король, властелин мира, а быть может, даже эльфийский лорд Элронд (если он перекрасился и сделал модную стрижку)... Точно, эльфы! Возможно, все они эльфы! — восхитилась Влада своей догадке. — Ну, успокойся уже, мисс Марпл! Притормози поток сознания», — скомандовала она себе и сосредоточилась на наблюдении.

Потенциальный эльф выдержал некоторую паузу, издали осматривая собравшихся, затем сделал шаг в их направлении и снова остановился. Женщины вокруг замерли, не сводя с него восхищенных глаз.

«Может быть, тут проходит кастинг в гарем местного эльфа-падишаха?» — родилась новая идея в ее голове.

Влада перевела взгляд на двух неподалеку стоящих молоденьких девушек и оценила форму их ушей. К своему разочарованию, не заметила в них ничего, говорящего об их эльфийском происхождении. Она безмолвно заключила: «Обычные уши, не заостренные. Хотя, как знать, вампиры тоже вовсе не боятся чеснока, судя по последним «шедеврам» кинематографа».

Эльф быстро приближался к толпе уверенной величественной походкой. Дамы расступились перед ним в немом благоговении, пропуская в центр круга из «суперкамня». Он огляделся по сторонам, стоя в центре арены. Женщины слегка приклонили головы, бросая на него взгляды, полные обожания. Подруги поторопились и успели скрыться за спинами двух девушек с «неэльфийскими» ушами, не обратив на себя его внимания.

«Да они флиртуют с ним! — поняла Влада, оценив ситуацию. — Без сомнения! Они и открытую заигрывают и пытаются привлечь его интерес».

Она посмотрела на Ксюху, желая понять, о чем та думает. Но считать с ее лица информацию не смогла — подруга выглядела отрешенной. «Наверное, она испугана и, так же как и я, ждет развязки сего представления», — пришла она к выводу, не смея открыть рта и вымолвить хоть слово.

Некоторые из дам уже оголили плечи, сделав декольте на платьях более глубокими и зовущими. Золотоволосый по-прежнему стоял в центре, беспристрастно взирая на собравшихся. Возможно, он оценивал и выбирал, какая из пяти десятков женщин первой будет удостоена его внимания. В целом его лицо было непроницаемо и холодно.

Женщины в центре круга уже успели опуститься на колени и принять позы подчинения. Владе было сложно дать наблюдаемому другое название. Некоторые позиции, наверное, можно было бы сравнить с картинками из «Камасутры» — хотя лично с этим изданием она знакома не была. Самые проворные из дам уже успели обнажить груди.

«Так, дело пахнет жареным, сомнений нет. — Влада сглотнула от понимания сложности положения. — И жарить здесь будут не на костре, а как в известных немецких фильмах. Я, что, сплю, и это мой порно-сон? Была бы счастлива, если б это было так...

Можно после пробуждения написать свои «Пятьдесят оттенков серого с эльфами из белого города», ну, и разбогатеть...»

А стоящий в центре красивый мужчина все никак не определялся с выбором, хотя картина вокруг не оставляла сомнений, что сейчас будет именно оргия.

«Может быть, он специально медлит, чтобы поднять градус их возбуждения?» — предположила Влада. Она вела свое наблюдение из-за спин двух более скромных девиц, которые парочкой расположились на галерке этого эротического шоу. «Они, наверное, подруги и впервые принимают участие в подобном празднике беспутства, стесняются... Интересно, здесь практикуют посвящения в студенты?» — пыталась она юморить сама для себя, но на деле едва сохраняла самоконтроль.

Теперь она смогла разглядеть его лицо: правильные черты, мужественный изгиб скул, красивая волевая челюсть — не слишком большая, но и не маленькая. Довольно высокий лоб, прямой нос, выразительные глаза очень яркого синеватого цвета, но точный оттенок отсюда она не могла разглядеть. А волосы имели светлый медовый тон, сияя разноцветными искрами в лучах закатного солнца.

И тут на Владу обрушилось осознание, что она находится в эпицентре предстоящей оргии и, как натуралист из своего фургона в саванне, наблюдает за дикими львами. Однако никакого фургона в реальности не было. Хищники находились совсем рядом, и наблюдение велось глупым натуралистом с расстояния вытянутой руки! Полуголые девицы всюду призывали эльфа к себе, однако не приближались, держали дистанцию. Все ее тело вновь похолодело.

«А что если... да-да, он сейчас возьмет и выберет в качестве объекта совокупления меня?! Что если...»

Она оглянулась на Ксению и не сразу нашла ее. Та присела на корточки, закрывая лицо клатчем. Вся ее поза говорила, что она старается уменьшиться до размера молекулы, только бы не быть вовлеченной в предстоящее действо. Влада присела рядом, расценив, что это самая верная стратегия, которая почему-то не пришла ей в голову. Будь проклят ее природный авантюризм! Сидеть на корточках с рюкзаком на спине оказалось неудобно, она сняла его и положила рядом.

И тут произошло это. Все, что сегодня Влада уже испытала — шок, страх, удивление, чувство безысходности, — померкло в сравнении с тем, что в данный момент предстало ее взору.

Эльф подошел к одной из лежащих на спине в зовущей позе девушек и задрал подол ее платья. Он произвел движение рукой на поясе, как бы отстегнув что-то, и из-под его римской юбки показался... нет, не показался, а возвысился... поднялся над землей, взмыл под девяносто градусов, задрал подол, невероятных размеров детородный орган. Да, это были добрых пятьдесят-шестьдесят сантиметров длины, но это же еще не все!

«Боже, мой порно-сон выходит из-под контроля! Я хочу проснуться!» — немо кричала она про себя, боясь даже пикнуть.

Эльфийский фаллос на конце имел шипы или колючки — Влада не знала, как правильно назвать эти пугающие отростки, делающие его похожим на древнерусскую булаву. Никакой традиционной головки — длинный ствол и колючки на конце, толстые шипастые колючки!

Но и это было еще не все! Он мог им двигать по типу того, как двигают рукой или ногой...

«Как хобот у слона! — осенило ее. — Да, это идеальное сравнение. В конечностях есть кости, а в этом органе они вряд ли имеются. Хобот... Эльфийский хобот. Огромный шипастый хобот! Божечки мои! Он не человек! Все они не люди, раз способны к совокуплению с этим существом».

Далее все происходило очень стремительно, хотя для Влады время, казалось, остановилось. Фаллос был очень быстр и точен, он впился в плоть лежащей на суперкамне женщины, не встретив ни малейшего сопротивления. Сам эльф немного склонился над бедняжкой, но почти не совершал никаких движений телом: хобот сам знал, что ему делать и как поступать. Несколько уверенных толчков — и он уже возвышался над ней, покачивая шипами из стороны в сторону, как кобра перед броском. Существо мужского пола подошло к следующей жертве, стоящей перед ним в позе рака. Он стремительно совершил новый победный захват: несколько толчков — и хобот снова на воле.

И тут Влада разглядела со своего места очередную шокирующую деталь. Обзор с ее галерки до этого был довольно плохим, принимая во внимание, что она сидела на корточках. Но сейчас толпа совершила некоторую перестановку, и ее взору открылась картина — у девушки между ног находилось вовсе не то, что должно было бы там находиться, будь она человеком, ну, или чем-то вроде. Она тоже имела отросток, но значительно меньшего размера, чем-то схожий по величине с достоинством среднестатистического земного мужчины. Хотя на вид этот орган отличался — не имел характерных изгибов, просто болтался в воздухе, ничего особенного собой не представляя. «Они как гиены, — подумала она. — Самки гиен тоже имеют члены!»

«Это невероятно, ужасно и отвратительно!.. — кричало сдавленным внутренним голосом все ее существо. — Инопланетные гуманоиды, устроившие групповушку на площади у стен прекрасного замка!»

Мысли Влады против ее воли не унимались: «Куда же он в таком случае вставляет свой хобот?.. Ой, фу, Влада, ну что ты за человек! Чертово любопытство! Самой противно, а хочешь все новых подробностей. Вероятно, ты уже догадываешься куда?»

Она ненадолго отвлеклась от подглядывания и ушла мыслями в себя, анализируя увиденное. Неожиданно ее толкнула в плечо бледная как моль Ксюша. Влада подняла голову и...

— *Нет, только не это!* — Сдерживать слова и эмоции больше не было никакого смысла.

В паре метров от нее, возвышаясь на добрых сто девяносто сантиметров, если не больше, стоял он — золотоволосый неземной эльф с прекрасными глазами, точеным лицом и легкой щетиной. Его глаза были воистину уникальны — цвета насыщенной морской волны с картин Айвазовского, а зрачки обрамлены яркой васильковой каймой. Несмотря на светлый оттенок волос, его ресницы и брови были намного темнее, отчего взгляд делался выразительным. Он проницательно смотрел на девушек немного исподлобья, завораживая своею харизмой. Всю эту неземную красоту портил один лишь факт — его шипастый друг возвышался из-под юбки и будто тоже заглядывал им в глаза.

Прекрасный и ужасный эльф-гуманоид смотрел то на нее, то на подругу, затем снова на нее. По продолжительности взгляда Владе несложно было понять, что выбор из них двоих он остановил именно на ней.

«Твою мать, что же делать? — судорожно гадала девушка. — Был бы он человеком, да черт бы с ним, была не была! Но хобот! Да я просто не выживу после такой экзекуции,

истеку кровью на белой площади и умру от разрыва матки, а может быть, в придачу, и селезенки, печени, почек и диафрагмы, учитывая размер и форму этого орудия».

Эльф не отводил взгляда. Тянулись секунды. На его лице впервые она отметила какое-то изменение.

«Что это, эмоция?»

Его прекрасный лик едва исказился как бы от непонимания.

«Возможно, он злится? — гадала она. — Похоже, он не привык к отказам. Надо срочно что-то делать!»

Кровь бурлила, в висках пульсировало, заглушая грохот рвущегося из груди сердца. Влада вскочила с колен и застыла в метре напротив причины потенциальной смерти. Ее сто семьдесят сантиметров роста и пятьдесят килограмм против его ста девяти и за сотню в массе казались такими ничтожными!.. Она никогда не чувствовала себя настолько близкой к небытию и вместе с тем смелой, отчаянно смелой в борьбе за место под солнцем. Ведь речь не шла сейчас только о нравственной стороне, на кону были их жизни — ее и подруги. Ее трясло от страха и злости.

— Мы не можем, простите... я и моя подруга, никак не можем принять ваше приглашение! — выпалила она ему в лицо. — Дело в том, что мы с вами разные! Разные виды. Понимаете? Мы физически не подходим друг другу — у нас иное анатомическое строение. Наши мужчины имеют более скромные размеры половых органов, и мы, земные женщины, устроены так, чтобы соответствовать им, — объясняла она, активно жестикулируя. — Ваше внимание просто убьет нас, мы не сможем вас вместить и не переживем всего этого. Мы оказались здесь совершенно случайно! Мы не хотели, нас перенес сюда портал, — сочиняла она объяснение на ходу. — Вы понимаете мой язык? Уважаемый и... прекрасный мистер...

Он смотрел на нее все с тем же каменным лицом. Женщины тем временем оцепили их в кольцо и начали отстукивать подошвами сандалий ритм.

— Что все это значит? — судорожно спросила она у Ксюши. — Они хотят убить нас?

Подруга находилась за ее спиной и почему-то молчала. Гуманоид стоял как вкопанный и испепелял Владу глазами. Отчего-то она не смела разорвать зрительный контакт и обернуться назад. Тут стоявшие поодаль стражники начали стремительно приближаться. Влада запаниковала, с трудом сдерживая крик.

«Дело дрянь, нас схватят и посадят, — поняла она. — А потом казнят через четвертование!»

— Ксень, что делать? — выкрикнула она, на этот раз обернувшись.

— Надо им доказать! — Лицо Ксении приняло героическое выражение; она подошла к Владе и встала напротив источника смертельной угрозы. Она отчаянно задрала подол цветастого платья и продемонстрировала этому миру особенности анатомии полноценной земной женщины! Влада оторопела: «Ай да Ксюха! Вот это я понимаю, предъявила аргумент! — восхитилась она мысленно. — Человечище! И она без белья... Ну, девах, дает!»

Теперь Влада ясно осознала, что необходимо далее предпринять. Она постаралась отключить все мысли, чтобы не было мучительно больно. Собрав всю волю в кулак, она демонстративно стянула из-под платья белые кружевные трусики, обронив их на камни площади. Стиснув зубы, грациозно перешагнула через них и подняла подол джинсового платья. С довольной ухмылкой она уставилась в глаза этому фантастическому существу.

«Стыд? Не в этот раз! — торжествовала она вместе со своим подсознанием. — Никакого смущения, ведь я — женщина и горжусь этим. Никогда мне не приходилось доказывать свою половую принадлежность столь грубым способом, с риском для жизни, в невероятных обстоятельствах...» — оправдывала она свой поступок перед внутренним цензором.

Глядеть на эльфа сейчас ей было приятно — впервые он показал настоящие эмоции. Если допустить, что мимика гуманоидов устроена так же, как и у людей, на его лице было четко написано удивление в крайней степени и что-то еще...

«Что это, омерзение?.. Да, ему противно! Им всем противно, — поняла она, окинув взглядом собравшихся. — Им так же тошнотворно, как было и нам с Ксюней смотреть на все это!»

Отчего-то радость от столь убедительного доказательства мигом схлынула, Владе показалось, что она урод в цирке уродов, и на нее с отвращением смотрят нормальные люди.

«А чего я ожидала?.. Что нам будут аплодировать стоя? Конечно, их реакция совершенно естественна: женщины без члена в мире, где он является нормой. Мы же страшилища! Достаточно того, что он, может быть, не убьет нас при помощи *этого*».

Эльф отмер. Он поднял руку с золотым браслетом и громко произнес фразу на незнакомом языке, чтобы слышали все присутствующие. Его голос был властным, язык совсем не похожим ни на один из тех, что Владе доводилось когда-либо слышать. Не то чтобы она хорошо разбиралась в языках, вовсе нет. Лингвистика плоховато ей давалась в школе, в отличие от точных и естественных наук. Повзрослев, она совершала сознательные попытки в разное время подтянуть английский, немецкий и даже испанский, после отпуска на Кубе. Однако сделать это хоть сколько-нибудь прилично ей не удалось. Она быстро «перегорала» и увлекалась чем-то другим.

Женщины расступились, освобождая дорогу страже. Четверо воинов приблизились вплотную. Пара из них в мгновение ока подхватили Владу под руки, а вторая — аналогично взялась за Ксюху. Двухметровые амбалы повели, а лучше сказать — потащили девушек напрямиком в направлении дворца.

— Мой рюкзак! — выкрикнула Влада, понимая, что оставленных на площади вещей она больше не увидит и вряд ли этот возглас вообще уместен.

Стражники двигались быстро, оставляя позади лобное место из суперкамня, толпу полуголых женщин-трансвеститов и ужасно-прекрасного эльфа. Влада только и успевала, что перебирать ногами. Если бы она подняла их над землей в попытке сопротивления, ничего бы не изменилось: так и продолжала бы направленное движение в руках этих здоровенных мужланов.

«Интересно, все самцы этого вида отличаются подобной анатомией? — задалась она вопросом. — Или это был альфа, который благодаря максимальным размерам выбран популяцией в качестве вожака?.. Твое любопытство тебя погубит, дурочка! И это произойдет совсем скоро, разве только не вмешается божественное провидение...»

Владе очень хотелось оглянуться и оценить ситуацию позади: «Что они там делают теперь, когда уродцы-пришельцы схвачены и выпровожены с места публичной оргии? Они продолжили веселье?» Но обернуться она так и не решилась.

«Что, если он смотрит вслед? — подумала она. — И почему меня вообще это заботит? Он не мужчина. А я приписываю ему человеческие принципы, совершенно не зная, кто он такой, что он такое, есть ли в нем хоть что-нибудь людское? Судя по увиденному только что,

с нами у него мало общего...»

На полпути к дворцовым воротам ветер раздул ей волосы, передние пряди спутались и попали в глаза и рот. Возможности это исправить не было — ее так крепко схватили на уровне плеч, что дотянуться до лица было нереально. Под действием сильных пальцев кожу уже начало саднить. Она сплюнула волосы изо рта и попыталась смахнуть их с лица резкими поворотами головы, кое-что ей удалось, пока новый порыв вновь все не испортил.

«Бли-и-ин, мои трусики! — вспомнила она. — Они остались там. Вот черт! Я оказалась в незнакомой стране, возможно даже на другой планете, среди гуманоидов, не понимающих русский язык. Без малейшего представления как быть и что делать... И без трусов!»

«Может быть, лучше подумаешь, куда тебя тащат эти гиганты? — попыталась переключиться она. — Что они с нами будут делать, оставят ли в живых?.. Накормят ли нас перед смертью?.. Подходит ли нам вообще их местная еда? Надеюсь, они не питаются гусеницами и тараканами».

Точно Влада понимала лишь то, что сопротивление бесполезно, бежать некуда, кричать бессмысленно. Как гласит один известный речевой шаблон: «Расслабьтесь и получайте удовольствие». Она мысленно спохватилась: «О нет, слово “удовольствие” ассоциируется сейчас с шипастым “другом” ужасно-прекрасного. Когда-нибудь я смогу общаться с мужчинами и не оживлять в памяти эту картину?! Надеюсь, это получится, но не очень уверена. Увижу ли я вообще снова особь *Homo sapiens* мужского рода?.. Долго ли в принципе мне осталось надеяться хоть на что-либо?.. Вот же влип!»

Минуя прекрасные ворота дворца из серебра и золота с витиеватыми кубическими инкрустациями, охранники вывели девушек в просторный светлый холл, в центре которого находилась монументальная роскошная лестница в космо-стиле, она уводила на верхние этажи. Все вокруг было сказочно красивым, но Влада не получила должного эстетического удовольствия, пребывая в неподходящем расположении духа. Стража резко свернула вправо и далее повела их по длинному коридору первого этажа.

«Сейчас нас посадят в камеру», — высказало свое мнение пессимистично настроенное подсознание. Но царящая вокруг атмосфера шла в противоречие с этой мрачной мыслью, и Влада все-таки надеялась на какую-то более оптимистичную развязку. Но не могли же их казнить лишь за то, что они отличаются от всех? Ведь она не сделала ничего противозаконного; хотя, как знать, неизвестно, каковы порядки этой страны...

Стены белого коридора были отделаны неизвестным материалом, напомнившим ей или новомодный пластик, или, быть может, непрозрачное глянцевое стекло. Если бы у нее была возможность прикоснуться к поверхности, наверное, она точнее определила бы, из чего та сделана. Длинная вереница огромных окон проливала приглушенный вечерний свет. Влада подумала, что днем здесь невероятно светло и легко, точно в картинной галерее. Пространство вообще очень походило на музей: абстрактные конструкции располагались то там, то тут. Она гадала, просто ли это декор или скульптуры выполняли особую функцию? Например, в них могли быть встроены сигнализация или камеры видеонаблюдения, или, быть может, внутри находились шкафы для хранения ведер и швабр...

Временами на пути встречались закрытые белые двери, и подглядеть, какие же тайны скрываются за ними, не было возможности. Путь в неизвестность был долгим. В конце самого длинного в ее жизни коридора охрана свернула налево, и вновь арестантки продолжили путь. Дизайн пространства за поворотом никак не изменился — взгляду уже наскучило. Позади Влада слышала лишь шаги других стражников и цокот каблучков подруги.

Она попыталась обернуться, но правый охранник сделать этого не позволил, предупредив разворот головы огромной ладонью. Тогда, преодолевая страх, она громко спросила:

— Ксюша, с тобой все в порядке?

Та ничего не ответила.

«Может, они закрыли ей рот?»

Не успела она предпринять новую попытку разговора, как секьюрити остановились возле одной из бесчисленных дверей. Тот, что был слева, принялся вводить код на датчике у входа. Девушка попыталась запомнить комбинацию клавиш с неизвестными символами, но он действовал так стремительно, что она сбилась со счета примерно на седьмой кнопке. Ксюху же провели дальше по коридору. Влада успела посмотреть вслед: подруга шла сама, была в сознании и не сопротивлялась в стальных руках ведущих ее двухметровых качков.

Дверь помещения распахнулась, и Владу ввели внутрь, резко ослабив железную хватку. Тут же стражники вышли вон, и дверь за ее спиной со щелчком захлопнулась.

4

Белая камера

Оставшись одна, Влада погладила руки в местах, саднящих от нелюбезного способа конвоирования и, наконец, смогла убрать надоевшие волосы с лица. Она хотела машинально проверить, заперта ли дверь, но остановилась.

«Какой в этом смысл? — поняла она. — Конечно же, заперта, не может быть иначе. Я узница в клетке. Да и куда бежать, если бы и была такая возможность? Очень хочется пить и есть, а также снять туфли, упасть где-нибудь в уголке и уснуть часов на двенадцать. Спасибо, что я жива, а не лежу бездыханная посреди площади, обескровленная множественными разрывами брюшной полости. Там остались только мои трусы...»

Она окинула глазами камеру, в которой находилась.

«А здесь не так уж и дурно. Мягко говоря...»

Хай-тек. В большой просторной комнате царствовали хай-тек (или стиль, очень на него похожий), а также всепоглощающий белый цвет. У одного из двух окон находилась удобная полутораспальная кровать. «Эта камера предназначена для одиночного содержания», — заключила девушка. В центре помещения стоял мягкий белый диван, чуть поодаль — стол и различные приспособления для сидения: несколько пуфиков, кресло, стул или типа того. А может быть, это была тумбочка? Не у каждого предмета в этой комнате она запросто могла определить его функциональное назначение. Однако было ясно, что это комната-спальня, уютно обставленная по моде здешних мест. Это была вовсе не камера, как она подумала изначально.

Влада обратила внимание на две глянцево блестящие белые внутренние двери. Она подошла к первой и распахнула. В небольшом для комнаты помещении, но очень просторном для шкафа, располагалось нечто вроде гардеробной. Она была пуста и стерильна, но в целом внешний вид не отличался от современных аналогов — полки, плечики на перекладинах, пустые белые коробки. Дома Влада пользовалась шкафом-купе, так как лишаться большой площади в угоду шмоткам была не готова. Однако в «Школе ремонта» не раз видела подобное оснащение.

«Они тут все фанаты белого? — сформулировала она давно назревший вопрос или, скорее, вывод. — Другие цвета существуют в этом мире? Что же они подумали, когда увидели наряд Ксюни? — Влада нервно рассмеялась. — Где она сейчас? Так же ли неплохо ее устроили в «камере»? И почему нас разделили?.. Боятся сговора и попытки бегства, что

же еще!»

Влада подошла ко второй внутренней двери, ведущей, по ее прогнозам, в ванную комнату, и открыла ее.

«Та-а-ак, ну, тут мне все ясно — душевая кабина, подобие унитаза, а это что?.. Писсуар? — спросила она у себя. — Хм, предположу, что этот предмет пользуется популярностью у ста процентов местного человекоподобного населения». Влада плохо разбиралась в устройстве этого вида сантехники, ведь в мужских туалетах ей как-то бывать не приходилось. И в «Википедии» эта тема ее раньше совсем не интересовала, с чего бы вдруг?

Она вернулась в комнату, больше похожую на дорогой гостиничный номер. В подобных ей бывать пока еще не приходилось, но она видела нечто похожее по ТВ. На сей раз ее взгляд упал на высокие окна в пол — снаружи они были укреплены фигурными решетками.

«Вот и доказательство! — подумала она. — Все же это камера! Люкс-камера для vip-заключенных. Соппротивление бесполезно».

Влада решила воспользоваться тем, что ей любезно предоставили — душем и кроватью. Еще она очень хотела пить и есть, но, как говорит Ксюха, «не три добра на ложку»! В оригинальной версии народного творчества вроде бы звучит «два добра», но приятельница всегда говорила «три» — мудрость опытной самки, знаете ли.

Она вошла в туалетную комнату, сбросила с усталых ног туфли, расстегнула ряд пуговиц по всей длине переда платья и осталась совершенно голой. Трусики были безвозвратно утеряны, а бюстгальтер она предпочитала вовсе не носить в теплые летние дни. Ее грудь была не такой уж большой и эта вольность в белье (или в его отсутствии) девушке была вполне позволительна. Все же ее грудь не была маленькой, чтобы хозяйка считалась бесформенной и не имела причин гордиться ее наличием, — двойка с половиной, если быть точной в определении.

Обнаженная девушка оценивающе посмотрела на себя в зеркало на белой стене ванной. Ее темно-русые волосы с легким оттенком каштана были растрепаны. Стрижка каре, которую она себе позволила год назад, наконец отважившись расстаться с длинными прямыми волосами, очень шла ее классическому овалу лица, даже несмотря на полнейший волосяной кавардак. Макияж же почти не испортился, что казалось удивительным с учетом произошедших событий. «Хорошо, что я не экономлю на косметике», — похвалила она себя.

Фигура ее была прекрасна: тонкий стан, узкая талия, плоский живот, длинная шея, красивые гибкие руки и близкие к идеальным по форме ноги. Да, ими она гордилась, хотя те и не «росли от ушей», так уж получилось, что их длина была среднестатистической. Но по форме они удались очень неплохо: узкие щиколотки, очерченные икры, не тонкие и не толстые бедра, такие как нужно, в самый раз. Больше ног в своей фигуре Влада любила только попу. В детстве она была очень худенькой девочкой и до четырнадцати считала себя «страшно тощей». Впрочем, так оно и было — кожа да кости, ноги-палочки. Но вот ее попа всегда была округлой даже в те лишенные изысков в питании годы. В возрасте пятнадцати лет благодаря скачку гормонального фона на ее тонких косточках выросли объемы в нужных местах. Она осталась очень изящной, но приобрела округлости в бедрах и груди, после чего резко сделалась объектом повышенного мужского внимания. До этого момента ее не сильно замечали мальчики — симпатичная мордашка при излишне тонких конечностях их отчего-то не вдохновляла.

Эта завидная фигура Владе досталась просто так — подарок небес! Она ровным счетом

ничего не делала, чтобы сохранять тело в этом состоянии: ела что хотела, не занималась спортом. Физкультура вообще была самым нелюбимым предметом в школе. Также она знала и о своих недостатках, но предпочитала списывать на необходимый каждому изъян, дабы не казаться идеальной куклой. Ее осанка всегда была безупречной — плечи были несколько сутулы. Не настолько, чтобы сильно испортить общую картину, но все же этот недочет мог рассмотреть каждый, когда она забывала о необходимости держать спину прямо. Проблема эта образовалась довольно рано в детстве — ее позвоночник несколько изогнулся в отсутствие развитой мускулатуры, способной противостоять этому. Несмотря на попытки родителей как-то исправить ситуацию лечебной физкультурой, они не увенчались успехом. Сама Влада почти не расстраивалась по этому поводу, приняв однажды идею, что это ее персональная «анти-изюминка», и поделаться с этим ничего уже не получится. Она, тем не менее, всегда говорила «спасибо» за фигуру родителям, которые вместо нее всю свою молодость в советские годы занимались спортом. Их гены ей и достались — красивых ног, круглой пятой точки, а также смазливой лица и пытливого ума. Сожалела она лишь о том, что любовь к физической культуре от «предков» ей отчего-то совсем не передалась.

Отражение лица в зеркале выглядело усталым, но румянец горел на щеках, что было весьма странно для ее организма. Практически ничто, кроме мороза и алкоголя, не могло заставить ее покраснеть. «Наверное, мне настолько стыдно от всего увиденного и проделанного, что мое подсознание стыдится за меня», — таков был ее вердикт.

Войдя в сложно устроенную душевую кабину, она попыталась включить воду, но не тут-то было! Кнопок, похожих на выключатель, здесь совсем не наблюдалось. «Блин, надеюсь, тут не голосовое управление?» — тревожно подумала она и попыталась произнести вслух разные слова:

— Вода! Лейся! Пошла! Вперед! Гоу! Шнеллер-шнеллер!.. Вот черт!

Девушка прислонила ладони к стене душевой кабины, нащупывая возможное наличие невидимых кнопок, — безрезультатно.

— Ну как же это работает?! — с досадой воскликнула она и как-то случайно хлопнула в ладоши. Из крана полилась струя воды прекрасной температуры, наверное, такой, в какой купают младенцев.

Вода смывала все: стресс, усталость, кошмар от увиденного, ужас неизвестности, глаза цвета морской волны с васильковой каймой, смотрящие на нее из глубин подсознания... А также фаллос с колючками, величина и рельеф которого могли бы отбить любые сексуальные желания подавляющего большинства женщин на десяток-другой лет.

Влада обожала душ — настоящее счастье, что в этой реальности человекоподобные существа пользуются этим благом цивилизации! Она всегда принимала душ долго. Под каплями воды ее сознание обычно отключалось, девушка забывалась, уходила от мира в себя и стояла так не менее получаса, нередко и часа. Под напором воды она принимала важные решения, лечила нервы в дни, когда те были чрезмерно расшатаны. В душе она фантазировала на волнующие темы, примеряла на себя разные жизненные роли, разыгрывая мысленно пикантные ситуации. По гороскопу она была Водолеем. Конечно, у них нет особой связи с водой, ведь это знак воздушной стихии. Но лексическое созвучие определенно прослеживалось — водолей, так же как и душ, проливает воду. В этом чувствовалась некая логика, и Владе нравилась идея, что ей так приятна бегущая вода отчасти потому, что она Водолей.

Раскрыв рот, она принялась жадно глотать льющуюся сверху воду. Жажда давно начала

мучать ее, вскоре после того, как съела сахарную вату. Подруги не успели ничем запить ее сладость в зоопарке, а в новом мире пунктов продажи напитков на пути им, к сожалению, не встретилось. «Вода! Живительная вода! Надеюсь, из крана она бежит удовлетворительного качества, и завтра я не пропишусь в этой комнате?»

Под душем Влада простояла относительно недолго — минут пятнадцать-двадцать. Ныли ноги, усталость клонила в сон. Она вылезла из кабины и заметила, что на полке лежало аккуратно сложенное белое полотенце. Гостья высушила им голову и обмоталась на манер греческой богини. Прошлепав босыми влажными ногами до кровати, устланной белоснежным бельем, бухнулась на нее, нехотя залезла под одеяло, сбросив полотенце на нечто, напоминающее прикроватную тумбочку. «Какое блаженство! Мягкая, чистая, прохладная кровать после такого фантазмагорического дня», — думала она, прислушивалась к ощущениям ноющего тела.

Краем глаза Влада заметила, что в отдалении, на прозрачном столике с диковинной ножкой стоял поднос, очень похожий на серебряный, полный еды! Забыв о сне, она стремглав кинулась к нему, не обращая внимания на наготу. Застыв у стола, ей пришла мысль, что возможно в данный момент за ней наблюдают из какого-нибудь устройства слежения «за голыми девушками-гуманоидами».

— Черт! — выругалась она вслух.

От этого осознания стало как-то не по себе. Дело было даже не в стыде... Некоторое смущение — возможно, но не более. Владу озадачила мысль, что она была бы, скорее, не против, если б за ней наблюдал сейчас тот золотовласый полубог. Никакой уверенности в этом, конечно, не было, но на всякий случай она расправила плечи и грациозно уселась в кресло, не возвратившись к прикроватной тумбочке за полотенцем.

Поднос был уставлен разнообразными кушаньями. О, великий Бог, это была человеческая еда! Сок в графине (на вид похожий на свежесжатый апельсиновый), кисть винограда и яблоки в вазе, ломтики некоего хлебобулочного изделия сероватого цвета. Рядом на тарелке благоухало мясо, нарезанное тончайшими пластами, вероятно, сыровяленое, а чуть поодаль на блюдечке — сыр с дырочками, похожий на Маасдам. В центре стола под большой металлической крышкой-колпаком определенно скрывалось горячее блюдо. Слюнки потекли рефлекторно.

— Ну что ж, спасибо за гостеприимство, — произнесла Влада вслух и осмотрела стены комнаты в поисках возможного прибора слежения.

«У тебя паранойя, девочка», — отметило подсознание.

«Но в этом мире из будущего в комнате с решетками на окнах и сложной системой блокировки дверей не может быть иначе, — доказывала она ему. — Вопрос в том, следит ли за мной в данный момент оператор в прямом эфире, или они позже просмотрят все в видеозаписи... Черт, черт, черт!»

Отбросив мысли, она приподняла металлический колпак и с удовольствием обнаружила, что под ним находилась благоухающая горячая нога большой и вкусной, по всей видимости, птицы. Судя по размеру, это была индейка или другая птица сопоставимой с ней величины. Рядом лежал гарнир — белый рис с черными длинными зёрнами, приготовленный с какими-то приправами. Устоять от вида и запаха было невозможно! Она быстро наложила рис себе в тарелку, отрезала столовым ножом немаленький кусок мяса и принялась пробовать изыски местной «кухни народов мира». На некоторое время она позабыла об этикете, уминая горячее за обе щеки. Как только желудок немного успокоился и

замолчал, она припомнила, что ей следовало бы держать марку и соблюдать правила этикета. Она снизила темпы насыщения.

Еда, надо признать, была великолепной — изумительная прожарка мяса, сдобренного какими-то незнакомыми терпкими приправами. Рис также был выше всяких похвал — отменно приготовленный, оттеняющий вкус насыщенного мяса, — простая и полезная пища. Влада сделала вывод, что разницы с земной кухней в этом блюде не чувствовалось. Да, это было очень вкусно, и она так никогда не смогла бы приготовить, но в каком-нибудь хорошем ресторане запросто могли бы подать нечто схожее. В памяти промелькнули воспоминания об их с Сашкой поездке в Тай. Это было сказочное место и прекрасное время, полное любви и нежности. В большинстве ресторанчиков приходилось говорить официанту: «Ноу спайси», чтобы повар не переусердствовал со специями. Даже несмотря на эти предупреждения, еда всегда была острой. И только к концу отдыха они поняли фишку: сами тайцы едят обычный вареный рис без приправ, вместе с острым дополнением — курицей, рыбой, морепродуктами и чем угодно еще, горящим от перца и других невероятных местных приностей. Рис у них выполнял функцию эдакого огнетушителя.

«Надеюсь, меня не собираются отравить, — вслед за приятными воспоминаниями в голову влетела новая шальная мысль. — Не думаю, расправиться со мной можно было бы куда проще».

Влада налила сок в стеклянный стакан и сделала глоток. «Точно, апельсиновый!» — подтвердила она. Попробовав понемногу всего, что было преподнесено, она пришла к выводу, что кормят здесь неплохо и подобное заключение в белой комнате не так и ужасно, каким могло бы быть. И что очень радостно — вероятно, она по-прежнему находилась на Земле. Будь это другой планетой, продукты питания наверняка бы отличались вкусовыми качествами. Идея, что в разных точках Вселенной могли самостоятельно зародиться апельсины, казалась ей чересчур невероятной. Девушку осенило: «Карта! Мне нужно увидеть карту или глобус этого мира! Если это Земля, я непременно узнаю ее. Осталось только придумать, где и как ее раздобыть».

Съев чуть больше, чем предпочла бы в обычной жизни (как знать, а вдруг здесь обеды не по расписанию?), Влада вышла из-за стола, расправила плечи, втянула живот (он у нее всегда начинал выпячиваться после сытного обеда, что в голом виде было довольно заметно) и подошла к кровати. Она присела на краю, откинула одеяло и в красивой киношной позе, так, как сделала бы это перед любовником, разместилась на спальном месте, грациозно подняв ноги с пола. Далее она прикрылась одеялом до ушей так, как любила накрываться всегда.

За окном окончательно стемнело — стояла крошечная тьма.

«Странно, что они не обустроили подсветку прилегающей территории. Электричество, что ли, экономят? — мелькнула версия у девушки. — Или узникам белой комнаты не положено ночное освещение, чтобы не способствовать побегу?.. Да это и не важно, в этой истории есть куда более интригующие секреты!»

И как бы ей ни хотелось сейчас поиграть в мисс Марпл и обдумать все, что она сегодня видела и в чем принимала участие, Морфей в считанные минуты увлек ее в мир удивительных грез.

5

Гномы-невидимки

Влада подумала, что проснулась. Она лежала на кушетке в незнакомой темной комнате.

Возле нее на приставном табурете, склонив голову, сидел светловолосый мужчина. Царил полумрак, но слабое сияние его кожи освещало пространство. Длинные пряди его волос свисали, скрывая лицо. Девушка заподозрила в этой фигуре ужасно-прекрасного эльфа с площади, но сомневалась. Он держал ее руку своей левой, а правой водил по коже ее плеча, затем предплечья, выжигая прикосновением замысловатые узоры. Влада поняла, что он делает ей татуировки одним касанием. Кожу жгло, но не так сильно, как могло бы, — скорее, напоминало покалывание. Она не знала, почему он делает это и как она здесь оказалась.

Вдруг ее осенило — это же она сама пришла сюда и легла на кушетку возле него! Она спросила:

— Что ты делаешь?

— Я делаю тебе татуировки, Влада, — сказал незнакомец очень нежно, с придыханием.

— Зачем они мне?

— Так надо.

Он продолжил работу без объяснений. Она подняла другую руку, лежащую вдоль туловища на кушетке — та полностью была испещрена витиеватыми узорами растительного орнамента шоколадного цвета, иногда с примесью бордового и фиолетового, если она правильно различала оттенки в тусклом свете.

«Значит, он принялся уже за вторую руку, — поняла девушка. — Почему я не проснулась раньше?»

Но она не смела сопротивляться, соглашаясь с важностью нанесения рисунков на все ее тело. Покалывание в руке усилилось.

— Мне больно! — не выдержала она.

— Потерпи, — он поднес ее руку к губам и легонечко подул. Небрежным взмахом головы убрал свисающие на глаза волосы, и она узнала его. Это действительно был он, но внешность изменилась: лоб и скулы были испещрены подобными узорами, но более угловатых очертаний. Влада испугалась, что и на ее лицо будут нанесены рисунки, если он уже их не сделал, пока она спала. Но она не могла видеть себя со стороны и узнать наверняка.

— А-а-а-а, — простонала она в очередном приступе ноющей боли.

Молодой человек ничего не ответил, но принялся тихо вторить ее возгласам с явной эротической интонацией. Он чувственно вздыхал и сладко постанывал, продолжая движения рисующей кистью. Кажется, он уже заканчивал работу на коже руки — для росписи там почти не осталось свободного места.

Его стоны сделались невероятно возбуждающими, Владе казалось, что такие звуки сладострастия могли бы издавать только ангелы, если б им было позволено любить плотской любовью. Красавец рисовал на ее теле и при этом сам получал чувственное наслаждение, его стенания явственно говорили об этом. Не мог же он просто имитировать все, чтобы отвлечь ее от боли? Или мог?

Жжение действительно приглушилось, Влада почти не обращала на это внимания. Она слушала и наслаждалась откровенными и смелыми придыханиями этого полуангела, наблюдая за его работой. Как же красиво он рисовал, как ей бы хотелось отдаться ему прямо здесь и сейчас, на этой кушетке! И чтобы время остановилось и никогда более не возобновляло свой бег, лишь бы музыка его чувственных звуков продолжалась и продолжалась...

Он завершил работу на руке и обратил взор к ее ногам. Влада только сейчас поняла, что лежит перед ним полуголая. Она захотела поднять голову и посмотреть на себя, но больше не способна была пошевелиться.

— Прошу, только не бедра! Я не вынесу боли. У меня очень чувствительные бедра!

— Хорошо, я начну с голеней.

Он передвинул табуретку к ногам и пересел. Обхватил левой рукой ее правую щиколотку и приложил рисующую руку. Кожа под нею зажглась. Он приоткрыл губы и вновь дал волю сладостным стенаниям. Его пальцы выводили черно-бордовый фантазийный цветок с внешней стороны голени. Влада закрыла глаза и расслабилась, вслушиваясь в музыку его дыхания. Постепенно звуки уходили на второй план, полумрак неспешно рассеивался... и она вернулась в реальность.

***

Влада проснулась посреди ночи. За окном уже начало светать, но в комнате было довольно темно.

«Так это был сон! Наяву ничего не было, — поняла она, осмотрев руки и убедившись в отсутствии татуировок. — Какой сладкий и одновременно страшный сон, эта боль и эти звуки... Что все это может означать? Рисунки, желание, стоны... Бр-р... Но вот то, что происходило вчера, — это было наяву. Я заперта в белой комнате».

Она окинула взглядом пространство в поисках подобия часов — у нее была привычка часто смотреть на электронный будильник дома в спальне, — однако ничего подобного здесь не нашла.

«Сколько же я проспала? Уснула я примерно в одиннадцать, а сейчас, наверное, часов пять утра в грубом приближении».

Шести часов сна ей всегда было недостаточно, но чувствовала она себя сейчас на удивление хорошо, не считая сильного желания посетить уборную. Она резко поднялась с кровати и побежала по малой нужде, откладывая любые другие мысли. В ванной свет включился автоматически.

«А как же выключился свет в комнате? Я уснула при свете, а сейчас там темно...»

Выйдя из ванной, она вернулась в постель и ударила два раза в ладоши — освещение включилось.

«Вот как все здесь работает — хлопок, и вуаля!»

Влада решила пока все же выключить свет и, так как заняться было все равно нечем, дала волю размышлениям.

«Итак, где мы? — задумалась девушка. — Так ли важен ответ на этот вопрос? Лучше я сформулирую иначе — как мне вернуться обратно? Ответ: черт знает, где мы и как мне отсюда выбраться! С большей долей вероятности мы все же на Земле, так как тут не наблюдается существенных различий в растительности и гравитации».

Влада перевернулась со спины на бок и устремила взор в окно.

«Кто тогда все эти люди, и люди ли они? Среди населяющих Землю рас не известно ни одной с подобным строением половой системы. Кстати... Я как-то не подумала раньше: а как же в них помещается ствол таких невероятных размеров? Ох... У них что там, трубка от промежности до пищевода?» — представила она и сморщилась.

«Фу... “вставил по самые гланды” — это про них... Владка, не пошли, а! Ну как же тут не пуститься в пошлые сравнения, когда такое происходит!» — возмутилась она и мотнула головой из стороны в сторону в попытке отделаться от навязчивых мыслей.

«Да, здешний народ больше смахивает на пришельцев, — заключила она. — А что если это инопланетная раса на Земле? Они прилетели сюда и каким-то образом смогли скрыть пребывание, навели чары невидимости, к примеру. А сами живут тут в царских хоромах, трахаются на свежем воздухе и кушают наших индюшек. Теория вполне себе стройная, почему нет? И нас с Ксюхой они, возможно, похитили как типичные пришельцы, обставив так, будто все произошло случайно. Вполне зачетная теория».

Влада неожиданно припомнила: «Ой, а почему вчера мне доверили нож? Как же я сразу не додумалась! Нож, пусть и столовый — это опасное оружие».

Подсознание шепнуло: «Да-да, в умелых руках Рембо».

«Ну, а все-таки! Доверяют мне? С чего бы это?..»

Она приподняла голову и бросила взгляд на стол, за которым ужинала вчера голышом. Посуды и еды на нем не было, но лежала небольшая коробочка.

Влада встала с кровати, стараясь быстро прикрыться полотенцем (отчего-то ей стало стыдно от воспоминаний вчерашнего эксгибиционистского вечера), и подошла к столу. В центре лежала бледно-голубая коробочка — милая подарочная упаковка из добротного картона без бантов и украшений. Открыв ее, она обнаружила свои белые кружевные трусики, аккуратно сложенные.

— О-о-ох, — вырвалось у нее из груди. — Ты посмотри, вы вернулись!

«И что с вами делали во время отсутствия?» — подумала она и принялась.

«Судя по виду и запаху, они свежие. Кто-то стирал их? Мои трусы стирали незнакомые люди?.. Ну, а если бы они этого не сделали?.. Те же валялись на дворцовой площади, бог весть в чем измазанной, кстати!» — сообразила она и снова скривилась.

«И как, скажи на милость, они должны были их возвращать? — усмехнулась она. — Не постиранными? Проще было выбросить! Раз решили вернуть — постирали, что тут такого? Ты сама в этой ситуации скорей всего так бы и сделала. Отдают же вещи в прачечную и в химчистку. Не знаю, сдает ли кто-нибудь туда трусы, сомневаюсь... Но, а почему бы и нет, в конце концов?» Тут же из подсознания вклинился пошлый стишок из детского дворового фольклора: «В конце концов, среди концов найдешь конец ты наконец».

Влада отмахнулась: «Я до окончания своих дней, наверное, не смогу отделаться от этих мыслей, все пошлые стишки и прибаутки враз обрели лицо!»

— Ну что ж, спасибо за... подарок, — произнесла она вслух. Ощущение, что за ней следят, никак не оставляло ее.

Влада решила снова пойти в ванную и принять утренний душ. Влада решила снова пойти в ванную и принять утренний душ. Она взяла трусы и джинсовое платье, так как расхаживать по комнате голой, выйдя из душа, более не намеревалась. В ванной она отметила, что ночью здесь, как и в комнате, кто-то похозяйничал: на полочках были аккуратно расставлены банные средства в разных емкостях. Среди них она нашла зубную пасту в круглой баночке, как от порошка, и зубную щетку, вполне себе человечью. Тут же она поспешила воспользоваться ими.

Под струями воды она расслабилась и отпустила мысли в направлении, в каком втайне желала, но запрещала себе, опасаясь возможных последствий: «Кто он, этот ужасно-прекрасный белокурый самец? Принц?..»

«Да, принц на белом коне, не меньше!» — съязвило подсознание.

«И почему у них такой омерзительный способ совокупления? Я не беру в расчет даже их анатомию, это не важно, если все подходит друг другу. Но отчего настолько варварский

метод заниматься этим: толпой, на всеобщем обозрении?.. — недоумевала она. — Никаких ласк, прелюдий — “сунул-вынул”, честное слово».

Влада глубоко вдохнула, затаила дыхание, зажмурилась и с головой встала под струю. Она прислушалась к пульсу в висках, учащенному от нехватки кислорода. Когда стало невмоготу терпеть, она шумно выдохнула и сделала пару глубоких вдохов. После поняла, что приемчик не сработал — тревожное состояние никуда не делось.

«И откуда у меня в груди эта знакомая нотка? Эта начальная тоска, симптомы зарождающегося чувства... Он не человек! Он принадлежит к другому биологическому виду. Это абсолютно невозможно, ведь мы как два неподходящих паззла из наборов разных производителей. Ведь не может человек увлечься собакой, овцой или лошадью?! К другому виду могут быть иные чувства — привязанность, желание опекать, но никак не то, что зреет сейчас у меня внутри».

Владе захотелось сделать воду максимально холодной на грани терпимости, чтобы «вымыть» всю дурь из головы. Но она вспомнила, что этот «волшебный» кран не запрограммирован ни на что, кроме комфортной температуры. Ну, или она просто не умела им пользоваться.

— Да будь он даже обычным мужиком, что с того?! — простонала она.

«Он трахал на площади пять десятков женщин, ну, или собирался сделать это. Как тебе мог понравиться такой индивид? — Она покачала головой. — И что я вчера вытворяла? Ходила голышом и представляла, будто он наблюдает за мной! Меня что, бес попутал? Или у местной воды галлюциногенный эффект? Не похоже на тебя это, девочка».

— Он не человек! — громко сказала она вслух.

«Влюбиться в инопланетянина? Нет!.. Хотя, аватару это не помешало. В фильмах про космос тоже бывают парочки из разных инопланетных рас. Не-е-ет!..» Она закрыла лицо ладонями, а потом с громким выдохом опустила руки и голову.

«Впрочем, я рано бью тревогу, ни о какой влюбленности пока речи не идет. Я просто заинтригована, ведь всегда любила неординарное, такая уж у меня натура. Да еще и это их (его и органа) эффектное появление! Такое долго не забудешь...»

Влада обратила внимание на маленькую синюю точку на коже в области правого локтевого сустава. «Постой-ка, а что это тут? — удивилась она. — У меня брали кровь, когда спала? Или чего-то вкололи — наркоту, витаминки? Здрасьте, приехали! Вот почему я чудила вчера... А, нет. Срам я вытворяла до того, как уснула».

Влада вылезла из кабины и, мокрая, уставилась на себя в зеркало, вглядываясь в лицо крупным планом. «Они хотят использовать нас как подопытных крыс... Ведь инопланетяне, по слухам, именно это и делают с людьми». Она призадумалась:

— Влада, стоп.

«Если б над нами хотели проводить опыты, я сидела бы сейчас не в vip-номере, а в больничной палате или даже клетке. И уж наверняка была бы в курсе происходящего... — согласилась она с аргументом. — И не смотри на себя так близко, эти гусиные лапки отвратительны!»

Ее мокрое тело ощутило приятную прохладу, она немного замерзла, но именно это ей и было сейчас нужно. Она сняла с крючка полотенце и вытерлась.

«Пожалуй, пора надеть трусы, платье и ждать второй серии фильма. Сегодня новый день и новые возможности».

Одевшись, она вышла из ванной. За окном совсем рассвело. В комнате вновь произошли

изменения: кровать была аккуратно застелена, на ней лежало белое платье. Рядом на полу находились ее хипстерский рюкзачок и римские сандалии, такие, как здесь принято носить.

«Что за привычка приходить тайком? — подумала она раздраженно. — Кто это тут для меня старается — кормит, убирает, наряжает? Гномы-невидимки? Они желают меня переодеть? Неужели мой наряд кажется таким же ужасным, как и моя анатомия?..»

Она подошла к кровати, расстегнула рюкзак и высыпала содержимое на одеяло. Все вещи были в неизменном состоянии, ничего не пропало и не прибавилось. Сети в телефоне по-прежнему не было, и батарея скоро должна была сесть. Шансы на звонок Сашке растаяли окончательно. Она быстро собрала имущество обратно в рюкзак и сунула его под кровать.

«Держу пари, здесь всем заправляет он и без его желания подобные подношения не были бы совершены. Пожалуй, гномы-невидимки не так уж и плохи».

Она взяла необычное платье в руки. Его белая ткань с серебряными нитями, тонким ажуром обрамлявшими вырез декольте и проймы рукавов, словно таяла в руках. Оно было невесомым и приятным на ощупь. Влада предположила, что это натуральный шелк очень высокого класса выделки — милейшее длинное платье в стиле греческой богини.

«Возможно, он Тор, а я его будущая девчонка, появившаяся в Асгарде случайно?» — в шутку предположила она. Влада любила фильм о Торе. Кино, конечно, глуповатое, но актер был в ее вкусе, кстати, одного типажа с новым, вселяющим трепет, знакомым.

Идея его эльфийского происхождения все же ей нравилась больше. Тысячи людей продали бы, если не душу дьяволу, то хотя бы квартиру, чтобы повстречаться с настоящим сказочным эльфом. Одни лишь фанаты Толкиена выстроились бы в очередь от Москвы до Урала, а если взять в расчет всю армию поклонников фэнтези, процессия бы растянулась, наверное, до Луны.

Влада положила новое платье обратно на кровать и присела рядом на краю, снова погрузившись в раздумья.

«Форму его ушей я не рассмотрела, мое внимание привлекали другие, более опасные для моей жизни части. Так вот, как раз об этом... Про размер и форму детородных органов эльфов в фольклоре не упоминается, насколько мне известно. А почему бы, собственно, и нет? Как знать, чем могут удивить настоящие эльфы?.. Может, отличие от нас вовсе не в ушах? Рассказывать сказки о *таком* детям взрослые не могли, вот и насочиняли про уши...»

— Ты что, Влада, правда в эльфов веришь? — спросила она себя вслух.

«Ну, не верила до вчерашнего дня. А теперь я хоть в драконов, хоть в бабайку поверю!»

Она откинулась на кровать и уставилась в глянцевый потолок.

«Все они здесь красивые — синеглазые полулюди-полубоги, — со щемящим сердцем заключила она. — Стоп! Он не че-ло-век! Перестань фантазировать, в твоём случае не может быть “сказочной сказки со счастливым сказочным концом” (о нет, опять это слово!). И вообще, ты почти замужем!»

Она поднялась с кровати и подошла к окну, вглядываясь в зеленые заросли кустарников.

«Мама и Сашка места себе не находят со вчерашнего вечера. Бедные, нет ничего хуже, чем пропавший без вести близкий человек. Как же им сообщить, что я жива?.. Не вижу выхода. Даже как выбраться из комнаты, не знаю».

Она утерла слезинку, стараясь больше не думать о действительно сложном, и вернулась к кровати. Белое платье по-прежнему лежало там, намекая на необходимость примерки.

«Что ж, мистер Тор, эльф, или кем ты являешься, если я правильно расценила намек, ты снова хотел понаблюдать, как я остаюсь без одежды... Но готова ли я к таким играм? Мне

нельзя, я не свободна».

«Но ведь хочется же», — встрял внутренний голос.

«О'кей, спорить не буду. Но, тем не менее, воздержусь от опрометчивых поступков. Ну и где же здесь не подглядывают? В туалете или гардеробной? Если уж за мной следят, каковы гарантии, что камеры не установлены повсюду?..»

— И все-таки у тебя паранойя!

«Что ж, мистер любитель группового секса, — подумала она. — Я не знаю, чем ты смог меня зацепить, ведь ты даже не человек! Пожалуй, не буду лишать тебя радости созерцать мое прекрасное тело повторно, ведь даже в ванной я не могу быть уверена в полной конфиденциальности. В конце концов (черт!), ты выбрал меня в первой пятерке среди десятков подобных тебе гуманоидов, а следовательно, оценил по достоинству мои прелести, хоть они и показались впоследствии тебе неприятными. Глазей, если тебе так хочется...»

Она расстегнула джинсовое платье и сняла его, оставшись в трусиках. Грациозно надела белое и подошла к зеркалу, висевшему в дальнем конце комнаты.

«Идеальная посадка по фигуре, как выгодно оно приподнимает грудь, — оценила отражение Влада. — В чем его секрет? Никаких чашечек и корсетных элементов здесь не наблюдается. У них хорошие портные, надо признать».

Она вернулась к кровати и примерила сандалии. «Сидят как влитые. Кто-то измерил размер моей ноги, пока я спала? Ничему уже не удивлюсь! Такие удобные босоножки, можно весь день пробегать в них по Центральному парку в поисках ядовитых пауков. Хорошо, когда то, что модно, также и удобно. У меня мало таких вещей, видно, “красота требует жертв” — сказано не про них».

Девушка снова подошла к зеркалу. Образ греческой богини нарушала лишь стрижка с коротким затылком, удлиненными передними прядями и густой девчоночьей челкой. Она созналась себе: «Богини такие прически, полагаю, не носили...»

Надо признать, ее укладка сегодня оставляла желать лучшего, ведь ничего наподобие фена в «номере» она не нашла. Пришлось взбивать объем влажных волос пальцами. Вышло нечто на троечку, ну, скажем, твердую. Накраситься ей тоже было нечем. Она вспомнила о пудренице и полезла за рюкзаком под кровать. Из него выпал мобильник и ударился о пол. Телефоны Влады всегда охотно и «по своей инициативе» вылетали из сумок и рук, такая уж она была девушка. Чертыхнувшись, она достала пудру, раскрыла ее и уселась в кресло, стоявшее неподалеку от кровати.

Глядя в маленькое зеркальце, она припудрилась, но особой разницы в отражении не заметила. Ее кожа в данный момент находилась в безупречном состоянии — ни единого прыщика. Изредка они навевались к ней, но сегодня кожа лучилась здоровьем. Влада относилась к категории женщин, которым необязательно пользоваться косметикой. Она была привлекательна и без нее, о чем ей часто говорил гражданский муж. Собственно, она и красилась лишь в рабочие дни, а в выходные не тратила на это ни сил, ни времени. Влада вообще не очень-то любила чрезмерно ухаживать за собой. Возможно, виной этому была уверенность, что она и так хороша. А может потому, что предпочитала более интересное, чем убийство времени на безупречный маникюр и эпиляцию в интимных местах. Сейчас она, конечно, немного жалела, что на фоне безупречно гладкой Ксюхи предстала перед эльфом в состоянии средней кустистости.

«Ну и ладно, какая разница! — отмахнулась она. — Мы с ним несовместимые виды. А волосы естественны для нашего организма. Эти условности навеяны современной

извращенной поп-культурой, чтоб вытягивать из нас денежки. Волосатые лобки были, есть и будут, и это нормально для людей! Чем ни лозунг для феминистской демонстрации? К тому же ты не свободна, помни, пожалуйста».

Влада еще раз глянула в зеркальце и отметила вновь запыхавшийся на щеках румянец. «Он заставляет меня краснеть каждый раз, когда я обо всем этом думаю, — расценила она увиденное. — Не к добру все, мое тело работает на своей волне».

В дверь постучали, она встрепенулась: «Стучат. Что я должна делать? Пойти открыть? Это смешно, я узница».

Влада не двинулась с места, когда дверь с щелчком отворилась. В комнату зашла блондинка с небесными глазами и аккуратно забранными в пучок волосами. На Земле она могла бы стать если не Мисс Вселенной, то как минимум Мисс России или другого восточно-европейского государства. Одета она была, как и все здесь, в светлое, но некоторые детали костюма и выглядывающий из-за спины столик с завтраком выдавали, что она работает в сфере обслуживания.

Девушка произнесла что-то на непонятном языке, впрочем, интонация ее была вполне дружелюбной. Она вкатила в комнату столик на колесах, сервированный на две персоны.

«Завтрак в номера? — подумала Влада. — Она будет есть со мной?»

Красавица молча переложила большой поднос с завтраком с маленького столика на космо-стол. Данное Владой название он полностью оправдывал за счет одной лишь своей ножки. Эта единственная опора была слишком уж современной — собранной из разных геометрических полых фигур, повернутых друг относительно друга вдоль единой оси вращения, при этом ножка стола упиралась в пол под шестьдесят градусов, а плоская подставка на полу по очевидным законам физики не могла бы уравновесить столешницу. Однако стол был устойчив и падать никуда не собирался. Поверхность же его была самой обычной — круглой, из прозрачного стекла. Закончив сервировку, блондинка придвинула к столу дополнительный стул и беззвучно удалилась из комнаты. Дверь снова щелкнула.

«Ко мне кто-то должен присоединиться, — поняла девушка. — Интересно, не сам ли мистер эльф пожалует познакомиться в более уютной обстановке?»

Ей сделалось радостно, но она не хотела признаться себе в этом.

«Я должна подождать, или можно уже присаживаться и начинать? Возможно, они думают, что я очень голодна, поэтому и приготовили двойной набор тарелок и приборов?.. Нет, это вряд ли».

Она подошла к входной двери и прислушалась — тишина.

«Интересно, возле дверей стоит охрана или они доверяют своей системе безопасности?»

Влада взялась за ручку двери и толкнула. К ее неопределимому удивлению та распахнулась.

«Неужели горничная-супермодель забыла меня запереть?»

Она выглянула в коридор — мягкий утренний свет лился в большие окна. Стражников не было.

«Я тут одна, не заперта, за мной никто не следит, по крайней мере, без личного присутствия. И что мне делать? Бежать, идти выяснять, как здесь все устроено? Так делают все глупые девицы в книгах и киношках. Не думаю, что это хорошая идея. Меня накормили, одели, дали отдохнуть...»

«Взяли кровь», — съехидничало подсознание.

«Молчи! — огрызнулась она. — Вряд ли я должна пренебрегать гостеприимством и пускаться наутек. Позволю событиям развиваться так, как спланировал кто-то более опытный. К тому же, я жду гостя», — вспомнила она, оглянувшись на накрытый в комнате стол.

Послышались шаги за поворотом — кто-то приближался. Влада стояла в проходе и не знала, стоит ли сейчас быстро закрыть дверь и притвориться, что занималась своими делами в комнате, даже не выходя, или так и стоять здесь, ожидая встречи в дверях.

6

Трудности перевода

Влада осталась на месте. Из-за поворота появился он. Это был тот момент, которого втайне ждешь и надеешься, но вместе с тем страшишься и никак не можешь определиться, какой же вариант предпочтительней — быть или не быть?

Это был действительно он: под два метра идеального телосложения, светлые, едва выющиеся волосы, отдельные пряди которых доходили до плеч, глубокий взгляд фантастического оттенка, сосредоточенный на одной точке — ее глазах. Он приближался неспешно, но довольно быстрыми темпами. Такие небесные красавцы, как он, умеют совершать стремительные, при этом плавные движения, которые скрадывают истинную скорость.

В секунды в ее голове пронесся длинный внутренний монолог: «Ему не все равно, раз он сам и без охраны идет в мою сторону в этот ранний час воскресного утра. Признаю, что, несмотря на шокирующую анатомию некоторых частей, он нереальный сказочный красавец, каких я никогда в жизни не видела в реальности, только по телеку, да и то уже не припомню. И сложен богоподобно: крепкий, широкоплечий, но с узкой талией. Не качок, а то, что нужно, кровь с молоком, будто вырос в деревне и прокачался с помощью топора и лопаты». Влада одернула себя от опасных размышлений, но расправила плечи.

Издали она не могла определить его эмоциональное состояние. Удивлен ли он, застав ее в коридоре, или, может быть, злится? Он приближался, пристально разглядывая ее лицо. Одет он был по-прежнему странно — сложный асимметричный верх, отдаленно напоминавший ей гусарский мундир, а снизу — римская юбочка. Наряд был белым, а пояс на уровне бедер — серебряным.

«Стоп. Я запрещаю тебе вспоминать, что под ней! Стоп! — скомандовала она себе, переводя взгляд с юбки на лицо. — А как же он фиксируется к поясу, чтобы не мешался при ходьбе?.. Ну, Вла-а-да, перестань же!»

Девушка продолжала стоять в дверях неподвижно, повернувшись к незнакомцу лицом. Его прямой взгляд воспринимался ею как вызов. Она не собиралась уступать в этой негласной игре «перегляди меня, если сможешь».

«Пусть знает, что я не боюсь его!» — думала она, хотя у самой от волнения свело живот.

Еще несколько метров — и он вплотную приблизится к ней. На самом финише он на секунду отвел взгляд, вложив победу в ее руки.

«Бли-и-ин, — подумала она. — Почему я не уступила ему в гляделках? Тургеневские девушки так себя не ведут... Не льсти себе, женщина, ты не тургеневская девушка, потерявшая трусики на центральной площади в первые три минуты знакомства».

Впрочем, он отвел глаза лишь на секунду и вновь завладел ее взглядом. Затем остановился в метре. Лицо его было действительно непроницаемо: ни единая черта не отражала хоть сколько-нибудь слабой эмоции. Он молчал.

«Должна ли я заговорить первой? Ну... нет. Побуду хоть в этом скромницею».

Она ничего не сказала, но сочла уместным ненадолго отвести глаза и опустила ресницы. Конечно, это была игра опытной самки. Такая мелочь, как взгляд «полубога», не могла ее смутить после всего, что она видела и делала вчера.

Затем она пустила в ход свое главное оружие — улыбнулась ему так, как умела. А владела она этим тонким искусством виртуозно: ни один мужчина, который когда-либо после семнадцати был ей интересен, еще не уходил с легкостью от магии ее очарования. Природа наградила ее редким обаянием, воплощенным в таком безобидном с виду «оружии» — улыбке. Было в ней что-то такое, что кружило голову всякому, кого Владе хотелось сразить. Конечно, бывали и неудачи, когда очаровывались не те, кого она планировала. Но без побочных эффектов никуда, это в любом деле так. Сперва по неопытности Влада не осознавала силу своего таланта, она с детства была улыбчива и весела, не считая это чем-то особенным. Но постепенно уровень осознания этого дара поднялся настолько, что она научилась дозировать силу воздействия. Она знала, как следует улыбаться в ни к чему не обязывающем общении с противоположным полом, а как — на охоте за сердцем избранника. Именно так она и улыбнулась этому ужасно-прекрасному экземпляру.

«Почему я так улыбаюсь ему?! Дура! — ругала она себя. — Флирт с гуманоидом — это против человеческой природы. Дура, какая ты дура!»

Его каменное лицо неожиданно преобразилось в скромной ответной улыбке.

«Эльфы могут улыбаться! Даже самые суровые из них, — записала она жирный плюсик в воображаемую «Книгу побед». — И он побрился... уж не для меня ли?»

Мужчина с нечитаемым ранее лицом протянул ей руку — и в лучах льющегося из окон света в ее памяти всплыл образ прошлого сна, когда сияние его кожи освещало мрак комнаты. Мужественная ладонь была правильной формы, однако не без нескольких мозолей. «Возможно, он плотник? Как Петр Первый», — предположила она.

Влада помедлила, но все-таки подала руку в ответ. Он завел ее обратно в комнату, плавно прикрыв за собою дверь. Подведя к сервированному столу, отодвинул для нее стул, безмолвно предложив присесть.

«Надо же, правила здешнего этикета весьма схожи с нашими», — отметила она и опустилась, вновь посмотрев на него.

Гость же не спешил занять место напротив, он произнес:

— Эйта эйя купэй. Ластэн экайна стэл.

Голос его был мягок и тверд одновременно. Она вслушивалась в слова, но, конечно, совершенно не понимала смысла. Что бы она ни ответила сейчас, разговор между ними был совершенно невозможен. С досады она решила подтрунить над ним, а уже наедине посмеяться над лишь ей одной понятной шуткой.

— Эти слова вашего красивого языка как музыка слетают с твоих уст и направляются усладить мой слух, — сказала она нараспев.

Подсознание прокомментировало: «Глупая же ты баба, Влада».

Эльф изменился в лице, которое расплылось в какой-то странной улыбке. Будто бы понял смысл сказанного, но значение фразы показалось ему бредовым. Он достал из кармана маленькую пластиковую шуковину и положил ее на ладонь, демонстрируя ей. После убрал прядь своих волос за ухо и тем показал, что на раковине надето подобное устройство.

«Слуховой аппарат? — подумала она. — Он плохо слышит? Погляди-ка, а уши-то

нормальные человеческие... А жаль». Ее желание познакомиться с настоящим эльфом заметно усилилось со вчерашнего вечера.

«Недоэльф» протянул ей приборчик, жестами побуждая приложить его к уху.

— Купэй, джейя, купэй, — сказал он на своем мелодичном языке.

— Купей-купей, хорошо, будет вам купей, — пробубнила она еле слышно и приладила шпуковину к уху. Ничего не произошло, но крепился на раковине прибор комфортно. Она прокомментировала про себя: «Удобная бесполезная штука — затычка в ухо, класс! Всегда хотела иметь такую».

— Эйя ластен. Си виа стейя, джейя?

Лицо Влады слегка изменилось от удивления. Она слышала, что сейчас сказал эльф, стоя рядом. Но также она синхронно поняла значение его слов на родном и могучем: «Это переводчик. Ты меня понимаешь, красивая юная дева?»

«Как-как он назвал меня?» — переспросила она про себя, а вслух поинтересовалась:

— И давно ты понимаешь, что я говорю?

— Я надел переводчик сразу, как направился сюда, — сказал он, слегка призадумавшись.

«Он назвал меня красивой юной девой, осознавая, что я понимаю... Значит, сделал комплимент умышленно, — сообразила она. — Неплохое начало флирта с гуманоидом. И раз он надел эту штуку сегодня, вряд ли следил за мной вчера... У меня и правда мания преследования».

— Позволь познакомиться с тобой, — сказал он вежливо, — мы не имели чести быть представленными друг другу.

Переводчик транслировал в таком нарочито литературном стиле, что она будто оказалась на страницах пушкинского романа. «Интересно, их язык действительно так высокопарен или это огрехи перевода?»

— Я Эрик, Верховный правитель Эйдерина.

«Ну вот, он царь, я так и знала! Наверное, следует представиться в ответ?»

— Владислава, для друзей просто Влада, девушка из Москвы.

— Мне приятно познакомиться с тобой, Влада, — снова перевел его фразу приборчик.

Царь произнес ее имя с таким смешным акцентом, что она с трудом сдержала улыбку. У него получилось нечто вроде «Влаэдаэйя».

— Тебе очень идет одеяние нашего народа, — заметил он.

— Благодарю.

Умение принимать комплименты ей далось непросто. Привычка добавлять после слов благодарности нечто вроде: «Да это платье совсем не новое» отчего-то была заложена в ней изначально. Владе пришлось сознательно работать над собой, чтобы научиться просто благодарить или вовсе обходиться без слов, отвечая на комплимент лишь улыбкой.

— Где я нахожусь?

— В Эйдерине, красивая юная дева.

— Почему ты называешь меня «красивой юной девой»?

— Оу, прибор переводит слово «джейя», видимо, не совсем так. Скорей всего, робот посчитал, что это верное определение нашего слова «джейя» на ваш язык. Можешь считать, что говоря так, я имею в виду нечто вроде... «милая девушка».

— А-а, — ответила она. Влада почувствовала досаду: «красивая юная дева» ей, пожалуй, слышать из его уст нравилось больше.

— Хотя красивой юной девой я вполне бы мог тебя назвать, подбери я выражение более умело. — И Эрик одобрил сказанное неоднозначным прищуром.

«Он флиртует со мной? Мне не показалось?»

Влада смутилась. Этот еще недавно недоступный для ее понимания мужчина посылал ей флюиды симпатии — прекрасный как солнце, но с ужасной физической несовместимостью с ее биологическим видом. Она сделала глубокий вдох и вернулась к первоначальному вопросу:

— Где находится Эйдерин? Там, откуда я, нет такой местности.

— Позволь предложить тебе обсудить этот и другие вопросы в более подходящей обстановке. Я охотно отвечу на твои и задам собственные. Сейчас же мне пора возвращаться к делам. Прости, не смогу составить тебе компанию за завтраком.

«Он намекает на свидание?» — не верила она своим ушам.

Эрик продолжил:

— Ты не пленница, Влада, а гостя. Ты вольна выходить отсюда, когда захочешь. Для тебя подготовят другую комнату без решеток.

— Спасибо, мне нравится здесь, не стоит беспокоиться.

— Как пожелаешь, красивая юная дева. Тебе не стоит перемещаться по дворцу в одиночку. Если захочешь выйти и прогуляться в парке, Элла составит тебе компанию. Нужно нажать на эту кнопку, чтобы пригласить ее. — Он достал из кармана некую кнопку на круглой металлической основе и оставил на столе.

— А где моя подруга, что с ней?

— С ней все в порядке. Она находится в достойных условиях. Прости, пока не в моих силах обеспечить вам совместное пребывание. Я связан Советом, он не дает согласие на это. Сегодня вечером мы сможем продолжить разговор.

Эрик на время смолк, но не уходил. Он рассматривал бежевые точки на белом полу.

«Что с ним? Почему медлит?» — пыталась разгадать она его мысли.

— У меня есть к тебе еще одна просьба, — наконец вымолвил он и достал из другого кармана мундира некую вещицу, похожую на браслет.

«Интересно, много чего еще он прячет в своих карманах?»

— Знаешь, что это? — спросил он серьезно.

Влада непонимающе помотала головой.

— Конечно не знаешь... Это *стеж*. Он абсолютно безопасен. Его носят все люди нашей страны и используют как кошелек. Прошу надень и не снимай, я расскажу о нем сегодня.

Влада поднялась и сделала шагок в его сторону. Ей давно стало неудобно сидеть в присутствии Верховного правителя. Она приняла из его рук металлический, гладко отполированный браслет. В центре тыльной стороны его был расположен прозрачный круглый камень, похожий на горный хрусталь. Эрик приподнял правый рукав мундира и показал ей подобный браслет — сделан он был из чистого золота, с резными узорами, а центральное ядро сияло ярким сиренево-фиолетовым светом, как неоновая реклама. Влада надела подарок, он прекрасно подходил по размеру и удобно застегивался на запястье.

— Почему твой стеж такой светящийся?

— Скоро узнаешь, джейя. Носи свой и не снимай.

Прибор в ухе переводил ей по-прежнему — «красивая юная дева». Но она успела привыкнуть к слову «джейя» и восприняла обращение из его уст раньше, чем ей сообщал транслятор. Эрик легко кивнул на прощанье, едва улыбнулся, и вновь его лицо сделалось

бесстрастным. Он развернулся и направился к выходу.

Влада присела. Перед ней был накрытый стол, но она ничего не замечала вокруг. Ее захлестнуло ощущение нереальности происходящего: еще вчера она думала о смерти, как о вероятном завершении истории, а сегодня правитель государства пригласил ее на ужин. Мысли путались, не обретая словесных форм. Она с трудом вырвалась из внутренних чертогов в реальность и налила в стакан воды. Сделав несколько глотков, попыталась мыслить беспристрастно.

Девушка осмотрелась. Светлая комната окончательно перестала казаться ей камерой. Это была ее личная спальня в прекрасном дворце Верховного правителя Эйдерина. Оставалось узнать, где находится это место. Она пожелала остаться в комнате сама и глядеть на божий свет сквозь витиеватые решетки. Что ж, в ее московской квартире на первом этаже установлены такие же, правда, намного более скромные. И она давно перестала обращать на это внимание, как будто решеток на окнах и вовсе не было.

«Его зовут Эрик. Он правитель вроде нашего царя или короля. Сколько же ему лет? На вид лет двадцать пять, может двадцать семь. И что он подумал о моем возрасте, если назвал юной девой? Интересовало ли его вообще это?.. Полагаю, моя анатомия произвела на него большее впечатление, и будь мне хоть пятьдесят, он назвал бы меня “джейя”». Она нервно расхохоталась.

«Ладно, не придирайся к словам. Он же пояснил, что джейя — это милая девушка, все довольно безобидно и целомудренно». От последнего слова ее слегка передернуло.

«Женат ли он?.. Почему тебя это интересует? Да потому, что женщин это всегда интересует, особенно если мужик — царь! — быстро нашлась она. — Ну, судя по тому, что он вытворял на площади, вряд ли женат... Или, возможно, скоро собирается, и это был местный аналог мальчишника?»

Положив в рот виноградинку, она продолжила рассуждения: «Итак, хоть он здесь и царь, но не может принимать самостоятельных решений. Над ним Совет. Мне известно, что это значит. Надо будет узнать, похож ли этот Совет на парламент Великобритании, где власть правителя практически номинальна, или все же Эрик вправе проводить независимую политику? Надеюсь, что я не стану разменной монетой в руках кучки политиканов... Оказаться во власти хорошо воспитанного эльфа при любом раскладе приятнее, — заключила она. — Хорошо воспитанного? А не думаешь ли ты, что это переводчик так настроен. Может быть, его слова просты, как дважды два, и все что ты слышала — хитрость этой адской штуковины, разбирающейся в разговоре пришельцев с других планет? Ведь ты для них именно инопланетный гость. Хорошо воспитанные юноши не трахают пять десятков женщин одновременно на дворцовой площади в предзакатный час!»

Влада призадумалась: действительно сегодняшний образ великолепно воспитанного аристократа не шел в сравнение с тем, каким представился он ей вчера. «Стоит ли спросить об этом сегодня? — подумала она. — Наверное, лучше не делать этого в начале разговора, а то и вовсе придержать любопытство хотя бы на единственный вечер».

Тут ее настигла незаконченная мысль: «Влада, ну ты дуреха! Он же царь. Конечно же, он получил прекрасное образование, дело вовсе не в переводчике. Эрик наверняка владеет литературным языком без подсказок ушного суфлера... История же с оргией наверняка имеет какое-то логическое объяснение... — Она вздохнула. — Ну вот, ты его уже выгораживаешь. Все мы бабы одинаковые! Если пьет — мы убеждаем себя, что только по праздникам. Бьет — значит любит... Слава богу, жизнь уберегала до сих пор от того и от

другого».

«И что это такое он мне подарил? — взглянула она на запястье. — Я уже получила много подарков: стиранные трусики, этот наряд, переводчик, кнопку вызова «911» и этот стеж. Говорит, что это кошелек. Мой кошелек, похоже, пуст, если сравнивать прозрачное содержимое с его фиолетовым? Хороший подарок — пустой кошелек... Впрочем, и у нас их дарят, особенно если те хорошие и кожаные. Вдруг он дорого стоит? — Она оглядела еще раз свой стеж, тот был из обычного сплава: ни золота, ни серебра в нем не было. — Кусок железа, неплохо отполированный, надо признать, и шарик из прозрачного камня. Не думаю, что это ценно в их мире».

Вообще-то Влада не привыкла к дорогим подаркам: не того круга она была девушка и другого склада характера. Она никогда не намекала партнерам на необходимость ей чего-либо дарить, а сами они редко догадывались, что подарить все-таки иногда женщине без повода что-нибудь нужно. Вероятно, большинство мужчин страны жили по принципу «не просит, значит не хочет». Вариант «не просит — ждет искреннего внимания» отбраковывался, ну, или вовсе не приходил в головы. Однако получение в дар от правителя целого государства безделушки несколько обескураживало. Его внимание, безусловно, приятно. Но подарок сильно шел вразрез с образом могущественного и состоятельного Верховного правителя Эйдерина, коим наверняка он и являлся.

Влада припомнила, что вчера видела подобные браслеты на руках женщин на площади и у охранника, когда ее тащили по коридорам дворца. Тогда она не заострила на этом внимания, ведь происходили события, более стоящие ее концентрации.

«Хорошо придумано: всегда иметь кошелек при себе и носить на запястье», — согласилась она.

«Особенно, если в нем есть содержимое», — высказалась внутренняя ехидна.

Она вспомнила про подругу: «Ксюху держат, как и меня, в номере “люкс”. Что ж, это хорошие новости. Совет не разрешает нам находиться вместе. Чего они боятся? Бегства? Вряд ли... Мне же позволили покидать пределы комнаты, да и куда бежать? Может, не хотят, чтобы мы громко смеялись и сплетничали про их странные обычаи? Смешная версия, но маловероятная. Спрошу его об этом».

«Боже, вечером у нас почти что свидание! — спохватилась она. — Ну, скажем так, вечер знакомства и общения... Что же делать?!»

«Как, что делать? Собираться и идти», — подсказал внутренний голос.

Влада положила на ломтик хлеба пластинки из мяса и сыра, откусила и стала нехотя пережёвывать.

«Но как мне вести себя с ним? Смогу ли я совладать с собой? Так опасно... Ой, Владка! Не верю я тебе, ни на грамм не верю!»

Влада бросила недоеденный бутерброд на тарелку и резко встала, затем быстро подошла к окну. Сложив руки под грудью, принялась отчитывать себя: «Ты с ума сошла, что ли? Почему ты так взбудоражена? Тобой движет не желание разобраться в случившемся, а, прости, банальная новизна ощущений и плотская тяга к этому гуманоиду, который вовсе даже и не человек! Гуманоидофилия какая-то. Вчера ты боялась смерти от его натиска, стянула трусы с себя на публике, отчаявшись найти другие доказательства! А сегодня флиртуешь с ним и фантазируешь о предстоящем свидании. Дура, какая ты дура, Влада!»

— *Он не человек,* — произнесла она с выражением в надежде, что сама услышит и усвоит.

Постояв у окна еще немного, она вернулась к столу и взяла с тарелки начатый бутерброд.

«Да, он не человек, смирись уже с этим. И хватит все время это повторять! Да, не человек, но очень сексуальный. Вот я это и сказала...» — выдохнула она.

«В слове “сексуальный” — корень “секс”. О каком *сексе* с ним вообще может идти речь? Ты ничего не забыла? Вспомни-ка, у тебя мужчина есть, почти что муж — гражданский в современной терминологии. Вы с ним уже давненько вместе, и он прекрасный мужчина, и он человек! Реальный, из плоти и крови, который, между прочим, любит тебя. А ты хвостом крутишь с гуманоидами...» — обвиняла она себя, потирая виски.

«Я подумаю об этом завтра, ответу моей ехидне словами Скарлетт О'Хара. И пусть подавится».

Она продолжила завтрак в одиночестве, стараясь больше не думать над этическими вопросами, на которые не имела прямых ответов.

7

Здравствуй, кумарун

Влада позавтракала и подошла к окну. Погода была солнечной, и тепло проникало сквозь стекло. Она вглядывалась в зелень растущих за окном неизвестных кустарников и размышляла: «Впереди целый день. Нужно привести в порядок мысли и решить, какие вопросы задать. Вряд ли он ответит на все... У него просто не хватит терпения, — улыбнулась она. — А у меня не хватит смелости озвучить... Пожалуй, стоит воспользоваться советом и прогуляться в сопровождении Эллы. Все равно делать совершенно нечего. Кстати, а кто это? Та “Мисс Прибалтика”? Надеюсь, она не окажется Фрекен Бок...»

Влада подошла к столу и нажала на кнопку — звукового сигнала не последовало. Спустя меньше минуты в дверь постучали, и в комнату вошла блондинка, что часом ранее подавала завтрак.

— Здравствуйте, леди, — сказала она. — Меня зовут Элла, мне поручено выполнять ваши просьбы и сопровождать на прогулках.

— Здравствуй, Элла. Зови меня Влада.

Горничная приветливо улыбнулась и сообщила:

— Я должна забрать посуду.

«Пожалуй, она мне нравится, такая милая на первый взгляд», — подумала Влада, неожиданно возведенная в ранг хозяйки, которой прислуживают.

Она часто недооценивала красоту блондинок, искренне не понимая, почему вокруг них столько шума. Любая эффектная брюнетка, по ее мнению, могла бы затмить любую светловолосую конкурентку экспрессией и очарованием. Конечно, она отдавала себе отчет, что это ее субъективное восприятие, не имеющее общего с реальностью. Элла была сказочно красива, особенно если распустить ей волосы, завить и покрасить. Все же, будь она брюнеткой, вряд ли Влада смогла бы отнестись к ней так же легко. С блондинкой же она могла общаться ровно, не ущемляя свой инстинкт альфа-самки.

— Мне хотелось бы прогуляться по окрестностям, — сказала Влада.

— Я с удовольствием провожу вас, леди. Загляну к вам через десять минут. — Она подхватила поднос со стола и направилась к выходу.

— Влада, — поправила она горничную. — Никакая я не леди.

Элла кивнула в ответ, хлопнув ресницами, и вышла.

Оставшись одна, девушка озадачилась вопросом: нужно ли брать с собой рюкзак? Что

могло бы понадобиться из его скудного содержимого? К тому же он совершенно не подходил ее новому платью. Она решила идти без ручной клади.

Вскоре вернулась горничная, и вместе они вышли из комнаты. Они шли по светлому коридору с абстрактными скульптурами, но в этот раз путь был намного короче. Вскоре через лишенную помпезности дверь они вышли на улицу. Внешне парк мало отличался от места, где подруги очутилась вчера, выйдя из павильона «Ночной мир»: белые мраморные дорожки, зеленые лужайки, подстриженные кустарники и редко стоящие высокие деревья. Однако в этой части парка имелись современные скамейки, которых на центральной аллее, оказавшейся впоследствии вовсе не такой, не было.

— Элла, где это мы находимся?

— В дворцовом парке Эйдерина, — ответила та голосом экскурсовода.

— Насколько он большой?

— Очень большой. Парк окружает дворец Верховного правителя со всех сторон света. До ближайшего выхода минимум час пешего пути, — объяснила Элла, сохраняя невозмутимость.

— А что находится за пределами?

— Столица государства — город Эйдерин. Наша страна и ее столица называются одинаково. — Элла робко улыбнулась.

«Ну наконец-то, оттаяла, — подумала Влада. — Она меня боится? Или просто нервничает?»

Девушки неспешно шли по узкой аллее. Влада разглядывала садовые скульптуры и гадала, о чем может спросить горничную, не вызвав неприязни, — ей хотелось обрести союзника в этом мире.

— А Верховного правителя можно называть как-то иначе: царь, король, лорд? — определилась она с вопросом.

— Аналог слова «царь» существует в языке, так называли правителей в древности. Но этот титул очень давно упразднен. Остальные сказанные вами слова мой переводчик транслирует одинаково — «Верховный правитель». — Элла пожала плечами и смолкла, на этот раз не улыбнувшись.

— Понятно, значит королей и лордов в вашей реальности никогда не было, — сказала Влада непринужденно. — Пожалуйста, повтори, как ты произносишь на вашем языке «Верховный правитель»? Хочу запомнить.

— Рэйс кэнт. Рэйс кэнт Эрик, — повторила та охотно.

— Рэйс кэнт Эрик, — произнесла Влада немного косноязычно. — Пожалуй, смогу запомнить. Спасибо.

Элла улыбнулась и пожала плечами.

— А где находится Эйдерин? — продолжила Влада допрос.

— Простите, леди... Простите, Влада, — впервые исправилась Элла. — Мне запрещено отвечать на любые вопросы касательно государственного строя и философии мироздания, — выпалила она напряженно. — Верховный правитель сам расскажет вам, что сочтет нужным. Таковы его личные распоряжения. Кстати, простите также, что не заговорила с вами утром. Но и тогда у меня были соответствующие указания, — объяснила она с извиняющимися нотками в голосе.

«Так вот в чем причина ее странностей, — поняла Влада. — Девчонка многое знает и может быть полезным информатором».

— Хорошо, Элла, — сказала она уже мягче. — Извини, я не прошу тебя нарушать правила. О чем ты можешь поговорить со мной?

— О погоде, моде, женских штучках, еде, разных пустяках, — ответила та с заметным облегчением.

«Что ж, список “можно” достаточно обширный, — заключила мысленно Влада. — Пожалуй, нам будет о чем поговорить».

— А можешь ли ты рассказать, какой он человек, ваш Верховный правитель? — спросила Влада вкрадчиво. — Не касаясь политики, просто если описать его как обычного человека. Что он любит, как проводит время? Кем были его родители?

Элла напряглась.

— Отвечая на эти вопросы, сложно не задеть запретных тем, — лукаво намекнула она.

«А девчонка умна, надо признать, — не без досады подумала Влада. — Придется приложить усилия, чтоб втереться в доверие».

Она ласково посмотрела на нее и улыбнулась, не требуя никаких ответов. Элла махнула ресницами и после небольшой паузы сообщила:

— Я скажу так, что Господин Эрик — добрый и ответственный человек. Но пост часто обязывает его принимать сложные решения. Большую часть времени он занимается государственными делами, что естественно в его положении.

«Она говорит об Эрике как о “человеке”, обнадеживает... Но это могут быть простые огрехи перевода, — металась в своих суждениях Влада. — Элла определенно умна — нашла способ ответить мне и не нарушить правила. Идеальная служанка — находчивая и верная хозяину. Заполучить такую в союзницы мне вряд ли удастся».

Проходя мимо очередной скамейки странной конструкции, Элла предложила присесть. Влада охотно согласилась. Сидение и спинка скамьи были отлиты из прозрачного материала и плавно перетекали одно в другое, ножки же были выполнены из металла и напоминали лапы паука, но очень элегантного. Присев, Влада с удовольствием откинулась назад, в шутку уверенная, что скамью отлили специально под изгиб ее позвоночника — так эргономично!

Элла продолжила баловать информацией:

— Пожалуй, я вправе рассказать вам кусочек нашей недавней истории и не нарушить данного обещания, — похвасталась она, явно довольная своим умением угождать, обходя острые углы.

Влада наострила уши.

— Господин Эрик — племянник Верховного правителя Горгия, ушедшего из жизни пять лет назад. У него не было детей, поэтому он принял и воспитал Эрика как родного сына, когда тот осиротел в возрасте десяти лет. Мать Эрика приходилась родной сестрой Горгию. Дядя любил мальчика, но воспитывал в строгости: таково типичное отношение отцов к своим сыновьям в нашем мире. После смерти дяди Эрик был единственным наследником престола, близким по крови. Вот такая история, леди Влада.

— Спасибо, Элла, — искренне поблагодарила Влада за рассказ. — Очень интересно, и возможно, ты немного вышла за границы дозволенного. Я ценю это и никому не скажу, что уже знаю историю восхождения правителя Эрика. Да пошлет Господь ему долгие лета.

Элла посмотрела на нее с недоумением и сказала:

— Откуда вы знаете это выражение?

— Сложно сказать, наверное, читала где-то, уже и не вспомнить... У нас так говорят.

— И у нас говорят так: да пошлет Владыка ему долгие лета. Но тут, скорее, чудят наши

переводчики, — подытожила Элла и по-дружески улыбнулась.

«Это прогресс! Я на верном пути», — подумала Влада.

— Могу ли я спросить тебя еще кое о чем? — поинтересовалась она. — Видишь ли, я физически отличаюсь от вас, и меня волнуют вопросы анатомии. Я с детства испытывала страсть к естествознанию...

— О, леди Влада! — перебила та. — Я боюсь, что не смогу ответить вам на подобное, это входит в перечень тем об устройстве мироздания.

— А разве не относится к категории «женские штучки»?

Горничная покачала головой.

— Жаль, — вздохнула Влада и указала на браслет на запястье. — Об этом ты мне тоже не расскажешь?

Горничная вновь помотала головой, сожалея о необходимости очередного отказа. Но добавила:

— О стеже вам наверняка расскажет Господин. Прошу, запаситесь терпением.

Влада еще раз посмотрела на стеж и поняла, что он отличается от состояния двухчасовой давности: внутри камня поблескивало несколько крупинок светящейся синей субстанции. Она подсчитала: «Один, два, три... пять... девять огоньков — маленьких голубых неончиков».

— Ого, а что это у меня тут?! Мой кошелек уже не так пуст, каким его преподнес Эрик! — она бросила взгляд на Эллу, взволновавшись, что впервые назвала правителя при ней по имени и, возможно, та могла счесть это неуважительным. Дозволялась ли ей такая вольность в разговоре? Но та, кажется, не подала вида.

— Это кумарун, — объяснила она. — Теперь он ваш. Я не могу рассказать большего, прошу понять меня.

— Конечно Элла, я все понимаю, обещаю не задавать тебе больше сложных вопросов, по крайней мере, сегодня. — Влада лукаво прищурилась. — Расскажи мне лучше, существует ли в вашей цивилизации фен? И если да, как я могу им воспользоваться?

***

Оставшись одна после разъяснений Эллой премудростей использования местного фена, Влада присела в кресло и устремила взгляд в ближайшее окно.

«Что делает сейчас Ксюха? — подумала она о подруге. — Гуляла ли сегодня в парке? А ей кто-то расскажет об устройстве мироздания? Завтракал ли с ней Эрик? Называл ли ее “джейя”?..»

— Ты мне тут еще включи ревность! — скомандовала она себе вслух и снова погрузилась в раздумья: «Итак, у меня есть новые крупинки информации. Эрик осиротел в десять лет и, по-видимому, недополучил материнской любви. Как это могло сказаться на его характере? Дядя был добр к нему, но, по местным обычаям, воспитывал в строгости. Что ж, для парня это не так уж и плохо. Надеюсь, к нему не прикладывали руку?» Влады стало так жаль этого десятилетнего светловолосого мальчика, оставшегося без мамы, на плечи которого взвалилось понимание, что ему предстоит стать правителем целой страны. «Хотел ли он такого будущего? — задумалась она. — Мечтал ли о власти или, наоборот, предпочел бы жизнь обычного человека? Хотя, будучи от рождения племянником правителя, вряд ли бы он смог оставаться в тени при любом раскладе...»

По наблюдениям Влады, очень красивые люди обычно не сильно заботились о красоте душевной. Для развития внутренней красоты необходимы преодоление, тяготы и невзгоды.

Им же часто все доставалось легко: оценки за красивые глаза, работа в престижных компаниях (особенно если и разум прилагался), а об успехах на личном фронте и говорить не приходилось. Она и за собой нехотя замечала эту тенденцию. «Но Эрик в сравнении со мной невероятно красив! — признавала она. — Применима ли теория к нему, и если да, насколько остра проблема его душевного “безобразия”? Хотя невзгод, по-видимому, он натерпелся в избытке... Бедняжка». Влада шмыгнула носом.

«Он пять лет у власти — долгий срок для молодого правителя. Так сколько же ему? Почему я не спросила у Эллы? — Влада задумалась, припоминая подробности разговора. — Еще она сказала, что он добрый, но вынужден принимать трудные решения. Он много работает. Что ж, ничего другого ожидать и нельзя было. Достаточно того, что в душе он, возможно, добр, и это было бы прекрасно».

Влада отвлеклась от раздумий и осмотрела комнату — ни единого цветочного пятна, белая безликая пустыня. До вечера еще долго, а чем убить время — неизвестно: ни телевизора, ни радио, ни книг, ни даже мусора, чтобы заняться приборкой... Она вновь устала в окно и продолжила мыслительные эксперименты.

«В моем стеже находится кумарун. Что за слово, “ку-ма-рун”? Созвучно с кумаром. Сомневаюсь, что между ними есть логическая связь. И кумаруна у меня уже... — подсчитала она, — одиннадцать огоньков. Ого! Да, в нашем полку прибыло. Одиннадцать — это много или мало? Привет вам, светящиеся неончики кумаруна! — поздоровалась она с ними. — Они появляются по расписанию? Может, мне приходят денежные переводы от Эрика по линиям местной волшебной почты? Если стеж — это кошелек, то кумарун, по-видимому — деньги? Интересно, одиннадцать кумарунов — это одиннадцать копеек на наши или одиннадцать евро? Узнаю вечером, наверняка он расскажет о финансовой системе государства. Ты думаешь?.. О политике будем говорить? — усомнилась она. — Ну, возможно... Не клеить же он меня собрался?..»

Влада привстала в кресле, а затем снова откинулась на спинку с протяжным вздохом. Живот сладостно сжало.

«Ну, что ты решила? Каков план?.. Ай! Ну, нельзя же так, Влада! Боишься себе признаться, а сама все уже спланировала где-то там, в черных дебрях своей душонки. Сознаться уже», — терзала она себя расспросами.

«Блин... Не узнаю себя! Чего так раскисла-то? Понравился тебе мужик, ну и признай! Что делать? Отвергать этот факт бесполезно. Да, увлеклась, с кем не бывает? Объективно ты *не замужем*. И к тому же пропала без вести и неизвестно, вернешься ли обратно. Может быть, ты никогда не увидишь Сашку больше, и объяснять ему ничего не придется... Но разве это причина изменять ему с первым встречным? Блин... Нет, это не причина. И он царь, а не первый встречный. Да ты и не изменяешь... Между вами *невозможен* секс. А чего же тогда я хочу от него? Да вот в том-то и дело, что непонятно... Не знаю, чего я хочу даже при идеальном раскладе. Понятия не имею! Но все же чего-то хочется...» Она покачала головой, совершенно не понимая собственных мотивов.

«Жаль, что Элла не ответила мне на плотские вопросы. Надо бы разобраться в их биологии, вдруг все не так уж и плохо, как я представляю. Хотя... Не обнадеживай себя. Полметра шипастого беспредела — это ни к какому месту не приспособишь... Если спину только чесать... Фу, ну ты снова за свое? — остановила она себя. — Перестань, обещала же не эксплуатировать эту тему. Это становится навязчивой идеей. Стыдно, Влада!»

Внутренняя ехидна шепнула: «Труссы снимать — не стыдно, а подумать, это, конечно,

стыдоба!

«Все! Забыли про трусы, — отмахнулась она от подсознания. — У меня не было выбора, я спасала свою жизнь, реально ощущая опасность уничтожения. Именно так я вчера и воспринимала эту ситуацию. Ну а что изменилось сегодня? — спросила она себя. — Да вообще-то ничего не изменилось для меня физически — он действительно может стать причиной моей смерти, случись между нами акт совокупления».

Она снова вздохнула: «А жаль. Такой мужчина: красивый, образованный, да еще и царь. И вроде проявляет ко мне интерес. Но есть такой существенный недостаток... Просто я пообщалась с ним, узнала чуть лучше, вот и смотрю на все более оптимистично сегодня. В реальности же ничего не изменилось — мы совершенно не подходим друг другу, патологическая несовместимость! И тяга к нему патологическая, то есть *болезненная, неправильная...*»

«О чем я только думаю?! Не то место у тебя думает, Влада, вовсе не то!»

Она погладила свои гланды и расхохоталась:

— Авантюристка!

8

Фрукты и овощи

«Какая скука! Чем же мне заняться?» — думала Влада, расхаживая взад и вперед по комнате, устав от бесконечных размышлений.

В середине дня ей подали обед, правда, она не увидела, кто его принес. От нечего делать она в тот момент принимала душ во внеочередной раз — долго стояла под струей живительной влаги, прокручивая в голове волнующие мысли снова и снова. А когда она вышла из ванной, стол был уже накрыт.

«Отлично, так я растолстею и догоню в пропорциях Ксюху, — подумала она. — Только ем, ничего не делаю, сижу тут в ожидании вечера с Мистером Совершенство».

Влада пообедала в одиночестве, все было очень вкусно. Она не стала есть много, поняв, что кормят здесь по расписанию и нет необходимости наедаться впрок. К тому же плоский живот ей мог бы пригодиться сегодня вечером.

«Зачем?» — поинтересовалась ехидна.

— Просто так! Для себя, — ответила она ей вслух с театральным выражением.

«Как же они тут развлекаются? — переключилась она с запретных мыслей. — У них есть театры, кино, опера? Хотела бы я посетить столичный оперный театр в платье из красного бархата в сопровождении обворожительного принца, превосходящего достоинствами Ричарда Гира. И пела бы нам на сцене дива из “Пятого элемента”. Да, вот не такое шоу я бы с удовольствием посмотрела!»

«Итак, что же я сегодня надену? Мое платье или греческое? Он дал мне его из желания переодеть или без всякого намека, что выгляжу неподобающе? Ведь я отличаюсь от них и имею право на собственный стиль! Ну-ка, притормози с феминизмом, — поправила она себя. — Я пойду в том, что мне посоветует надеть Элла. Отличная идея!»

Влада нажала на кнопку вызова — горничная явилась без промедления:

— Чем могу быть полезна, леди?

Влада поняла, что отучить ее от такого обращения, наверное, будет очень непросто, пускай остается «леди». Ее произношение имени «Влада» было довольно близким к русскоязычному. Она говорила нечто вроде «Влэада» с едва слышимой буквой «э» посередине, в отличие от тягучего и распевного «э» в интерпретации Эрика.

— Элла, мне нужен твой совет. Что мне надеть на ужин с правителем — это белое платье или то, из моего «потустороннего» гардероба?

Элла едва сдержала смех:

— Простите, леди. Мой переводчик транслировал фразу, вероятно, неточно. Если вы не называли ваше платье «умершим»... Но уверяю вас, нет никакой нужды выбирать из двух зол. Прошу, откройте дверь гардеробной.

Влада распахнула дверцу комнаты-шкафа и диву далась увиденной картине. Гардеробная была полностью укомплектована: платья, обувь, ленты, пояса, театральные сумочки — здесь было все!

— Это не все сюрпризы. Когда мы с вами прогуливались, в комнату установили туалетный столик с набором косметики и парфюмерии, чтобы вы могли выбрать средства по вкусу.

Влада огляделась в поисках обещанного предмета, и правда! У зеркала в дальнем конце комнаты ютился столик довольно скромного по здешним меркам дизайна. Отчего-то она не восприняла его как нечто новое, ведь мебели в комнате было много. В обилии белого она не заметила дополнительной бесцветной детали.

— Почему ты не сказала мне раньше?

— Я думала, что вы обрадуетесь, обнаружив все самостоятельно. Ну, вроде как сюрприз... — немного замялась Элла. — Я непременно сказала бы позже, если бы вы не разобрались. На ужине с Господином Эриком вы должны выглядеть безупречно.

«Правда? — подумала Влада. — Ее откровенность умиляет, но ей-то что с этого? Не очень верится в бескорыстность...»

— Мне нужна помощь стилиста, Элла. Что модно носить в этом сезоне?

— Я приглашу к вам леди Эмму. Она прекрасно разбирается в моде, более того, она и составила ваш гардероб. Я уверена, она поможет.

— Нет, Элла, я неверно выразилась. Я имела в виду, что мне нужна *твоя* помощь.

— О, конечно, я помогу всем, чем смогу, — сказала та и вошла в гардеробную.

Пока Элла разглядывала наполнение, пытаясь выбрать наряд, Влада поинтересовалась как бы между прочим:

— Скажи, а у вас так принято — называть детей именами на букву «э»? — Она давно подметила эту закономерность, но услышанное имя «Эмма» стало последней каплей, переполнившей чашу любопытства.

Оторвавшись от изучения нарядов, горничная пояснила:

— Да, представляете! Наверное, вы заметили, что в нашем языке чаще остальных встречается буква «э». Если быть точной, эта частота составляет девятнадцать процентов! — Она так искренне этому радовалась и удивлялась, что Владе захотелось подарить ей плюшевого медвежонка. — Имена на эту букву самые популярные: Эмма, Элла, Элиодар, Эдвард, Эрик. В общем, разных имен на «э» придумано масса. Часто родители желают дать ребенку уникальное имя, но не хотят отходить от традиций, тогда они сочиняют новое. В нашем справочнике имен варианты на «э» занимают больше его половины! — Элла явно получала удовольствие от своего рассказа.

«Она, наверное, филолог, кого еще может привести в восторг такая информация?..»

— Забавно, — отозвалась Влада. — Итак, что у вас принято одевать на ужины с царями, которые недавно чуть не лишили вас жизни?

Элла остолбенела и не сразу нашлась:

— Леди Влада, вы очень заблуждаетесь. Ничего подобного не было! К сожалению, я связана словом и не могу объяснить всего. Но поверьте, Господин не сделал бы вам ничего плохого. Вы все неправильно поняли. Любой из нас с первого взгляда видит, что вы отличаетесь. Ваши глаза — они кричат об уникальности каждому эйдеринцу. Что именно навело вас на мысль, что Господин собирался причинить вам вред?

— Что меня навело на мысль? О, Элла! То, что я наблюдала на площади. Он стоял передо мной в *полной* готовности, а женщины стали топтать ногами и стража — двигаться в нашем направлении! Как еще я могла расценить все это?

— Вы сильно заблуждаетесь, леди. Господин Эрик не сделал ничего, что могло бы убедить вас в таком мнении. Поверьте, он и не думал ни о чем, что вы себе представили. Ведь он сразу понял, кто вы есть. Просто вы попали к нам не в самое удачное время и были напуганы, так как наши обычаи отличаются, по всей видимости. Я не могу вам объяснить всего, но поверьте, вашей жизни вчера ничто не угрожало, по крайней мере в Эйдерине, и уж тем более от Господина.

Новость шокировала Владу. Она не могла продолжать думать о вечернем туалете.

— Элла, будь добра, мы не могли бы продолжить выбор платья несколько позже? Мне необходимо остаться одной.

— Разумеется, леди Влада. Вы не будете возражать, если я вернусь к вам через час и приведу с собой Эмму? Она крайне компетентна в этих вопросах. Я, признаюсь, большую часть времени нахожусь на службе и не очень-то слежу за модой.

Сейчас идея познакомиться еще с одной местной жительницей, вдобавок с той, кто разбирается в шмотках, показалась Владе удачной, ведь новые знакомства могли стать для нее полезными источниками информации.

— Конечно, Элла, благодарю тебя. Но я доверяю твоему мнению и хочу, чтоб ты принимала участие в выборе. Ведь леди Эмма брюнетка?

— Откуда вы узнали?

— Это опыт, моя дорогая. Я хочу, чтобы леди Эмма посоветовала мне именно то, что нужно. В твоём присутствии она не отважится поступить по-другому.

— Я не очень поняла вашу логику, но, конечно, я буду рядом.

— Когда-нибудь я тебе объясню. Ступай и не говори *ничего такого* Эмме. Считай, что я пошутила, как принято в моем мире. — Влада задорно улыбнулась и получила одобрителный кивок от новой приятельницы.

Дверь щелкнула. Влада осталась одна. Ее внимание привлекла некая деталь на ручке двери, она подошла ближе и присмотрелась. «Тут какая-то кнопочка. Если нажму, надеюсь, не заорет сигнализация?» — подумала она и надавила — дверь щелкнула вновь. Влада потянула на себя за ручку, но открыть не смогла.

«Это просто замок, запирающий дверь изнутри, — поняла она. — То есть я вправе закрыться здесь и никого не впускать? Что ж, при случае смогу объявить голодовку. Правда, я вряд ли продержусь более двенадцати часов...»

Влада заперлась, не думая почему, и плюхнулась на кровать, уставившись в белый глянецовый потолок. Она дала волю новым мыслям, отяготившим ее голову и душу.

«Боже мой, я все неправильно поняла! Он не собирался причинить мне вред. Эрик не хотел совокупляться со мной! Он сразу разглядел мою иную природу. Конечно, я одета по-другому, у меня карие глаза... Что, кстати, это значит для них? — задумалась она. — Откуда мне было знать, что этих признаков достаточно, чтобы идентифицировать меня как

инопланетную гостью? Вот я ду-у-ура! Набросилась на него с объяснениями и жестикуляцией и, наверняка, истеричными нотками в голосе. И трусы... Мы сняли перед всеми трусы! — Влада закрыла лицо руками. — Это было совершенно ненужным беспутным действием. Господи, какой позор! Мы стянули с себя трусы, предъявив ему свои “паспорта” инопланетной прописки. Его лицо выражало омерзение. Да он, скорее, готов был сквозь землю провалиться не от того, что увидел мои прелести (для него, скорее, ужасности), а от того, что мы вели себя как полные идиотки! Как гиббоны в Африке, если они живут именно там (кстати, еще один вопрос для уточнения в “Вики”). Вот это стыд... Как ему в глаза теперь смотреть, его прекрасные глаза цвета моря с картин Айвазовского? Он вовсе не собирался протыкать меня своею “шпагой”, он просто подошел посмотреть на два чужеродных элемента. — В душе легонько кольнуло от понимания, что Эрик вовсе не выбрал ее среди полусотни других прекрасных женщин. — Вот черт, а вечером я расхаживала голый по комнате, полагая, что он уже все видел и поэтому мне позволительно с ним немного “позаигрывать”. Логика очуменная! Зачем я это делала, не разобравшись в ситуации? — отчитывала она себя. — Я как дурочка из тех книг и фильмов, которые постоянно все делают через одно место. А еще я полная идиотка, возомнившая себя мисс Марпл! Слава богу, если он надел переводчик лишь утром, то вряд ли следил за мной в глазок для подглядывания вчера. Но можно ли верить его слову?.. Хотелось бы, но я ничего не знаю об этой стране. А вдруг у них понятия правды и лжи как-то отличаются от наших. Что если он умело ушел от ответа? Я же не спрашивала его прямо, подглядывал ли он за мной прошлым вечером? Смотреть на голую меня можно было и без прослушки...»

Влада не хотела шевелиться, ей казалось, что ее тело сгорело в пламени стыда и она недостойна возрождения из пепла. Однако вскоре она придумала приемлемый выход: «Я должна стараться не доверять ни одной из теорий, которые рождаются в моей безумной голове, пока не получу достоверную информацию из надежных источников! Каким образом их оценивать? — спросила она скептически. — Я совершенно этого не понимаю, но буду стремиться не верить в свои дурацкие надуманные идеи до последнего! Я ориентируюсь в этом мире точно двухлетний ребенок, а потому не могу доверять своей земной логике. Кстати, в эту свежую идею не верить себе тоже не нужно до конца верить!.. Мда, пахнет шизофренией, тьфу-тьфу-тьфу».

Девушка выдохнула и решила: «Попробую перед ним извиниться. Уверена, он не ждет от меня этого, а я сделаю. Непредсказуемость — смелая стратегия, не раз приводившая меня к успеху. Стоит рискнуть, ведь это приключение обещает стать самым волнительным во всей моей биографии, была не была!»

В дверь постучали. Влада вспомнила, что заперлась и подошла отворить гостям. На пороге стояли две молодые особы выдающихся внешних данных.

Брюнетка Эмма была сногшибательна. Примерно метр семьдесят восемь идеального точеного тела в черном обтягивающем платье сложного асимметричного кроя. Такой наряд высоко бы оценили в рекламном агентстве, где работала Влада. Платье сидело на Эмме потрясающе, фигура — высший пилотаж. Вороние волосы были забраны наверх в экстравагантной прическе. «Вероятно, укладка считается пискom эйдеринской моды, ведь она придворный стилист, — решила Влада. — Мои-то волосенки так не забрать...» Она бы не удивилась, обнаружив на ногах Эммы высокие лакированные шпильки, но нет: все те же римские сандалии, правда, черного цвета и на небольшом каблучке, а не на классической для здешних мест плоской подошве. Губы ее были алыми, лицо идеальных греческих

пропорций. Глаза — синева океана, глубокий насыщенный морской цвет. Красавица, каких в жизни Влада и не видывала. Сама она считала себя весьма привлекательной, даже красивой по земным меркам. Но ее достоинства блекли на фоне этой кричащей первозданной красоты. Влада же больше прельщала мужчин своим живым характером, обаятельной улыбкой, общей миловидностью, но не более того. В этом мире она, скорее, принадлежала к категории тех, кого выбирают в партнерши по остаточному принципу.

— Добрый день, леди Влада. Элла сообщила, что вам нравится, когда вас так называют. Меня зовут Эмма, — сказала она деликатно, но с чувством собственного достоинства.

Влада не стала ее поправлять и предлагать называть себя просто по имени. Неприязнь к этой брюнетке все-таки была у нее на подкорке — древний инстинкт соперничества.

— Здравствуйте, Эмма, — ответила она безэмоционально.

— Позвольте, я помогу подготовить вас к сегодняшнему ужину.

Она, не дожидаясь позволения, стремительно прошла в гардеробную, включила свет парой хлопков в ладоши и бегло подобрала Владе три подходящих, на ее взгляд, варианта. Она вынесла платья в комнату и разложила на кровати. Все они были бело-серебристыми с небольшой разницей в длине и декоре.

— Вот эти три наряда как нельзя лучше подойдут предстоящему событию. Вы можете выбрать любое из них, когда у вас назначен деловой ужин, — объяснила брюнетка.

«Деловой ужин? — мысленно переспросила Влада. — Неужели мне предстоит именно это? Ну а чего я ожидала?.. Романтический ужин с инопланетянином, думать о близости с которым было просто абсурдно или, возможно, даже противозаконно?»

Платья были красивыми, но ничего впечатляющего собой не представляли. Обычные платья, подобные она видела вчера на площади и уже успела расценить их как традиционные, то есть, в переводе, это был обычный местный «ширпотреб».

Влада приняла спонтанное решение: «Нет, так дело не пойдет: необходимо брать ситуацию в свои руки, буду надеяться на собственный вкус. Мода уходит, а стиль остается — мой любимый девиз, позаимствованный у бессмертной Коко».

Она поинтересовалась у потенциальной эльфийки:

— Скажите, какое значение имеет выбор цвета костюма в вашей культуре?

Эмма удивилась постановке вопроса, но ответила:

— Белый мы надеваем в качестве повседневной одежды, появиться утром на людях в другом цвете является непростительным нарушением этикета.

— Полезная информация, обязательно учту, — сказала Влада.

— Золотой имеют право носить лишь представители знатных родов, в чьих жилах течет кровь правителей. Даже члены их семей, не будучи кровными родственниками, например супруги, не могут позволить себе носить золотые оттенки, жестко не нарушив этикет. Серебряный — цвет праздника, его надевают во время торжеств. Также им принято декорировать белые одежды для событий меньшего масштаба.

— Таких как деловой ужин?

— Да, белый с серебристым — отличное цветовое решение для подобных мероприятий.

— А что вы скажете о черном? — спросила девушка, намекая на наряд стилиста.

— Черный — цвет допустимый в исключительных случаях во время дневных и вечерних событий. Его носят те, кто жаждет привлечь к себе внимание и выделиться из толпы. Но у этого есть своя цена: наше общество крайне консервативно и не любит подобных исключений. Только очень уверенный в себе человек, не боящийся общественного

осуждения, а также тот, кто обладает рядом общепризнанных достоинств, может относительно свободно чувствовать себя в черном. Если, например, горничная, наденет на себя такой наряд, бедняжка выслушает порицание от каждого, кому попадет на глаза.

«Ну и дела, — подумала Влада. — Вот это нравы. И почему она привела в пример именно горничную? Камушек в огород Эллы? Неприятно... И чем же она сама заслужила общественное признание? По-моему, больше похожа на выскочку».

— А что вы скажете о других цветах? — продолжила Влада допрос.

— Вы имеете в виду тех, в которых вы со спутницей прибыли к нам?

— Да. Красный, голубой, зеленый, желтый, оранжевый, синий... Есть множество ярких прекрасных цветов, которые в нашем мире используют в одежде без всяких условностей и подобных консервативных убеждений.

Лицо Эммы перекопилось в гримасе. Казалось, Влада сообщила ей такие невероятные новости, от которых ее сейчас стошнит.

— Позвольте, одежда цвета апельсина, огурца и томата, лимона и баклажана — это никак не допустимо в нашем обществе! Фрукты и овощи едят, а не носят на себе.

Подобного эмоционального ответа от сдержанной с виду Эммы она не ожидала. Что за узость взглядов, и от кого она это слышит? Местного придворного стилиста! Проходить всю жизнь в белом и серебряном, если ты не уродился особой царских кровей?.. Это же катастрофа!

— Вы ничего не сказали о синем и голубом, — заметила она «прореху» в рассказе холодной красавицы.

Та нехотя, как показалось Владе, пояснила:

— Синий — цвет свадьбы, голубой — цвет романтики.

«Бинго! Так значит голубой, вот что мне нужно!»

— В моем новом гардеробе есть голубые наряды? — спросила она и, не дожидаясь ответа, стремительно направилась на поиски.

Она оглядывала вереницы однотипных платьев: «Белый, белый, белый с серебром, серебряный, снова белый, черный (ого!). Засилье белого! — резюмировала девушка. — Погоди-ка... Вот же оно!» — отыскала она нужное, почти потеряв надежду. Единственное голубое платье висело в углу, задвинутое, будто специально, чтобы остаться незамеченным. Цвет ясного неба! Влада приложила его к телу, не снимая с плечиков, и посмотрела в отражение. Наряд казался простым, но очень эффектным. Фасон чем-то напоминал стиль пятидесятых: приталенное, с широкой юбкой чуть ниже колена, изящным вырезом декольте. Хотя, конечно, не без примеси современного эйдеринского дизайна.

— То, что надо! — уверенно сообщила она гостям, выходя из гардеробной с голубым платьем в руках.

— Леди Влада, но этот наряд подходит для романтической встречи влюбленной пары и будет совершенно не к месту на аудиенции у Верховного правителя, — старательно сдерживая внутреннее возмущение, сказала Эмма. Но от Влады не утаилось ее состояние.

— Позвольте, но я не являюсь его подданной. Я человек из другого мира, возможно, времени или измерения, — сказала она тоном, не допускающим возражений. — В моей стране женщины любят яркое. Цветы, фрукты и овощи — одни из главных вдохновителей наших художников, модельеров и других людей искусства. Не вижу ничего предосудительного в том, что предпочту одеться в цветное платье. Так как в моем гардеробе нет ничего другого, что отличалось бы от белого или серебряного или черного (в нашем

мире это вообще цвет траура) — я выбираю голубое. Не думаю, что господин осудит меня. В любом случае я беру все возможные риски на себя и, если придется объяснять ему свой выбор, я непременно упомяну, что вы меня настоятельно отговаривали. К тому же, в моем гардеробе откуда-то взялось это голубое платье? — Она картинно пожалала плечами. — Вы же не случайно его приобрели, Эмма, верно? — Влада победно посмотрела в глаза поверженной соперницы, та съежилась, но ничего не ответила. — Спасибо за подробную консультацию, Эмма, — добавила она. — Ваш рассказ был очень поучительным, — сказала она с достоинством.

Девушки поднялись и проследовали к выходу. Горничная бросила короткий, но одобрительный взгляд в сторону Влады.

«Решено, я иду в голубом! Деловой ужин с господином Эриком в романтическом небесном платье!» — радовалась она, как девчонка приглашению на первое свидание. Однако истинной причиной ликования было, скорее, то, что мастерски одернула красавицу-заснайку.

«Что так радуешься? Уймись. Что он подумает о тебе, глядя на голубое? Ты катишься с горы в пропасть, при этом гордишься, что обгоняешь красивых конкуренток. Очень хитроумно... — пожурило ее подсознание. — Хотя пути назад нет. Платье выбрано, отказываться от завоеванных трофеев не в твоих правилах. Надевай голубое и не вздумай смущаться!»

Она подошла к новому туалетному столику и осмотрела. В центре лежали две объемные косметические палетки, а у стены выстроились в ряд флакончики с ароматами. Влада была приятно удивлена ассортиментом, тут было все: тени ее любимых натуральных оттенков, а также яркие и кричащие тона, румяна, мягкие помады массы расцветок. «Пожалуй, в макияже здесь менее консервативны», — сделала она вывод. В ящичке столика нашлись также тушь, жидкие тональные средства и пудры. Влада умела наносить макияж профессионально — когда-то давным-давно она проходила обучение и имела «корочки», позволяющие ей работать визажистом. Трудиться по этой специальности ей почти не пришлось, но для себя, любимой, она пользовалась знаниями по полной программе. Особенно тогда, когда ей предстояли деловые ужины с ужасно-прекрасными молодыми правителями «Подземного королевства».

Закончив изучение косметических богатств, она поспешила в ванную, чтобы принять душ, а после старательно уложить волосы феном, пользоваться которым ее научила Элла (сама бы она никогда не догадалась, что это за прибор и как он включается). После Влада планировала провести час за столиком, чтоб сделать тщательный, но умеренный макияж. Оставалось лишь надеяться, что ей хватит времени на подготовку до прихода Эрика.

9

Деловой (или романтический?) ужин

Влада смотрела на отражение в зеркале и нравилась себе. Укладка с помощью эйдеринского фена была близка к идеальной: объемный затылок, вытянутые передние пряди, ровная линия густой челки. Как хорошо, что буквально пару недель назад она освежила стрижку! Макияж получился выразительным, при этом она не перестаралась с насыщенностью. И наконец, голубое платье для романтических деловых ужинов сидело превосходно: изящное глубокое декольте; приталенное, переходящее в области бедер в расширенную юбку вроде полусолнца, но более замысловатого кроя. Длина его прикрывала колени, и из-под юбки выглядывали стройные ножки. Серебристые сандалии не лучшим

образом подходили наряду, но если учитывать их популярность у местных, скорее всего, оценка эта была необъективной.

Влада была полностью готова к мероприятию, осталось дожидаться отмашки.

«Он сам за мной придет, или придет кого-то? — гадала она.

Шли минуты, но за ней никто не приходил. Вечерело — самое время для ужина.

«Влада, будь терпелива, — дала она себе установку. — Все будет хорошо, не надо волноваться. Ты взрослая опытная женщина в красивом платье. Что может пойти не так?»

Она вспыхнула: «Да все может пойти не так! Все, что я умею и знаю, тут работает по-другому. Я тут как восьмиклассница на выпускном вечере студентов вуза... Вдруг я что-то забыла? — она осмотрелась по сторонам. — Духи!»

Влада редко пользовалась парфюмом. В студенческие годы ей довелось недолго поработать продавцом в парфюмерном магазине. Там не было недостатка в ассортименте, и после смены она возвращалась, пропитанная всеми «ароматами Франции». Возможно, ее любовь к запахам отбила та работа или всему виной понимание, что предпочтения у всех так индивидуальны, что велик риск не угадать со вкусом избранника, и вместо положительного эффекта он станет воротить от тебя нос. «Вдруг у него особенное обоняние?» — предположила она, подходя к парфюмерному столику, на котором в ряд стояли пузырьки. Это были скорее космо-флаконы, нежели из мультика об Аладдине. Она приоткрыла один — запах был незнакомым, терпким, интересным. В следующем находилась жидкость со сладковатым ароматом и, вероятно, красивым бархатным шлейфом. Оранжевый стеклянный флакончик сам подсказал, что в нем с огромной вероятностью находится парфюм с апельсиновыми нотками. Так и было: практически натуральный цитрус. Вспоминая недавний отзыв о фруктах, она не рискнула воспользоваться и этими духами.

«Пожалуй, обойдусь, — решила она. — Мне часто говорили, что у меня потрясающий запах тела. Не знаю, правда ли это, или мужчины просто используют эту фразу в качестве якоря? Но, не разбираясь в местных нравах, чревато пользоваться таким тонким инструментом как парфюм. При случае спрошу Эрика, какие ароматы ему нравятся».

Ехидна поддакивала: «Да, да, случаев будет еще очень много. У вас завяжется роман, под стать книжным. И вы будете читать Есенина при луне и разговаривать об ароматах...»
— Заткнись!

Наконец, в дверь постучали.

— Войдите, — произнесла она, застыв у туалетного столика. В груди сжался комок.

В комнату вошла блондинка Элла — Влада выдохнула.

— Леди Влада, вас ожидает Господин Эрик, — сообщила та с порога.

Влада не посмотрела ей в глаза, будто боясь осуждения. Она двинулась к выходу чуть быстрее, чем следовало бы, чтоб не выдать волнения. Когда они шли по длинному коридору в сторону дворцового холла, Элла молчала.

«Что она думает обо всем этом? Ей поручили за мной ухаживать, это ее работа. Но какого мнения она обо мне? — задалась вопросом Влада. — Возможно, презирает за то, что флиртую с ее господином — с правителем всей этой страны! Я же для них инородный элемент. Но если дело обстоит так, она мастерски скрывает истинные чувства... Стоит ли спросить хотя бы, как я выгляжу?» — задумалась Влада и краем глаза посмотрела на Эллу.

Та уловила взгляд и приветливо улыбнулась, но ничего не сказала.

«Не думаю, — сделала вывод девушка. — Если б она хотела, уже бы прокомментировала. Своим вопросом я поставлю ее перед выбором — либо лгать мне, либо

ответить честно. Но правда может испортить мое настроение. Оставлю все как есть, вернуться перекраситься и переодеться я все равно не успею».

Тем временем они подошли к парадной лестнице, произведшей вчера на Владу сильное впечатление, даже несмотря на наличие более значимых вопросов для анализа. Это была монументальная светлая лестница из какого-то материала с глянцевой поверхностью, с легким голубым свечением ступеней, геометрически сложными перилами из стекла со вставками другого сверкающего материала, в описании которого она совершенно затруднялась. Сложный дизайн, которому Влада могла добавить любую из приставок: «супер», «пупер», «мега» или «турбо».

Девушки поднялись по ступеням на второй, а затем и на третий этаж. Лестница продолжала восхождение и далее, но они свернули в левый коридор третьего.

«А лифты здесь есть?» — задалась вопросом Влада, но не озвучила, сохраняя полную концентрацию на важности предстоящего момента. Ее голос, надо сказать, наверняка бы дрогнул, решишь она вымолвить сейчас хоть слово.

В этом недлинном коридоре царило искусственное освещение — голубоватый холодный свет, как в фильмах о космических кораблях, заливал пространство. Было красиво, но естественное освещение с окнами в пол ей нравилось больше. Вскоре они вошли в одну из десятка дверей этого коридора, прошли еще немного и оказались на открытой террасе — светлой, как и все в этом дворце. Стеклянные турбо-конструкции перил создавали четкое ощущение, что Влада находится в будущем.

«А может, я действительно прилетела «назад в будущее», и через несколько тысяч лет люди попросту эволюционировали? — выдвинула она новую гипотезу. — Ядерная война, к примеру, вызвала подобные мутации... Любопытнейшее направление эволюции, надо признать...»

Открытая терраса была широкой и вдалеке поворачивала за угол замка. Горничная указала рукой в сторону, куда Владе полагалось проследовать далее, и сообщила:

— Господин Эрик ожидает вас в конце террасы за углом.

После она замерла в ожидании реакции, пристально глядя на Владу.

— Конечно, Элла, спасибо тебе.

Та развернулась и поспешно удалилась.

«Вот я и у цели, — мысленно подытожила девушка. — За этим поворотом — принц. Элла оставила меня, конечно, я же не малое дитя, чтоб меня доводить до дверей группы в детском саду. А потом еще менять обувь, вытирать сопли и напоминать о необходимости мыть руки. Она сделала все наилучшим образом, предоставив возможность самой сделать шаг навстречу сказочному принцу, — рассудила она. — Но я уже замешкалась. Он наверняка слышал, что мы на месте. Пора выйти из тени», — отважилась она и сделала шаг, второй, вскоре завернула за угол и столкнулась взглядом с его далекими «океанами».

Эта человеческая способность удивляет: мы молниеносно вычленим объект желания из любой толпы. Никого, кроме Эрика, конечно, на террасе не было, но он находился на значительном отдалении, и факт, что их глаза сразу встретились, показался ей удивительным. Она обдумывала это, двигаясь в его направлении, стараясь идти плавно и величественно, как диснеевская принцесса навстречу главному свиданию в жизни. «Деловому ужину в романтическом платье», — поправило ее сравнение подсознание.

Эрик ждал ее у овального столика и, кажется, не шевелился. Сегодня он был в серебряном.

Во многих фильмах главная героиня неуклюжа, но ее супербойфренд принимает это, умиляется и даже влюбляется в нее. Девушки, все как под копирку, падают или при знакомстве, или на первом свидании. Некоторые улетают несколько раз за серию. Мысли Влады ошалело переमेжались: «Очень надеюсь, что сейчас не споткнусь на последних шагах, и путь к принцу будет только моим, а не сделанным по шаблонам мирового кинематографа... Вот же ж черт!»

Нога Влады подвернулась и она совершила неуклюжее па, чтобы устоять. Она бы гарантированно не упала, но была бы сильно смущена, утратив контакт глазами с этим полубогом столь глупым киношным способом. Но события развивались иначе: он в секунду оказался рядом, и его руки составили ей надежную опору — левая обнимала за лопатки, а правая фиксировала поясицу. Влада старалась запечатлеть в памяти этот момент их неожиданного телесного контакта, который случился вопреки ее осозанным желаниям. Она предположила: «Неужели это я сама запрограммировала ногу? Силой мысли, что ли? Вот и налажены наши “тесные” отношения, спасибо штампам...»

— Все хорошо? — участливо спросил Эрик, ослабляя хватку.

— Да, извини, я немного волнуюсь.

— Признаюсь тебе, что тоже очень волнуюсь, джейя, — с хитрецей сказал он и предложил жестом подойти к накрытому на веранде столику.

Случившееся обескуражило Владу. Его стремительные объятия были так крепки, а запах тела настолько влекущим, что некоторое время она не могла опомниться от мига случайных прикосновений, любезно предоставленного ее коварным подсознанием. Она обязательно запишет происшедшее в коллекцию тактильных ощущений сразу, как освободится минутка воскресить в памяти и навсегда запомнить.

Эрик галантно предложил ей присесть, отодвинув стул, а сам расположился напротив. Стол был уставлен яствами — чего там только не было! Но Влада не могла сосредоточиться на кулинарных изысках. Она отчетливо поняла, что ее безнадежно тянет к Эрику, она хочет кинуться ему на шею и висеть там вечность, согреваемая теплом его рук, упиваясь запахом тела.

«Что со мной, вообще, творится? Я не понимаю... Только не влюбись, сказала я себе вчера. Одни и те же “грабли”, хождение по кругу... Может, гормоны разбушевались? ПМС, климакс? Что? — требовала она ответа у организма. — Чувствует ли он мое состояние? Как неудобно влюбиться в представителя другого вида... Влюбилась ли я? Это больше похоже на животное влечение, болезненную страсть... Я плохо знаю его, чтоб размышлять о чувствах».

— С тобой точно все в порядке? — уточнил он, пристально разглядывая ее лицо.

«О, боже! Неужели я сейчас обо всем этом думала, сидя перед ним как на ладони! — осознала щекотливость ситуации она. — Надеюсь, моя мимика была не так очевидна».

— Да, извини еще раз. Я нахожусь в замешательстве от всего... всего, что со мной случилось, — сказала вслух Влада, а про себя отметила: «Какой политкорректный ответ, пять баллов! Соберись, возможно, это лучшее свидание за все твои почти тридцать лет!»

Она подняла голову, расправила плечи, но посмотрела на него все же робко. Поймав ответный взгляд, постаралась улыбнуться. Эрик внимательно разглядывал ее, совсем не пряча глаз, будто учитель ученицу младших классов — без тени смущения. Влада обратила внимание на его интересный наряд: серебряный верх костюма был больше похож на жилет, так как не имел рукавов. Детали располагались в сложном асимметричном порядке. Отдельные полоски ткани опоясывали его широкие бицепсы, от их внимательного

созерцания у нее чуть ли не поднялось давление. Плотная ткань наряда чем-то напомнила ей парчу, однако вид имела более изысканный. Вблизи девушка разглядела, что на серебряном основном фоне ткани мелким узором были вышиты ромбические рисунки нитями цвета бледного золота.

«Вот она — визитная карточка особы царских кровей Эйдерина», — отметила она, довольная своей наблюдательностью. Затем ее внимание переключилось на ядро его стежа, озаряющее сумерки фиолетовым светом, точно радиоактивное. Незабываемое зрелище!

Опомнившись, что уже продолжительное время пялится на Эрика, то на грудь, то на руки, Влада опустила глаза в пустую тарелку.

— Позволь предложить тебе вот это блюдо. — Он протянул ей вазу с чем-то необычным. — Это одно из моих любимых.

— Спасибо, я с удовольствием попробую.

«Наверное, он в ужасе от моих манер... — беспокоилась Влада. — Сколько я смотрела на него? Секунды или минуты? Боже, я совсем не контролирую ситуацию! Прошу тебя, соберись».

Влада поднесла вилку ко рту и попробовала. Блюдо было оригинальным. Нечто вроде плова из нераспознанных зерен (возможно, это была переработанная пшеница), мяса, овощей и специй, политое сверху густым красным соусом.

— Как называется это кушанье? Немного непривычно, но вкусно.

— Это кэмбэр, одно из традиционных блюд нашей кухни.

Переводчик транслировал «кэмбер» как рагу из крупы, мяса и овощей.

Влада подумала: «Может, не стоит о еде?»

Наверное, Эрик подумал о том же, так как сам переменял тему:

— Леди Влада... — Он остановился. — Ми джейя, наверное, ты хочешь задать вопросы? Спрашивай, я постараюсь быть настолько откровенным, насколько это возможно для правителя.

— Благодарю тебя, Эрик, — сказала она и насторожилась, ведь впервые назвала его по имени. Разрешалось ли ей подобное обращение?

Он не изменился в лице — что ж, наверное, ей это позволялось. «И почему я его все время благодарю и извиняюсь? — подумала она. — Я уже не притворяюсь скромницей, у меня на самом деле трясутся коленки!»

С какого вопроса стоило начать? У нее накопились десятки вопросов.

«Пожалуй, буду двигаться от общего к частному: сперва темы о мироздании, затем уже о личном, если вообще до этого дойдет...»

— Расскажи, где я нахожусь? Я понимаю, что в Эйдерине. Но где это? На какой планете вы живете? Могу ли я вернуться домой? Есть ли у вас для этого технологии, и знаешь ли ты, как я здесь оказалась? Я хочу понять, где я — в прошлом или будущем, на Земле ли, в сказке или параллельном мире?

— А тебе нравится задавать вопросы! — шутливо намекнул он на чрезмерное любопытство. — Пожалуй, зря я предложил тебе такие правила игры... — Он откровенно рассмеялся.

Влада впервые услышала его смех. Отчего-то ей показалось, что добилась сейчас невозможного: рассмешила Несмеяну. Сильны ли ее заблуждения на этот счет?

— Я постараюсь объяснить тебе, — вздохнул Эрик, — но боюсь, что не сильно обрадую. — Он отложил вилку в сторону и облокотился на стол. Улыбка сошла с его лица,

он посмотрел на нее проникновенно:

— Мы находимся на планете Элиопатине, что третья по счету от звезды Нэри.

Приборчик в ухе перевел названия как «зеленая планета» и «светило».

— Моя планета называется Землей, и она тоже третья от нашей звезды Солнца, — сказала она задумчиво, сопоставляя факты. — Расскажи мне что-нибудь о географии зеленой планеты?

— На Элиопатине шесть материков, окруженных со всех сторон морскими глубинами.

— Да, и на Земле все точно так же!

— Давай после ужина я отведу тебя в библиотеку, и мы посмотрим карту.

— Конечно! Отличная идея. — Она не стала добавлять, что обязательно узнает свою планету по карте, это же очевидно. Ей вовсе не хотелось выглядеть дурочкой в его глазах.

Немного задумавшись, Влада спросила не без толики смущения:

— Если мы проживаем на одной планете, как же так вышло, что между нами настолько очевидные различия?..

— Возможно, нас разделяют тысячелетия эволюции, либо же мы существуем одновременно, что-то вроде эльдины скэтип (транслятор перевел как «параллельная реальность»). Но как бы то ни было, наше общество не обладает технологиями путешествий между мирами, — объяснял он, не сводя с нее своих глаз цвета морской волны. — Истории нашего активного технического развития, видишь ли, всего три сотни лет. Мы добились многого, но без волшебства подобные сложные переходы нам пока не под силу. История нашего общества весьма занимательна. Я всегда любил легенды и мифы и мог бы рассказать много увлекательных примеров, но вначале я спрошу тебя: в твоём мире есть волшебство?

— Волшебство? Только в детских сказках, основанных на фантазии взрослых авторов, да в кино. Иногда в жизни встречаются ведьмы и экстрасенсы, но обществом принято отрицать сверхъестественное, списывая необъяснимое на выдумки и шарлатанство.

— Кино? Что это?

— У вас нет кино?.. Телевидение? Компьютеры? Радио?

— Насколько я понял из перевода, компьютеры — это наше все, радио — почти устаревшая технология. А вот о кино и об этом... втором, похоже, я слышу впервые. Мой переводчик не знает аналогов.

— У вас нет кино?! Я обязательно расскажу тебе. Но вначале хочу узнать ответы на свои вопросы, — намекнула она и добавила к фразе ту самую свою улыбку: ясную, зовущую, обещающую.

— Я так и предполагал, что там, откуда ты родом, нет волшебства. А в нашем мире оно есть. Скорее, было рассеяно по планете и составляло основу нашей экономики, общества, политики, всех сфер жизни тысячи лет. Но в связи с произошедшей катастрофой три с половиной столетия назад волшебство значительно ослабло, и мы все опасаемся, что оно покинет мир навсегда.

— Значит, ты правитель из волшебной сказки, принц на белом коне в стране, где живут колдуньи, растут волшебные леса и звери разговаривают? — спросила она ласково, но с недоверием.

— Так вот, значит, какие сказки у вас рассказывают детям? И в кино?

— Ну, примерно такие, да.

— Для нас все это было реальностью, кроме говорящих животных, конечно же. Да и леса можно было бы назвать волшебными только условно. А в остальном, да, так и было —

колдуны и колдуньи. Большинство населения нашего мира обладало волшебным даром, мы называли это *способностью*. В основном люди обретали слабые бытовые способности — например, могли затворять очень вкусное тесто из самых простых ингредиентов или разжигать взглядом огонь в печи. Единицы же, наоборот, становились могущественными чародеями — могли управлять стихиями или силой мысли внушать массам любые идеи. Чем сильнее был колдун, чем амбициознее были его планы, тем выше он мог подняться в прошлом. На должности Верховного правителя восседали самые могущественные из всех, которые политическими хитростями или силовыми методами одерживали верх над всеми оппонентами. Раньше их называли *Царями*. Власть не передавалась по наследству, ее завоевывали каждый раз заново после кончины предыдущего правителя. В том мире процветали коварство и интриги, но для обычных людей жизнь была интересной, творческой, разнообразной. У каждого была мечта, что однажды его дети повзрослеют, обретут впечатляющие способности и откроют двери в лучшее будущее для всех членов семьи. Впрочем, и обычная деревенская жизнь в те времена была не так уж и сложна: каждый выбирал род деятельности по своим чудесным способностям. Землю возделывать было намного проще: силой мысли деревенские пахари могли обработать гектары за день.

Влада слушала его и не смела вставить слова. Его рассказ был так страстен и при этом невероятен, что она и не знала, во что ей верить.

— После того, как волшебство покинуло нас, в мире разразился сильнейший кризис, — продолжил повествование Эрик. — Мы не обладали технологиями, способными обеспечить все население едой, жильем, одеждой, медикаментами без применения чудесной силы. Нам пришлось всему учиться заново, но мы справились. Однако заветной мечтой каждого элиопатинца остается возвращение светлого времени, когда *кумарун* имел полную силу. О плохом быстро забывается — кровавых войн прошлого люди почти не помнят. В памяти народа остались только добрые воспоминания о жизни в эпоху Великого кумаруна.

Влада уже знала это слово. Кумарун — это светящиеся неончики, которых скопилось в ее стеже порядка двадцати огоньков. Но она сделала вид, что слышит об этом впервые, и не выдала Эллу.

Эрик продолжил:

— Кумарун — это наша религия, денежная единица, а также вера в возрождение волшебства на планете. Посмотри, — указал он ладонью в небо, — приглядишься хорошенько.

Уже порядком стемнело, в темно-сизой дымке начали появляться звезды. В воздухе, метрах в пятидесяти или ста над землей кое-где мерцали яркие маленькие огоньки.

— Это кумарун? — спросила она.

— Да, джейя. Горошины синего кумаруна — это чистая природная энергия, единица волшебства. Сейчас мы наблюдаем сияние ночного кумаруна, но это лишь тень того, что могли бы увидеть лет четыреста тому назад. Согласно писаниям, в темнеющем небе кумарун мерцал тысячами крупниц одновременно и затмевал красотой звездное небо. Отчего-то он покидает наш мир, ученые никак не могут установить истинную причину изменений. Кумарун развеян по свету и живет по четким законам. Многие из них нам известны, но разгадать все его секреты мы не в состоянии. Видишь ли, в нем сокрыто зерно справедливости. Его нельзя отнять у другого насильно, можно лишь передать по доброй воле. Если вор захочет похитить чей-то стеж, горошины навсегда покинут вместилище и развеются по миру. Оттого их кражи происходят редко, если только злоумышленник не желает специально оставить неприятеля без средств. В былые времена каждый чародей для

совершения чудесных деяний расходовал именно частицы кумаруна. Чем сильнее волшебство — тем больше их затрачивалось в процессе. Сейчас же люди разучились колдовать. Кумарун все еще остается в мире, но по какой-то причине перестал выполнять функцию топлива для волшебства. Теперь мы используем его лишь в качестве платежного средства, наряду с золотом, серебром и электризмом. Ну, и любимся им, как мы с тобой сейчас... И сожалеем.

«Электризм! Сплав золота и серебра называется электризмом, я вспомнила!»

Ехидна чихнула: «Тебе подсказали!»

Эрик подлил ей в стакан сок, затем наполнил свой и продолжил:

— Мы по-прежнему верим, что когда-то прошлое возвратится, а сейчас на нашей планете лишь временный период затишья. Боль от утраты волшебства переросла в религию, которой вот уже почти триста лет. Мы молимся Владыке кумаруна и просим о возрождении великой силы.

— Владыке кумаруна?

— Кумарун живет по своим законам. Настолько сложным, что вероятность существования единого мыслительного центра весьма высока. Этот гипотетически возможный разум и окрестили Владыкой, — объяснил он.

Влада вновь уставилась на его запястье. Яркое свечение сине-фиолетового ядра завораживало — походило на маленькую вселенную в стеклянной оболочке.

— Покажи мне свой стеж, — попросил Эрик и взял ее за правую руку, развернув ядрышком к себе. Он посмотрел и воскликнул:

— Это удивительно! Сколько тут горошин? Двадцать две! Ты же надела стеж лишь утром. Ты притягиваешь кумарун как магнитом! Владыка любит тебя! — Он раскатисто рассмеялся.

Влада сделала испуганное лицо и спросила:

— Что это значит?

«Надеюсь, Эрик не религиозный фанатик?!» — подумала она про себя.

— Обычная скорость притяжения кумаруна в стяжатель — одна, две, максимум три горошины в сутки, — пояснил он.

— Ты сказал, стяжатель? — перебила она его.

— Да, стеж — это современная сокращенная форма, исторически верно называть *стяжателем*. Так вот, чем более аскетичный образ жизни ты ведешь, тем больше кумаруна привлекаешь, он не любит лодырей и обжор. — Он все еще не отпускал ее руки. — Ты же, Влада, за неполные сутки аккумулялировала двадцать две горошины. Рискну предположить, что завтра утром их будет уже более тридцати. Для кого-то в нашем мире это месячная норма.

— Я целый день мучилась от безделья и ни разу за сегодня не успела проголодаться. За что же меня любит кумарун?

— Ему виднее, ми джейя. Если б ты соблюдала законы накопления силы, возможно, его было бы больше...

— И что мне с ним делать?

— Я подарил тебе стяжатель, руководствуясь желанием проверить его действие на представителе другого мира. Видишь ли, усваивать из окружающей среды кумарун могут лишь люди — разумные существа. Животные на это не способны за очень редким исключением. Я расскажу тебе эти легенды как-нибудь потом. В наши дни долгие годы

никто не встречал подобных животных. Я был уверен, что ты сможешь собрать горошины, надев стеж, но я действительно удивлен эффективностью! Предстоит многое сделать, чтоб разобраться в причинах. Советую тебе скрывать стеж от людских глаз, не к чему афишировать дар. Подобным знанием могут воспользоваться не в твоих личных интересах.

— Куда же я его спрячу, может лучше снять?

— Нет, — уверенно ответил он. — У меня есть идея, ми джейя. Завтра я расскажу тебе с плане.

Влада мягко улыбнулась, млея от мыслей: «Он зовет меня “ми джейя” — моя красивая юная дева. Моя! Да нет же, это означает “милая девушка”. Все равно “моя”! Ох, Эрик, знаешь ли ты, что делаешь со мной? И как сказочно-поэтично твое чувственное имя...» Она с трудом вырвалась из пучины грез и сосредоточилась на теме разговора.

— Так каким образом я здесь оказалась, ты можешь рассказать об этом?

— Постараюсь, но вначале ты должна попробовать это блюдо. — Он протянул ей вазу с фруктовым салатом. — Это любимое лакомство, которое готовила моя мама, — сказал он с такой лаской в певучем голосе, что у нее сжалось сердце от воспоминания собственной матери, которая непременно с ног сбилась в поисках единственной дочери.

Влада обожала все, что было связано с детством, и оценила, что и Эрик, по всей видимости, относится к нему с благоговением. Она ничего не ответила, положила себе в тарелку две большие ложки салата и принялась уплетать десерт в медовом сиропе.

— Ми джейя, наша история богата событиями и весьма неплохо задокументирована, — принялся отвечать на вопрос прекрасный молодой правитель. — Если кто-то поставит целью детальное изучение этой науки, ему потребуется по меньшей мере лет двадцать с утра до вечера просиживать в библиотеках с фолиантами исторических трудов. И как ты догадываешься, это практически невозможно. В Эйдерине есть лишь три человека, чья компетенция в этой области достойна уважения. Пока мне известны два исторических факта, способных пролить свет на твой вопрос. — Он сделал паузу, повышая температуру интереса. — Пятьсот тридцать пять лет назад на свет появился Гепраст. Он обрел очень сильную способность — перемещение во времени: путешествовал и в прошлом, и в будущем, и неизвестно что в итоге натворил. Его делишки считают одной из вероятных причин того, что кумарун оставляет нас. У него были все шансы стать Царем, но врожденный дух авантюризма одержал верх и однажды он бесследно исчез, оставив притязания на престол. Кстати, есть вероятность, что старина Гепраст окажется сегодня на этой террасе.

— Ты шутишь?

— Вовсе нет. Он перемещался во времени! Отчего бы ему не заглянуть к нам на огонек именно сегодня. Во времена его молодости дворец стоял на этом же месте. Да и я не последний человек своего времени, с кем ему захотелось бы встретиться... По крайней мере, мне хочется в это верить.

— Дворец выглядит так... ну... современно.

— Его неоднократно перестраивали и обновляли. Но в целом, место резиденции Царей и Верховных правителей находится здесь уже почти тысячу лет. Гепраст был веселым парнем, если верить летописям. Думаю, что он не исчез бесследно, а просто предпочел жить в другое время. Возможно, он нашел свою любовь и провел с ней остаток лет где-то там — в будущем или прошлом.

Эрик говорил настолько проникновенно, что Владе сделалось неуютно. Он так тонко чувствовал, был так прекрасен внешне и внутренне, что все это просто не могло быть

правдой!

«В нашем мире, наверное, не осталось таких мужчин, — подумала она. — А как он говорит о любви... Бедный мальчик, а тут я со своим либидо».

— Так вот, ми джейя, перемещение во времени реально, — продолжил он. — Твоя догадка вполне обстоятельна. Скорее, мы все же в прошлом. Если кумарун покинет наш мир навсегда, однажды сотрутся все воспоминания о волшебстве из людской памяти; пожары сожгут все наши книги, и более ничто не сможет напомнить грядущим поколениям о времени кумаруна. Тогда этот мир сделается похожим на ваш.

— Это так печально, Эрик. — У Влады навернулись слезы.

— Более чем, моя красивая юная дева. Поэтому я хочу верить в другую теорию: примерно четыреста семьдесят лет назад в столице родился мальчик в семье простых горожан. Он обрел способность перехода в параллельную реальность. Внешне все выглядело так, что он в любой момент мог исчезнуть, а много позже появиться в другом месте. При этом он часто прихватывал с собой что-то из другого мира. После смерти Бэкета еще несколько десятилетий существовал музей, в котором собрали все, что он раздобыл из параллельной реальности за долгую жизнь. Правителем он не стал, но жил богато и был удачлив в любви. Когда капиталы после смерти были растрачены наследниками, музей расформировали. Кое-что из тех раритетов есть в нашей библиотеке, я покажу тебе.

— А как его звали, напомни?

— Его звали Бэкет. Бэкет Путешественник. Гепраст, кстати, носил такое же прозвище.

— Они не родственники?

— Нет, джейя.

— Фамилию, по-вашему «прозвище», каждый выбирает сам? — предположила она.

— Так было раньше. Но в некоторых случаях их давала молва. Например, когда способность слишком уж... — он задумался, — удивляла.

Влада игриво посмотрела на него, вынуждая сказать начистоту.

— Ну, к примеру, сложно было не называться «вонючкой», коли обрел способность извергать из себя зловонное облако. — Эрик с трудом сдержал улыбку.

— Что, и такое было? — хмыкнула она.

— Везло не всем, — сказал он, пожимая плечами. — Когда в мире повсеместно перестали происходить обретения, отцы начали передавать прозвища сыновьям по наследству.

— А какое прозвище носишь ты? — Влада обворожительно улыбнулась, заинтригованная подробностями.

— Всему свое время, ми джейя. — Он улыбнулся так загадочно, что у нее затрепетало внизу живота. Она набрала больше воздуха в легкие и продолжила восхищенно:

— Ты так хорошо знаешь историю, даже годы рождения волшебников помнишь!

— Леди Влада, я подготовился к нашей встрече и освежил знания в «Справочнике Великих способностей», — выдал он правду и предложил: — Еще салатик?

— Спасибо большое, Эрик. Я сделаю паузу.

Он расцвел, наверное, будучи довольным, что еда в девушку больше не помещается.

«Как сильно он изменился, — отметила она. — Такой живой, общительный, эмоциональный. И прекрасный рассказчик! А его родной язык как музыка: “Эйя бэнейя элиэйя станейя”», — мысленно спародировала фонетику эйдеринского Влада. Она продолжила тему:

— Значит, параллельные реальности существуют. Это было бы прекрасно. Мне хочется верить, что я остаюсь на родной планете. Если есть вход, возможно, существует и выход?

— Ты хочешь вернуться? — задал такой наивный вопрос этот двухметровый богоподобный человек.

— Эрик, это сложно. Каждый хочет быть на своем месте в мире. Там дом, родственники, друзья. — Она не сказала слово «семья», хотя, наверное, должна была, ведь она считала Сашку своей семьей.

— Понимаю, — сказал он и отвел взгляд в сторону.

«Так, надо срочно менять тему!»

— Я очень хочу увидеть карту и те вещицы Путешественника четырехсотлетней давности!

— Конечно, Влада. Мы сейчас отправимся туда, только... — Эрик был все еще задумчив и чего-то не договаривал.

«Что “только”?» — хотела переспросить она, но побоялась испортить момент. Казалось, он собирался сказать что-то такое, что было очень трудно произнести. «Что же он там собирается мне сказать?» — умирала она от нетерпения.

Он поднялся с места, обошел стол и вплотную приблизился к ней. Влада подняла глаза, и ей представилось, что перед ней стоит сам Тарзан собственной персоной — светловолосый, прекрасно сложенный, высокий атлет в серебристой юбке и жилетке. Вот только Эрик был не Королем джунглей, а правителем волшебного государства, а следовательно, намного превосходил книжного прототипа и по уровню образования, и благосостоянию, и возможностям. Он предложил ей свою внушительных размеров ладонь, она приняла ее и встала из-за стола.

Они свернули за угол террасы, Эрик подвел ее к перилам. Они находились на третьем этаже дворца, но, казалось, на высоте не менее пятиэтажного дома. Эрик облокотился на ограждение, выпустив ее руку. Внизу простирался ночной сад, а в воздухе над головами мерцал кумарун, и выше него — звезды. С этого ракурса стала хорошо заметна растущая луна, которая полумесяцем светила высоко в небе, навевая томное настроение.

— Луна! Это же Луна! Я точно узнаю ее! — воскликнула девушка. — Мы на одной планете, Эрик. Не может быть совпадения, что на разных планетах в двух точках вселенной есть две настолько похожие, с такими одинаковыми спутниками!

— Конечно, мы на одной планете, джейя. Мы рядом с тобой, здесь. Сейчас...

«О-о-о, нет, вернее... да-а!» — кричала она мысленно хором со своим подсознанием. Момент насквозь пронизан нитями романтики, более подходящего времени просто и придумать нельзя! Этот антураж: балкон, ночь, луна, звезды, принц, его фраза: «Мы рядом с тобой, здесь, сейчас...» Она таяла в предвкушении, а он все не решался.

«Поцелуй с Эриком? Нет, Вла-а-да-а! — попыталась она себя остановить. — Но ты же этого хочешь! Ну почему он медлит?..»

Эрик смотрел на нее с нежностью, стоя напротив в полуметре, но не переходил к ожидаемым ею действиям. Он произнес:

— Я хотел спросить... Только пойми меня правильно, я никогда не хотел причинять тебе вред и не захочу этого в будущем, ни при каких обстоятельствах. То, как произошла наша первая встреча... Ты, наверное, все неправильно поняла, и мне следует...

— Эрик, — прервала она этот нежелательный разговор. — Давай не будем омрачать наш прекрасный ужин. Это сложная тема, и мы обсудим ее в другой раз.

Он выдохнул с заметным облегчением и взял ее за руку.

«Он снова сжимает твою руку!» — ликовало подсознание, словно подростковое.

— Я хотел бы узнать, как в вашем мире принято ухаживать за девушками? — произнес он намного легче, чем секундами ранее.

«Неожиданный поворот! Он прямо меня спросил или я ослышалась?»

— Э-э-м... ну вообще-то, — начала она и улыбнулась одной из чувственных улыбок из своего арсенала, — традиционно мужчины дарят девушкам цветы. Некоторые дамы букетов не жалуют, считая это штампом. Но я их очень люблю, несмотря на то, что мужчины дарят их женщинам уже тысячи лет.

— Значит, цветы?.. А у нас нет такой традиции. Если мужчина подарит женщине цветы, она в лучшем случае высадит их на клумбе возле дома, но скорей всего, просто будет стоять в смятии, гадая, что это учудил ее ухажер.

Переводчик работал превосходно, Влада хорошо поняла эту игру слов. Она продолжила:

— Еще у нас принято дарить женщинам украшения, ну или другие вещевые подарки. Чем богаче мужчина, тем они обычно роскошнее. Также считается, что чем сильнее он любит, тем дороже должен быть дар. Правда, эта спорная логика обросла анекдотами. Вообще-то дело ведь не в цене, а в самом факте внимания, по крайней мере, я так считаю.

«Почему я так говорю? Я неправильно выстраиваю логику изложения... Он может подумать, что меня интересуют его деньги».

— Мы тоже дарим нашим женщинам подарки, — моментом поддержал он тему.

Влада чуть не сказала: «Я заметила», — но вовремя остановилась. «Я не его женщина, подобная игра слов может быть слишком преждевременной. Почему же он не поцеловал меня?!» Она просто улыбнулась ему и ничего не ответила.

— Цветы и подарки? Это все? — вкрадчиво уточнил он, будто бы на что-то намекая. Вот только она не смогла понять, на что именно.

— Ну, нет, не все... В ухаживании главное внимание. А его можно проявить тысячей разных способов. Например, приглашением на свидание в кино, театр, оперу, музей, прогулку, да куда угодно, лишь бы обоим было приятно находиться рядом. — Конечно, она приукрасила список мест для свиданий. Это кого же из ее знакомых хоть когда-нибудь приглашали в оперу?

Эрик выслушал ее и мечтательно уставился в небо. Влада поглядывала на его замерший в раздумьях профиль и не была уверена, что сейчас стоит что-нибудь произносить, шевелиться и как-либо иначе намекать на свое присутствие. Ей так хотелось знать, о чем он думает и почему сейчас не держит ее за руку.

— А как принято ухаживать у вас? — слова сорвались с губ вперед ее мыслей. «Черт, щекотливый момент», — с затаенной надеждой подумала она.

Он миготом отвлекся от созерцания ночных красот и игриво спросил:

— Кроме подарков?

Влада комично кивнула.

— Наши мужчины всегда стараются накормить девушку. И чем больше она при этом съест, тем довольнее будет кавалер. Это означает, что дама принимает его ухаживания.

— О боже! Я съела вселенную! — тут же воскликнула она и откровенно рассмеялась.

«Он подумал, что я принимаю его ухаживания? — спросила она свое внутреннее «я». — Еще и голубое платье сказало ему об этом... Ну что ж, он все правильно понял, прочел меня как открытую книгу, хоть ела я при нем без задних мыслей... Вообще-то, с задними... Ну, ты

же поняла, о чем я!»

Она попыталась заглушить свое смущение продолжением разговора:

— И как же ваши девушки при этом не толстеют?

— Их так воспитывают: когда их угощает мужчина, ни в коем случае не следует съедать полные порции. Пару зерен — вот их норма. И только если девушка хочет завоевать сердце именно этого кавалера, она позволит себе съесть при нем чуточку больше. Мужчина в нашем мире при этом поймет, что она ожидает от него предложение руки и сердца. — Неожиданно он стал очень серьезен, хотя еще недавно весело шутил и смеялся. — Тогда ему остается сделать лишь выбор: соответствовать ожиданиям или бежать сломя голову.

Влада подметила из его рассказа, что выражение «предложить руку и сердце» имеет одинаковый смысл в обоих мирах, ей показалось это символичным.

— Что же ты думаешь сейчас обо мне? — спросила она в надежде на откровенность. Ее взгляд был устремлен в его «океаны», ставшие в тусклом освещении ночной террасы темно-синими.

— Ты... ми джейя... — промолвил он и остановился на несколько секунд. — Ты не знаешь наших традиций и вовсе не обязана их соблюдать, даже когда узнаешь. Я был уверен, что эти премудрости с едой тебе неведомы.

— А зачем тогда спросил про наши обычаи? Если был уверен, что я наелась при тебе не в попытке дать однозначный намек?

— Я захотел, — сказал он так просто, без пафоса, как само собой разумеющееся. Его короткий ответ показался ей сексуальным.

Повисла пауза. Влада нарушила тишину первой:

— А на деловых ужинах девушкам тоже запрещено кушать в присутствии мужчин?

— Но ведь ты надела голубое платье? — намекнул он и подмигнул.

Дверь на открытую террасу в этот момент распахнулась, и в ней показался мужчина в серебристом камзоле. Эрик быстро развернулся к незваному гостю и на несколько шагов отошел в его сторону. Влада воспользовалась паузой, выдохнула и подумала: «Ужас, я, наверное, сейчас красная как помидор! Хорошо, что Эрик быстро отвел взгляд и не заметил, скорей всего. Эх, голубое платье...»

Мужчина что-то тихо и коротко сообщил Эрику, но Влада не могла расслышать слов. Эрик вновь обернулся к ней, однако на этот раз с неопределенным выражением лица.

«Что-то случилось? Почему он так переменялся?»

Он приблизился к ней, остановился в метре и произнес безэмоционально, будто всего, что только что было, — вовсе не было:

— Леди Влада, я прошу меня извинить, появились непредвиденные обстоятельства. Я вынужден вас покинуть.

«Почему он так холоден? Зачем на “вы”? Почему не возьмет снова за руку?» — негодовала она мысленно.

— Да, я понимаю, — пришлось ответить ей, но она даже не скрывала своей печали. — У тебя все в порядке?

— Мы еще осуществим наши планы. Приятных тебе снов, — сказал он, но это не было ответом на вопрос.

— Силан! — обратился он к невысокому полноватому мужчине средних лет, который также появился на террасе. — Будь любезен, проводить леди Владу в ее апартаменты. — Затем он еще раз коротко посмотрел на нее, повернулся и вышел вон.

«Я хочу открыть глаза»

Силан не сказал ни слова по дороге до ее комнаты. Влада подозревала, что у него не было переводчика или, может, ему просто не хотелось общаться с ней. В принципе этот вопрос практически не заботил ее. Она вошла в комнату, прикрыла дверь и прислонилась спиной. Вокруг было пустынно, бесцветно, скучно. Еще недавно спальня нравилась ей, что изменилось сейчас?

«Пустота. Полость. Дыра внутри. Холодный пол. Пустая постель», — нехотя она ответила себе на вопрос.

Влада ненавидела спать одна, ей необходим был кто-то, кто спит с ней ночью рядом. Просто спит, пускай без секса, пускай очень часто без секса, но кто-то, кого она сама выбрала, должен был проводить с ней ночи в одной постели. Если проанализировать ее жизненный путь, она никогда не страдала одиночеством, поэтому причину своей нелюбви к ночной пустоте Влада не понимала, но старалась идти по жизни так, чтобы соседнее место в кровати всегда было занято. Вчерашней ночью она не почувствовала дискомфорта — слишком многое произошло за день, она моментом отключилась. Но сегодня ей вновь предстояло спать одной... Куча мыслей в голове, эмоции, переживания; много часов впереди в белой холодной кровати. Возможно, ей суждено проводить ночи так до конца своих дней, если она не отыщет дорогу домой.

«Будет ли когда-нибудь Эрик согревать меня ночами? — сама того не желая, задумалась она. — Каким образом я себе это представляю? Секс между нами по-прежнему невозможен, а играть роль моего плюшевого медвежонка для ночных обнимашек он вряд ли станет...»

— Пойду в душ, смою отчаянье, — сказала она негромко.

Пять минут, десять, пятнадцать... Влада отключила голову и стояла под смывающими напряжением прошедшего дня потоками. Когда сознание вернулось, она не знала, сколько времени прошло, но ей стало лучше.

«Что мы имеем, если посмотреть на все без эмоций? Ничего плохого не произошло, — заключила девушка. — Его просто неожиданно отвлекли государственные дела, и ему пришлось уйти. Так холоден он был оттого, что не хотел показывать этому Силану свои чувства. Он Верховный правитель! Рэйс кэнт Эрик, — припомнила она по-эйдерински. — А тобой, девочка, управляют одни эмоции и неудовлетворенное либидо... Вот почему мне сейчас так плохо. Нет объективных причин для состояния, в котором я сейчас нахожусь. Не думаю, что он специально подговорил “друга”, чтобы сбежать с “делового ужина” пораньше. Нет, это недостойно Эрика».

Она вышла из душа, постирала свои (единственные!) трусики и заметила, что в углу на крючке висит халат.

«Халат! Самый обычный банный халат! Прекрасно. Почему именно сейчас, а не раньше? Может, и пижаму приготовили?»

Влада укуталась в махру и вышла в комнату чистой, свежей, с абсолютно голым лицом. К сожалению, пижама ее нигде не поджидала. Скинув на тумбочку халат, она юркнула под одеяло, чтобы воображаемый наблюдатель не сильно обольщался на этот раз.

«Надо будет попросить Эллу дать мне что-нибудь для сна, — решила она. — А пачка новых трусиков была бы вершиной моих мечтаний! Они здесь что, трусы не носят?» Девушка сама ответила на свой вопрос: если бы местные их и носили, то ей бы вряд ли они подошли по фасону. Она решила: «Все равно спрошу ее, не обращаться же к Эрику с такими

вопросами...»

Влада хлопнула в ладоши, и освещение погасло. В голове промелькнуло: «Удобная система, хотя и в нашем мире подобные существуют. Правда, видела я такое только в кино». Она понимала, что уснуть сегодня ей будет непросто. Как бы ей ни хотелось ни о чем не думать, мысли сами лезли в голову.

«Эрик не знает, что такое кино! У них нет телевизора и телевидения. И кинотеатров, значит, тоже нет! И соответственно, последних рядов для поцелуев ... — Она задумалась, припомнив волнительные истории прошлого, которые не случились бы с ней в мире, лишенном кинотеатров. — Вот если б я разбиралась в устройстве телека, я обязательно бы все рассказала и принесла в их мир это великое чудо. Они бы оценили по достоинству, раз все вокруг такие фанаты волшебства. Но что я могу сказать о телевизоре? Экран, кинескоп, ЖК, плазма, электронно-лучевая трубка, провод, розетка... Еще диктор центрального телевидения и прогноз погоды — вот и почти весь перечень моих познаний, а как это все работает, я понятия не имею. Когда-то я видела сюжет о телеках в “Как это работает”, но мне ни за что не вспомнить и не воспроизвести».

«Тебя действительно сейчас волнует вопрос о заре телевидения в Эйдерине? — усомнилась Влада в своем альтруизме. — Нет, признаюсь, больше всего меня беспокоит Эрик. Как случилось, что меня настолько влечет к нему? Может парфюм у него с феромонами? Да, пах он просто божественно... Так тонко, так горячо. А как он трогал мои руки... м-м-м. А как стремительно подхватил, хотя я всего лишь споткнулась. Вот же неуклюжая! — От воспоминаний ей вновь сделалось неудобно. — А глаза? Он практически не сводил их с меня... И я вела себя достойно, почти не облажалась. Смогла не быть стервозной, наоборот, даже скромничала. Да, я молодец, надо себя похвалить».

Влада рассмеялась в голос следующему воспоминанию: «Налопалась там при нем, он, наверное, уже испугался, что должен жениться, раз я столько схомячила! Более чем уверена, что в их гражданском праве столько заморочек, что жениться на мне он не смог бы ни при каких обстоятельствах, даже если б страстно желал стать моим плюшевым мишкой. Он царь, правитель целого народа! А ты для них даже не человек в привычном понимании этого слова».

«Но почему ты так уверена, что вы принадлежите к разным видам? — усомнилась она в справедливости прежних выводов. — Не будь так категорична, еще ничего не доказано. Причина различий может быть самой невероятной, но вовсе необязательно мы очень далеки друг от друга в генетическом плане. Судя по всему, я все же нахожусь на Земле. Единственные разумные прямоходящие существа здесь — люди. Прошлое сейчас или будущее, другое ли измерение, но все же Эрик и ему подобные с большей вероятностью являются именно людьми, коли уж они земляне. Их анатомия может быть результатом какой-то мутации, но это не делает их гарантированно другим биологическим видом. Возможно, мы даже могли бы скрещиваться, если б изыскали способ. И даже давать потомство... Вот плодовитое ли оно будет? Скорее нет. Лошади и ослы ведь тоже спариваются, но их потомство стерильно».

«А возможно, это ветвь, которая пошла от неандертальцев, к примеру... — предположила она. — Ну, хватит биологии! — остановила она себя. — Тогда вот тебе мифический вариант — он действительно эльф, во “Властелине колец” они с людьми неплохо мутили...»

«К черту и сказки, и биологию! — отмахнулась она от всех вопросов без ответов. —

Почему он не поцеловал меня? Все говорило в пользу поцелуя: место, время, вступление: «Мы рядом с тобой, ми джейя, здесь, сейчас»... Вау! Почему после таких слов он не поцеловал меня?.. Что-то его остановило... Он боялся спугнуть тебя или не хотел торопиться, — ответила она себе. — Думаешь, он не понимает, что ты другая, во всем другая! Он, как и ты, напуган, смущен, не знает, что будет дальше. Боялся тебя, в конце концов. Тебя мужики вообще часто боятся, наверное, из-за своих каких-то комплексов, не об Эрике будет сказано, хотя...»

Влада продолжила воображаемые дебаты: «Ты свалилась на него вчера, будто с неба, накричала, трусы стянула. Да и он был не при полном параде, думаешь, ему не стыдно за свой внешний вид? Да наверняка как минимум неудобно... — оправдывала она его поведение. — Но чем он там вообще занимался? Разве после оргии на площади чего-то можно вообще стесняться?.. Скоро ты в этом разберешься, я уверена. В общем, все в комплексе могло послужить причиной того, чтобы поцелуя не произошло, — вынесла она вердикт. — Будь довольна, что он посылал тебе достаточно намеков, что думает о чем-то подобном. Будет у вас еще поцелуй, или я совсем ничего не понимаю в мужиках».

«Ну вот, допустим... Предположим, что он сознательно, по своему выбору делал это на площади и будет заниматься подобным и впредь... Как ты отнесешься к этому? Стояла бы ты с ним на балконе, мечтая о поцелуе?.. Что, уже не так все и страшно, да? Красивым царям с деньгами и властью разве не позволены такие прихоти? Пожалуй, допустимы... Но я не желаю в этом участвовать! То-то же. Не забывай про это, пожалуйста, не обольщайся на его счет, чтоб потом не кусать свои острые локоточки».

«А почему я не спросила его про Ксюху?! — воскликнула она громким внутренним голосом. — Подруга, называется! Ну, не такие мы уж и близкие подруги, надо признать. Но все равно, мы с ней две морковки одного вида на этом свекольном поле. Или мы свеклы — они морковки... Неважно, дурацкое сравнение».

Влада перевернулась со спины на бок, положила ладони под голову и переключила мысли: «А мир? Их мир такой удивительный... Владыка кумаруна, ну ничего себе! Доказательства его волшебной силы неоспоримы: неончики летают туда-сюда, несут зерно справедливости. Сами знают, кто трудится, а кто лентяйничает. Убегут от тебя, если ты стырил чужой кошелек. С ума сойти! Вот это религия, и доказательства веры никакие не нужны! Сказка, одним словом. Не жизнь, а сказка. Особенно в прошлом — ведьмы, колдуны, путешествия во времени, возможность встречи с чуваком пятисотлетней дряхлости на террасе дворца августовским вечером... Мне это напоминает встречу Воланда и Канта. Все это так невероятно и совсем не похоже на наши сказки ни братьев Гримм, ни Андерсена, не говоря уж о русских народных».

«Это сказки короля Эрика... Эх, написать бы книгу», — мечтала она, погружаясь в сон.

На этом моменте она постаралась сосредоточиться и не пускать в голову больше ни одной мысли об ужасно-прекрасном, о кумаруне, который «любит» ее (лучше бы ее любил Эрик, а не Владыка), ни о чем, что случилось с ней за минувшие сутки. И ей вскоре удалось уснуть.

***

Влада проснулась среди ночи. Снов она не видела, но отчего-то резко пробудилась. В комнате было темно и тихо. Рядом с кроватью, в кресле виднелся мужской силуэт. Она знала, кто это. Она не испугалась. Как будто бы проснулась с осознанием, что он пришел к ней. Он должен был прийти. Она взяла с тумбочки переводчик и надела.

— Эрик? — спросила она, прекрасно понимая, кто сидит перед ней.

Он не ответил, опустил с кресла на пол у кровати и взял ее ладонь в свои руки. Их лица оказались в метре друг от друга в полумраке комнаты.

— Влада, — произнес он и громко сглотнул. — Я не был честен с тобой. Слово «джейя» переводится действительно как «красивая юная дева». Я соврал тебе тогда, прости. Я испугался, не знаю, чего конкретно, и на ходу придумал новое определение. Переводчик ошибается редко.

— Ты пришел посреди ночи, когда я сплю голая, чтобы сказать мне это?

— Прости, — ответил он тихо. — Я не хотел ждать до утра. Я не мог. Ты простишь мне эту прихоть?

— Не надо просить прощения, я ценю, когда мужчина честен со мной.

Он молчал.

— О чем ты думаешь? — спросила она, не зная, о чем вести разговор и стоит ли сейчас его продолжать.

— Ты сказала, что ты голая. Я думаю об этом.

— Это моя комната.

— Прости меня. Я не знаю, что говорю и что делаю. А то, что я думаю, просто непозволительно.

Влада пропустила вдох. Стоило ли спрашивать, о чем таком еще он думает? Она одна в комнате, ночью, голая, нужно лишь отвернуть одеяло — и вот она вся! Но это небезопасно, для нее в первую очередь. Что она хочет от него? Поцелуев, объятий — да, очень хочет. Прикоснуться к нему, погладить, пощупать — безумно. Но все эти прелюдии обычно заканчиваются настоящей близостью. Как они остановятся? Смогут ли насытиться обжимашками? Влада очень в этом сомневалась. Здесь, в ее комнате, у нее не будет путей для отступления, если сейчас она разрешит ему, хоть что-нибудь позволит.

Он сжал ее руку и спросил:

— Почему ты молчишь?

— Я думаю.

— О чем?

— О нас.

В комнате снова воцарилась тишина. Он не решался на новые вопросы, она же боялась испортить момент. Атмосфера между ними наэлектризовалась настолько, что она физически ощущала эту энергию. Влада с трудом выдавила из себя:

— Ты чувствуешь то же, что и я?

— Всем телом, — ответил Эрик. А после недолгой паузы добавил: — И душой.

«Достаточно ли это убедительное объяснение его отношения ко мне? — советовалась она с подсознанием. — Могу ли я это трактовать, что он хочет меня и думает, что не только физически? Я нравлюсь ему настолько, что полагает, задета и его душа? Что ж, я поняла именно так... Нужно ли уточнять? И что дальше? Что после такого разговора вы прикажете мне делать? Предложить ему прилечь рядом? Выпроводить из комнаты? Броситься с поцелуями? Я понятия не имею, что мне делать!»

— Мне пора уходить? — Эрик нарушил тишину, и это был вопрос к ней, а не констатация факта.

— Нет, — сказала Влада. Этого варианта она не хотела больше всего. Так что же ей выбрать? Он предоставил ей свободу действий. Этот мужчина готов к любому ее

предложению. Пожалуй, игра идет по ее правилам, и если она не захочет, ничего особенного не случится... Но ее желания так опасны, кто остановит ее саму?

— Эрик, — обратилась она, и в тишине его имя из ее уст прозвучало как голос ангелов. — Поднимись и сядь на кровать.

Он послушно исполнил просьбу (или это был приказ?), поднялся с пола и сел на краю возле ее бедер, горящих огнем под одеялом. Метр девяносто с гаком, сидящий как первоклассник за партой: спина ровная, напряженная, ноги согнуты под прямым углом, руки на коленях.

— Я попрошу тебя выполнить мою просьбу, — произнесла она загадочным голосом.

— Я выполню любую твою просьбу, джейя.

— Закрой глаза и не открывай, что бы ни происходило. Пока я не разрешу тебе.

— Обещаю. — Он закрыл веки.

— Помни, не открывай глаза.

Она секунды помедлила и выбралась из-под одеяла, сев рядом с ним, подогнув под себя ноги. Влада принимала решение: «Нужно ли мне надеть халат? В наготе и состоит вся пикантность игры. Он не должен открывать глаза, а я обязана быть голой. А что, если он их откроет? — подумала она. — А вот и проверим. Он обещал не открывать. Какова цена царскому слову? Если он посмотрит, я не прощу его... Сегодня».

Девушка находилась практически вплотную к нему: между ее коленей и его бедрами было не более пяти сантиметров. Голова Эрика была обращена к окну, и ее губы находились напротив его уха. Она не понимала, как ей действовать дальше: «Черт, надо его как-то развернуть или стоит сесть ему на колени? Нет, колени — это перебор... Ну, действуй же!»

Она взяла его тонкими пальцами за подбородок — он слегка встрепенулся.

«Конечно, он же не знает, чего от меня ожидать, — оправдывала она причины его неподатливости. — Хотя, вряд ли он рассчитывает сейчас на нечто большее, чем поцелуй?.. Ну, ведь я права, права же?..»

Влада повернула его голову к себе — он не размыкал век.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Да, он не облегчает мне задачу: губы сомкнуты, а ведь мог бы и подыграть...»

Обнаженная девушка прикоснулась указательным пальцем к его губам, те затрепетали. Она не спеша провела по ним туда и обратно, затем повторила движение еще раз, очарованная ощущением на подушечке пальца. Губы были такими мягкими, довольно полными, чувственными. Под действием ее нежных касаний рот Эрика приоткрылся, и она страстно впиалась в него своими губами.

«Что это происходит? — тут же подумала Влада. — Он что, не умеет целоваться? Не может быть! Он точно не девственник, гарантированно. Окоченел от страха?»

Влада знала, что хорошо целуется. Дело-то немудреное как-никак и приятное.

«Что с Эриком? Он не хочет поцелуев? — не понимала она причин его заторможенности. Девушка отстранилась. Секунда, две, три... Эрик не открывал глаза. — Конечно, он же обещал мне, — вспомнила она. — И что, так и будем сидеть? Я не хочу ничего ему говорить более, пусть проваливает с закрытыми глазами!»

Десять секунд, пятнадцать... Тут он резко вытянул руки в ее направлении и увлек в свои объятия. Его губы прильнули к ней. «Надо же, он отошел, — дала она скептическую оценку в мыслях. — Страстным поцелуй еще не назвать, но уже намного лучше...»

Он начал отвечать ей, двигая языком. Его дыхание подстроилось и стало таким

влекущим, сладостным, напомнив ей образ из сна. Казалось, он повторял ее движения: она посасывала его губу — и он посасывал. Она игриво шевелила языком — он делал то же самое. «Он правда впервые целуется, что ли? — снова предположила она, не желая верить этому дурацкому объяснению. — Да ладно, не может быть!» Влада запустила пальцы в его локоны — такие густые, приятные, мягкие волосы. Жидкое золото. Эрик повторил действие за ней и вскоре потягивал пряди на ее затылке так, как она любила. После того, как она сделала каре, открыла новую эрогенную зону на своем теле — затылок. На длинных волосах такие приемчики не работали.

Поцелуй длился долго, но девушка захотела кое-что уточнить и отстранилась. Эрик не стал этому препятствовать. Она совершила попытку забраться под одеяло, но он остановил ее словами:

— Пожалуйста, не надо, ми джейя. Не покидай меня.

«Он хочет, чтоб я осталась рядом, или желает увидеть голую, или что вообще он имеет в виду?!» — анализировала она в растерянности.

— Чего ты хочешь, Эрик? Я не понимаю тебя.

— Я хочу, чтоб ты осталась рядом. И я хочу объясниться. И хочу открыть глаза.

Влада сглотнула, вновь не доверяя своим ушам. Она прокрутила в уме его ответ и осознала, что он хотел рассказать ей о причинах своего поведения, при этом смотреть на нее голую, сидящую рядом. «Допустим, но что же дальше?» — подумала она и сказала:

— Хорошо, я согласна.

— Я могу открыть глаза?

— Да, ты можешь их открыть.

И он открыл. В комнате было темно, но все-таки света хватало, чтобы разглядеть все, что хотелось бы «голодному» человеку. Она видела, что его взгляд упал на ее грудь, спустился на секунды ниже и далее поднялся до уровня глаз.

— Ты прекрасна, Влада. Невообразимо прекрасна и неповторима.

В этот раз она не стала благодарить за комплимент, не возвратив сдачу в виде «спасибо», оставила себе все услышанное без остатка.

— Я должен объясниться, наверное. То, что ты сейчас со мной делала... я не знаю, что это было. Мы не занимаемся подобным. Я не умею... и понятия не имею, как это делается и для чего. Наверное, для тебя это естественно и ты ожидала, что и для меня тоже. Но я не такой.

«Вот так гадство! — осознала она масштаб бедствия. — Они не умеют целоваться, вообще никто из них и никогда. Наверное, ему было противно, что я сую свой язык в его девственный рот. Черт! Черт! Теперь понятна его первоначальная реакция».

Она молчала.

— Скажи что-нибудь. Я чувствую себя виноватым.

— Прости, я даже не догадывалась... Это так странно, что вы не целуетесь. Тебе не понравилось?

— Я не говорил такого. Это было необычно, но мне понравилось. Да, мне очень понравилось, и я хотел бы этому научиться так же, как это делаешь ты.

Влада зарделась. Он постоянно заставлял ее краснеть. Она на время позабыла о наготы, но, черт, она ведь была голая, и он жадно смотрел на нее в полумраке комнаты.

— А как же вы выражаете свои чувства в физическом плане? Если не целуетесь, то как начинаете, ну... телесный контакт?

— Цэ-лу-э-тэсь, — повторил Эрик. — Мой переводчик не знает этого слова.

— То, что мы делали, — целовались, а если изменить языковую форму, то я подарила тебе поцелуй, ну или ты мне.

— По-цэ-луй. Цэ-ло-вать-сэя. Я запомню.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Я боюсь тебя испугать. Честно признаться, этот по-цэ-луй настолько нов для меня, что я вижу себя таким жалким в твоих глазах... — печально произнес Эрик. — Ты никогда не встречала никого менее опытного в вопросах любви твоего народа. Я точно младенец вашей расы. По аналогии — то, как это принято у нас, наверняка испугает тебя, а я не хочу этого.

— Нет, я должна знать. И ты не выглядишь жалким в моих глазах. Просто я не была готова к тому, что все обстоит именно так. Я подумала, что ты не хочешь целовать меня. А это очень разные вещи — не хотеть и не уметь.

Эрик опустил голову и принялся вертеть в руке уголок одеяла, видно, подбирая слова. Он долго не решался, но все же произнес:

— У нашего народа вся сексуальная энергия сосредоточена в одном месте — экто.

Переводчик в ухе сообщил, что слово «экто» на русском означает «фаллос».

«Спасибо, хотя бы не “член”, — бросила мысленно Влада. — Не хотела бы я слышать это слово в своем ухе часто... Ну конечно, его экто, гигантский экто... Кто бы сомневался, что это центр наслаждений».

Она ничего не произнесла вслух, не желая прерывать его рассказ.

— Экто есть и у мужчин, и у женщин, они устроены по-разному, конечно. Ну, ты же все видела... Судя по твоей реакции, мужчины-элиопатинцы сильно отличаются от ваших, так?

— Да, это так. Но я не хочу это обсуждать сейчас.

— Хорошо, не будем. Все наши сексуальные утехы связаны с экто. Он многое умеет, но я тоже не хочу сейчас это обсуждать.

— А объятия, прикосновения, оральный секс?

— Я не понял, что означает «ротовой секс», мы не используем это. А объятия и прикосновения у нас не являются чем-то особенным, выражающим сексуальные чувства. Для этого мы пользуемся экто, в основном только им.

От обилия повторений «фаллос» в ухе она почти свыклась с этим словом.

— Различия между нашими культурами весьма значительны, — резюмировала она. — Скажи, сегодня ты не раз прикасался к моей руке. Это что-то значило для тебя? Или так же ты поступаешь со всяким, с кем общаешься?

Эрик опустил голову.

«Черт, это плохой знак».

— Я не хочу тебя огорчать, но и не могу врать тебе. Да, подобные прикосновения — это норма. Я могу дотронуться до любого человека — мужчины, женщины, с кем в данный момент веду разговор. Это означает, что мы внимательно слушаем собеседника и нам нравится тема обсуждения. Но общаясь с тобой, джейя, я вкладывал в прикосновения смысл. Они были приятны мне, чему я сам немного удивлен. Держать тебя за руку это не то же самое, что прикасаться к другим мужчинам и женщинам.

— Мы же вкладываем очень большой смысл в прикосновения, — объяснила свою позицию Влада. — И не трогаем никого, кроме любимых, близких друзей и иногда родителей. В сексе объятия и всевозможные касания — это одна из важнейших

составляющих, отличающих отношения по любви от связей ради, как бы сказать, просто секса, ты понимаешь?

— Я хорошо понимаю тебя. Секс по любви — редкий дар. В моей жизни очень давно нет секса по любви... — Эрик поник.

«Бедный мой мальчик», — подумала Влада. Отчего-то ей уже не в первый раз было больно видеть его грусть. Она поняла, что сейчас вновь совершенно неподходящее время, чтобы расспрашивать о событиях на площади.

— А у тебя? — он задал неожиданный для нее вопрос.

«Вот так блин, он спрашивает меня об этом!.. Что ответить на такое? — метались ее мысли. — Давно ли у меня был секс по любви? Он застал меня врасплох, и сейчас я все испорчу, если скажу правду».

— Эрик, все сложно. Я не знаю, правильно ли ты поймешь меня. Возможно, наши традиции покажутся тебе дикими, как и некоторые ваши обычаи мне. Я довольно зрелая женщина, состоявшаяся. У меня был ошибочный брак по молодости. Мы расстались давно, и у нас не было детей. Но последние несколько лет я состою в отношениях. Мы не женаты, но живем вместе и спим в одной кровати. Мы хорошо понимаем друг друга. В нашем мире этого достаточно, чтобы считать его спутником жизни и быть довольной таким положением вещей. Но если ты спросишь меня — по любви ли у нас происходит секс, я не могу ответить тебе ни «да», ни «нет». Когда-то давно мы были близки и духовно, и физически, но уже довольно долгое время в наших сексуальных отношениях случился разлад. Мы не понимаем друг друга, и нас почти не влечет. Наши контакты редки, и я не ощущаю любви в эти минуты.

Эрик молчал, но чувствовалось его напряжение.

«Возможно, он ревнует?» — предположила Влада.

— Почему ты не сказала мне раньше?! Ты замужем! — не смог более сдерживать эмоции он. Его лицо исказилось.

— Нет, я не замужем, — попыталась она объясниться. — Мы не давали клятв верности. У меня не было возможности ничего объяснить тебе ранее. Ты спросил сейчас — и я тебе честно ответила. Я допускаю, что ты не так все понял...

Эрик резко поднялся на ноги:

— Мы цэ-ло-ва-ть-ся!

— Мы целовались, да. Но это не считается значительным преступлением в нашем мире, — сказала она ему, пытаясь сохранить спокойствие в голосе.

— Но ты голая передо мной!

— А ты трахал на площади пять десятков женщин! — не сдержалась она. — Это считается целомудренным в вашем обществе?

«Черт! Ну, зачем я сказала так?» — ругала она себя мысленно, зная, что будет сожалеть о своих словах.

— Ты не понимаешь всего! — негодовал Эрик, при этом чувствовалось, что он готов разнести сейчас всю комнату, но сдерживает ярость. — Я не занимался с ними любовью, и не сплю в одной кровати ни с кем! Цэ-ло-вать-ся — это ничего не значит, да? Так зачем ты делала это со мной?! Я открылся тебе, называл тебя «ми джейя». Но для тебя это не имеет значения, ты замужем. — Он пристально уставился на нее, видимо, ожидая дальнейших объяснений. Его лицо перекошилось от боли и гнева.

«Что с ним такое? Мне страшно, — поняла свое состояние Влада. — Что ответить на

все это? Он ведь частично прав... Получается, я играла его чувствами». Не зная, что еще можно сказать в свое оправдание, и стоит ли сейчас вообще чего-либо говорить, она спряталась под одеяло с головой — поступок инфантильный, но только этот выход она отыскала сейчас, дабы не наговорить ему глупостей или гадостей.

Спустя пять секунд стремительные шаги Эрика сказали ей, что он покинул комнату. Дверь щелкнула.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Последний Победитель

11

Мистер Дарси нашего времени

Влада не вылезала из-под одеяла и плакала, не сдерживая слез. В ее груди образовался ком, давящий на внутренности, терзающий душу. Вскоре дышать с накрытой головой стало нестерпимо трудно, она скинула одеяло и вдохнула полной грудью. Кажется, слезы немного облегчили боль, а быть может, это кислород повлиял так, но она смогла быстро остановить рыдания, поняв, что лучше бы ей как следует подумать.

«Как сильно все запуталось. Как мне справиться со всем этим? — в надежде отыскать решение спросила она себя. — Ох, Эрик! Он точно подросток, который первый раз целуется со старшеклассницей, а после набрасывается с обвинениями в измене за то, что она научилась целоваться до него. Ну, ей-богу, все примерно так и обстоит!» — рассудила она, вцепившись зубами в правый кулак.

Обратив, наконец, внимание, что не контролирует движения тела, Влада выпустила руку изо рта и присела в кровати. «Но так ли беспочвенны его обвинения? — откровенно спросила она себя. — Действительно, я не свободна. И до недавнего времени меня устраивала моя жизнь. Посмотрела ли бы я на Эрика в Москве? Вряд ли, хоть он и красив, но не моего поля ягода в нашей реальности. Я всегда предпочитала быть ярче своего спутника жизни. Эрик же затмевает меня десятикратно. Я бы умерла от ревности, будь он «временно моим» в Москве. Ну а здесь по-другому что ли? Да он же царь, и каждая мечтает выйти за него... — Она покачала головой. — Не получится у нас ничего! Все куда серьезнее, чем разница в анатомии. У него другие привычки в сексе, иные взгляды на обычные вещи. Ведь не зря говорят, что браки между иностранцами редко бывают удачными. Различия культур — серьезное препятствие, которое сложно преодолеть во времени. Мы же с ним не просто русский и американец. Мы далеки, как Гомер и Тина Канделаки, и это не самый удачный пример».

«И ты снова недоговариваешь, подруга... Дилемма не ослабла, наоборот. Пора бы определить позицию по Сашке. Ты поступаешь аморально... — твердил внутренний голос. — Ну здравствуй, совесть, — ответила она. — Здравствуй — и заткнись! Я не могу принять такое решение, пока не могу».

Она взъерошила руками волосы и похлопала себя по щекам в попытке переключиться.

«Почему он так остро воспринял мою историю, ведь сам хотел откровенности? Видимо, не был готов к подобному ответу, понапридумывал себе чего-то... Он что, в меня влюбился? Не я одна такая, нас двое? И что же нам делать? Как наладить отношения, и стоит ли пытаться? Может лучше оставить все как есть? Но я в его дворце, на его содержании. Постой-ка... — Она обратилась к своему стежу. — Десять... двадцать... тридцать два кумаруна. Он сказал, что некоторые столько получают в месяц. Значит, я не бедна. Еще

несколько дней продержаться, и можно прокормиться самостоятельно. Но разрешат ли мне влиться в общество, выпустят ли из дворца? Может, нам действительно лучше не видеться? Забыть все, ведь почти ничего особенного и не было. С глаз долой — из сердца вон».

Ехидна добавила: «Таких красавчиков тут, по-видимому, немало водится. Ты сможешь стать мамочкой и учить целоваться какого-нибудь другого “Эрика”, возможно, и экто у него будет поменьше».

— Ну что за черт! И ты заткнись! — Она утерла остатки слез краем одеяла.

«Экто — звучит красиво. А выглядит?.. Ужасающе выглядит!» Она зажмурилась и откинулась на подушку.

«Если мы помирился, что дальше? — в надежде подумала девушка. — Всем своим ощущениям они обязаны экто... Что я буду делать с этим экто? “Сунул-вынул” у нас не получится. Оральный секс? Они даже не знают что это такое! — недоумевала она. — Обниматься у них тоже не принято, а мне нужны тактильные контакты. А он-то сможет доставить мне удовольствие? Я, конечно, могла бы некоторое время побыть альтруисткой, но как долго? Не думаю, что достаточно. А потом начнутся скандалы, претензии, основанные на моей неудовлетворенности, да и его тоже... Научить его всему, что нравится мне? — промелькнула удачная на первый взгляд идея. — А если он не захочет или не сможет себя перебороть? Как долго он будет терпеть? Наиграется, устанет и заменит меня. Хотя от этого вообще никто и нигде не застрахован. Вычеркиваю этот аргумент».

«Он сказал, что его экто умеет многое. — Владу передернуло. — Да-а, звучит многообещающе... Но я уже не раз делала неверные выводы, может, и в этот раз я не права? Что если экто — это все, что мне нужно? Возможно, он подарит мне незабываемые ощущения, бьющие фонтаном искр удовольствия. Ох, как сказанула! — хмыкнула она. — Что если экто такое вытворяет, что я забуду все свои привычки в сексе и продам ему душу, словно дьяволу! Маловероятно, но было бы забавно...»

Новая шальная идея влетела ей в ухо, и она снова резко присела в кровати. «Кстати, свежая загадка! А у него есть яички? Даже не знаю, я не разглядела... Экто исполнил роль, даже не задрав подола... Влада, это что, такой важный вопрос? Подумать больше тебе не о чем? Вы поругались! Он обвинил тебя в неверности мужу и в том, что не сказала всей правды сразу. И он частично прав, — согласилась она с обвинениями. — Попробуй заснуть, может еще удастся немного поспать до рассвета... А волосы на лобке есть?.. Боже ж ты мой, Влада!»

Она убрала переводчик на тумбочку, глухо накрылась одеялом и попыталась уснуть.

***

Влада проснулась, вероятно, поздно. Солнечный свет залил всю комнату.

«В Эйдерине всегда такая солнечная погода, или это просто мне повезло? — такой была ее первая мысль. — Да и неплохо бы было иметь часы, чтобы ориентироваться во времени. Странно, почему их здесь нет».

На нее нахлынули воспоминания событий ночи: «Вот же блин! Мы поругались. Эрик-Эрик...»

Влада встала с постели, накинула халат и надела переводчик. На столике уже ждал завтрак, видимо, она и вправду долго спала. Среди разной столовой утвари нечто привлекло ее внимание. Подойдя ближе, она обнаружила на подносе небольшой прибор стального цвета, чем-то напоминавший ей по дизайну iPod, но с большой красной кнопкой посередине.

«Красный? Это что-то новенькое для белого царства, — подметила она. — Наверное,

следует нажать». Она дотронулась до кнопки. Из устройства раздался голос Эрика:

— Ми джейя, — начал он, и далее полилась его распевная эйдеринская речь.

Переводчик транслировал:

— Моя красивая юная дева. Прошу тебя не держать на меня зла за все, что я наговорил тебе вчера, и за то, чего должен был сказать, но не смог. Я очень сожалею, что моя реакция на твой честный ответ была острой. Я был и до сих пор остаюсь в смятении и потому стал чересчур импульсивен. Ни в чем не виню тебя, и не должен был делать этого ночью. Прости меня и составь компанию на утренней прогулке в парке после завтрака. Подкрепись хорошо, мне это в тебе так нравится. Я буду ждать у выхода в сад, он тебе уже знаком. Будь одна, ничего и никого не бойся, особенно меня. До встречи.

«Как он переменчив. Не успела я погоревать, как следует, а он уже извиняется. Чувствительный мальчик. Что ж, все это было очень мило: диктофон, извинения. Цветов, пожалуй, не хватает» Она улыбнулась своему неумемному аппетиту.

«Почему сам не пришел?.. — стервозничало подсознание. — Имей совесть, Влада! Он пригласил тебя на прогулку, чего еще надо? Оставь ссору во вчерашнем дне и наслаждайся новым. И не вздумай при нем разыгрывать обиженную! Только попробуй мне. — Она погрозила себе воображаемым кулаком. — Ю-ху! Мои сказочные приключения продолжаются!»

Влада немного перекусила бутербродом с чаем — аппетита совсем не было — и помчалась в ванную.

«Душ? Не стоит тратить на него время», — решила она.

Девушка умыла опухшее от ночных слез лицо, почистила зубы, постаралась побыстрому привести волосы в порядок и надела высохшие трусы. В гардеробной выбрала белое платье по колено, одно из пары десятков почти одинаковых, и надела его.

— Миленько, — сказала она своему отражению, стараясь не обращать внимания на круги под глазами. Затем все же замазала тоном синеву, слегка подкрасила ресницы, едва припудрилась и нанесла следы румян.

— Миленько, — повторила она, полностью удовлетворенная внешним видом.

Она натянула сандалеты, в которых была вчера, искренне не понимая разницы между десятком подобных, стоящих в гардеробной. «Лучше б трусы положили!» — съязвила ехидна.

Влада радостно выбежала из белой комнаты. Притормозив шаг, стараясь не раскраснеться, чтоб предстать перед взором Эрика с нормальным цветом лица, она шла по коридору в предвкушении. Девушка вспомнила, как проходила здесь впервые против собственной воли. Вместо того чтобы думать об ужасе происходящего, ей тогда стало любопытно, чем же отделаны стены и хранят ли в статуях ведра.

«Пожалуй, Эрик сможет подождать меня еще несколько минут», — подумала она, подойдя к стене напротив окон. Она приложила ладони к белому гляцевому материалу — он был гладок и приятен на ощупь. Из всех известных ей строительных покрытий этот напомнил, скорее, пластик. Но все же она сомневалась: в нем чувствовались и мягкость резины, и прохлада стекла. Она убрала руки с поверхности и не разглядела под ними ни следа, видимо, жировые пятна от пальцев не оставались на этом материале. «Какой практичный — красив собой и легок в уборке, цвета ему вот только не хватает... Может, в этом мире дефицит красящих пигментов? — выдвинула она версию. — Электричество если экономят, то...»

Ее внимание отвлекла абстрактная скульптура напротив, красующаяся меж двух окон. Она напоминала нагромождение объемных геометрических фигур, в очертаниях которых едва угадывались контуры бегущего крупного животного. Но, возможно, Владе это просто показалось. «Тебя я трогать не буду, вдруг ты бьешь током или издаешь неприятные звуки? — подумала она несерьезно. — Вид у тебя подозрительный».

Девушка продолжила свой путь по коридору, расправив плечи. Выйдя на свежий воздух, она застыла, не веря глазам: примерно в двадцати метрах на белой лошади восседал золотоволосый полубог. Настоящий принц на белом коне! Ее сказочный правитель в светлых утренних одеждах с золотистыми вышивками. В одной руке он держал вожжи, а в другой — букет из полузавядших в силу времени года ромашек, вырванных из земли с корнями. Влада задорно рассмеялась, заливаясь колокольчиком.

— Что я вижу, Эрик? Как ты додумался? — сказала она максимально мягко, подходя ближе к лошади и устремив на всадника взор.

Он спешил, приблизился вплотную и глазами словно заглянул в душу так, как умел лишь он один, сказал:

— Я сделал что-то не так, джейя? Я внимательно слушал тебя вчера и понял, что в ваших легендах сын Верховного правителя должен быть верхом на белой лошади. При этом тот, кто хочет ухаживать за девушкой, должен дарить ей цветы. Вот он я! И твои цветы. — Он протянул ей самый невероятный букет, который она когда-либо получала в жизни. Влада приняла его, понюхала, и продемонстрировала «мастер-класс идеального получения цветов девушкой, заинтересованной в продолжении ухаживаний».

— Спасибо Эрик, — душевно поблагодарила его она. Он дотронулся ладонью до ее подбородка. «Неужели поцелует?» — гадала она.

Он увидел вопрос в глазах и прошептал:

— Да, но не сейчас, ми джейя... Разреши помочь тебе сесть на лошадь.

Он, не дожидаясь разрешения, усадил ее верхом, как перышко, и следом забрался сам, расположившись позади и приобняв за талию.

— Ты умеешь ездить верхом? — поинтересовался он.

— Нет, в нашем мире мало кто обучается верховой езде вот уже как лет сто!

— Мы тоже давно отошли от гужевого транспорта, но чтим традиции. Дети всех состоятельных семей в обязательном порядке учатся держаться в седле.

— Да, мой мистер Дарси!

— Я не понял, как ты меня назвала, но, судя по тону, это похвала.

— Конечно, это высшая степень похвалы мужчины женщиной, мой прекрасный господин. — Она загадочно рассмеялась.

— Я хочу больше узнать о тебе и вашем мире, и твоих убеждениях, чтобы попытаться соответствовать им, хотя бы некоторой части. Ты обязательно должна мне рассказать, что такое кино, как правильно дарить даме цветы и кто такой мистер Дарси!

— Наш путь будет долгим?

— Достаточно для того, чтобы безотлагательно услышать ответы на все эти вопросы.

И он не спеша повел лошадь по узкой аллее, выложенной белым мрамором. Влада начала объяснение:

— «Принц на белом коне» — это образное выражение, под которым каждая девушка понимает идеального избранника, отвечающего всем мыслимым и немыслимым ее критериям. То есть, как ты понимаешь, их не существует в природе, — сказала она

игриво. — Ну, в нашем мире не существует, а в вашем, пожалуй, они изредка встречаются...

Сзади раздался раскатистый хохот Эрика. Его грудь вплотную прилегала к ее спине — сквозь тонкую ткань платья чувствовалось его тепло. Как хорошо, что она выбрала фасон с широкой юбкой по колено и могла сесть на коня, раскинув ноги. Предпочти она платье в стиле Афродиты — сидеть бы ей сейчас боком.

— Итак, мистер Дарси... — начала она восхищенно. — О, мистер Дарси! В восемнадцатом веке в Англии, это примерно двести с хвостиком лет назад, жила писательница — Джейн Остин. Настоящее признание пришло к ней уже после смерти. Она создала несколько бессмертных литературных произведений, которыми зачитываются женщины всех стран мира вот уже более чем два столетия. В романах она описывала жизнь верхних слоев общества Англии тех времен. И делала это так удачно, что ее герои по сей день остаются примерами идеальных джентльменов — галантные, красивые, образованные, состоятельные, умеющие ухаживать за женщинами так, как этого уже никто не умеет в наше время. Мистер Дарси — самый известный ее персонаж, обладающий букетом достоинств. Он и мой любимый литературный герой мужского пола.

— Я бы хотел прочесть книгу о мистере Дарси.

— Я верю, что мечты сбываются, если очень сильно захотеть, — сказала она игриво и оглянулась на него, дотянувшись взглядом лишь до его «неэльфийского» уха. — Этот роман называется «Гордость и предубеждение». И по нему снят прекрасный фильм, кстати.

— В то, что мечты сбываются, верил и мой знаменитый предок... Но я вынужден отложить этот разговор, так как не могу более находиться в неведении, что же это такое — кино?

И Влада начала свой эмоциональный, полный примеров рассказ.

12

Хижина короля

— Аватар остался жить в племени Аматакая, — заканчивала свой рассказ о фильме Влада. — Он женился на дочери вождя и жил долго и счастливо на другой планете, в обществе с совершенно иными нравами и в чуждой землянину среде.

— Это твой любимый фильм?

— У меня нет любимого фильма, Эрик. Их так много, что сложно выбрать самый лучший. «Красотка» — это кино моего детства, мне всегда будет нравиться эта романтическая история, а также главный актер — Ричард Гир, он покорило мое девчоночье сердце, хоть и был старше меня лет на тридцать, а то и больше. «Аватар» — тоже красивая история о любви, плюс в фильме много спецэффектов, невероятных рисованных красот, масштабных сражений. Фильм очень фантазийный, а я люблю сказки.

— Да, это я уже понял, — сказал он шутливым тоном, возможно, широко улыбаясь, но Влада этого не могла увидеть. — А как ты думаешь, наша история похожа на «Аватара»? Ведь ты не зря рассказала мне именно об этом фильме, выбрав из сотен, что посмотрела.

Влада заострила внимание на словах «наша история», по ее телу прокатилась томная волна. Она ответила:

— Возможно, ты прав. В «Аватаре» меня особенно удивляет, что в начале картины, когда ты впервые видишь этих синих трехметровых человекоподобных гуманоидов, кстати, на их коже еще были разноцветные крапинки, а сзади длинный хвост с кисточкой...

— Как у льва? — вклинился он в ее рассказ.

— Ага, очень похоже, — кивнула она головой. — Кстати, напомни мне позже, я могу

рассказать забавный случай о львином хвосте. Так вот, вначале ты не понимаешь, как эта девушка вообще могла понравиться парню с Земли, который выглядит как ты и я. Но постепенно, по мере развития сюжета ты привыкаешь к внешности аборигенов, появляется симпатия, ведь они думают, любят, сражаются за свободу. И под конец фильма ты уже обожаешь этих синих гуманоидов и всем сердцем желаешь, чтобы парень остался с ними, был вечно синим, женился на наследнице и стал вождем, то есть Верховным правителем, если выражаться по-эйдерински, — проявляла чудеса красноречия Влада. — Он действительно искренне полюбил ее, а ведь она для него инопланетянка! — Она ненадолго прервала рассказ, ожидая реакции Эрика. Но он молчал за ее спиной, по-прежнему обнимая рукой за талию. Она продолжила:

— Между мной и героем Джеком, так, по-моему, его звали... или Джейком?.. Да, это и не важно, — отмахнулась она. — Между нами есть существенная разница, Эрик. Дома на Земле он был одиноким инвалидом: не мог ходить, у него не было родни. Ему нечего было терять, вернись он назад — его ждали бы одни проблемы. А в новом мире он обрел все: ноги, женщину, уважение, власть... Передо мной же стоит более сложный выбор, хотя, замечу, что обратный билет до дома мне никто пока и не предлагает... Поэтому о выборе думать преждевременно.

Эрик выдержал паузу.

— Кино — это здорово! — резюмировал он все услышанное и не заострил внимание на проблемах выбора. — Судя по твоим рассказам, мы обладаем всеми необходимыми технологиями, чтобы транслировать в массы картинки «по ящику». Раньше у нас не было такой идеи, но сейчас мы создадим нечто подобное. Я обещаю, джейя.

— Стоять у истоков телевидения в Эйдерине — это так... знаменательно, — с трудом подобрала она подходящее определение.

— В нашем мире — ты будешь автором-создателем этой технологии, ми джейя.

Влада подумала: «Он готов подарить мне телевидение, но мне не менее хотелось бы получить куда более скромный подарок — несколько свежих трусиков».

— Вот мы и приехали, — сказал он, останавливая коня.

Эрик спешил и помог ей спуститься. Ее взору открылась большая поляна, со всех сторон окруженная высокими деревьями так, что не знающему местность наблюдателю было бы трудно догадаться, что за ними скрывается нечто подобное. В центре лужайки возвышался зеленый брезентовый шатер, довольно крупный, навскидку — площадью пятьдесят, а то и более квадратных метров. Ткань, вероятно, была зеленой неслучайно — Влада догадалась, что это маскировочная окраска. Единственный вход в шатер закрывался на что-то вроде застежки-молнии, а окна были затянуты сетчатой материей наподобие москитной сетки. Вся конструкция напомнила ей туристическую палатку-переросток.

— Это мое персональное убежище, — пояснил Эрик с гордостью.

«Забавно, — подумала девушка. — Человек, живущий во дворце, хвастает своим шалашом».

Она кивнула, мимикой изображая, что приятно удивлена, хотя на самом деле она не вполне понимала, в чем собственно состоит предмет гордости правителя Эйдерина. Он достал из кармана маленький черный приборчик, что-то подкрутил и спрятал обратно.

— Вход сюда дозволен лишь паре моих доверенных лиц, — сообщил он. — Я прихожу сюда, когда не хочу никого и ничего видеть и слышать. В шатре нет связи с внешним миром.

— А если ты очень срочно понадобишься государству?

— Тогда за мной придет один из двух моих помощников. К счастью, это случилось всего несколько раз за время моего правления, — пояснил он, не сводя с нее бирюзовых с зеленцой глаз. — Я приглашаю тебя в свое личное убежище, Влада. Проведи со мной этот день.

— Если ты обещаешь хорошенько меня накормить, — отозвалась она и улыбнулась сокровенной улыбкой.

— Это даже не обсуждается, джейя! — Он широко улыбнулся и дотронулся до ее плеча.

***

Обстановка внутри шатра заставила Владу остолбенеть на несколько долгих секунд, при этом она едва не выронила букет из рук. Атмосфера просторной круглой комнаты не поддавалась описанию. Влада осматривалась кругом, не зная, на чем конкретно зафиксировать взор: крутила головой снова и снова, пока ее взгляд не зацепился за Эрика. Оказывается, он давно стоял в центре всего этого цветастого хаоса и оценивающе смотрел на нее, ожидая реакции.

В центре комнаты красовался ярко-красный двухместный диван, а возле него — салатовые и фиолетовые пуфики. Чуть справа от них — стеклянный стол лимонного цвета с оранжевыми пластиковыми стульями. На стенах висели синие картины с замысловатыми узорами. Окна прикрывали голубые занавески в желтый горошек. Корпусная мебель оттенков радужных переливов располагалась полукругом по периметру дальней округлой стены. Были тут и многочисленные мелочи вроде пестрых ковриков разных форм, цветов и размеров, мелкие вазочки и коробочки на полосатых полках. Довершала картину большая бирюзовая люстра с объемным тряпичным абажуром, свисающая с потолка над всем этим цветастым беспределом. По меркам современного дизайна интерьеров планеты Земля все это было полнейшим кошмаром безвкусыя, взрывом ларька лакокрасочных покрытий на строительном рынке где-нибудь на окраине Москвы. Но для Эйдерина с его консервативными традициями — это было нечто эпохальное...

— Эрик, так вот ты какой на самом деле! — вымолвила Влада протяжно, пытаясь подобрать слова, чтобы выразить отношение к увиденному. — Этот шатер говорит о тебе лучше любых слов. Дядюшка Фрейд написал бы целую книгу о твоём внутреннем мире, увидев все это... Не спрашивай сейчас, кто это, я потом тебе расскажу.

«Это же его вызов обществу, крик протеста, персональная «цветная» революция, — ясно осознала девушка. — Это как... “Черный квадрат” Малевича, как поэзия Серебряного века...»

— Да ты бунтарь, Эрик. И мне в тебе это нравится, чертовски нравится!

Тот стоял довольный, как кот после банки сметаны.

— Я знал, что ты меня поддержишь, джейя.

— Вначале, увидев дворец, я восхитилась его красотой. Но уже к середине второго дня я начала с ума сходить от его белой обстановки, — призналась она. — Белая мебель, белые коридоры, белые лестницы и террасы... Да, и белые платья в гардеробной! Двадцать шесть белых платьев! Как сказала Эмма, никаких цветов фруктов и овощей в одежде! Она скривилась, услышав мой вопрос о красных и желтых нарядах.

— Ты познакомилась с Эммой? — спросил он так, будто бы не знал.

«Странный вопрос, — отметила Влада. — Видимо, мистер эльф приглядывает за мной меньше, чем я думала...»

— Да. А не должна была?

— Нет, отчего же, — сказал он, немного задумчиво. — Я рад, что круг твоих знакомых расширяется. Скоро я представлю тебе еще нескольких человек. — Он сделал паузу, видно, что-то обдумывал. — Хорошо, что ты сказала мне о твоей комнате, я смогу кое-что поправить. Прости, но я не в силах организовать нечто подобное в стенах дворца, — виновато сообщил он, окидывая взглядом безумно-яркое пространство.

— О, что ты, Эрик! Нет, нет, спасибо... Мне не нужно нечто подобное, — поспешила разубедить его Влада. — Мне будет вполне достаточно нескольких ярких подушек, цветного пледа и вазы для цветов.

— Вазы для цветов?

— Ах да, я же не рассказала тебе про цветы... — вспомнила она и переложила ромашки из одной руки в другую. — Сейчас я что-то покажу тебе. В твоей берлоге есть посуда?

Эрик подошел к радужному шкафу и открыл одну из створок — там находился буфет, полный разнообразной кухонной утвари.

— Отлично, эта круглая чаша мне более-менее подойдет. — Влада взяла оранжевую емкость и направилась к двери, за которой подозревала наличие ванной — так и было. Набрала в импровизированную вазу воду из-под крана, вернулась и подошла к яркому столику, поместив ее в центре.

— А теперь смотри, — сказала она ему. — Цветы девушке принято дарить без корней. — Она скрутила все стебли разом и оторвала корневища.

Влада сама от себя не ожидала, что сможет голыми руками так легко переломить стебли одним рывком, но, видимо, ромашки в это время года становятся хрупкими. Она поставила цветы в вазу и распределила их равномерно по чаше.

— Вуаля! Правда, ваза нужна другой формы — повыше и поуже, чтоб цветы стояли в ней вертикально и более компактно. Я подозреваю, что у вас вообще не выращивают декоративные цветы — розы, хризантемы, гладиолусы?

— Я не очень понимаю, о чем ты сейчас говоришь... У нас сажают цветы для украшения городских улиц. Но практически все они белые, джейя. — Он пожал плечами. — Я понял намек: ромашки тебе не понравились?

— Очень понравились, Эрик. Просто конец лета — это не лучшее время для них, ну и корни меня немного рассмешили, — призналась она, не скрывая улыбки. — Но я, правда, очень тронута и цветами, и принцем на белом коне.

— Ты тронута мной? — переспросил он с недоверием.

— Э-э, я не знаю, что тебе там сказал переводчик... Я рада цветам и приятно удивлена, что ты ждал меня на белом коне. Кстати, ты же уже не принц, раз коронован вот уже как пять лет, — подтрунила она над ним.

— Завидная осведомленность, ми джейя.

— Мне очень нравится, когда ты меня так называешь. Скажи, а можно настроить переводчик так, чтобы он не транслировал некоторые слова, оставляя их на эйдеринском?

— Леди Влада, все, что ни пожелаете, — сказал он галантно. — Какие слова ты хочешь выключить?

— «Джейя» и... «экто». Пока только эти. Возможно, в будущем появятся дополнения.

Эрик с недоверием посмотрел на нее:

— Экто?

— Понимаешь, в нашем языке перевод этого слова считается, ну как тебе сказать, неприличным... У экто в моем мире есть много названий, но все они разной степени

нецензурности. И молю, не проси рассказать тебе об этом подробнее!

— Конечно, джейя. Но «экто» для тебя звучит приемлемо?

— Вполне, это незнакомое слово иного языка... Собственно, и с самим экто я вовсе не знакома.

«Боже, Влада! Зачем ты это говоришь! — Она прикусила язык. — Спасибо, что не добавила словечко “еще”».

Эрик выдержал паузу.

— Сними переводчик, — сказал он, будто приказывая.

Она послушалась и вложила в его ладонь приборчик. Он подкрутил что-то на нем, поднес к губам и произнес с паузами между словами:

— Джейя... ми джейя... экто. — После он сжал его в кулаке, будто не собираясь возвращать.

Влада замерла в ожидании, не догадываясь, чего он задумал. Эрик устремил на нее проникновенный взгляд и сказал:

— Эреген стели мап. Вэндеп стэна элегус. Ми джейя эплонта агоп капэна, лэ палигатэр.

Затем он поднес к ее уху переводчик и, отодвинув прядь волос, стал аккуратно прилаживать его. Тыльной стороной ладони он касался волос, отчего ей было немного щекотно и вместе с тем очень приятно. Она практически была уверена, что Эрик специально так долго возится возле этой эрогенной зоны, понимая, что для нее значат прикосновения. Далее он нежно провел ей за ушком и опустил руку вниз, переведя взгляд на глаза. Второй рукой он приподнял ей голову за подбородок.

— Для вас все что угодно, моя милая джейя, — прошептал он ей с придыханием и припал к ее губам.

Так они долго стояли возле лимонного столика с цветами и целовались. Поцелуи были нежными и естественными, совсем не похожими на те, что она чувствовала сегодняшней ночью.

«Он быстро учится, такой способный, — анализировала Влада, утопая в его объятьях. — Целуется почти идеально, уверена, что очень скоро полностью освоится. А как он заигрывал с моими волосами... Сдается, он не до конца откровенен, говоря, что прикосновения для них ничего такого не значат».

Вскоре ее шея стала затекать, ведь Эрик был очень высок. Влада навалилась на него телом и вынудила сесть на край стола — так их лица оказались почти на одном уровне. Она купалась в его волосах, а он — в ее. Эрик вошел во вкус: обнимал ее плечи и спину, потягивал волосы на коротком затылке, от чего ее тело горело желанием, однако удовлетворения потребностей, к несчастью, не предвиделось. И сама она дала волю пальцам: гладила его спину, массивные плечи, шею с невероятной на ощупь мужской гладкой кожей. А его запах — тонкий и жаркий — дурманил ей рассудок. В этом аромате улавливалась нотка чего-то такого знакомого из самых глубин подсознания. «Может быть, этот запах родом из детства? — предположила она. — Не успокоюсь, пока не вспомню, что мне это напоминает».

Влада млела от происходящего, а в голове крутилось: «Я не знаю, как выпутаться из всей этой истории, но, возможно, мы что-нибудь придумаем?.. Когда двух людей так патологически влечет друг к другу, должен же быть для них хоть какой-то приемлемый выход? Обязательно должен...»

Губы Влады начало саднить. Она вообще давненько не целовалась так страстно,

обходясь в «семейной жизни» короткими чмоками. А ее новый богоподобный партнер сегодня был ненасытен. Еще бы, годы упущенных поцелуев! Ей пришлось остановить ласки первой. Она немного отстранилась от губ Эрика, чмокнула его еще пару раз, чтобы не прекращать контакт резко, и игриво потрепала за волосы. Его лицо показалось немного испуганным, она поняла, что срочно должна похвалить его:

— Ты прекрасно целуешься, Эрик, и обнимаешься. Мне очень нравится целоваться с тобой.

— Почему же ты тогда остановилась?

— Потому что у поцелуев есть определенный срок, они не могут длиться вечно, мой господин. — Влада дополнила сказанное улыбкой номер один, и Эрик расцвел.

— Я понял... — Он по-мальчишечьи почесал затылок.

— К тому же, я хочу говорить с тобой, — добавила она.

— О чем ты хочешь меня спросить?

— Что ты сказал, когда на мне не было переводчика?

— Я рад, что ты спросила. Я не скажу тебе, джейя. Когда-нибудь придет этот день, и я раскрою тайну сказанного в шатре. И тебе будет очень приятно узнать это.

— Я поняла. Хорошо, я принимаю правила игры. — Неожиданно для него она изловчилась и стянула с уха переводчик.

— Эрик, я беременна, — сказала она серьезно. — И если ты не сделаешь меня своей королевой, я усну вечным сном спящей красавицы. И никто, даже ты, не сможет разбудить меня. И ты никогда не займешься сексом с земной женщиной. А также я не рожу тебе детей... Но если ты сможешь каким-то образом понять, о чем я сейчас здесь лепечу, знай — я, конечно, шучу и играю с тобой. Ты никогда не женишься на мне, я понимаю это, хоть и не разбираюсь в ваших законах. Но если все же случится чудо и когда-нибудь я стану твоей и рожу от тебя — я буду самой счастливой дурочкой на свете! — Влада рассмеялась, обняла Эрика за шею и чмокнула в щеку. Затем раскрыла ладонь и отдала ему переводчик, наслаждаясь его недоумением.

— Ты шалунья, — без особой эмоциональной окраски сообщил он, вероятно, скрывая за этим досаду. — Твой язык очень красивый.

— Не настолько красивый, как твой, — парировала она с усмешкой.

Девушка отошла от источника соблазна и направилась в сторону красного дивана, удобно устроившись в уголке. Эрик проследовал за ней и сел на незначительном расстоянии.

— Скажи, всего ли тебе хватает в комнате? Ну, кроме ярких подушек? — поинтересовался он.

«Как мило, что он завел эту тему, — подумала Влада. — Это мой шанс».

— Сказать по правде, мне очень недостает трех вещей — часов, бритвы и... трусов. Это предмет гардероба, который остался лежать на площади в день нашей встречи, когда меня увели под руки два здоровенных амбала.

— Джейя, прости меня за тот день. Я был ошарашен, растерян... Подавлен. Я вряд ли мог бы обеспечить тебе более комфортные условия сопровождения, — выдохнул он и опустил глаза. — Я понял, в чем ты нуждаешься сейчас, не беспокойся ни о чем. — Эрик смолк, и на некоторое время в комнате воцарилась тишина.

Спустя минуту он подвинулся к ней вплотную и взял за руку.

— Ты хочешь обсудить тот день?

— М-м... пожалуй, мы можем поговорить об этом, — согласилась она. — Но я очень не

хочу испортить день сегодняшней. Если информация уж слишком неприятна, пожалуй, я бы узнала о ней завтра.

— Как знать, джейя, как знать... Мне трудно предположить, как ты воспримешь.

Вновь повисла немая пауза.

«Как же быть? — думала Влада. — Мне нужно узнать еще столько ответов. А если правда окажется чересчур шокирующей, что мне делать — с визгом выбежать из шатра и удирать наутек?.. Но раз тема уже затронута, сложно будет переключиться на погоду...»

— Я обещаю, что буду стараться понять твои мотивы всеми фибрами души, — ответила она. — А для твоего переводчика сформулирую так: я очень постараюсь тебя понять. Но не могу обещать наверняка, ведь не знаю, как обстоит дело на самом деле.

Эрик развернулся к ней лицом и сильнее сжал руку.

— В Эйдерине, как и на всей планете, остро стоит проблема снижения рождаемости, — начал он. — Возможно, это связано с утерей волшебной составляющей кумаруна. Наши ученые до сих пор не знают истинных причин. Но за последние пятьдесят лет проблема народонаселения обострилась повсеместно. Если во времена могущества кумаруна в семьях в среднем было по три ребенка, сейчас удается зачать в среднем одного. Двое детей — это роскошь нашего времени. Многие семьи вообще бесплодны. Мы вымираем, джейя. Еще лет двести — и человечество исчезнет с лица планеты. Бесплодие прогрессирует — физически здоровые мужчины и женщины по необъяснимым причинам часто не могут зачать. Пары, которым единожды улыбнулась удача, часто не в силах родить второго ребенка. Ученые ставили разные эксперименты и определили, что смена сексуальных партнеров в ряде случаев дает положительный сдвиг. Вначале общество взбеленилось — было много дебатов и споров. Но постепенно все согласилось с необходимостью принятия жестких мер в репродуктивной политике. Пары, которые не могут зачать более трех лет, попадают под программу репродуктивного вспоможения. Ученые разработали разные методы — Совет их одобрил. Даже Верховный правитель не может вмешиваться в эти программы. Воля одного человека, пусть и Рэйс кэнта, не может решать судьбу целого мира.

— Ты тоже не можешь зачать? У тебя есть супруга, с которой вы три года...

— Нет, нет, все не так, — поспешил заверить он. — Я — отдельная история. Моя мать была сестрой Верховного правителя Горгия — моего дяди. Тот с женой не мог иметь детей. Ни одна женщина, несмотря на примененную впоследствии систему вспоможения, не смогла зачать от него. Когда моя мать погибла, он усыновил меня, и я стал официальным наследником престола. Я вообще единственный ныне живущий представитель рода Победителей. У меня нет даже сколько-нибудь далеких родственников. Я последний правитель, в чьих жилах течет кровь древнего и могущественного рода.

— Так вот оно, какое твое прозвище, — сказала Влада. — Ты — Эрик Победитель?

— Да, джейя. И очень важно, чтобы у меня родился наследник. Если этого не произойдет — моя ветвь оборвется. Вместе с этим угаснет надежда народа на возвращение силы кумаруна.

— Почему?

— Люди верят, что пока продолжается род Победителя, не все потеряно для волшебства и кумарун однажды вернется. Ведь перед смертью самой большой мечтой моего пра-пра-многo раз прадеда Тита было то, что его род будет царствовать всегда. Править достойно и по совести. С его уходом власть впервые стала передаваться по наследству. Но вместе с тем начало угасать и волшебство кумаруна. Волю Тита считают второй вероятной причиной

произошедших несчастий с кумаруном после приключений Гепраста. Мой пращур никогда не проигрывал в том, чего страстно желал. Возможно, цена передачи власти по наследству — отказ от волшебства, иначе очень трудно удержать трон.

— Скажи, а разве в прошлом ни у кого не возникало идеи оборвать ваш род? Чтобы желания Победителя не смогло осуществиться. По-моему, это логично, хоть и очень жестоко.

— Тит позаботился и об этом. Он создал систему сложных оберегов, заклинаний и особых конструкций по всему свету, скрытых от посторонних глаз. Каждый, кто попытается причинить весомый физический вред одному из Победителей, умирает в муках, и на всех членов его семьи ложится проклятье, убивающее весь его род в течение пятилетия.

— Вот это да! Страшилки. И что, проклятье до сих пор работает?

— Уже три поколения никто этого не проверял, джейя. Скорей всего, да. Мой пращур был величайшим дипломатом. Он умел управлять людьми, которые всецело его поддерживали и доверяли ему, потому сделали эту сложнейшую работу для него безукоризненно.

— Все-таки я не очень поняла... — призналась Влада. — С одной стороны, люди надеются, что волшебство вернется, пока правят Победители, с другой — верят, что именно Тит и стал причиной ухода силы кумаруна. Как это все сочетается?

— Ты очень умна, джейя, — сказал он с восхищением. — Все так и есть. Обе эти веры живут в народе одновременно. Философские дебаты на эту тему — излюбленное времяпрепровождение всех интересующихся политикой. Видишь ли, объективно Тит ни за что не мог пожелать, чтобы волшебство покинуло мир навсегда. А потому версия, что именно он и является причиной ослабления кумаруна, — малодоказательна.

Оба выдержали недолгую паузу.

— Ми джейя, я был женат, — произнес он напряженно. — Я знал свою супругу с детства, мы вместе росли в имении моего отца, которого я даже не помню. Он умер, когда мне не было и трех лет. Вместе с ней мы играли, фантазировали. Когда умерла моя мать, мне было десять. Меня привезли во дворец. Стоило больших усилий, чтобы мою на тот момент подругу взяли вместе со мной, но я добился разрешения у дяди. Она стала моим единственным настоящим другом. Когда мы достигли половой зрелости, между нами вспыхнули чувства. Если двое понимают, что любят по-настоящему, у нас принято жениться. Нашему браку не препятствовали, ученые выяснили, что вероятность появления детей в браке по любви выше. Это сыграло нам на руку, ведь в противном случае женитьба не была бы одобрена Советом, ведь моя избранница была из самой простой семьи. Нам было по девятнадцать лет. В двадцать ее не стало — ее жизнь оборвала болезнь. Мы не успели родить ребенка. Если б она не умерла и спустя трех лет брака не понесла от меня — закон о репродуктивном вспоможении применился бы и к нам. Это все равно убило бы ее, разбило б ей сердце. В любом случае я не в силах ничего изменить и воротить время вспять. Она умерла.

Он грустно рассказывал свою историю и более не смотрел на Владу. Она внимательно слушала, стараясь не шевелиться и дышать как можно тише, так как понимала, что исповедь дается ему очень трудно.

— После ее смерти два года я пребывал в душевном хаосе, пока в двадцать два не взошел на престол и не погряз в делах государства. Когда я стал Верховным правителем, Совет обязал меня жениться. Мне дали ровно год на выбор невесты. Я никого не искал, а

если б и пытался, то не нашел, ведь лицо моей Эммы все еще стояло перед глазами.

Эрик сглотнул и взглянул на Владу, пытаясь считать с лица ее состояние, но она постаралась ничем не выдавать смешанных чувств. Он продолжил:

— В двадцать три они обязали меня сделать выбор — женитьба на первой встречной, одобренной Советом, или участие в системе репродуктивного вспоможения без женитьбы. Та, кто первой забеременела бы от меня, та и стала бы матерью наследника. Я согласился на второе. Конечно, на второе, ведь жениться ни на ком я точно не хотел. Но стране очень нужен наследник, я понимаю это. Вначале ко мне приводили разных девушек... Я обязан был раз в неделю совершать с одной из них акт совокупления. Я выполнял условия договора. Технично. Но вскоре начались проблемы. Девушки — живые люди, они нуждались в тепле и внимании, а я не мог им этого дать. Я не хотел никого подпускать к себе близко. Женщины были недовольны, они строили хитроумные планы моего соблазнения. В общем, во дворце начались интриги...

— Женщины есть женщины, мне прекрасно это знакомо, Эрик, — поддержала она его словами. — Прошу, продолжай. Пока я тебя хорошо понимаю.

— Однажды все окончательно вышло из-под контроля, и я сказал: «Стоп!» Я захотел пойти ва-банк: пришел в Совет с предложением, выходящим за грани морали. Я хотел играть на своих условиях, джейя. Мне надоело, что другие выбирают за меня — с кем и когда мне спать, — пытался объяснить он с пламенной уверенностью в глазах. — Мое предложение было омерзительным, но очень эффективным с точки зрения репродуктивной политики. Я придумал то, свидетелем чего ты стала. Я назвал это «репродуктивным кругом». Раз в неделю на площади собираются от двадцати до пятидесяти женщин, одобренных Советом в потенциальные матери моего ребенка. Приглашаются те, у кого на этой неделе была овуляция. Я вправе сам выбирать, с кем совокупляться, но в количестве не менее трех за сессию. Однако есть рекомендации Совета — производить не менее пяти осеменений. В дни, когда мне особенно одиноко, я делаю это десять и даже пятнадцать раз, джейя... Прошу, пойми меня. Вначале это был мой вызов обществу, его закостенелому укладу, мне нечего было терять по большому счету. Но за три года этой практики еще ни одна не забеременела от меня! Я в панике, джейя. Совет давит на меня, пытается ввести дополнительные правки. Они привлекают к участию все новых и новых женщин. Если вначале условием участия в программе было то, что родившая от меня женщина станет матерью наследника и будет жить в роскошных условиях, то сейчас такая мотивация уже не работает. Теперь им очень хорошо платят. Были случаи, когда участницы обманным путем пытались убедить Совет, что они понесли от меня. Но в наше время это с легкостью проверяется, они были разоблачены и наказаны. Попытки фальсификации не повторялись уже более года. Я ведь сам очень хочу стать отцом, и каждый раз безмерно опечален, узнавая об очередном вранье. Мой род должен продолжить существование, джейя. Я не могу оказаться последним Победителем. Войти в историю проигравшим — позор для представителя нашего великого рода.

У Влады не было слов. Перед ней сидел и изливал душу серьезный мужчина, который внутри оставался бедным маленьким одиноким мальчиком. «Что ж, его история вполне понятна, — решила она, скрепя сердце. — Он нашел выход для себя, вполне логичный с его точки зрения. Он никого не любил и любить не хотел. Оргия на площади — выход. Никто не сможет привязаться к нему, не сплетет интригу во дворце... Умный ход».

— А зимой, где это происходит зимой?

— В дни непогоды и в холодное время на площади устанавливается шатер, джейя. Зимой его обогревают. Скажи мне, Влада, ты сможешь понять это?

— Все весьма логично, Эрик. Я понимаю тебя и скорблю по твоей ушедшей любви. И мне жаль, что у вашего народа такие серьезные проблемы. И еще больше я сочувствую, что твой ребенок не торопится появиться на свет. Я искренне тебе этого желаю.

— О, джейя! — Эрик стремительно соскочил с дивана, отпустил ее руку, которая до сих пор была зажата в ладонях, и припал перед ней на оба колена. Положил голову на бедра и обнял руками.

— Ты понимаешь меня, но не прощаешь! — вымолвил он с надрывом. — Я прочел это в твоих глазах. — Он поднял лицо и заглянул в ее душу своими «океанами», полными печали, страдания и ... чего-то еще... любви?

— Эрик, милый Эрик... Мне не за что прощать тебя, — пыталась объяснить Влада, безуспешно стараясь поднять его с пола. — Я ворвалась в твою жизнь, и ты ничем не был обязан мне. Это твое прошлое, твоя страна. Ты правитель, у тебя есть долг. Повторюсь: мне не за что прощать тебя. Но ответить однозначно, принимаю ли я это, я не могу. Мне нужно хорошо обдумать все. Услышанное переворачивает с ног на голову мое представление о мире, мужчинах и отношениях. Прошу, пойми и ты меня. Я не говорю «нет». Я беру паузу для размышлений.

— Конечно, джейя, я понимаю тебя. Я буду рад, если ты все взвесишь и примешь решение, о котором не будешь сожалеть впоследствии, каким бы оно ни стало. Я не все сказал тебе, что хотел. «Ми джейя» — так я называл только свою жену. Когда мы впервые были близки, я сказал ей: «Ми джейя» — а она рассмеялась мне в ответ. Ее улыбка и смех — они в точности повторяли твои. Заметь, ми джейя, не ты подобна ей, я сказал именно так, как думаю. Ты уникальна, неповторима. Я смирился с гибелью Эммы и готов жить дальше, любить с новой силой и по другому сценарию, не оглядываясь назад. Я долго ждал тебя, но не верил и не искал, но ты пришла ко мне из другого мира.

Эти слова были практически признанием в любви. Влада была очарована. Она вновь потянула его за руки и на этот раз усадила рядом с собой.

— Эрик, ты такой романтик! Но ты меня совсем не знаешь. У меня временами скверный характер... Могу я задать тебе уточняющие вопросы, чтоб принимать решение, ясно представляя картину?

— Любые вопросы, ми джейя.

— Говоря о решении, которое я должна принять, что ты конкретно имеешь в виду?

— Я хочу попробовать построить с тобой отношения. Семейные, если тебе будет угодно. Совет не разрешит мне жениться на тебе, по крайней мере, это произойдет нескоро и при очень сложных политических расстановках. Но они не могут запретить мне спать с тобой в одной кровати и проводить свободное время. Я хочу найти способ быть лучшим любовником для тебя. И я готов учиться, чего бы мне это ни стоило. Я не считаю, что различия в нашей анатомии настолько критичны. Я много думал об этом и пришел к такому выводу. Есть более сложное препятствие, и оно, я боюсь, будет причиной краха моих надежд: у меня нет никакой возможности отказаться от системы, которую я сам и предложил Совету.

— Репродуктивный круг, — горько озвучила Влада.

— Да. Каждую субботу, в семь вечера, до окончания времен, покуда у меня не родится кровный наследник, или я не умру, или не начну страдать половым бессилием, я обязан буду

там быть и совершать три, а лучше пять осеменений, чтобы не усугублять отношения с Советом. Такова горькая правда. Есть лишь один вариант обойти этот закон — предложить другую достойную альтернативу, позволяющую иметь лучшие шансы на зачатие. Но, право, сложно придумать что-то более эффективное и менее омерзительное.

— А искусственное оплодотворение?

— Этот метод признан малоэффективным в сравнении с естественным. Потому Совет не считает его достойной альтернативой.

Влада призадумалась. Она действительно не знала, какое именно решение примет. Откровенность Эрика прельщала, но условия игры были уж слишком грязными. Однако уже сейчас она осознала, что в случае положительного ответа непременно изыщет способ переписать сценарий репродуктивного круга. Игра на своих правилах способна подсластить самую горькую бочку дегтя, даже если не получится полностью отказаться от сексуальных бесчинств.

— Эрик, мой последний вопрос. Вернее, утверждение. Я не смогу родить наследника. Ты же понимаешь это?

— Это не важно, джейя. Сотни женщин моего мира за эти годы не смогли родить от меня. Если бы я женился на местной — наверняка бы так и остался без наследника. Конечно, чувства увеличивают вероятность. Но я не хочу никого, кроме тебя. Вдобавок мечты часто сбываются, и я продолжаю верить в чудеса. Владыка кумаруна, возможно, услышит мои молитвы и откликнется.

— Ты веришь в него?

— Я верю в кумарун. Владыка для меня это, скорее, речевая фигура. Волшебство обязательно вернется. Однажды.

— Я благодарна тебе за правду. Мне многое стало ясно, и я даже рада, что мотивы сцены на площади оказались именно такими. Конечно, подобного я и представить не могла... Я сообщу тебе о решении, как только приму его.

— Ты хочешь вернуться во дворец?

— Не знаю, мои мысли и чувства спутаны. Мы сможем поговорить о чем-то нейтральном?

— Конечно! — Он соскочил с дивана и устремился к радужному шкафу. Открыл одну из створок, и Влада увидела, что это холодильник, битком забитый всевозможными яствами, уже сервированными для подачи. Оставалось извлечь, поставить на стол и наслаждаться.

— Проголодался? — спросила она его ласково. — Я помогу тебе накрыть.

— Еда — лучший способ переменить тему разговора и поднять настроение! — Он отодвинул для нее стул. — Прошу вас, леди, присаживайтесь... И предупреждаю, что ты не должна придерживаться наших традиций: кушай, сколько душе угодно, я ничего такого о тебе не подумаю. — Он подмигнул ей и поспешил самостоятельно накрыть на стол.

— Договорились, — кивнула она. — Странно, некоторые наши традиции кардинально отличаются — вы даже не слышали о поцелуях! Но при этом подмигиваете так же, как и мы. — Эрик смешливо пожал плечами.

Он занял место напротив и протянул ей блюдо с овощным салатом.

— Кстати, у меня есть информация, которая будет тебе интересна. Состав твоей крови изучен, и медики пришли к выводу, что наши гены на девяносто восемь целых и семьдесят три сотых процента идентичны. Что говорит о принадлежности к одному виду, который в силу действия некоего фактора был на долгое время разделен и части изолированы друг от

друга. Но все же мы оба являемся людьми. А что это для нас значит?

— Что у нас теоретически могут быть дети, Эрик.

Влада прекрасно поняла его слова и, чего скрывать, обрадовалась: «Он человек! — ликовало подсознание. — Ни пришелец, ни эльф (а было бы прикольно), ни бог. Он человек, как и ты!»

Радость быстро сменилась подозрением: «Он что, прямо сказал о моей крови? Я не ослышалась?»

— Вы брали мою кровь? — переспросила она серьезно.

— Да. Но ты ведь знаешь об этом, — ответил он, сохраняя невозмутимость. — Необходимо было выяснить, здорова ли ты, нужна ли тебе медицинская помощь? Заодно врачи провели изучение твоей ДНК, — говорил он обстоятельно. — Влада, одна из наших главных угроз — вымирание! Они не могли не изучить твою кровь, не злись. У тебя взяли ее совсем немного. — Он показал на пальцах — сколько. — Я сидел рядом и контролировал, чтоб ни капелькой больше, чем необходимо.

— Ты такой милый, — скептически отозвалась она и вспомнила о Ксении. — А что с моей подругой?

Лицо Эрика сделалось серьезным, и он ответил:

— У нее тоже брали кровь. С ней все в порядке: она здорова, сыта, одета. Чувствует себя хорошо, ей тут даже нравится. Спрашивала о тебе. Ей отвечают примерно то же, что говорю тебе я. Но это все правда, Влада! Я объясню тебе. В тот же вечер, как вы появились здесь и вас увели с площади, Совет вынес постановление о продолжении вашего отдельного содержания. До этого решения вас разлучили из соображений безопасности, таков устав охранной службы. Но практически сразу эта банальная предосторожность была закреплена указом Совета. Также им было утверждено, что вам не следует встречаться и обмениваться информацией до момента прояснения всех обстоятельств дела. Чтоб убедить Совет в вашей безопасности для государства, понадобится по меньшей мере месяц.

— Ну ничего себе! — с нотами несогласия произнесла девушка.

— Я не могу гарантировать тебе, джейя, что спустя месяц запрет снимут. В этих вопросах Совет мне не подчиняется. Но я буду стараться сделать все от меня зависящее, чтоб вам разрешили видеться.

— Каковы границы твоей власти? Что ты вправе решать самостоятельно?

— Многое. Вопросы финансов, культуры, спорта, транспорта, инфраструктурные моменты. Проблемы образования, частично военные вопросы и внешнеполитические. И так, по мелочи... Но медицина, внутренняя безопасность государства, репродуктивная политика (сюда же относится и личная жизнь правителя, к сожалению) — это всецело в их ведомстве. Я могу два раза в год накладывать вето на любые их решения. И в таком случае они обязаны мне подчиниться. Если я блокирую их постановление третий раз за год — Совет обязан соблюсти мою волю, но вправе лишить меня реальной власти, возложив лишь представительскую функцию — что-то вроде поздравлений населения с государственными праздниками. Это равносильно политическому самоубийству, джейя.

— Вот так законы! Кто же из правителей допустил такое?

— Это долгая история. К несчастью, в этом году я использовал оба раза... И никак не мог отменить решение о вашей изоляции. Была б у меня такая возможность, клянусь, я бы сделал это. Если развитие пойдет по неблагоприятному сценарию, вам придется ждать до первого января, ми джейя. Я незамедлительно внесу вето на этот акт. Ты веришь мне?

«Он истратит один из двух драгоценных раз на меня и мою подругу? Не знаю, стоим ли мы такой цены, — честно призналась она себе. — Этот Совет за год столько гадостей может понапридумывать. Но отказываться сейчас, пожалуй, не буду. Кто знает, что приключится до первого января?..»

— Верю, — кивнула она.

Умеренно пообедав, дабы сохранить свой плоский живот в том же состоянии, Влада спросила нарочито наивно:

— Чем займемся?

— У меня есть идея! — сказал Эрик и улыбнулся.

13

Знакомство

Эрик раскрыл дверцы радужного шкафа и извлек с антресолей объемные разноцветные подушки: оранжевые, зеленые, сиреневые и желтые. Он раскидал их на ковре в дальнем конце комнаты, плюхнулся сверху сам и пригласил жестами Владу присоединиться.

«Полежать рядом с ним? Он же в своей царственной юбке! Сейчас как задерется, смогу ли я сдержать удивление?.. На что он вообще намекает?» Сердце девушки громко застучало.

«Ох, Владка, — сказала она себе. — Он не сделает ничего, если ты сама не разрешишь доверься».

Она медленно подошла к плюшевому импровизированному лежбищу и опустилась рядом на колени.

— Мне лечь? — спросила она неуверенно.

— Ми джейя, не бойся меня. Если ты не хочешь лежать, можем посидеть на диване.

Ей хотелось принять предложение по двум причинам: она любила поваляться днем после еды, но более того тело жаждало быть ближе к нему. Ровно этого же она и боялась. Стараясь занять непринужденную позу, она опустилась на колени и легла возле Эрика на некотором расстоянии. Владке казалось, что ее конечности совершенно одеревенели и она разлеглась, как сломанная раскладушка. Но шевелиться в попытках лечь более картинно не смела: ей было беспричинно страшно. Хотя, скорее, поводы все же имелись, несмотря на учтивое обхождение Эрика.

«Он сам согласился дать мне время на обдумывание, — размышляла взволнованная девушка, — и при этом предложил полежать вместе... Саботаж? Не думает же он, что я поверю в целомудренность его помыслов».

Эрик лежал молча, разглядывая белый сводчатый потолок.

«Значит, ему двадцать семь. Младше меня на два года, ну я примерно так и предполагала. Холостой и молодой правитель без жилищных и материальных проблем. Красивый, образованный, галантный. Наследник великого рода. М-да... Где он, и где я...»

Они лежали так минут двадцать — двадцать пять, не произнеся ни слова, взирая в потолок — единственное белое пятно во всем помещении. Владу начало клонить в сон, она прикрыла глаза и в сладкой истоме глубоко вздохнула, надо сказать, непреднамеренно.

— Разрешите мне, — нарушил он тишину.

«Разрешить что?» — подумала она, но не спросила вслух.

— Влада... — Он прикоснулся к ее плечу. — Слышишь, не спи, разреши мне.

— Что разрешить? — спросила она его.

— Разреши мне хоть раз, всего один единственный раз прикоснуться к тебе.

— Прикоснись. — Она протянула ему руку.

— Ты не поняла, джейя. — Он приподнялся с опорой на локоть и посмотрел в ее глаза немного сверху. — Я желаю... Я страстно желаю прикоснуться к тебе моим экто. Я сгораю от этой идеи, не могу спать ночами. Большую часть моих мыслей занимаешь ты... и он, касающийся тебя. Прости за прямоту... Я обещал дать тебе время. И я приму любое твое решение. Если ты мне откажешь, все равно будешь жить в достатке, не беспокойся об этом. Но я не смогу видеть тебя. Я и мой экто просто не сможем находиться поблизости и более не иметь надежды прикоснуться к тебе. Мысль об этом невыносима. Сжалась, милая джейя. Позволь мне. И после принимай положительное решение. — Едва улыбнулся он. — Но сейчас разреши.

«Нет, я не слышала сейчас всего этого! — негодовала Влада. — Парень реально на пределе. Я думала, что это у меня либидо... Пожалуй, у него проблемы намного серьезнее. Где же тот мужчина с нечитаемым лицом? Это что-то новенькое... Но отказать ему и не помочь — это сродни садизму. Тем более что и сама думаю примерно о том же... Или же он просто искусный пикапер и разводит на близость таким способом девушек в сто первый раз?»

Влада вспомнила его рассказ о жене и приняла решение.

— Эрик, как ты будешь делать это? — загадочно спросила она, специально используя утвердительную формулировку. Хотя большого смысла в этом и не было, он и так был на взводе. Она понимала, что с этого момента пути назад уже не будет. Но ей и не хотелось отступить, никогда ее так не просили, фактически, не умоляли о близости.

— Не волнуйся, милая. Я просто покажу тебе экто, постарайся не испугаться, это совсем не страшно. Более того, уверен, он понравится тебе, стоит только приглядеться в спокойной обстановке. Затем я дотронусь им до кожи на твоей груди. Вот здесь. — Он прикоснулся пальцем выше уровня декольте — все ее тело отозвалось внутренними конвульсиями. — О большем я и не прошу. Но если ты будешь очень великодушна и после разрешишь экто дотронуться до твоей прекрасной щеки, я с благодарностью сделаю это. О большем я не вправе и мечтать. Сегодня.

«Ох, он потрется об меня своим экто по груди, не снимая платья, и лицу, — перевела она его тираду на бытовой язык. — Но зато я наконец-то разгляжу этот феномен. Он предлагает мне то, о чем я и помышляла, но боялась признаться — увидеть экто без риска для жизни. Если захочу, сама потрогаю его, хоть он и не предусмотрел этого в сценарии. Ну а не захочу — не буду... Он предлагает реальный план, я останусь при трусах и даже одетая. Так что, соглашаться?»

— А что будет дальше? — уточнила она.

— Ничего не будет. Я уберу экто и никогда не обнажу при тебе, если ты мне не скажешь «да».

— И тебе этого будет достаточно?

— Придется ограничиться. Экто настолько чувствителен, что даже легкое касание к нему остро отзывается в теле мужчины. А прикосновение к своей джейе — несравненное удовольствие: пятнадцать женщин на площади не сравнятся и с десятой частью того блаженства, что мне подарит ты, если я дотронусь им до тебя даже на пару мгновений.

«Мать Тереза и та бы сдалась! Мы обязаны унимать боль страждущих», — подумала Влада, понимая, что после таких слов устоять она никак не в силах.

— Хорошо, ты можешь прикоснуться ко мне своим большим экто. Что я должна делать?

— О, я так счастлив! Расслабься, Влада. Ничего особенного сейчас не произойдет. Я не

жду от тебя какого-то специального поведения. Будь собой и ничего не бойся.

Влада продолжала неподвижно лежать на подушках, он навис над ее лицом и поцеловал.

«Умный мальчик, девушке нужно расслабиться и возбудиться перед ее первым разом», — ерничало Владино подсознание.

Он страстно впивался ей в губы, как делают самые жаркие любовники, ласкал ее волосы, руки, плечи. «Откуда, черт возьми, он научился этому за сутки?» — не понимала она. Он оторвался от ее губ и приподнялся, перенеся вес тела на колени. Затем плавно положил руки на бело-золотистый пояс, что-то повернул, и на волю вырвался экто — большой и возбужденный экто!

«Ну, здравствуй, приятель, — подумала Влада. — Так вот ты какой».

Сам Эрик неподвижно стоял на коленях рядом, безвольно опустив руки. Его глаза дико и чувственно словно бы сверлили отверстие в ней. Экто же, только показавшись из-под римской юбочки, сразу принял горизонтальное положение. Казалось, что он думает и действует сам, так как хозяин выглядел отстраненным.

Влада попыталась подобрать слова, чтобы описать наблюдаемое. Правильнее было бы сказать, что экто имел форму дуги: вначале опускался вниз и выглядывал из-под юбки, а затем поднимался вверх, как эдакая веселая змейка... Или висящая лиана, подвешенная за оба конца... Или вроде банана, только намного-намного длиннее... Еще вариант: виток американской горки — вначале резкий спуск, а затем крутой подъем. Да, последнее определение ей показалось оптимальным. Выбирая подходящие выражения, она отметила, что экто не так уж и страшен, как казалось ранее на площади.

Экто бездействовал. По-видимому, Эрик дал ей возможность свыкнуться с видом пугающей части тела. Он продолжал томно ласкать ее взглядом и оставался неподвижным. Влада оценила его деликатность и вскоре кивнула, дав понять, что можно продолжить.

Экто выпрямился и удлинился, став более похожим на перпендикулярную телу палку. Влада мысленно негодовала: «Он тянется ко мне! Сам тянется!»

Она пристально разглядывала его, пытаясь запомнить все детали строения. На месте, где у земных мужчин расположена головка, экто был покрыт шипастыми выростами. В целом напоминал булаву, но без значительного утолщения на конце. У него был очень длинный ствол, финальная часть которого была покрыта кожистыми конусовидными шипиками, сантиметр-полтора в диаметре.

Влада не смотрела Эрику в глаза, не в этот раз! Ей хотелось запомнить экто во всех подробностях, как знать, встретятся ли они вновь?.. Если когда-нибудь ей удастся вернуться домой и захочется поделиться с кем-то впечатлениями, она должна знать все размеры в сантиметрах! Конечно, ей ни за что бы не поверили, однако можно попытаться продать идею киношникам.

Экто уже подобрался к вырезу декольте: сантиметр — и он дотронется до нее. Влада утвердительно ответила на взгляд Эрика — и экто прикоснулся. Царственный мужчина закатил глаза и медленно запрокинул голову. Из его груди вырвался низкий протяжный стон: «У-у-ум-м-м, Вла-а-да-а!»

«Неужели он так остро чувствует?» — не поверила она, ведь экто просто дотронулся до кожи там, где молочные железы еще и не думали начинаться.

Экто был теплым, а шипики — неколючими, мягкими, кожистыми. Ну, вроде маленьких пальчиков, только, к счастью, не шевелились. Эрик поднял запрокинутую голову

и вновь установил зрительный контакт. Владе почудилось, что из его глаз льются невидимые фибры энергии и пронзают ее насквозь. Ей сделалось жарко.

Тут пригревшийся на груди экто зашевелился. Он стал совершать трущиеся движения, похожие на работу дворников в автомобиле: вначале как во время небольшого дождя, затем напор будто усилился. Лицо Эрика покраснелось, стали постепенно проступать пятна. Дворники забегали как во время ливня. Владе стало немножко щекотно: ведь чем быстрее двигался экто из стороны в сторону, тем легче прикасался к ее коже.

«Он прикольный перец», — резюмировала мысленно она.

Вдруг экто резко остановился. Эрик глубоко вздохнул и зажмурился. Было видно, что в этот момент внутри него происходит борьба.

«Что это? Такой оргазм? — гадала она. — Где тогда семяизвержение? Или он так подавляет накатившую волну, чтобы не кончить?.. Сложно разобраться».

Веки Эрика раскрылись, на лбу проступил пот.

Влада переживала: «Я лежу, как дура, и не знаю, куда деть руки... Наверное, стоит разрешить прикоснуться к щеке, ведь он хотел этого».

Влада привстала и оперлась на локти. Она нарочито медленно убрала волосы со щеки и заложила за ухо. Прикусив губу, бросила на Эрика томный взгляд. Эрик верно принял это за приглашение, и радостный звуковой эффект вырвался из его груди. Экто прильнул к щеке. Он поглаживал ее кожу как ладонью, так нежно и деликатно: поднимался к виску, затем медленно сползал по коже вниз к подбородку, опять плавно поднимался по воздуху и снова прикасался к виску. Вскоре нежные поглаживания сменились вращательными движениями — экто крутился вдоль своей оси! Поворот туда — поворот обратно, туда-обратно, туда-обратно... При этом шипики касались так ненавязчиво, будто бы ее щекотали силиконовым ежиком.

«На что способен экто в области моего клитора? — пришел ниоткуда опасный вопрос. — Страшно себе представить! Вернее, представлять я могу это прекрасно! Эрик знал, что я оценю экто по достоинству, и понимал, что убедить меня словами было невозможно. Поэтому и показал эти фишки, чтобы, принимая решение, я учитывала все его плюсы. Хитрец... Нет, он стратег, наследник легендарного рода Победителей».

«А что я все молчу? — подумалось Владе. — Может, мне его как-то подбодрить?.. Хотя, судя по покрасневшему виду, ему не требуется одобрение. Жаль, что он не разделся, хотелось бы взглянуть на этот потрясающий торс. Держу пари, что под одеждой он именно такой. И экто на деле классный парень... Может, рискнуть?..»

Влада медленно поднесла руку к щеке и накрыла головку экто. Он судорожно трепетал в образовавшейся капсуле между ее щекой и ладонью.

— Малышу экто холодно, он весь дрожит, бедняжка, — игриво сказала она.

Эрик приятно удивился и подхватил тему:

— Согрей его, добрая волшебная фея.

— С удовольствием. — Влада поднесла к головке вторую руку. Она взялась обеими ладонями и отняла от щеки. Что же делать с ним дальше? — Маленький экто, ты попался в мои сети. Я обманула тебя: я не фея, а колдунья. И теперь ты всецело в моей власти, — произнесла она тоном, полностью соответствующим образу.

— О, Госпожа колдунья, прошу вас, не дайте мне замерзнуть в одиночестве ваших сетей. Вы так красивы и могущественны. Я с готовностью поступлю вам в услужение, только не дайте мне замерзнуть! — красноречиво говорил он, кажется, упиваясь происходящим.

Владе было сложно удержаться и не расхохотаться от разыгрываемой сценки. К тому же экто в ладонях трепетал и извивался так, что кожа уже горела от щекотки. Эрик, кажется, специально пытался спровоцировать ее разжать руки. Но она терпела, ей хотелось до конца остаться в образе и не сплеховать. Насколько Влада могла распознать его состояние, Эрик пребывал в восторге и сексуальном экстазе. Она задалась вопросом: как ей быть дальше?

— Маленький смелый экто, — обратилась она. — За твою усердную службу я предлагаю возможность выбора поощрения — скажи, ты предпочитаешь верх или низ?

Эрик задумался.

«Он, кажется, не понял, к чему я клоню... — оценила Влада. — Ну и прекрасно, сохраним интригу».

Он несколько замешкался с ответом, но сказал:

— Я выбираю верх, моя милосердная Госпожа.

— Ты сделал выбор, маленький экто. Знай, что ты сам избрал этот путь.

Влада поднялась с подушек и присела напротив него, поправив широкую юбку. Она склонила голову над экто и направила его в рот. Экто входил туда настолько глубоко, насколько это было для нее возможно с учетом сложностей геометрии. Она подняла глаза на Эрика и поняла, что у него от происходящего, без преувеличения, отвисла челюсть и глаза выкатились из орбит.

«Что, никто никогда не делал для него этого? — довольная собой подумала девушка. — Ротики местных женщин полностью целомудренны для всего, кроме еды? А нравится ли экто там находиться?»

Влада начала сосать. Делать это с шипиками во рту было не очень-то удобно, но вскоре она приноровилась, подобрав для этой фантастической анатомии особую стратегию. Обхватив ствол экто рукой там, где заканчивались шипики, она брала головку в рот и щекотала выросты языком, потом втягивала воздух, создавая внутри давление. Затем выпускала головку и крутила ей на высунутом языке, призывно заглядывая Эрику в глаза. Затем целовала каждый из его двенадцати шипиков по отдельности (да, она смогла их подсчитать!) и обдувала головку воздушным потоком. Вторая рука поглаживала ствол взад и вперед. И вновь она окутывала языком головку и опять всасывала воздух. Сосредоточившись на новом процессе, она временно ослабила контроль за состоянием Эрика. Она слышала его периодические стоны, стенания и несвязные возгласы, но не смотрела. Его лицо располагалось намного выше. Он по-прежнему стоял перед ней на коленях, руки свисали как плети, а длинная змея экто была поглощена на конце ее ротиком.

Влада выпустила изо рта головку и, не убрав руки со ствола, подняла глаза. Эрик был «в миллиметре» от пика. Он обхватил голову руками, кожа лица сделалась пунцовой. Он мелко содрогался всем телом. Он стонал.

«Самое время принять решение, — поняла она, — как быть со спермой? Ведь в считанные секунды именно это и произойдет, а я в платье... Блин, испачкается же. Если в рот? А вдруг его сперма — дрянь на вкус, не может же все быть прекрасно в человеке! А если ее окажется полтонны? Пятнадцать девиц за раз — это вам не шутки...»

Она отмахнулась от размышлений, снова погрузила в рот шипастую головку и полностью вложилась в дело. Спустя от силы десять секунд царственный эльф с гортанным криком: «А-а-а, ми-и дже-е-йя-я!» — изверг семя прямо ей в рот.

«Надо же, вкусная: сладковатая и без дурного привкуса, — оценила Влада. — Никогда бы не подумала, что это сперма, если б попробовала в других условиях» Жидкости было

много, но не настолько, чтоб она не сумела всю проглотить.

— Как сахарный крем, — прошептала она, вынимая головку изо рта.

Она выпустила ствол из рук, и экто не спеша направился к хозяину. Эрик склонил голову над Владой и обхватил ее руками за плечи. Пару минут он не мог вымолвить ни слова. Или, возможно, не хотел говорить.

— Влада, джейя, ми джейя, — обратился он позже, обретя дар речи. — То, что произошло сейчас, унесло меня в самые верхние слои кумаруна, граничащие со звездами. Ты сотворила нечто, о чем я даже и не догадывался. Твой рот — это оружие, пробившее прореху в моем сердце на веки вечные, — говорил он тихо и, как показалось Владе, очень искренне. — Если ты скажешь мне «нет» — я умру. Если ответишь «да» — воскресну. Пока ты не дашь ответ — я твой раб. И если захочешь снова увидеться с экто, лишь намекни. Он готов на все ради тебя. — Глаза Эрика вожделенно сверкнули. — И я готов на все...

Он увлек ее за собой и опустил на подушки. Прилег рядом и, обвивая руками за грудь и талию, зарылся носом в волосы.

— Если бы я выбрал низ, — прошептал он на ухо, — что бы было, Влада... что? То, что я думаю?

Она слышала его голос в правом ухе так близко, а из левого ей синхронно переводил транслятор. Такой двойственный поток информации показался ей странным и неудобным. Она немного отстранилась и поспешила разубедить его:

— Нет, вероятно, ты думаешь не совсем о том, что я имела в виду...

«Ну, уж нет! — воскликнула она мысленно. — Внутри я ему никогда не позволю!»

— Что бы было, Влада? — не унимался он. — Маленький экто сделает все что угодно для своей волшебницы, только открой ему секрет. Что бы было, Влада? Я чувствую, что должен знать.

«Какой же он... попрошайка, — подобрала определение Влада. — Что за приемы? Если ты скажешь “нет” — я умру... Ну, пожалуйста, ну, пожалуйста... Капризный ребенок!»

— Я не скажу тебе этого, маленький экто, — властно ответила она. — Но дам подсказку: если бы ты выбрал низ, то удовольствие бы получила я, а ты выполнил для меня эту работу. Но ты выбрал верх и поэтому сам получил награду.

— О нет, какой я болван! — Он схватился за голову, резко поднимаясь с подушек. — Надо было выбирать низ! Ты хотела этого. Хотела, раз предложила такой вариант! Я мечтаю доставить тебе удовольствие, Влада. Скажи, что мне сделать? — упрашивал он, возвышаясь над ней, жадно раздевая глазами.

— Эрик, не надо, — прервала она его ласковым голосом, но твердо. — На сегодня достаточно экспериментов. У меня закончилась энергия, чтобы сейчас расслабиться и получить удовольствие. Все слишком ново для меня. Я рада, что ты выбрал верх. Тебе было хорошо, и я довольна этим. А сейчас я хочу вернуться к себе в комнату, отдохнуть и немножечко подумать. — Она мягко улыбнулась, приподнялась и обняла сидящего в подушках Эрика за плечи. Он крепко стиснул ее в ответ и зарылся носом в волосы.

— Джейя, ми джейя, — шептал он. — Ты пахнешь цветущей сливой и карамелью.

«Да? Это как?» — задумалась она, но не стала уточнять, приняв сказанное за комплимент.

Экто все еще выглядывал из-под юбки, но отдыхал на ковре неподвижно, возможно, вспоминая, как ему было хорошо.

69 горошин

Эрик проводил Владу до дверей ее комнаты и притормозил у входа. Он обнял ее за талию, развернул к себе лицом и сказал тихо:

— Отдыхай, Влада.

Девушке в очередной раз показалось, что звучание имени в его интерпретации чересчур далеко от оригинала. Она сочла, что после произошедшего в шатре может исправить Рэйс кэнта Эйдерина без риска быть непонятой.

— Эрик, попробуй произносить мое имя чуть менее протяжно и без «э», — сказала она игриво. — «Вла-да», просто «Вла-да». Не «Влаэ-даэя», — постаралась она сымитировать его произношение, а «Влада».

— «Вла-эда», «Влэ-ада», «Вла-да», — старательно выговорил он.

— Да, отлично получилось!

— Спасибо, что исправила, джейя.

— А я правильно произношу твое имя? — Он улыбнулся и ничего не ответил. — Ну, Эрик? — настаивала она. — Поправь меня, пожалуйста, если произношу неверно.

— Ни за что, джейя. Мне нравится твой вариант. — Он с хитринкой улыбнулся. — Сегодня после ужина я мог бы проводить тебя в библиотеку и сдержать обещание.

— После ужина?

— Да, я зайду за тобой в половине десятого.

Он поцеловал ее в губы, но не страстно, как это было в шатре, а мягко, нежно, как будто прощался, но обещал вернуться. Влада ответила на поцелуй в той же манере и, когда они одновременно отстранились друг от друга, ласково ему улыбнулась. Она вошла в комнату, дверь щелкнула.

Она отошла от порога на шаг и замерла. Переведя дух от нахлынувших в коридоре чувств, напрямик направилась в душ, скидывая одежду прямо по дороге. Спустя мгновение она уже стояла под струей, утопая в живительной энергии излюбленной стихии.

«О боже, я это сделала... Переступила черту. Эта страсть погубит меня, если я не одумаюсь. Ни тело, ни разум не подчиняются мне. Ни воли, ни силы воли, ни сил как-то сопротивляться происходящему... — Влада всхлипывала. — Меня тянет вниз по наклонной, а я лечу и сама хочу разбиться! Больше глупости и быть не может, а я все равно радуюсь, как глупая девчонка. По факту я изменила. Нужно принять это, хотя бы избавлюсь от проблемы мучительного выбора. Да, я изменила. Если я вернусь в Москву, то мне предстоит расхлебывать последствия».

Влада развернулась к потоку спиной и склонила голову. Брызги били ее по спине и плечам, она смогла хорошо расслабиться.

«Эрик... Эрик... — вздыхала она. — Обделенный любовью маленький мальчик. Он потерял мать, жену, отца, дядю... Что за странности происходят с их родом? Проклятье, что ли, на них? Он последний из могикан. И так отчаянно жаждет любви, так безоговорочно привязался ко мне — совершенно незнакомой женщине из другого мира. Он же ничего не знает обо мне, моих дурных чертах... Но могу ли я дать тепло, что так ему необходимо? — Влада сомневалась в своей способности искренне и всецело любить. — Имею ли право? Стоит ли давать надежду?»

Вода струилась по ее лицу, волосам, упругой груди, талии, бедрам, стекала с голени и уносилась в сток бурлящими завихрениями.

«Он назвал меня «джейя» сразу, как впервые зашел в комнату тем утром, — вспомнила

она. — Еще до того, как вручил мне переводчик. Получается, он уже на площади понял, что я его джейя? Невероятно. Выходит, любовь с первого взгляда?.. Но ты и сама, издали завидя его силуэт, сказала себе: “Только не влюбись”! Часто с тобой такое случалось? Всего однажды, а приключений в твоей жизни было достаточно, чего скрывать».

Влада намылила шампунем волосы и смыла пену.

«Стоп. Он прямо не признавался мне в любви! — осознала она. — Он много говорил об экто. Я, конечно, всего не понимаю, но все же больше это похоже на страсть и желания плоти, чем любовь, заключенную на небесах. Он сказал, что думает обо мне и своем экто, касающемся меня. Об этом он говорил вполне конкретно, не придумывая того, чего, скорее всего, нет. Женщины часто приписывают мужчинам, чего хотят сами, но для этого нет реальных оснований. Мы любим искажать действительность в угоду нашим фантазиям. — Влада задумалась, припоминая подробности разговора. — Ну и слава богу! — заключила она. — Я тоже испытываю к нему, скорее, влечение тела, нежели души. Мистер Дарси для женщины моего времени хорош в книгах, но реально ли мне поладить с ним наяву? Говорить постоянно на высокопарном языке... Откушивать ежедневно с учетом всех правил этикета? Кстати, я понятия не имею об этих местных правилах, возможно, мои умения орудовать ложкой и вилкой шокируют его в глубине души. И иногда мне жизненно необходим фаст-фуд! И еще красная икра. Есть она здесь? Как я проживу без нее, ты подумала об этом, Влада? — хмыкнула она. — А алкоголь? Пока мне здесь ни разу его не предложили! Я, конечно, пью не часто, но иногда же хочется. Красное вино хотя бы раз в пару месяцев — как прожить без этой прихоти? А крепкие словечки? Да я же обожаю выражаться! Стараюсь, конечно, поменьше, но все же... Ничто так не помогает выплеснуть негатив, как старый добрый русский мат. Не знаю, где нахваталась этого, но приняла и не могу обходиться вовсе без!»

Влада намылила губку и принялась водить ею по шее, груди и плечам.

«А экто? Экто... О-о-о, экто! — девушка не могла сформулировать мысль. — Ну и экто! Открытие года, нет, всего десятилетия. Даже еще больше. — Она задумалась, припоминая годы, пролетевшие с момента ее первого раза. — Что же он им вытворял! На что еще способен? Догадываюсь, что он не раз смог бы меня удивить, скажи я ему “да”... Экто мог бы впечатлять меня всю мою биографию, подозреваю. Он так проворен, так точен в движениях, что, наверное, и внутри меня смог бы найти верную стратегию, чтоб не причинить вреда. А шипы? Ну, это же не совсем шипы, это кожистые выросты, что-то вроде силиконовых пальчиков, — успокаивала она себя. — Не думаю, что они сильно поцарапают меня там. Если уж проходит голова ребенка, то, наверное, шипики как-нибудь поместятся?.. А длина? А если он не рассчитает глубину входа и проткнет меня? — Она сглотнула. — Надо будет лучше ознакомиться с его физиологией».

«И насколько экто подчиняется воле Эрика? — задала она себе новый пикантный вопрос. — Судя по тому, что я видела, он живет практически собственной жизнью. Эрик стоял как истукан, активным был лишь только экто. Устроит ли меня это в долгосрочной перспективе? Он так и будет вечно стоять столбом? А как же обнимашки и ощупывания пальцами? Сможет ли Эрик так изменить свои привычки в сексе?.. А я сама, не соскучусь ли по члену, внешний вид которого, что скрывать, намного приятнее и роднее. Экто прикольный, но это как экзотическое приключение в Тае. Слава богу, я об этом знаю лишь понаслышке. Как хорошо, что он перенастроил мой переводчик! Если бы я сегодня в рассказе двадцать раз услышала слово “фаллос”, что бы было с моей психикой?! — Влада

расхохоталась. — Он только и твердил, что о своем экто!»

Она поочередно намылила свои красивые ноги: вначале левую, затем правую.

«И что он за человек вообще? С виду галантен, заботлив, интересуется моими чувствами, деликатничает. А внутри у него, вероятно, “подводная часть айсберга”: одиночество, неуверенность, отчаянье от невозможности что-либо изменить в обществе, да и в личной жизни. Скорее всего, он инфантилен, обидчив. Еще неизвестно, как будут обстоять дела с ревностью... Да вообще я мало знаю о нем, и наверняка все будет очень непросто. Сейчас лишь конфетно-букетный период, не забывай про это».

Влада неожиданно вспомнила: «Конфеты! А как же конфеты? Тут они есть? Почему я не сказала, что у нас принято их дарить? У меня же завалялась одна в рюкзаке... Съесть ее или оставить на потом? А может подарить Эрику? Или Элле в знак признательности за помощь? Лучше подарю — презент с Земли. Но вот кому из них?»

Влада вылезла из душа и надела банный халат. В комнате ее взгляд сразу упал на стоящие на столике часы, похожие на электронные, конечно же, в местном супердизайне. Рядом лежала вполне обычная бритва со сменными лезвиями. Она огляделась по сторонам в поисках третьего условленного подарка, но не нашла. Вероятно, эту просьбу было выполнить не так-то просто для правителя сказочного государства. Циферблат сообщал, что сейчас в Эйдерине 15:45.

«А он зайдет за мной в 21:30, — подумала она. — У меня еще уйма времени, может, стоит поспать?»

Влада очень любила послеобеденный сон. Ей редко удавалось прикорнуть днем на часик-другой, но когда представлялась такая возможность, она не упускала шанс ею воспользоваться.

«Я снова забыла сказать кому-нибудь о пижаме, — вспомнила она. — Вызвать Эллу? Нет, в другой раз». Она скинула халат и плюхнулась в одних трусиках на кровать. В комнате сегодня было чересчур тепло и ей не хотелось накрываться одеялом.

«Вот, лежу тут почти голая на кровати. Снова одна. И я сама это выбрала, — сожалела девушка. — Он ведь предлагал удовлетворить мои потребности, я могла принять это. Уверена, он справился бы превосходно. Но могла ли я? — робко спросила она у подсознания. — Нет, я правильно поступила, не надо торопиться. Мы только ночью впервые поцеловались. Не прошло и суток, как я ему отсосала! — Она немного скривилась, отчего-то смутившись именно сейчас, а не тогда. — Но какое впечатление это произвело! Я уверена, что никто и никогда не прикасался к царственному экто губами. Такие странные у них нравы. Видимо, экто умеет столько всего, что им даже в голову не приходило подключить к любовным играм еще и рот, да и руки тоже...»

«А если за мной сейчас кто-то наблюдает? — снова усомнилась Влада. — Не думаю, что он позволил бы кому-то подглядывать, — ответила она себе. — Он же наверняка знает, что я люблю разгуливать голышом... Ему не понравилось бы, чтоб посторонние мужчины пялились на его инопланетную джейю. В самом худшем случае за мной смотрит Элла, в чем я тоже сомневаюсь. Но ее я не стесняюсь, если уж и так. Либо он сам наблюдает за мной... Но ведь Эрик должен находить время для работы, когда ему следить в замочную скважину? Ну а если и впрямь смотрит, это так возбуждает... Я тоже хочу увидеть его без всей этой золотистой оболочки. Наверняка его тело совершенно».

«Ты говоришь так, будто уже приняла предложение стать его любовницей! — одернула она себя. — Нет, я ничего не решила. Но я же хочу его... А как же Сашка? — спросила она

себя строго. — Ну-у, не начинай снова! Я не знаю. Сашка — это Сашка... А это царь с умопомрачительным набором достоинств. И как тут можно сравнивать вообще! Ну а что насчет репродуктивного кольца, или круга? — подзабыла она точный перевод. — Подходит колечко, не жмет? М-да... история увлекательная, если речь идет об эротических фантазиях. Но если о собственной жизни и обязанностях партнера — тут ничего забавного нет! Ужасное обременение... — Она громко выдохнула. — Сексуальная обязаловка до конца его дней, как принять такое? Понятия не имею. Я не смогу, уверена, что не справлюсь. Незавидное положение».

Постепенно Влада провалилась в дрему. Она проснулась в 17:05, сгораемая от желания. Между ног горел огонь, на лбу проступил пот. Секундами ранее ей снилось, как она страстно обнимает Эрика, сжимает бицепсы, кусает за плечи. Она сидела на его коленях в позе наездницы и ритмично двигалась на члене взад и вперед. Он сжимал ее ягодицы, целовал в губы, копошился в волосах. Он трахал ее своим большим красивым членом, фаллосом реального мужчины с планеты Земля.

«Вот же ж черт! Приснится же... Какой сладкий сон. Мужчина Эрик... Эрик человек», — млела она от воспоминаний.

Влада опустила свою руку в трусики, там было очень влажно, она вся пылала. Второй рукой она сжала правую грудь и потянула за сосок. Ей оставалось сделать внизу лишь несколько легких движений пальцами, чтобы помочь себе расслабиться. В 17:09 она лежала, остывая от горячего сна, остуженного самоудовлетворением.

Влада никогда не была фанаткой мастурбации. Но в такие моменты, когда тело разрывалось на части, гормоны танцевали танго и другого способа выбросить сексуальную энергию не было, пальчики становились хорошей альтернативой состоянию полной неудовлетворенности.

***

В 20:00 Элла подала ужин. Ее волосы были по обыкновению аккуратно уложены, а униформа сияла чистотой. Она приветливо улыбалась, но была молчалива.

— Скажи, Элла, а ты не могла бы иногда составлять мне компанию во время завтраков, ну, или обедов?

— Леди Влада, это неудобно и не положено.

— Я не люблю есть одна. Я вообще недолголюбиваю одиночество. Уверена, что господин Эрик не будет против.

Элла неуверенно ответила:

— Я уточню, леди Влада, на этот счет. Спасибо за приглашение.

Она достала из-под скатерти столика на колесах оранжевую коробочку средних размеров и сообщила:

— Это для вас, доставили по распоряжению Господина.

— Благодарю тебя, Элла.

Влада догадывалась, что находилось внутри. Как только дверь за горничной щелкнула, она раскрыла коробку.

Трусики! В коробочке двумя рядами по пять штук лежали аккуратно свернутые рулетиками трусики! Красные, оранжевые, синие, голубые, лимонные, салатные, фиолетовые, белые, черные и радужные! Все эти цвета она видела в шатре. «Какой приятный намек, — оценила девушка. — Десять разноцветных трусиков! Если уж нельзя носить на людях ничего, кроме белого и серебряного, то цвет нижнего белья законом вряд ли

регламентируется. Даже если это не так, то никто же не узнает! Никто, кроме него».

Влада развернула красные трусики. Их фасон полностью повторял ее кружевные стринги. «Значит, сделали точные копии, боясь ошибиться», — предположила она, однако нисколько не сомневаясь в своей правоте.

«И какие же я надену сегодня? — задалась она вопросом. — Это прекрасная возможность сыграть с ним в новую игру! Он любит игры... Наверное, на это и намекает, предложив десяток расцветок».

«Радужные трусы, ну надо же! — все еще удивлялась она. — Как вообще нашли кружево такой расцветки? Да еще и выткано тем же узором, что и на моих. Неужели он дал специальное распоряжение? — прикидывала девушка. — Воистину, все могут короли!»

Влада присела за накрытый стол и попробовала поесть. Откушенный кусочек буженины таял во рту, но есть не хотелось. Мысли не унимались: «Ты думаешь, сегодня до этого дойдет, и он увидит тебя в своем подарке? — Она вздохнула. — Положусь на волю случая...»

В 21:29 в дверь постучали. Чаще после стука гости входили в ее комнату без приглашения, но на этот раз дверь оставалась неподвижной. Влада ненадолго затаила дыхание и подошла отворить.

Пред ней стоял Эрик в ослепительном золотом мундире, а внизу были надеты широкие черные шаровары!

«Надо же! — изумилась девушка, стараясь скрыть эмоции за маской спокойствия. — Значит, юбка — все же не единственный возможный фасон... Мужчины носят еще и широкие штаны!»

Она моментом догадалась, почему эйдеринские мужчины отдавали предпочтение таким брюкам, а не узким: в классическом фасоне трудно было бы кое-что скрыть от глаз сторонних наблюдателей. Она ничего не сказала Эрику по поводу наряда, лишь приветливо улыбнулась и пригласила войти.

Сама же она выбрала для этого вечера серебряное облегающее платье-футляр, в его фасоне не было и намека на Грецию и пятидесятые. Платье имело воротничок-стойку и застегивалось спереди на двустороннюю молнию от шеи до подола. Длина его доходила ей до середины икры. В надежде привлечь пристальное внимание Эрика сверху она застегнула молнию наглухо до подбородка, а снизу оставила замок раскрытым примерно до середины бедра. Она надеялась, что его взгляд обязательно зацепится за эту пикантную деталь. Рукавов у космо-платья не было, плечики немного торчали, как маленькие крылышки строгой геометрической формы. В целом наряд великолепно подчеркивал все изгибы ее стройного тела. К платью девушка надела серебрястые сандалии на каблук, похожие на те, что были на придворном стилисте.

В дополнение к образу Влада сделала подходящий макияж, вдохновленная стилем этого элегантного платья «стюардессы космического корабля» — густо накрасила ресницы тушью и подвела васильковые стрелки. С ее карими глазами, стрижкой каре и классическими чертами лица все это смотрелось весьма гармонично, по крайней мере, по земным меркам.

Ее подсознание ликовало вдобавок и оттого, что с помощью одного из подарков ее ноги стали идеально гладкими, как и подмышки, а новая прическа в интимной зоне непременно бы его удивила, если бы дело зашло достаточно далеко.

Войдя в комнату, некоторое время Эрик не мог ничего вымолвить, а затем произнес, остановив взгляд на раскрытой молнии:

— Когда женщина так бесподобно выглядит для своего мужчины, мы называем это

«элеста биэн». — Приборчик в ее ухе перевел слова как «лучший подарок». — Это значит, она сознательно старалась угодить всем его вкусам и ей это удалось более чем идеально. Ты выглядишь элеста биэн, ми джейя.

«Так вот какой стиль одежды ему особенно мил, запомню, — подумала она. — Это ты еще не видел моей новой стрижки, красавчик».

— Благодарю, тебя. Твой комплимент прекрасен, — отозвалась она, прогоняя похотливые мыслишки.

— Это правда, джейя. Элеста биэн!

— Мы идем? — поторопила она его нехотя, ведь оставаться дольше в комнате после таких слов, мыслей и взглядов было чревато продолжением, а ей очень нужно было посетить библиотеку и узнать ответы.

— Обязательно, — согласился он. — Но сначала я хочу подарить тебе это. — Он достал из кармана длинную серебряную цепочку, на которой висел прозрачный кулон. Чем-то он напоминал ядро ее стежа, в котором, кстати, было уже несколько десятков неончиков, сосчитать их становилось затруднительно.

— Присядь, ми джейя, — попросил он немного таинственным голосом.

Эрик усадил ее в кресло, а сам пододвинул пуфик и расположился напротив. Он вложил в ее ладонь украшение, но не выпустил руки из своей.

— Я расскажу тебе еще одну историю о нашем народе, это важно сделать именно сейчас, до твоего знакомства с другими эйдеринцами.

Влада приготовилась слушать очень внимательно. Все, что касалось устройства этого мира, было невероятно интересно.

— Это тоже стеж, — сообщил он. — Стяжатели, носимые на запястьях, называются *запястами*. Но есть и другие, менее популярные, модификации — подвесы, перстни. Это *подвес*, — кивнул он, указывая на лежащий в ее ладони кулон на цепочке. — Он принадлежал одной из моих пра-пра-прабабушек, которая жила примерно двести лет назад. Она не принадлежала к роду Победителей по рождению, однако удачно вышла замуж. Я хочу, чтобы ты приняла этот подвес и носила возле сердца. Я специально подобрал длинную цепь, чтобы при любой глубине твоего декольте никто не смог разглядеть ядрышко и его содержимое. Я уже говорил, что лучше сохранить твою особенность в тайне, Совету незачем об этом знать.

Влада разглядела подарок: ядрышко казалось несколько потертым. Возможно, Эрик прочел ее мысли, так как пояснил:

— Видишь ли, я не дарю тебе золото, так как это привлечет ненужное внимание. И ядрышко несколько потрепано, но этому есть объяснение, джейя. Последние способные люди умерли триста лет назад. Ядрышки всех стежей на планете — это работа тех древних мастеров — *стяжательщиков*. Некоторые люди, и раньше их было немало, обретали способность заговаривать обычные предметы — камушки, шишки, стеклышки, — и они становились ядрами стежей. В государстве ранее не было недостатка в них, пока не скончался последний мастер. С тех пор не было создано ни единого нового ядра, мы не способны на это, лишившись силы кумаруна. Все стяжатели нашего времени — по меньшей мере трехсотлетней давности, джейя. Их оправу — браслет или цепь, конечно, заменяют, но само ядро часто имеет возраст до тысячи и даже более лет.

— Ну, ничего себе... — искренне удивилась она.

— Сейчас стежи в дефиците и стоят больших денег. Забеременевшая женщина

занимается поисками с первых дней, как узнает о своем положении. Вся семья помогает в этом. Найти свободный стеж для малыша сложно, а выкупить его у хозяина дорого для простого человека. Поэтому на стяжатель новорожденному часто собирают всем миром. Мы ведем раскопки древних захоронений в поисках уцелевших ядрышек прошлого. Рабочий вариант удастся найти редко, но иногда это случается. Поэтому почти все стежи нашего времени выглядят не очень респектабельно... Прими этот подвес моей прабабки и носи. В сокровищнице нет лучшего экземпляра подвеса. Возможно, позже я смогу подобрать другой.

— А как же мой запяст, что будет с ним? — спросила она, указывая на руку.

— Ты можешь оставить его как сувенир. Он в идеальном состоянии, принадлежал одному из моих дальних родственников, который рано покинул мир и не успел оставить на ядрышке следа своей жизни. Оправу позже обновили на современный манер. Это дорогой экземпляр; если когда-то ты окажешься в сложной ситуации, продай его. Он стоит по меньшей мере двадцать тысяч горошин.

— Не знаю, право, должна ли я принимать такие подарки, Эрик?

— Твои трусики мне обошлись немногим дешевле. — Он улыбнулся и крепче сжал ее руку.

Влада недоуменно уставилась на него.

— Что? — переспросил он под натиском ее взгляда. — Мне пришлось поставить несколько текстильных фабрик с ног на голову, чтоб быстро создать подобный материал.

— Это кружево, в нашем мире оно существует не одно столетие.

— Ну а мы не знали ничего подобного. — Он пожал плечами и подмигнул ей.

Влада расхихикалась.

— Спасибо, Эрик. Это очень щедро, я не привыкла к дорогим подаркам. — Она надела подвес на шею и начала расстегивать молнию на груди, чтобы убрать его с глаз.

— Постой, — остановил он. — Сейчас я покажу тебе маленькое волшебство, смотри. — Он обхватил пальцами стеж на ее запястье. — Человек может носить лишь один стяжатель. Если надеть оба, один из них не будет работать. В твоём запястье сейчас уже скопилось столько кумаруна, что мне сложно подсчитать. Видишь, он начал понемногу светиться голубым, и отдельные горошины уже трудноразличимы. — И правда, блеск частиц сливался воедино, ядрышко начало отсвечивать голубизной. — Есть только один способ заменить стеж на другой, без потери кумаруна, — сказал он. — Ты должна добровольно передать его доверенному лицу в надежде, что когда попросишь вернуть, он сделает это. Ты доверишь мне?

— Ну о чем ты спрашиваешь, Эрик! А как мне передать кумарун?

— Представь мысленно, что ты обращаешься к кумаруну в стеже и велишь ему полностью и без остатка перейти в мое распоряжение. Разреши ему, сообщи свою волю, и он послушается, ведь ты его хозяйка. Он пришел к тебе из мира добровольно по своему разумению, счел тебя достойной. Он живой, Влада.

Она сосредоточилась и напряглась. Как же все это было фантастически интересно!

«Кумарун, мой кумарун, прошу тебя перейти к Эрику и остаться в его стяжателе. Я отпускаю тебя, иди!» — сформулировала она кое-как, но сработало!

Все оказалось так просто и невероятно волшебным: синие горошинки света потекли тонким ручейком из ее стяжателя в его, обвивая неоновой спиралью кисти их сцепленных рук. Ядрышко ее запяста сделалось пустым.

— Фантастика! — воскликнула она.

— Я знал, что тебе понравится, — улыбнулся он. — Ты накопила к этому моменту шестьдесят девять горошин. Когда тебе приходит перевод, всегда знаешь, сколько в нем было кумаруна. Не понимаю, как это работает, но это факт. Сейчас ты можешь снять запяст, отныне пользуйся подвесом.

Влада повиновалась.

— Джейя, разреши отдать тебе чуть больше кумаруна, — скромно спросил Эрик. — Я уверен, что ты откажешься, но мне было бы намного спокойнее за тебя. В нашем мире без кумаруна обойтись сложно, ситуации бывают разные. Я дам тебе, сколько позволишь. Это ничуть не обременит меня, Влада, поверь, я богат.

Она задумалась: «Он говорит здравые вещи, но брать деньги у правителя... За что? За услуги?.. Ну, нет, он не думает в таком ключе. Но все же нет, очень неудобно».

— Эрик, я сомневаюсь, что в скором времени мне понадобится кумарун для расчетов с местным населением. По крайней мере, пока я нахожусь во дворце. Мне приятна забота, и я понимаю твои стремления. Но, право же, не надо (Влада, откуда такие обороты?). Я сама скоплю кумарун, ведь он любит меня! — Она подмигнула. — Но все же я немного уступлю: верни мне шестьдесят девять и одну горошину сверху. Она будет всегда находиться в моем стеже, и, что бы со мной ни случилось, я никогда не расстанусь с ней. Обещаю. Я не позволю твоей горошине покинуть меня.

— Влада, твои слова прекрасны. И ты такая выдумщица! — сказал он просияв. — Я хочу, чтоб моя горошина оказалась в твоём подвесе самой первой!

Тут из его запяста в ее подвес, висящий на груди, прямо по воздуху неспешно перенеслась светящаяся зеленая горошинка.

— Она зеленая! Почему?

— Зеленый кумарун — чистая благородная энергия, редкая и в былые времена ценная, а в руках лекарей — целебная. Она образуется в результате несчастных событий, основанных на самопожертвовании. Так уж в нашем мире заведено, что кумарун меняет цвет лишь в результате трагедий. Но смерть во имя благородного поступка — это честь, поэтому зеленая горошина — этически достойный подарок. Я обладаю зеленым кумаруном благодаря поступку моей матери. Когда-нибудь я расскажу тебе. Я никому не отдавал ни единой ее горошины. — Его глаза наполнились влагой, но Эрик сдержался и не проронил слезы.

Затем из его стяжателя хлынул поток синего кумаруна и направился в ядрышко ее подвеса, заполнив слабым голубоватым сиянием.

— Я вернул тебе шестьдесят девять горошин, но они не твои. Я сохраню те шестьдесят девять твоих первенцев и буду чувствовать их, когда захочу.

— Ты чувствуешь кумарун?

— Если долго тренироваться, можно этому научиться, Влада.

— Это так волшебно, просто удивительно! В наших фильмах синими огоньками часто изображают светлые души, которые после смерти хороших людей отправляются на небеса и находят там покой и благоденствие. — В его глазах неземного цвета вспыхнули искорки восхищения.

«Как же невообразимо прекрасны его глаза! — подумала Влада. — Как искренни его эмоции...»

— Идем? — предложил он, протягивая руку.

Вход в библиотеку находился на третьем этаже. Высокие двери из красного дерева несколько удивили Владу: это были первые деревянные двери, увиденные ею во дворце. Она предположила, что их не заменили из уважения к истории: как-никак это была библиотека — храм знаний. Эрик приоткрыл тяжелую дверь, и они прошли внутрь.

Киношники исковеркали вкус Влады в отношении библиотек. Так часто в фантастических фильмах их изображали гигантских размеров — километр в ширину и два в длину, стеллажи высотой с пятиэтажный дом. Старательно рисовались затейливые переходы между рядами, подвесные балконы и другие невероятности. Когда же Влада шла сюда, ожидала увидеть нечто подобное, от чего должно было перехватить дух. На деле же все обстояло не так.

Библиотека была большой, действительно большой, но реальных человеческих размеров. В центре зала располагалась зона для чтения: деревянные столы со стульями наподобие школьных парт, а также удобные мягкие кресла, вполне обычные без изысков современного эйдеринского дизайна. По обе стороны от читального зала перпендикулярно стенам тянулись стеллажи с книгами. Они не уходили за горизонт, всего-навсего двадцать — двадцать пять рядов книжных шкафов высотой по три с половиной метра с приставными стремянками для подъема к верхним полкам. Противоположная входу стена была полностью застеклена, и вид из окон, вероятно, открывался в парк. Об этом можно было лишь догадываться, ведь на улице было совершенно темно. Днем же, наверное, сквозь стекла интенсивно проникали солнечные лучи, и в них парили библиотечные пылинки.

Влада подняла голову и осмотрела потолок. Он венчал пространство на уровне девяноста метров и был украшен фреской с изображением мифического Пегаса, на спине которого восседал воинственный юноша. Про себя она отметила, что выдумки о крылатых конях существуют в обоих мирах.

Молодые люди прошли вглубь. Влада обернулась и оглядела стену входа: за стеклянными дверцами расположенных там шкафов на многочисленных полках находились всевозможные предметы. Тут были какие-то шкатулки, очень старые книги, посуда, амулеты, ну или нечто, похожее на них. На стене за стеклом висело холодное оружие. Из сотен разнообразных мелочей она остановила взгляд на паре старых шапок из овчины и совершенно обычной кожаной фляге. Все эти предметы на вид не представляли никакой ценности.

— Что это, надеюсь, не сокровищница? — в шутку спросила она.

— Нет, джейя. Это предметы, несущие в себе историю. Вот это фляга друга пращура Тита, — указал он на реликвию. — Он отпивал из нее и восстанавливал силы. А это перстень, который был зачарован и доставил Титу много хлопот. Вот это амулеты, которые использовались раньше для защиты против способностей других волшебников, некоторые из них в прямом смысле были бесценны. — Он приобнял ее за талию. — Но сейчас это просто побрякушки, они не работают, так как и волшебных способностей у людей не осталось.

— А если волшебство вернется? Они заработают?

— Неизвестно, джейя. Если кумарун обретет силу, мы сделаем новые амулеты, даже если эти не восстановятся. Идем, я должен показать тебе наследие Бэкета.

Он подвел ее к стенду, две центральные полки которого были заставлены знакомыми ей вещами. Нечто подобное она видела, вероятно, в Историческом музее или в Кремле: металлический ковш в виде уточки, древние монеты неправильной округлой формы с разными отчеканенными надписями на кириллице. Влада узнала среди них прописные

буквы «А», «Ч», «Р» и «Ы». Еще она увидела две ветхие деревянные ложки и массивный крест с камнями, возможно, драгоценными. Но камни были плохо огранены и почти не блестели.

— Это церковный крест, — сказала она. — Знаешь, для чего он?

— Нет.

— Это символ нашей веры — христианства. Но объяснить в двух словах основы религии мне будет сложно. В каком году родился Бэкет?

— В три тысячи тридцатом.

— Понятно, у нас разное летоисчисление. Сколько лет назад это произошло?

— Четыреста семьдесят, — быстро ответил он.

— Так, надо посчитать... — сказала она и прикинула: «Две тысячи шестнадцатый минус четыреста семьдесят получается... тысяча пятьсот сорок шестой год. Что же было в это время?»

— Я плохо знаю историю, особенно в датах, — призналась Влада. — У меня не было таланта в этой науке. Я читала учебники и ничего толком не запоминала, как бы ни старалась. Все же полагаю, это время правления Ивана Грозного. — Она украдкой посмотрела на Эрика, оценивая реакцию на сказанное. Но он не прореагировал. — Предметы из коллекции Бэкета похожи на те, чем могли бы пользоваться на Руси в те времена, — продолжила она. — Но все же это не может считаться неопровержимым доказательством его путешествий именно в моем мире, а не где-то там еще. Я не компетентна в исторических вопросах, чтобы утверждать наверняка. Вот если бы...

— Что?

— Если бы здесь была шапка Мономаха, это меня точно бы убедило, — нашла она. — Ее узнает каждый двоечник нашей страны, спасибо советскому кинематографу.

— Чья шапка?

— У нее такое название, шапка Владимира Мономаха. Да это и не шапка, а скорее корона. Символ самодержавия при Иване Грозном.

«Слава богу, я хоть про это знаю!»

— Шапка Мономаха — из золота, оторочена мехом, на макушке крест, — продолжила она объяснение. — Еще она украшена разными драгоценными камнями. Ее носил царь Иван Грозный, ну, наверное, не всегда, а когда принимал важных гостей.

Эрик выслушал и молча подвел ее к противоположному концу «исторического музея», не отнимая руки с талии. В особом шкафу, видимо, с усиленной системой безопасности, находились предметы из драгоценных металлов. И среди них стояла она!

— Это же шапка Мономаха! Откуда у вас реликвия нашей Оружейной палаты?

— Эта шапка Бэкета. Он очень дорожил ей при жизни и рассказывал забавную байку, как хитростью приобрел ее у правителя из параллельного мира.

— Ай да Бэкет! — рассмеялась она. — Видно, это была не байка. Ивану Грозному, наверное, пришлось заказывать дубликат. — Она смеялась, прикрывая рот рукой, ей казалось непатриотичным хохотать над великим царем прошлого, особенно в присутствии другого правителя. — Эрик, шапка доказывает, что я именно из того самого параллельного мира, — заключила девушка. — Сомнений нет. И ясно, что между нашими мирами существуют невидимые коридоры.

— Я рад, что мы выяснили это. Посмотрим карту?

Влада кивнула. Эрик провел ее в читальную зону и усадил в темно-зеленое бархатное

кресло.

— Я принесу атлас, — сказал он и скрылся в закоулке между стеллажами.

Дверь в библиотеку отворилась, вошел пожилой мужчина за шестьдесят в одеждах традиционных расцветок с шароварами. Роста он был невысокого, шевелюра — заметно редющей, а на его носу серебрились округлые очки. Он издали приветствовал сидящую в кресле Владу подобием реверанса. Она привстала и учтиво кивнула, полагая, что тот вряд ли поймет ее на ее родном языке.

Тут же подоспел Эрик с увесистой книгой в руках и жестом пригласил мужчину подойти поближе.

— Влада, это сэр Вэйлет, придворный библиотекарь, мой хороший друг и учитель.

— Приятно познакомиться, — сказала она радушно.

— Знакомься, Вэйлет. Это леди Влада. Мы только что выяснили, что она из параллельного мира. Того, в котором проказничал Бэкет.

— О, как я рад встрече! — просиял тот. — Мне бы хотелось обсудить с вами некоторые научные вопросы, леди Влада. — Он обеими руками по-отечески потряс ее тонкую кисть.

Влада ответила, что готова с удовольствием пообщаться, но не обладает глубокими познаниями во многих сферах науки. Вэйлет не понял смысла ее слов и неловко посмотрел на Эрика. Тот перевел и добавил:

— Если Владе будет угодно заглянуть в библиотеку завтра, ты сможешь обсудить с ней любые вопросы, Вэйлет, не имея проблем с пониманием. Утром тебе доставят переводчик.

— Благодарю, Эрик. Леди Влада, обязательно приходите в любое время! Я редко отсутствую здесь более пятнадцати минут.

— Я постараюсь заглянуть завтра, обещаю. — Она мягко ему улыбнулась, но без сексуальной составляющей своего «оружия».

Вэйлет понял ее ответ без перевода. Он еще раз пожал ей руку и сообщил, что не намерен мешать ознакомительной экскурсии, откланялся и вышел.

«Приятный дядечка, похож на профессора педагогического вуза, — мысленно подвела итог знакомству Влада. — Наверняка он ходячая энциклопедия».

— Итак, карта, — обратил на себя внимание Эрик и раскрыл принесенный фолиант на странице с физической картой мира. — Вот наша планета Элиопатине.

— Это Земля, — констатировала она этот факт спокойно, уже ничуть не удивляясь. — Я живу вот здесь. — Она указала пальцем на примерное положение Москвы.

— А я — здесь. — Он отметил точку возле Черного моря.

— Вы находитесь на Черном море? Это же примерно где наш Сочи.

— Мы называем его Эйдеринским морем.

— Почему тогда дворец построен не на берегу?!

— Дворцу более тысячи лет. Когда его возводили, граница проходила по морю. У нас были враги с юга — очень умелые мореходы. Захватить дворец было бы проще, будь он расположен на берегу. Поэтому его построили подальше, в окружении гор.

— Далеко мы от моря?

— Не особо, минут сорок на машине.

— Эрик, я хочу туда!

— Мы обязательно съездим. — Он перелистнул несколько страниц атласа и открыл политическую карту мира. — Вот смотри, это Эйдерин. — Он обвел пальцем границы страны на бумаге.

Территория располагалась кольцом вокруг Черного моря. Влада неплохо знала географию и могла примерно предположить, что Эйдерин занимает в «ее» мире часть земель Украины, Румынии, Болгарии, Греции, Турции и большой кусок российского Краснодарского края. А вокруг Эйдерина пестрели другие государства, большей и меньшей площади, но в целом примерно равного размера. На политической карте этой планеты не было очень крупных стран, подобных России, США и Китаю.

— А я живу в самой большой стране нашего мира, — с гордостью сказала девушка и очертила примерные размеры России.

Глаза Эрика расширились.

— Ты не шутишь? Как ваш правитель управляется с такой территорией?

— Сейчас у нас президент, он избирается народом. У него много помощников. Есть законодательный орган — Государственная Дума, типа вашего Совета, но, думаю, наши более покладистые. И есть исполнительная власть, выполняющая распоряжения сверху. Министерство образования — контролирует школы, университеты; министерство иностранных дел — связи с другими государствами. Ну, как-то так. Я не сильно интересуюсь политикой. — Она вновь обратилась к карте.

— Вот эта часть Эйдерина — в нашем мире принадлежит России. — Она указала на кусочек территории Краснодарского края. — И я бывала здесь на Черном море: в Сочи, Судаке, Коктебеле. И в Абхазии тоже, там есть красивое горное озеро Рица, правда, на этой карте его не видно. Выходит, Эрик, в разных мирах мы, тем не менее могли бывать в одних и тех же местах.

— Поразительно!

— Значит, у вас теплые зимы? — предположила она.

— Теплые? Не сказал бы.

— Ну, вот в Москве они намного холоднее, уж поверь. А севернее, там и говорить нечего. Наша страна пересекает много климатических поясов — от зоны вечной мерзлоты до южных степей. И все мы россияне.

— У вас великая страна!

— Да, все русские того же мнения. Спасибо, Эрик. — Она поцеловала его в щеку. — А какой сложный у нас язык!

— А наш язык считается простым: он мягкий и певучий.

— Самый ласковый язык из всех, что я когда-нибудь слышала, Эрик.

Ей очень нравилось называть его по имени: звучное имя для сказочного мужчины. Всякий раз оно отзывалось внутри нее приятной истомой.

— Я преуспел в языках, — сообщил он как бы между прочим. — Свободно говорю на пяти и еще на трех смогу сносно изъясниться и не остаться голодным.

— Ты такой способный! — искренне сказала она. — А что еще ты умеешь?

— Играть на органе, стрелять из оружия, владею боевыми приемами, хорошо считаю, люблю поэзию, в юности писал сам. Умею починить сломанный прибор, да в общем, если подумать, я могу долго перечислять умения, джейя. Это не удивительно для человека моего происхождения. Меня с детства учили мыслимым и немыслимым вещам, не оставляя времени на игры и дружбу.

«Хорошо, что он не спрашивает, чему обучена я... Наверное, догадывается о моей заурядности и снова деликатничает».

Владе захотелось озвучить сомнения:

— Эрик, ты продолжаешь меня удивлять. Чем больше узнаю тебя, тем меньше уверена в себе...

— Что ты, джейя! Ты не должна так думать. Женщину ценят не за умения и знания, и тем более не за внешность. Джейя должна завладеть струнами души мужчины, и если это произошло, нет смысла разбираться, как она этого достигла. Владея сердцем, она является самой лучшей, даже если не умеет читать и писать и не помнит историю своего народа. — Он лукаво подмигнул ей.

Влада вспыхнула:

— Эрик! Это грубо! Я умею и читать, и писать. Причем неплохо делаю и то, и другое! У меня хорошее образование для представителя моего общества и нашего времени. Да, я не очень хорошо знаю историю, но в нашей стране нет волшебного культа, который заставляет преклоняться перед историческими фолиантами. Я разбираюсь в разных сферах и у меня достаточно широкий кругозор...

Итак, она взъелась. Перед Эриком. Впервые. Вот она, ее темная сторона. Ее неугомная истеричная черная личность, которая сидит и дремлет, пока кто-то не заденет ее самолюбие и не активизирует программу уничтожения обидчика.

Эрик оцепенел. Казалось, он не знал, как реагировать на это.

«Вероятно, никто никогда не показывал коготков перед Верховным правителем, — анализировала ситуацию Влада. — А что насчет жены? Ну, возможно, она реально была душкой... Владка, ты все испортила!»

Она знала, что ни за что не сумеет скрывать свою натуру долго. У нее никогда не получалось быть лапочкой продолжительное время, она всегда прокалывалась, еще до окончания конфетно-букетного периода. Одни мужчины ей все прощали и мирились с ее темпераментом, как Сашка, например. А другие — нет. «Скорей всего Эрик из их числа... — подумала Влада. — Еще один прокол — и «гуд бай, мой мальчик».

Он подошел к ней вплотную и неожиданно обнял. Сжал за плечи так крепко, что стало почти больно дышать.

— Влада, прости меня. Я не хотел тебя обидеть, я же подмигнул, а это значит, что я пошутил. Конечно же, я так не думаю. Ты моя джейя — умная и образованная. Я говорил фигурально: что если бы ты даже была не такой, это не важно, так как ты моя джейя, с первого взгляда джейя. Я оторопел, когда увидел тебя, занимаясь столь постыдным делом, причем по собственной инициативе. Я ужаснулся, что моя джейя видит это и боится меня. Я хотел испепелиться в тот момент, чтоб как-то унять стыд, который испытал. И заставил тебя чувствовать то же.

Влада уткнулась носом в его золотое плечо и расслабилась.

«Как красиво он умеет говорить, так хочется верить, что все происходящее — правда, — думала она. — Но идеальный принц, который влюбился с первого взгляда и на все готов ради меня, — это же невероятно! Эти речи могут оказаться не более чем умелым ухаживанием опытного ловеласа, — сомневалась она. — Все, что мне о нем известно, узнано с его слов. Еще Элла неплохо отзывалась о нем... Но достаточно ли этого для полной уверенности? Так хочется верить... Но может ли это быть правдой? В моем мире — не может».

— Милая джейя, я вынужден сообщить, что должен оставить тебя сегодня, — сказал он с сожалением. — Мне необходимо через час отъехать, вероятно, до завтрашнего вечера. Позднего вечера. В дороге может всякое произойти, и если я задержусь, то мы увидимся

лишь послезавтра утром. Не грусти. Прогуляйся с Эллой, приходи в библиотеку, уверен, что сэр Вэйлет покажет тебе что-нибудь интересное.

— Я же не умею читать, — с улыбкой возразила она.

— У нас много литературы с картинками, джейя, они тебя позабавят, — рассмеялся Эрик. — К сожалению, переводчик для книг не изобретен, но это неплохая идея на будущее.

— Эрик, сними запрет с Эллы на общение со мной в полном объеме, — нашла девушка. — Мне не нравится, что она не отвечает на половину моих вопросов. И я хочу, чтобы ей было позволено обедать и ужинать со мной.

— Джейя, запрет был снят сразу после нашего ужина, — сказал он, собираясь уходить. — Я не хотел, чтобы ты узнала обо всем от кого-то другого, поэтому рассказал сам. Так у тебя заложилось правильное понимание законов нашего мира. Но Элла более не связана словом. И да, ты можешь с ней обедать, конечно. Ты свободна в решении таких пустяковых вопросов. — Влада хотела спросить, а в чем она не свободна, но не стала этого делать. — Не скучай без меня, я вернусь и мы сделаем кое-что интересное, я обещаю.

Владе сделалось тоскливо — вот и настал момент расставания. «Ну а чего ты ожидала, ежедневных встреч с правителем? — ерничало подсознание. — Это же невозможно! Придется смириться. Всего один день, и есть надежда, что он успеет вернуться к позднему ужину. Но на мне новые трусики... А он и не узнает. А почему бы и не злоупотребить положением?»

— Ты уже уходишь? — спросила она с преувеличенной грустью в голосе.

Эрик подошел и обнял за плечи.

— Ну, я планировал проводить тебя и отправиться в дорогу.

— Я забыла тебя поблагодарить.

— За что? — не совсем понимая направление разговора, спросил он.

— За твой недавний подарок.

— За стеж ты меня благодарила. Тебе понравились часы? — поняв намек, иронично спросил он.

— О, весьма. Мне понравились все твои подарки. И если у тебя осталось пять минут свободного времени, ты сможешь оценить, как смотрятся на мне эти дары.

Эрик напрягся. Владе было ясно, что он действительно торопится и понимает, что пятью минутами тут вряд ли обойдется.

— Моя великодушная хозяйка хочет поиграть со своим маленьким подданным? — прошептал он ей на ушко. — Тебе стоит лишь приказать.

Она ухватила его за руку и повела в один из коридоров между стеллажами. Свет в этой зоне был очень тусклым, запах — книжным, воздух — немного спертый. Царила тишина. Его волосы в этом освещении отливали черненым золотом. Атмосфера средневекового любовного романа. Так возбуждающе...

— Ты был послушным мальчиком и преподнес своей госпоже бесценные дары. Ты достоин награды, маленький экто. Смотри же, как прекрасна твоя волшебница в этих нарядах. — И она медленно начала расстегивать замок на платье сверху вниз.

Сперва его взору открылся подвес, блеснувший в тусклом свете прохода, затем молния продолжила движение вниз. Эрик все еще не видел груди, так как полы платья оставались сомкнутыми. Молния подошла к талии и остановилась поблизости от места, где он мог бы разглядеть край трусиков.

— Какого они цвета, экто? Ты должен угадать. Я даю тебе три попытки. Если не

догадаешься, отправишься в дорогу, так и не узнав секрета, — создала она интригу и подумала: «Ну зачем я так сказала! А если не сможет, черт возьми! Зачем так усложнять правила?»

Подсознание шепнуло: «Потому что так интереснее...»

В глазах Эрика загорелся огонек азарта:

— Моя Госпожа, вы поставили передо мной такую сложную задачу! Цена ошибки слишком высока, но выбора у меня нет. Они красные, повелительница. Такие же яркие и прекрасные, как и вы.

«Черт! Почему я не надела красные?! Он мог угадать с первого раза, если б я подобрала трусы, руководствуясь логикой проще».

— Ты использовал первую попытку. У тебя осталось всего два шанса, экто. Будь догадливей.

— О, моя Госпожа. Они... голубые. Вы выбрали цвет романтических свиданий.

— У тебя остается последняя попытка, маленький экто. Не упusti шанс.

— О, великодушная Госпожа! Сжальтесь над бедным маленьким экто... Дайте же одну подсказку, лишь крошечный намек.

Влада опустила глаза и увидела... «О Боже!» — подумала она. Шаровары, скрывающие некогда спящего экто, вздыбились. Он рвался на волю и это у него хорошо получалось. Так как ширина штанины давала значительный простор для маневров, экто смог практически дотянуться до ее бедра. Если бы не оковы черной материи, он, наверное, уже давно набросился на нее.

Эрик сакцентрировал:

— Ваш маленький экто почти у цели. — Головка затрепетала сквозь тонкую ткань.

— Ты дразнишь меня, малыш, — нашла она, подавляя удивление.

— Да, моя Госпожа. Я хочу заслужить подсказку. Но она должна быть такой, чтоб я точно не оплошал. Ведь вы же сами хотели отблагодарить меня за верное служение. Так позвольте получить мою награду.

— Вот тебе подсказка, проказник. Это цвет сокровенных желаний каждой юной девушки любого мира. Поймешь ли ты мой намек, храбрый экто?

— Ваши прекрасные трусики, которые я сейчас увижу, моя Госпожа... синие.

— Ты угадал, мой маленький экто и теперь можешь *сам* взять свой подарок, — сказала она и опустила руку с молнии. Замок так и остался не до конца открытым, застыв на уровне талии.

Эрик не сразу нашелся.

— О, моя жестокая волшебница. Почему ваша подсказка была такой сложной. Вы могли бы просто намекнуть, что это цвет океана. Что бы было, если б я не понял вашу сложную аналогию?

— Но ты же смог, экто. Возьми свою награду.

Эрик неспешно взялся за молнию и потянул вниз. Платье расстегнулось, но полы оставались по-прежнему сомкнутыми. Синяя полоска кружевных стрингов показалась в образовавшейся расщелине. Он бездействовал.

— Экто, тебе достаточно увиденного для награды? Или ты хочешь большего?

— Я хочу большего, великая Госпожа.

— Распахни платье.

Эрик медленно развел в стороны ткань на уровне груди — два набухших соска

установились на него, ниже виднелись синие кружевные трусики.

— Моя повелительница, я поражен и польщен вашим доверием. Простите мою неопытность, что я могу сделать дальше, не вызвав вашего недовольствия?

— Ты должен положить руки на мою грудь и приласкать ее.

— Приласкать ее? Я буду стараться, моя прекрасная фея.

Он прикоснулся ладонями и надавил — грудь приплюснулась, затем ослабил нажим. Начал мягко массировать, уводя то в одну, то в другую сторону. Он уделил внимание и соскам: сжимал и разжимал, оттягивал их.

«Он хорошо справляется, видимо, все же не впервые общается с грудью. В его истории определенно есть пробелы», — предположила девушка и сказала: — А теперь поцелуй ее.

Он покорно склонился и выполнил повеление. Целовать соски он не умел, Влада поняла, что предстоит поработать и над этим.

— Экто, тебе пора выйти из тени, мой маленький паж, — пригласила она главного участника.

Эрик беспрекословно спустил шаровары, и они упали вниз. Влада впервые увидела полностью обнаженной эту часть его тела. Яички находились на положенном месте. Довольно крупные, но вполне человеческие. Растительности в паху не было вовсе. В мыслях пронеслось: «Лобковые волосы вообще не растут, или он бреется?»

Вид двухметрового Тарзана в золотом картузе со спущенными штанами был несколько смешон, но Влада сконцентрировалась на другом: экто был на свободе и смотрел на нее, вероятно, дожидаясь команды. Она сказала, отгоняя стеснение:

— А сейчас экто, ты познакомишься поближе с моей киской.

— Вашей кошкой? — переспросил Эрик, видимо, не поняв сообщения переводчика.

— Запомни это слово на моем языке и позже исключи его из транслятора. Сейчас ты сделаешь моей киске приятно.

— Пренебреженно исполню ваш приказ. Только объясните мне все подробности дела, повелительница.

Влада стянула синие стринги, и те упали на пол. Перешагнув через них, она встала, немного раздвинув ноги, затем указала пальцем вниз.

— Это моя киска. Вход в нее преграждает мягкая шерсть, чтобы ей не было холодно зимними вечерами, — сказала она, довольная, что с помощью бритвы придала ей достойный вид.

— Спасибо, что вы объяснили мне это.

— Сегодня ты должен поиграть с киской так, как ты умеешь делать это. Но не надо торопиться заходить в домик глубоко, я пускаю тебя лишь на порог. Киске приятно, когда ее гладят, тормозят и щекотят.

— Я понял вас, моя Госпожа. Поправляйте меня, если начну делать ошибки.

И экто прикоснулся к ее возбужденной плоти, не спеша стал поглаживать ее промежность. Потом начались легкие вращательные движения. Было приятно, ощущения мягко разливались по всему телу. Но экто действовал не совсем там, где надо — клитору не хватало внимания. «Как ему объяснить? — не знала Влада. — Подожду еще, может, сам догадается...»

Экто начал вибрировать.

«Ох, какие ощущения, возможно, примерно так и работают секс-игрушки на батарейках», — предположила она и, обхватив ствол экто, поместила ежика в ту самую

точку. Здесь его движения были гораздо более уместны.

Эрик стоял рядом с закрытыми глазами, прислонившись спиной к стеллажу. На лице его отражалась нега.

— Тебе приятно ласкать мою киску, экто?

— О да, Госпожа, я на вершине блаженства. Как я могу взять вас туда с собой, моя милая?

— Продолжай делать то, что делаешь, экто.

Стоять на полу с раздвинутыми ногами и получать ласки Владе быстро стало неудобно. Хотелось расслабиться и на что-то опереться. Эрик же стоял неподвижно в полуметре, один лишь экто был на высоте.

Влада прислонилась к Эрику, обхватив руками за плечи, упершись щекой в широкую золотую грудь. Ноги же отставила подальше и выгнула поясницу. Так экто беспрепятственно делал все, что и раньше, а у нее появилась дополнительная точка опоры и она лучше расслабилась.

— Удиви меня, — сказала Влада в попытке дать новое направление игровому сюжету.

Неожиданно экто шлепнул ее по заднице. Она коротко вскрикнула тоном, подтверждающим, что ей это нравится. Экто возвратился на прежнее место и завибрировал, но вскоре снова ударил.

— Ай, — чувственно сказала Влада, уже не испугавшись от неожиданности.

Затем последовал легкий удар по клитору.

— Уау! — простонала она.

Эрик вместе с экто импровизировали. Удары были мягкими, чувственными, вовсе не болезненными, а как раз наоборот — очень возбуждающими.

— Ты отлично справляешься, маленький экто.

— Вы присоединитесь ко мне, моя Госпожа? Я жду вас на вершине.

«Блин, он просит, чтоб я поскорее кончила... — перевела она его слова. — Черт, я еще не готова. Конечно, он же торопится уехать. Но как сейчас объяснить, что не все у меня так просто устроено... Имитировать я не собираюсь, вот еще! Пускай лучше старается».

— Я не смогу присоединиться к тебе, экто, если ты будешь торопить меня...

— Простите, моя повелительница. Я готов исполнить любой ваш приказ. Пощадите и скажите, что я должен сделать, чтобы помочь вам? Я готов на любые поступки.

«Готов на все? — лукаво задала она мысленный вопрос. — Пускай лижет мою киску в таком случае. Но он ведь не умеет...»

— Сядь на колени, Эрик, — обратилась она по имени, выходя из образа.

Он присел, его лицо оказалось прямоком возле вагины. Влада придвинулась вплотную.

— Поцелуй мою киску и приласкай языком клитор, — сказала она, стараясь не морщиться, ведь не любила говорить о сексе. — Клитор находится очень близко, вот тут, в начале, — она раздвинула губы и показала ему. — Запомни, это самая чувствительная точка моего тела.

— Твой экто?

Влада рассмеялась.

— Сделай языком так, чтобы мой экто был доволен и последовал за тобой на край света.

— Постараюсь, ми джейя.

И Эрик начал импровизировать: лизал клитор языком, посасывал, всасывал сильно,

снова лизал, вращал языком, словно экто. Влада взяла его руки — одну положила на ягодицу и пояснила движениями, как следует сжимать. Вторую — на свой живот, и показала, что его нужно гладить, включая и груди. Своей же рукой она отыскала снизу экто и принялась ласкать, а другой — зарылась в его волосы и прижала золотую голову к чувствительному месту поближе. В такой сложной позе она и добиралась до вершины. Созерцание его головы в своем сокровенном месте, осознание факта девственности его рта, усердие и готовность, вздохи, движения рук, которые становились все увереннее, подвели ее к высшей точке довольно скоро, и она с чувственными криками присела ему на лицо, а потом плавно сползла перед ним на колени. Они стояли в одинаковых позах друг напротив друга, но Эрик еще не закончил. По выражению его лица она поняла, что он собирается уходить и подбирает слова прощания.

— Я запрещаю тебе оставлять меня сейчас, пока ты не присоединишься ко мне.

— Джейя, я вынужден покинуть тебя.

— Нет.

Она обхватила экто руками и зажала меж своих грудей. Эрик глубоко выдохнул, а экто зашевелился. Через минуту лицо его покраснело, а на лбу выступила испарина, он задрожал и, зажмурившись, проревел: — Ми джейя, а-а-ах, а-а-ах!

По ее груди стекал его сок. Влада поцеловала Эрика в губы мягко и нежно. «Что делать со спермой?..» — думала она тем временем.

Но Эрик сам предложил выход: он лизнул ее перепачканную грудь и поцеловал в губы — они разделяли сладость на двоих. Он лизнул второй раз — и снова поделился. Так в несколько поцелуев она сделалась чистой. Влада была очарована его смелостью, вряд ли бы земной мужчина отважился на такое.

— Ты пробовал сперму раньше? — шепнула она ему на ухо.

— Нет, не приходилось, ми джейя. С тобой я многое делаю впервые.

Он с силой подтянул ее к себе и крепко обнял. Они застыли друг против друга посреди океана исторических фолиантов.

«Как символично, — думала в тот момент Влада. — В мире, где существует волшебство, среди книг о волшебстве между двумя людьми произошло *волшебство*».

16

Прямое доказательство

Утром следующего дня Элла подала завтрак на две персоны. Девушки ели вместе, болтая о том о сем, но в основном говорила Влада: поделилась о том, что бывала на этом морском побережье в своем мире, и не удержалась от красочного рассказа, как в шапке Бэкета признала собственность Ивана Грозного. Вероятно, ее законный хозяин был вне себя от ярости после пропажи шапки Мономаха, и полетели головы с плеч... Элла реагировала так, будто девочка на первом ряду кинотеатра во время приключенческого фильма с красавчиком в главной роли — смотрела во все глаза и слушала во все уши, приоткрыв рот. Обе много смеялись, и сегодня Элла вела себя гораздо более непринужденно, будто бы с нее и правда сняли все ограничения. Она сама предложила прогуляться в парке, пока еще солнце не встало высоко. Влада с готовностью согласилась, а про себя отметила, что перемены в поведении к лицу этой девушке с яркими глазами цвета ясного неба.

Была теплая приятная погода, впрочем, как и в предыдущие дни, начиная с субботы, когда Влада с подругой очутились тут. За несколько дней ужас первого впечатления переродился в нечто, что было трудно сформулировать односложно, — трепет, ожидание,

негу, тоску...

«Эрик уехал. Но он вернется к вечеру, самое позднее — завтра утром. Объективно — это же недолгий срок. Я буду ждать и дождусь, — повторяла она себе в который раз с момента пробуждения. — Почему я не попросилась с ним, увидела бы страну... Если б он мог (или хотел), сам предложил, не усложняй!».

Девушки прогуливались в парке среди уже знакомого Владе пейзажа. Прохладный ветерок раздувал ее длинное бело-серебряное платье в стиле Афродиты. Хорошо, что она не надела фасон с расширенной юбкой, а то бы при такой ветрености походила сейчас на Мэрилин с известного снимка. Хотя вряд ли кто-то мог ее здесь увидеть, кроме Эллы. В голове вмиг родилась вереница вопросов:

— Элла, а почему здесь всегда так безлюдно?

— Проход на территорию дворцового парка в обычные дни строго регламентирован. Простой человек сюда не войдет, а те, кто вхож, по паркам разгуливают редко.

— А в необычные дни?

— Во времена государственных праздников в парке устраивают грандиозные общественные гуляния. Вам они обязательно понравятся!

— А когда ближайшее?

— Скоро. В начале осени мы отмечаем праздник урожая.

— Скажи, а почему здесь нет фонтанов и водоемов? В моем мире в любом приличном парке они есть.

— Причины кроются в прошлом. Раньше и здесь так было принято, пока однажды царская дочка не утонула во время водных развлечений. Из парка разом убрали все фонтаны, а пруды засыпали землей и засадили деревьями. С тех пор здесь сухо, как в пустыне, леди. — Элла неопределенно улыбнулась.

— Я бывала в этих краях в августе месяце, и вся растительность к этому времени была уже выжжена солнцем. Почему в вашем парке так зелено?

— Казне дорого обходятся ландшафтные работы: на полив уходят тонны пресной воды, вдобавок здесь трудится армия садовников.

— Где же они все?

— Если я раскрою все секреты, чем же вы займете свой разум? — лукаво сказала Элла и рассмеялась.

Влада улыбнулась в ответ и не стала расспрашивать, прикинув, что возможно, рабочие трудятся по ночам. «Вот бы сейчас случилось невероятное, — представила она, — и он вывернул из-за поворота на белой лошади. Мой золотой правитель с глазами цвета девятого вала... Нет, не узнаю себя, что за сопли, Влада! Тебе не пятнадцать лет для подобной сентиментальности». Она прервала размышления вопросом к Элле:

— Расскажи, как в Эйдерине купаются и загорают?

— Как? Ну, обычно. На пляжах собираются люди, они раздеваются и лежат на специально оборудованных площадках с желтыми пластиковыми крышами, чтобы не сгореть. Светлая кожа — это модно. В районе столицы пляжи в основном каменистые, а в других местах побережья бывают и песчаные.

— А что люди при этом надевают на себя, Элла? Вы носите купальники?

— Да, специальные плавательные сандалии, как эти, — она указала на свою обувь, — но только резиновые.

— Вы голые, что ли, купаетесь?

— Конечно, — сказала Элла, будто не понимая вопроса. — А вы разве нет?

Влада помотала головой. Надо сказать, эта новость не сильно удивила ее. Где-то в глубине она подозревала, что в мире, где приняты оргии на главной площади страны, нудистские пляжи вполне могут считаться нормой.

— И вы не стесняетесь?

— Ну, обычно нет. Кто стесняется — не отдыхает на море. Такие люди есть, конечно. Но для них существуют приватные пляжи. Хотя те сделаны, скорее, не для скромников, а для влюбленных. Репродуктивная политика приветствует создание подобных зон для уединения. Но если кто-то сильно стесняется, может арендовать отдельный пляж, где его никто не увидит.

— А это дорого? Доступно обычному человеку?

— Недешево, но доступно. Хотя все же простой человек скорее пойдет на общий пляж, ведь там здорово: шум, веселье, напитки, игры на суше и в воде! Можно посмотреть на других и показать, на что годишься сам.

«На что это она намекает?»

Влада поняла, что точно умрет от любопытства, если не выпросит обо всех подробностях щекотливой темы. «Должна ли я поделиться, что Эрик пригласил меня на пляж? Или оставить в тайне?..» — раздумывала она.

— Могу ли я спросить, почему вы так заинтересованы всем этим? — неожиданно задала вопрос горничная.

«Блин! — с досадой подумала Влада. — Делать нечего».

— Возможно, мы с господином Эриком поедem к морю. Мне хочется разобраться в ваших пляжных традициях, — объяснила Влада и подумала: «Как Элла к этому отнесется?»

— Леди Влада, прошу, не смущайтесь, — сказала та, считав все по лицу. — Отдых на пляже вам очень понравится. Это вполне естественно в нашем обществе, когда мужчина, ухаживающий за девушкой, приглашает ее на пляж.

«Она знает, что Эрик ухаживает за мной? Насколько хорошо она обо всем осведомлена?» Влада решила на прямой вопрос:

— Элла, скажи честно, что ты обо всем этом думаешь?

— Я рада за Господина, — ответила та и дотронулась до ее плеча. Влада удивилась, но виду не подала. — Он всегда был так одинок. Никогда нельзя угадать, о чем он думает, — непроницаемый человек. А сейчас будто бы в него вдохнули жизнь, он совершенно неузнаваем. Я всегда знала, что он добр, но не все были такого мнения о нем, считая надменным и жестоким.

«Неужели это об Эрике? Надменный, ну допустим... Но жестокий?»

Влада не стала продолжать расспросы об Эрике и вернулась к предыдущей теме:

— Знаешь, чего я не могу понять? Почему люди разного пола загорают голыми на пляже и не смущаются друг друга? В нашем обществе так не принято, — сказала она, умолчав о нудистах.

— У нас вообще мало кто задумывается о подобном, ведь это пляж — место отдыха и единения с природой. Но если все же поразмыслить, наверное, мужчинам приятно демонстрировать экто на публике. Похвалить чей-то экто — значит сделать весомый комплимент. Особенно ценны подобные комментарии от других мужчин. Конечно, они редко хвалят друг друга. — Элла рассмеялась. — Женщины тоже любят демонстрировать свои прелести, ну, собственно, так же как и мужчины. Вдобавок, пляж — прекрасное место

для знакомств.

— А экто чем-то отличаются у разных мужчин?

— Конечно, все люди отличаются друг от друга, леди Влада. Экто может быть чуть больше или меньше, шипики тоже разной величины. Да, еще может отличаться их количество.

— А какой экто будет считаться самым лучшим, Элла?

— Экто Господина считается весьма завидным, леди Влада. Вы ведь к этому клоните? — Элла лукаво посмотрела на нее.

«М-да, про его экто знают, похоже, все жители государства...»

Элла быстро опомнилась:

— Простите леди, я забылась. Я не должна была вам такого говорить! — Она прикрыла рот двумя руками.

— Что ты, Элла. Я благодарна за откровенность. Будь и впредь со мной честна, прошу. У кого еще я могу спросить о таком? А знать ответы на подобные вопросы чрезвычайно любопытно. Расскажи мне о критериях, прошу.

Элла отняла руки ото рта, вдохнула полной грудью и начала негромко:

— У достойного экто большая длина, красивые выраженные шипики и их много. По слухам, максимальное количество примерно пятнадцать-шестнадцать, хотя в жизни это очень редко встречается. Чаще у мужчин от шести до десяти шипиков, это считается достаточным, чтобы не стесняться посещать пляж.

«Ну, все понятно, — подумала Влада. — Значит, выше нормы... Но, а что насчет женского экто?.. Спрашивать у нее как-то совершенно неудобно».

— Ты не замужем, Элла?

— Нет, леди. Я еще не встретила любви. Но за мое сердце борются двое, — сказала она с нескрываемой гордостью.

— Я не удивлена, ты очень красива и умна, — сказала Влада, что думала. — Как проходит эта борьба?

— Я встречаюсь с каждым из них по очереди в свои редкие выходные.

— Они знают друг о друге?

— Конечно. У них своего рода соревнование: кто мне сделает лучший подарок, с кем проведу больше времени, кто сможет лучше меня накормить, чей экто я похвалю искренней. После свидания они встречаются и обсуждают все это.

«Ну ничего себе! Сколько тем для размышлений...»

— Элла, а они не ревнуют?

— Ревнуют ли они? Скорее, завидуют большим успехам другого. Ревность возможна лишь, когда действительно любишь.

— Наверное, они встречаются с кем-то еще, раз... — Влада не знала, как помягче сформулировать.

— Да, — спокойно ответила Элла, не дожидаясь окончания вопроса. — У нас принято искать свою любовь максимально эффективно. Чем быстрее найдешь, тем будет лучше для всех. Поэтому увеличить частоту свиданий и количество кандидатов — эффективная стратегия, повышающая шансы на успех.

— А половые отношения до свадьбы у вас приемлемы?

— Бывает по-разному. Каждый сам решает этот вопрос для себя. Но строгих запретов на этот счет нет. Экто мужчины и экто женщины — созданы друг для друга, в этом суть

общения между полами. Мужчина старается продемонстрировать экто даме как можно раньше, чтобы привлечь ее интерес, показать свои способности.

— И как скоро он показывает ей?

— Ну, кто посмелее и кто точно определился, что девушка нравится, может пошутить с ней на первом свидании.

— Пошутить?

— Да, с экто принято шутить. Ну, например, приобнять им за талию, когда девушка не ожидает этого. Или прикоснуться к ее коже или пощекотать. Некоторые сторонницы полового равноправия сами просят парня на первом свидании продемонстрировать экто и его способности. Зачем тратить время на вторую встречу, если партнер не устроит тебя? Но я не из таких.

«Вот это номер!»

— А что, экто разных мужчин способны по-разному впечатлить девушку?

Элла посмотрела на нее как на пришельца.

— Да... У кого-то резвый, активный, умеет все. А у некоторых годится только пятки чесать. — Она заливисто рассмеялась. — У нас есть такая шутка, леди Влада, извините. Это в переносном смысле. Существуют даже соревнования экто.

«О боже!»

— Не уверена, что готова к этому знанию, Элла. Расскажешь в другой раз. Сменим тему. В чем вы ходите зимой?

— В коже.

— С цветами та же история?

— Собственно, да. Только вот добавляется коричневый — цвет теплой одежды небогатых людей. Еще мы носим меха, когда очень холодно. Шубы из кролика, зайца, волка — для простых людей. Я ношу из белого кролика. Кто побогаче — предпочитают заграничные меха — песца, норку.

— А лиса?

— Лиса только для родственников Рэйс кэнта. Это самый близкий мех по цвету к золотому.

— А белка? Она тоже рыжая.

— Как, белка?.. Мы не шьем шуб из белок. Это неприкосновенное животное.

— У индусов в нашем мире корова — неприкосновенное животное. Это связано с их верованиями. А у вас почему, чем отличилась белка?

— Жил когда-то давно чародей, который умел говорить с белками. Скажем так, они его с радостью слушались и выполняли его пожелания. Талант считался невыдающимся, больше цирковым. Его белки танцевали, показывали номера и фокусы, его часто приглашали на праздники во дворец. Так в него и влюбилась дочь правителя. Она упростила отца ввести запрет на убийство белок. Все это было так давно, что даже летописи не припомнят, что шубы из белки вообще когда-нибудь шили. Любой последующий правитель мог бы отменить этот указ одним росчерком пера, но так никто и не отменил. Со временем белка стала чем-то вроде тотема. Люди их любят, приручают, часто держат у себя в домах.

— А Эрик мог бы отменить тот древний указ?

— Вы не любите белок?

— Я уважаю белок. Спрашиваю просто из любопытства.

— Наверное, мог бы, но не отменит. В этом нет смысла. Его посчитают

белконенавистником. И скорей всего никто не начнет причинять зверькам хоть какой-нибудь вред, даже если по закону это станет возможным.

— Наши миры одновременно похожи, и совершенно отличаются, — сказала Влада задумчиво. — Спасибо тебе за компанию, вернемся? Я хочу зайти в библиотеку.

Девушки повернули в сторону дворца. Вскоре их окликнул женский голос:

— Леди Влада, Элла!

Они одновременно обернулись и увидели, что их догоняет красотка-стилист.

«Что надо этой вертихвостке?» — подумала Влада, но поприветствовала Эмму довольно учтиво.

— Леди, Влада, я надеялась застать вас здесь, — сказала брюнетка. — Мне нужно поговорить, прошу, присядем. — Она жестом указала на ближайшую скамейку. — Ты можешь возвращаться, — сказала она горничной. — Я позже провожу леди до дворца.

Элла осталась стоять неподвижно, переводя взгляд с Эммы на Владу и обратно. Влада нашлась:

— Что ж, если этот разговор не терпит присутствия моей *подруги*, — сакцентировала она, — мы можем остаться наедине. Элла, извини нас с леди Эммой. Спасибо тебе за компанию. — Горничная ответила благодарным взглядом и удалилась.

Эмма незамедлительно устремила на Владу полные тревоги глаза.

«Да что же случилось? — сделалось ей разом не по себе. — О чем она хочет со мной поговорить? Что-то с Эриком, не дай бог...»

— Леди Влада. — В голосе красотки слышалось волнение. — Присядем здесь.

Влада нехотя подошла к скамейке и опустилась, стараясь принять непринужденную позу, чтобы не выдать телом напряжения.

— Видите ли, — замялась она. — Я хочу предостеречь вас. Кто-то должен вам об этом сказать, кто-то, имеющий право говорить начистоту и не связанный обещанием молчать. Элле нельзя всецело доверять — она на службе у правителя Эрика. Ей платят за верность, очень хорошо платят. Более того, раньше их кое-что связывало. Теперь она одна из лучших служителей короны. Вы думаете, она горничная? Нет, она его доверенное лицо и приставлена к вам как к опасному государственному объекту. Ну, то есть потенциально опасному, ведь в Совете не знают, что можно ожидать от представителя другого мира, и остерегаются вас. Вы заметили, как она хорошо образована?

Влада молчала, но она давно обратила на это внимание.

— Служанки такими не бывают, Влада. Я предупреждаю об этом, чтобы вы поменьше доверяли ее словам и действиям. Подвергайте сомнению все, что она говорит.

«Информация пугающая. Но вряд ли можно верить словам этой стервы, она наговаривает на бедную девочку».

— Но это не все, что я хотела вам рассказать. — Эмма тяжело вздохнула, взяв Владу за руку. Ее прикосновение не было приятно, но Влада уже знала, что в этом обществе разговоры без касаний обходятся редко. — Только прошу, сохраните наш разговор в тайне. Обещайте мне это.

«Как я могу такое обещать? — негодовала Влада, не произнося вслух. — Я ее не знаю совсем. Это было бы верхом глупости».

— Леди Эмма, вы просите меня о невозможном. Чтобы обещать подобное, я должна доверять вам. Но я вас почти не знаю, потому не намерена давать такого слова. Если вас это не устраивает, разрешите откланяться.

Эмма была удивлена, но постаралась скрыть неудовольствие.

«Она меня за дуручку принимает, что ли, или доверчивую школьницу?»

Эмма молчала. Влада поднялась со скамьи, намереваясь вернуться во дворец.

— Пойдите.

Влада опустилась обратно, но руки более не подала, сложив их под грудь.

— Я рискую своей головой, если об этом разговоре кто-нибудь узнает, — выпалила Эмма. — Прошу вас помнить об этом, вижу, что вы человек чести. Я считаю своим долгом вас предостеречь. Вы не знаете наших традиций и введены в заблуждение, леди Влада. Мне больно знать, что вы так сильно обманываетесь, ведь вы хороший человек, я чувствую это.

«Да к чему же она клонит, черт возьми!»

— Эрик не такой, как вы о нем думаете. Наш правитель велик, умен, талантлив, но он жесток в отношении женщин. Его сердце холодно, а душа мертва.

«Ах, вот в чем дело, — поняла Влада, — решила наговорить мне гадостей об Эрике, чтобы я сама отказалась от притязаний на него. Киношная ситуация — завидующая “подруга” клеветает на доброго и порядочного избранника. И чтобы разобраться во всех обстоятельствах дела, разлученным влюбленным требуется три четверти продолжительности фильма. Потом они корят подругу, но прощают, ведь они все такие добренькие... Не дожدهшься, ведьма! — бросила ей Влада мысленно. — Я не куплюсь на дешевые разводки». Но она решила дослушать весь коварный план до конца, состроив удивленное и разочарованное лицо.

Эмма приободрилась:

— Наш правитель жаден до женского пола, вы и сами видели это. Его изобретение — репродуктивный круг — порочен и лишен всяческой морали. Он принудил Совет к утверждению этого закона, прибегнув ко всевозможным уловкам. Ему было необходимо официальное право удовлетворять свои извращенные фантазии. Он же Победитель! И всегда добивается своего любой ценой. До того как был введен круг, его экто покрыло всех женщин дворца, включая кухарок. Хотя даже они проходили у него тщательный отбор. Если вы посмотрите на местных обитателей, вы не найдете ни одной женщины старше тридцати! Это прямое доказательство моих слов. Ему всегда было мало, поэтому он придумал репродуктивный круг, убедив Совет во мнимой эффективности решения проблемы его бесплодия.

В жаркий полдень Влада похолодела.

Эмма продолжала:

— Он играет с вами в свои игры, вы ему в новинку и можете сильно разнообразить его досуг. Конечно, он умеет быть восхитительным, он же правитель, к его услугам целое государство! Эрику все позволено, никаких ограничений.

— А как же Совет?

— Совет? Совет ему подчиняется. Он Верховный правитель! Задумайтесь, отчего такое название... У Эрика есть целая связка «ключиков», чтоб подобрать нужный к «замку» Совета. Я уверена, вам он все преподнес иначе, конечно. Он опытный политик, умеет описать факты в выгодном для себя свете. Сделать черное белым ему всегда легко удавалось. Более того, он сделает из черного и радужный, если захочет.

Струна в душе Влады лопнула. «Откуда она знает про радужный?! Нет, не может быть...»

— Как он называет вас? — прозвучал вопрос, который предвещал Влады разрыв

оставшихся душевных струн.

Влада молчала.

— Как он называет вас? — с бóльшим напором повторила Эмма.

— Джейя.

«Ну зачем я сказала это, сама дала ей основу для дальнейшего вранья», — поняла девушка, с трудом сдерживая слезы.

— Джейя... Я не удивлена. Так он обращается к каждой второй, с кем переспит более одного раза. Остальных он называет «лэйя».

Переводчик сообщил значение — «цветок любви».

— Наверняка вас он назвал «джейя» еще до тесного знакомства, ведь вы действительно особенная. Мужчины нашего мира многое бы отдали, чтобы своими необычными глазами вы оценили величину их экто. Простите за сравнение, я неаккуратно подобрала образ.

Владу трясло.

— Леди Влада, мне жаль, что вам сейчас больно. Но я не могла не предупредить, это против моих личных принципов. Давайте я провожу вас до комнаты.

Слезы застыли в глазах, ком застрял в горле.

— Эмма, вы можете идти, я еще останусь и подышу воздухом. Прощайте, Эмма. — Она не стала казнить гонца, принесшего дурную весть, но и благодарить не стала.

Когда Эмма удалилась на занчительное расстояние, Влада выдохнула и разрыдалась.

«Ну почему я ей поверила?! Врет, врет, паскуда! Играет, блефует. Хочет растоптать соперницу! Она сама хочет быть на моем месте, хочет отомстить, ведь Эрик выбрал не ее!»

Нахлынула вторая волна дрожи: «Он и с ней спал! Практически не подлежит сомнению. Правду она сказала или нет, он с ней спал. Даже если допустить, что все вранье, причина кроется в ревности».

«Как же больно! Мерзко! Как разбираться со всем этим? Как докопаться до правды? Спрашивать у Эллы или Эрика —дохлый номер, их удивленные глаза ничего не докажут мне, сомнения останутся. Какая ловкая игра с ее стороны, если это, конечно, игра... Чьим словам верить?»

Рыдания не прекращались, душа разрывалась на части.

«И что мне с этим делать, я влюбилась в него без памяти! Пора уже себе признаться! Ангел он или похотливый злой демон — я все равно пропала, моя защита рухнула, и я беспомощна. Что если он действительно забавляется, и пора считать дни до момента, когда окажусь на помойке дворцовых отходов?.. В лучшем случае меня отправят прислуживать новой джейе... Не потому ли он сразу назвал меня так, что для него это привычно и обыденно?»

«Стоп, Влада, стоп! Прекрати. Не наступай на старые грабли. Хватит выть, утри слезы. Вызови на расследование мисс Марпл и разберись во всем наверняка. Не принимай поспешных решений, ты обещала себе. Так выполняй же!»

Она вытерла слезы руками и пару раз дала себе по щекам, чтоб прийти в чувство. Адреналин кипел в венах, заглушая разум.

— Беги, Форест, беги! — скомандовала она себе и побежала. До дворца было чуть больше километра. Сандалии неплохо подходили для бега, но она и на шпильках делала это достойно. Влада рассекала воздух так быстро, насколько могло ее нетренированное тело — бежала всей своей израненной душой. Ей казалось, что она мчится как ветер, как однажды в детстве неслась с подружкой, испугавшись старших мальчишек. Тогда обе летели вниз с

горы, и казалось, испуг подарил им крылья.

Боль в теле и затрудненное дыхание заглушали крик сердца. Жар пульсирующего адреналина в жилах понемногу ослабевал, сменяясь мышечной усталостью. Она подбежала к ближайшему входу и резко остановилась, согнувшись в приступе нехватки кислорода. Отдышавшись, она выпрямилась, расправила плечи и проследовала в комнату.

Влада заперла дверь изнутри и прошла в ванную.

— Не обдумывай это. Не думай, не думай, не думай! Море, вода, пляж, нирвана, дзен, котики, тишина, весенний лес, красная икра, любовь (черт, прокол!), детство, радуга (черт!), колокольчики, карусели, лошади (черт!), вода, вода, море, шум прибоя, солнце... Не думай ни о чем, не думай, не думай... Полегчало? Не очень. Вода, вода, море, море....

Влада не заметила, как уже лежала в кровати. Она продолжала медитацию, боясь оступиться и кануть в пропасть отчаяния. Она не умела правильно читать мантры, но сейчас ей это было необходимо. Поэтому делала все так, как ей подсказывало подсознание.

В дверь постучали.

«Что, уже обед? Ничего я не хочу. Видеть ее не могу».

Дверь толкнули, но Влада ее заперла изнутри.

— Леди Влада, с вами все в порядке? — тревожно спросила Элла с обратной стороны двери.

— Все в порядке, но я не хочу есть. Я сплю.

Горничная выдержала некоторую паузу, видно, понадобившуюся для анализа услышанного, и спросила:

— Что она вам сказала?

— Ничего такого. Иди.

— Леди Влада, откройте мне. Пожалуйста. Вы так уязвимы, леди Влада, в своем неведении наших нравов. Разрешите все вам объяснить!

«Что она все “ледькает”? — раздраженно подумала Влада. — Но может, следует хотя бы выслушать другую сторону конфликта? Одна из них явно врет. Посмотрим, кто будет убедительней».

Подсознание шепнуло: «Врет обычно тот, кто более красноречив».

Влада подошла к двери и открыла, а, затем, не обращая внимания на незваную гостью, вернулась к кровати и в халате залезла под одеяло.

— Что она вам сказала, леди Влада? — спросила Элла, наверняка уже все поняв по лицу.

— А как ты думаешь?

— Я думаю, — сказала она, проходя в комнату и присаживаясь на пуфик, — что Эмма рассказала нечто плохое о Господине Эрике.

— Угадала. Или ты все знаешь изначально, участвуя в компании под названием «облапошь чужеземную дурочку».

— Что вы такое говорите? Вы никакая не дурочка, Влада. Я не думаю, что вас было бы легко облапошить, даже если бы кому-то захотелось.

«Ну, с этим хочется согласиться».

— Я могу предположить, что она вам сказала что-то вроде того, что он сердцеед и развратник... Да не узнает о моих словах Господин, о Великий кумарун!

— Да, но только все было намного-намного хуже и с подробными доказательствами.

Элла покачала головой.

— Как вы были правы на ее счет, даже не будучи с нею знакомы. Эмма собственница и, вероятно, зла на Господина и хочет отомстить.

— Она была его любовницей?

— Я точно не уверена. Знаю лишь, что она страстно желала выйти за него. Она очень умелая интриганка, вы же это поняли, увидев ее впервые. Ведь так?

Влада молчала. Пока речь горничной была убедительной.

— Я не в курсе, было между ними что-либо или не было, — продолжила Элла. — Но даже если и было, то ничего выходящего за рамки программы репродуктивного вспоможения. Ведь он вам про это рассказал, правда?

«Откуда она знает, что он мне рассказал, а чего не рассказал?»

— Он не мог не говорить об этом, ведь обязан был объясниться. Он сильно напугал вас. Все, кто присутствовал на площади, это видели. Слухи у нас распространяются быстро. А оправдаться без подробного изложения деталей нашей репродуктивной политики Господин бы не смог, это вряд ли возможно. Вот почему я догадываюсь, что он вам про это говорил, а не потому, что он все мне пересказывает, леди Влада...

«Она мои мысли читает, что ли? Или у меня действительно на лбу все написано?»

— Я горничная с расширенным кругом обязанностей, его доверенное лицо в вопросах обеспечения порядка во дворце. Я заслужила доверие безукоризненной работой в течение почти четырех лет.

«Стоит ли сказать ей, что Эмма наговорила про нее саму?.. Не думаю».

Влада выпалила:

— Ты сама — знакома с его экто? По программе вашей дурацкой политики или частным образом? Было у вас или не было?

Элла обомлела и опустила голову.

— Леди Влада! Как вы можете...

Она встала и медленно вышла из комнаты.

«И что это значит? Нет или да? Она что, обиделась? Или разыграла сцену, чтобы уйти от ответа?»

Влада перевернулась на кровати лицом вниз и лежала так долго, уткнувшись в подушку, мысленно приговаривая: «Море, вода, солнце, океан...»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Волшебное кольцо

17

Имя сердца

Влада очнулась, лежа на животе, шея адски болела. Она не знала, сколько проспала так. Обычно в этой позе шея моментом затекала, но сегодня она вырубилась как-то неожиданно, не успев принять удобное положение.

«Наверное, это действие сильного эмоционального потрясения», — объяснила она себе и с трудом перевернулась на спину. Потирая шею, она уставилась в потолок.

«Что произошло, если отбросить эмоции? Малоознакомая женщина обвинила мужчину и девушку, которая мне симпатична, в грязных вещах. У меня нет больших оснований доверять этой информации. То, что ее слова складные, — вовсе не доказательство. Опороченная девушка пыталась оправдать человека, на которого работает. Если б она сама имела на него

виды, стала ли бы это делать? Нет. Зачем ей пытаться меня разубеждать в таком случае? Ей было бы выгодно оставить меня в неведении и извлечь пользу из моих дальнейших необдуманных поступков. Допустим, она испугалась наказания за бездействие? Это вряд ли. Можно было бы просто не вмешиваться, сославшись на нежелание лезть в хозяйские дела. Ну, или как-то по-другому отвертеться. Вот что мы имеем в сухом остатке. Выходит, я действительно обидела ее», — рассудила Влада и посмотрела в окно.

«А Эрик? Он уехал, у него нет возможности защитить себя. Почему Эмма рассказала все именно сегодня? Она наверняка знала, что он в отъезде и я не смогу с ним быстро поговорить. Если бы он тут был, я могла бы к нему пойти и расспросить. Но его нет, поэтому я, по ее разумению, “накручу”, себя к его приезду или предприму что-то в ее интересах. Она вообще хотела, чтобы я обещала ничего не рассказывать — умно, но я не повелась. Возможно, она рискнула поставить на карту все?»

«Или она говорит часть правды, привирая в деталях, — продолжала встраивать логическую цепочку Влада. — Да, такое может быть. К примеру, у Эрика с горничной в реальности ничего не было, но она действительно его выгораживает, так как ей за это платят. И все, что Эмма сказала про него, — правда».

— Нет, я не верю! — громко произнесла она вслух.

«Или верю? Не занимаюсь ли я самообманом? Что если Эмма говорит правду? Ведь у меня изначально предвзятое отношение к ней. И в конце этого фильма злодей окажется хорошим, как Северус Снег. А все добрячки — шайкой заговорщиков, как... даже не знаю, кто».

«Можно бесконечно размышлять обо всем этом, так и не узнав правды, сидя в четырех стенах, — поняла она и громко выдохнула. — Мне не хватает информации. А что говорит сердце? Я хочу верить Эрику. Допустим, все обвинения против него ложны, тогда ты готова принять решение и остаться с ним? Нет, не готова. Это невозможно решить так быстро и легко! А зачем тогда ты ноешь? Может, все что ни делается — к лучшему. И следует ответить ему “нет”, не разбираясь, правда все или ложь. У-у-у-у! — Она уткнулась лицом в подушку. — Как же сложно все устроено!»

В дверь постучали.

«Ну, кто еще там?» — подумала она.

— Разрешите, я войду, леди Влада. Это библиотекарь, сэр Вэйлет. Мне нужно с вами поговорить, — отозвался голос из-за двери.

«Неожиданный гость!»

— Минуточку. — Она встала с кровати и подошла к зеркалу. Вид был неважный: растрепанные волосы, пустые красные глаза, побагровевшая неровная кожа с отпечатками подушки. Она пригладила руками волосы и села в кресло.

— Войдите.

— Добрый день... простите, вечер, леди Влада! Я извиняюсь за беспокойство. Вижу, вам нездоровится.

— Да, это так, сэр Вэйлет. Не извиняйтесь.

— Мы получили сообщение от Господина Эрика, он передает, что немного задерживается в пути. Но просит вас ни о чем не беспокоиться, желает приятных снов и обещает, что нанесет визит завтра утром. И еще... Он мысленно с вами.

— Спасибо, сэр.

«Теперь он будет моей горничной?»

— Могу ли я задать вам вопрос, леди?

«Ну, что ему надо от меня?..»

— Спрашивайте.

— Не хотели ли бы вы составить мне компанию за ужином? В кабинете главного библиотекаря? Я охотно рассказал бы несколько занимательных историй и развеял вашу грусть. А вы поделились бы своей точкой зрения на один волнующий вопрос, над разгадкой которого я бьюсь целую вечность. Возможно, знания вашего мира помогли бы мне обрести покой в старости.

«Ну как можно отказать на такую просьбу?»

— Чур, я буду есть наравне с вами, и вы не расцените это за романтические намеки, — с улыбкой сказала Влада.

— О чем разговор, леди Влада! Мне нравится ваше чувство юмора! — расхихикался лысеющий интеллигент. — Я буду ждать вас в восемь в библиотеке. Благодарю и кланяюсь. — Он вышел из комнаты.

Влада вспомнила, что так и не предложила ему присесть — ни в чем не провинившийся перед ней библиотекарь так и простоял в дверях во время разговора.

«Невежливо, Влада, очень невежливо. Срочно приходи в себя и собирайся».

***

Вэйлет встретил Владу в читальном зале, когда она в скромном греческом платье в условленный час вошла в двери библиотеки.

— Ты прелестно выглядишь, милое дитя.

— Благодарю, сэр Вэйлет, — учтиво отозвалась она.

Влада заметила перемену в обращении, но не возражала против его перехода на «ты». Вход в кабинет скрывался в кулуарах за стеллажами, и отыскать его было бы сложно без помощи хозяина. Ей показалось весьма странным, что в огромном дворце с площадью в тысячи квадратных метров кабинет главного библиотекаря был настолько тесным. По всему периметру располагались полки, на которых, как ни банально, стояли рядами и лежали стопками книги. Кое-где на этих стеллажах теснились также груды листов исписанной бумаги, вероятно, труды этого господина.

У окна находился письменный стол в состоянии средней степени беспорядка, а в центре кабинета — столик на колесиках, накрытый скатертью. На нем помимо разнообразных блюд стояли... бутылка вина и два бокала.

— Я, было, подумала, что в вашем мире вино не изобретено! Хотела поделиться теорией виноделия, — пошутила Влада, немного слукавив, ведь если б ей пришлось объяснять, выяснилось бы, что, кроме крох информации, как сделать брагу, она ничего и не знает.

— Леди Влада, вино — древнейшее лекарство для души и тела этого мира, — мечтательно сообщил хозяин кабинета. — Но во дворце его не жалуют, у Эрика нетерпимое к нему отношение.

«Неужели у него проблемы с алкоголизмом? Ну и дела».

— А почему? — решила уточнить Влада.

— Он никогда не пил, если ты об этом. Прошу, присаживайся. Мне позволено держать несколько бутылочек хорошего винного напитка, ведь я давнишний приятель Эрика, да и пил вино еще до того, как он появился на свет. Тяжело отказаться от многолетней привычки насладиться за ужином бокальчиком красного, если тебе уже за... довольно много лет. Когда Эрик был мальчишкой, я учил его истории, литературе и естественным наукам.

«Он стесняется своего возраста? — подумала Влада. — Забавный».

— Так вот кому он обязан впечатляющими знаниями, — похвалила она собеседника. —

Хорошая работа, сэр.

Мужичок расцвел.

— Я лишь направлял его. Такой пытливый ум — большая редкость в наше время. — Библиотекарь откупорил бутылку и разлил вино по бокалам. — Выпьем за приятное знакомство, — сказал он и сделал глоток.

«Надо же, тост! А вот чокаться не предлагает».

— О чем вы хотели поговорить со мной? — спросила она, пробуя напиток.

«М-м, вкусно!»

— Я думал, тебе захочется узнать о чем-то, что волнует тебя. Я могу ответить на любые вопросы, наверное. Можешь не стесняться спрашивать, о чем угодно.

«Предложение, конечно, заманчивое, но стоит ли расспрашивать об Эрике? Я догадываюсь, как все было: Элла позвонила Эрику по космо-сотовому и рассказала, что у них ЧП. Тот занервничал и позвонил “дядюшке Римусу”, который пришел ко мне в попытке разрядить обстановку. Не будем говорить о нем. Спрошу-ка я лучше вот о чем!»

— Вы разбираетесь в медицине?

— Ну, в некотором роде. Я не врач, но кое-что смыслю.

— Расскажите мне о строении тела человека.

Он некоторое время молчал, а затем произнес:

— Тебя интересует что-то конкретное? Иначе рассказ может быть очень длинным.

— Я думаю, вы меня поняли, сэр. — Она не сдержала улыбки. — Меня интересуют анатомические различия между нашими видами, ну, или подвидами. Не знаю точно, кем мы друг другу приходимся.

— Ты спрашиваешь меня, откуда берутся дети? — улыбнулся старичок.

— В некотором роде, — кивнула она головой.

— Я охотно расскажу. В двенадцать лет Эрик выслушал от меня подобную лекцию.

— Буду весьма признательна.

И он начал:

— Мужчина и женщина, вступая в брак, должны породить на свет потомство, чтобы продолжить род предков. Для этого мужчина использует экто. Он вводит его женщине в пэлэо (транслятор перевел как «анус») и извергает семя. В жидкости семени содержится много маленьких рыбок — сперматозоидов. Они очень активны и крайне малы, проходят сквозь стенки кишечника и проникают в кровь. Так они плывут с ее потоком, достигая женского органа — яичников. Там ежемесячно созревает яйцеклетка. Если сперматозоид подплывает к ней близко, он влюбляется и покидает пределы сосуда, затем приближается. Они встречаются и сливаются... Эрик на этом месте меня спросил: «А яйцеклетка тоже полюбила сперматозоида?» — Вэйлет тихо рассмеялся, в этом смехе чувствовалась отеческая привязанность и ностальгия по прошлому. — «Конечно», — ответил я ему и продолжил рассказ. Оплодотворенная яйцеклетка далее выходит из яичника и переплывает в матку женщины, там она растет и многократно делится. Так постепенно развивается новый организм — ребенок этой пары. Когда малыш полностью готов к появлению на свет — как созревшее яблоко падает с ветки, так и он рождается, проходя через экто матери. Стенки женского экто очень эластичны и расширяются во время родов, поэтому ребенок находит дорогу. Этот процесс болезненный для женщины, но посильный.

— То есть сперматозоиды плывут по крови? — уточнила Влада. — Получается, они и через мозг проходят?

— Да.

Влада подумала: «Есть выражение “моча в голову ударила”, а тут, получается, поголовно в мозг ударяет... хм».

— Но это не единственное отличие наших народов, — добавил к сказанному Вэйлет. Влада наострила уши. — Хочешь, я раскрою тебе тайну цвета эйдеринских глаз? Самым редким из существующих ныне является фиолетовый. По сути, это тот же голубой, но из-за близкого расположения сосудов в радужке цвет кажется таким. Большинство людей нашего времени голубоглазы и синеглазы. О карем цвете помнят только наши книги.

— Очень любопытно, расскажите.

— В давние времена картина была совершенно противоположной: большинство людей были смуглы и кареглазы, даже черноглазы. *Синеокие*, так называли людей, подобных современным, были диковинной редкостью. В обществе их побаивались и сторонились.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Почему? — не удержалась она от вопроса.

— Это связано с древнейшими легендами о синеоких. Люди опасались, что синеглазые теоретически могут унаследовать от далеких предков особые мощные силы. Ну так вот, все прямые родственники Тита Победителя, о котором ты наверняка слышана, были синеокими, как и он сам. А значит — изгоями среди кареглазого большинства своего времени. Тит рос в изоляции, общаясь лишь с домашними. Много позже он смог обрести величие, но история о цвете глаз позже имела неожиданное продолжение. Внучка великого Тита, вскоре после его смерти, влюбилась в парня, который чудесным образом изменял людям цвет глаз с темного на светлый. Самой же ей глаза достались от рождения карие, ведь детей Титу родила смуглянка. Быть похожей на прославленного предка девочке очень хотелось. Вначале она просто воспользовалась услугами мальчишки, но вскоре выскочила за него замуж. Способность парня в те времена считалась косметической, была востребована у населения, но не воспринималась за сильную. Подобные умельцы обретались и до него, но все они наводили лишь временные чары: через какое-то время глазам возвращался природный цвет. Его же волшебство действовало пожизненно. Вскоре мода на перемену цвета глаз стала ошеломляющей, ведь мастера во всем поддерживала супруга, которая приходилась ни много ни мало сестрой Верховному правителю. За всю жизнь он перекрасил глаза многих. Постепенно время доделало за него работу, и карий цвет исчез с лица планеты. Современные ученые установили, что те чары вызвали необратимое изменение гена, отвечающего за цвет глаз, и карий для нас навсегда утерян.

— Неоднозначная история. Вроде бы результат и неплох — мир синеглазых людей. Но отчего-то печально.

— Согласен с оценкой. Твои глаза в нашем мире — это как привет от далеких предков. Осознание сего факта печально, — поделился он и подлил вино в бокалы.

— В нашем мире карий цвет — доминантный, это значит, что если у одного из родителей глаза будут голубые, а у другого — карие, ребенок чаще наследует карий цвет, хоть в его генах и сохранится информация о голубых. Поэтому у будущих поколений остаются шансы на рождение со светлыми глазами. Так почему же в вашем мире население полностью изменилось? Ведь кареглазые должны были постепенно отвоевать место под солнцем.

— Не знаю, леди Влада. В вашем мире оно может и так. А у нас, видимо, голубой сделался доминантным.

— Я еще кое-что не понимаю, сэра Вэйлет. Разве после смерти Тита волшебство не утратило силы? Если поколение его внуков тоже всю колдовало?

— Угасание происходило постепенно. С его смертью резко снизилось количество определений у молодых людей. *Определение*, или *обретение*, — это день, когда юноша или девушка неожиданно осознают в себе чудесную силу. До смерти Тита практически каждый, за редким исключением, дожидался этого дня, а с его уходом — единицы. Постепенно и вовсе обретения перестали случаться. Способные современники Тита прожили свою жизнь в традициях своего времени, когда же они покинули мир — началась новая эпоха.

— Вы сторонник теории, что во всем виновата воля Тита? — блеснула она своими познаниями.

— Ты неплохо осведомлена, — удивился библиотекарь. — Я так не считаю, Влада. Эти события банально совпали во времени. Но и Гепраста я не склонен винить. Думаю, что на все воля кумаруна. Ни один человек, даже самый могущественный волшебник, не способен управлять им во всемирном масштабе. Это кумарун правит миром, а не человек. Поэтому обе теории я считаю лишенными доказательной базы. Скорее, кумарун за что-то наказывает нас, не считая достойными. Или хочет чему-то научить. К примеру, жить без волшебства... Чем не полезное умение? — Библиотекарь легонько пожал плечами.

— А что значит «джейя»? — сменила она тему.

— Так Эрик называл свою жену. Джейя — это его нэри (переводчик сообщил «имя сердца»). Каждый мужчина подбирает для любимой нэри — ласковое обращение, которым называет только ее. Нэри моей супруги было валиен («теплый взгляд»). Разве в вашем мире по-другому?

— У нас все значительно проще. Обычно довольствуются словами вроде: милая, дорогая, зайка, котенок... Романтика в современном мире не в чести. Скажите, может ли мужчина называть одним нэри разных женщин?

— Мужчина подбирает нэри спонтанно. Он влюбляется, и нэри рождается вместе с чувством, имя сердца нельзя предугадать заранее. Если мужчина назовет одним нэри разных женщин, то он или глупец и негодяй, либо девушка сильно напомнила ту единственную любовь, какую он познал когда-то, — сказал он и немного задумался. — Эрик называл тебя джейя?

Влада кивнула.

— О, дитя! Ты и вправду похожа на его Эмму. Не лицом, но улыбкой, взглядом, манерой разговора. Эрик достойный молодой человек.

«Понятно, на что намекает дедуля, — подумала Влада. — Но искренен ли он или состоит в сговоре?»

— А что вы можете сказать о нэри «лэйя»?

Вэйлет недоверчиво посмотрел на нее.

— А почему ты спрашиваешь?

— Прошу, ответьте.

— Это нэри отца Эрика.

Влада поняла, что Эмма назвала это нэри не наобум. Оно действительно имело отношение к биографии Эрика. Было о чем подумать!

Подсознание кричало: «Ты же разбираешься в людях! Кому ты больше веришь —

стервозной брюнетке или интеллигентному профессору и приветливой молоденькой служанке?»

«Она не служанка, а доверенное лицо. Это большая разница, — ответила она подсознанию. — Но все же я склонна согласиться, перевес на стороне последних».

Влада собралась и прогнала тревожные мысли.

— А о чем вы хотели меня спросить, сэра Вейлет?

— О, дитя. Как мило с твоей стороны, что вспомнила о прихоти старика. Я страстно увлечен космосом. Вернее, темой, что считается вымыслом — инопланетными формами жизни. Когда я прослышал о тебе, то, было, подумал, что ты и есть прямое доказательство обитаемости других планет, но, видимо, я ошибся.

— Похоже на то, — сказала Влада, отчего-то чувствуя себя виноватой.

— Расскажи, — просил он, — что вам известно об инопланетянах? Встречались ли вы с другими цивилизациями?

— Нет, достоверных доказательств жизни на других планетах мы не имеем. Человек в нашем мире вышел в космос, высадился на Луну. Мы отправляли спутники на Марс и, наверное, Венеру. Возможно, еще куда-то, я не слежу за этим. Но других форм жизни пока не обнаружено.

— Жаль. — Он заметно расстроился. — И мы преодолели притяжение, но ответов меньше, чем вопросов.

Владе пришла идея:

— А что говорят о пришельцах на вашей земле? На Элиопатине? Какие ходят слухи, видел ли кто-нибудь их?

— Да всякое говорят, но чаще списывают все на проказы местных, имитирующих возвращение силы кумаруна, или же на реальные проявления его влияния. Здесь что ни странность — все объясняется им.

— Давайте я расскажу вам наши истории. Ведь в нашем мире нет кумаруна — все странности нуждаются в каком-то «невошлещном» объяснении. У нас люди скорее поверят в пришельцев, чем в волшебство. Сообщения о НЛО — неопознанных летающих объектах — поступают регулярно уже очень много лет. Люди часто видят «летающие тарелки», которые перемещаются в пространстве по иным принципам, чем существующий на Земле транспорт. Есть много свидетелей, уверяющих, что их похищали пришельцы. Они рассказывают, какие опыты над ними ставили. Конечно, принято считать их безумцами. Но в целом в такое объяснение мне не очень верится. Еще есть рисунки в пустыне Наска...

— Рисунки в пустыне? — переспросил он.

— Да, большие и четкие рисунки, похожие на животных: помню паука, обезьяну, вроде бы птицу... Такие вряд ли могли бы нарисовать люди, ведь их размер и идеальные линии можно оценить лишь с большой высоты. Более вероятным объяснением считают именно «творчество» пришельцев.

— Я знаю, о чем ты говоришь. Наши летописи уверяют, что это дело рук Цэбера Художника, жившего на планете около семи-восьми сотен лет назад. Я затрудняюсь вспомнить точно, ведь это заморский чародей и наша история с ним не пересекалась. Значит, в вашем мире тоже видны эти рисунки. Очень любопытно. Выходит, это или дело рук пришельцев, или Цэбер рисовал так, что и в параллельной реальности отразилось...

— Вряд ли на Земле есть такая теория, объясняющая происхождение рисунков из параллельного мира, — предположила Влада. — Вот еще один факт: с некоторых пор на

полях по всему миру люди находят особые круги. Они довольно большие, очень ровные и все травинки наклонены определенным образом: или надломлены под одинаковым углом, или как-то переплетены меж собой по сложной системе. Я точно не могу сказать, не интересовалась. Но, в общем, человеку сделать такое было бы крайне трудно, ведь круги появляются в течение короткого промежутка времени и часто в самых разных уголках планеты. Если б это было фальсификацией, устроителям пришлось бы работать очень быстро и иметь представительства в разных уголках света, сохраняя все в тайне от общественности. Что кажется маловероятным.

— О, как интересно! В нашем мире круги на полях — доказательство пробуждения силы кумаруна. Ну, по крайней мере, так говорят. Хотя я не вижу в этом логики. В общем, как обычно, списывают все на кумарун. Опять-таки либо это действительно дело рук пришельцев, либо проделки кумаруна распространяются и на ваш мир. Ведь и твое появление здесь — что это, как не воля кумаруна? — Вэйлет внимательно посмотрел на нее. — Твои сведения нуждаются в детальном изучении, я займусь этим. Надо подобрать другие примеры из нашей истории, которые могли оставить след и в вашей реальности.

— Такие как ледниковый период?

— Не слышал о таком.

— У вас не было чародея, который заморозил бы половину мира и покрыл его гигантским панцирем из льда и снега на несколько сотен или даже тысяч лет?

— Нет, у нас древняя история, но не настолько. А что, такое происходило в вашей реальности?

— Ученые уверяют, что неоднократно. Но вы правы, последний раз оледенение случилось очень-очень давно, я не умею оперировать такими огромными временными промежутками. Вряд ли ваши летописи бы упомянули такое.

Влада перевела взгляд на бокал — осталось на доньшке, и бутылка была пуста. Наверное, вечер подходил к концу. Она сделала последний глоток. Вкус напитка был мягким, сладковатым, с нотками чего-то необычного. Возможно, в него, кроме винограда, добавили что-то еще, может, сливу?.. Она почти не захмелела, но настроение заметно улучшилось.

— Спасибо, сэр Вейлет, за чудесный ужин и занимательную беседу. Я рада, что в моей истории не замешаны пришельцы, — рассмеялась она. — Признаюсь, когда я увидела женщин на площади тем субботним вечером, что-то тихо нашептывающих себе под нос, мне стало действительно жутко и я подумала, что попала к инопланетянам.

— Они молились Владыке кумаруна и просили, чтоб он благословил их чрево на зачатие.

— Теперь я понимаю, а раньше даже предположила, что именно они вызвали нас и собираются принести в жертву местному божеству.

— Какие страсти! Но я тебя понимаю, конечно. Требуется много душевных сил, чтобы пережить подобное перемещение и остаться в ладу с собой. Не уверен, что мне хотелось бы оказаться на твоём месте. Скорее нет. Любопытно, конечно, но нет.

Влада улыбнулась, но не дала своей оценки, ведь сама толком не знала, захотела ли бы все это испытать, будь у нее выбор.

Вэйлет проводил ее до комнаты, и вскоре она уже лежала в своей кровати, но сон не приходил.

«Где он сейчас? Чем занимается? С кем? — гадала она. — Что задержало его, или кто?»

Я верю Эрику, точнее, скорее да, чем нет. Я очень хочу верить. А если окажусь на дворцовой помойке бывших джей, как-нибудь переживу... Сердце разобьется, но время склеит осколки. Как происходило и раньше. Жизнь продолжается всегда, несмотря ни на какие сложности в любви».

«Что я скажу ему завтра, когда он спросит, чем занималась сегодня? Он и сам, наверное, знает о происшедшем. Как вести себя, что говорить? — терялась она в догадках. — Знаю одно, что набрасываться с расспросами и требовать объяснений — худшая стратегия из возможных. Этого она и хотела, наверное. Но изображать, что ничего не произошло, — будет лицемерием, я не хочу поступать так...»

Она перевернулась на другой бок, натянула одеяло повыше и постаралась ни о чем не думать.

18

«Верь моим глазам»

Той ночью ей снился он — такой далекий, как точка на горизонте в конце длинной белой аллеи. Его волосы спускались до самого пояса и развевались на ветру, как локоны эльфов, которых рисуют современные художники. Такие картинки она не раз видела в Интернете и восхищалась талантом авторов. Она шла к Эрику, но ближе не становилась. Она бежала к нему, но он был по-прежнему далек: неприступная вершина, несбыточная мечта, ускользающий горизонт.

Когда она уже отчаялась приблизиться, неожиданно его лицо представилось ей крупным планом со всеми деталями и мелкими несовершенствами. Он взирал на нее беспристрастно. Тот же глубокий взгляд немного исподлобья. Чувственные губы. Геометрически очерченный овал лица. Немного расширенные поры на носу и мелкие мимические морщинки, притаившиеся в уголках глаз и на переносице. Легкая щетина. Губы его были сомкнуты, но она знала, что если бы он улыбнулся, заметила бы немного неровный левый верхний клык. Эти маленькие несовершенства отличали его от идеального образа эльфов с рисунков в Интернете. Он был человеком, красотой сравнимый с богами и эльфами, но все же был человеком. Который называл ее именем сердца... Но почему он так холоден, почему не улыбается ей?

Влада кинулась Эрику на шею, но он растаял в дымке сна как мираж. На нее обрушилось осознание потери, боль, ощущаемая физически. Внутренности сжались, и она закружилась в вихре обрывков сна. Картинка сменилась — она дома. Стоит на ковре в своей спальне и понимает, что вернулась. Что же она чувствует?

Влада проснулась.

Она не стала открывать глаза. Поняв, что это был сон, громко выдохнула, сглотнула, и облизала пересохшие губы. Затем захотела выпить воды и медленно открыла глаза.

В метре от нее находился Эрик. Он был прикрыт ее одеялом до уровня груди, лежал на боку и смотрел тем холодным задумчивым взглядом из сна. На щеках была заметна щетина.

Она глядела ему в глаза, отчего-то боясь отвести взор на голые грудь и плечи, отмечая их лишь периферическим зрением. Влада медлила с началом разговора, и Эрик тоже молчал.

«Он на меня сердится? Или волнуется? Или винит в чем-то? А может, сейчас сделает предложение руки и сердца? За этим взглядом может скрываться все что угодно». Это был тот Эрик, о котором рассказывали и Элла, и Эмма: эмоции глубоко внутри, снаружи — холодная непроницаемая маска.

«Но он лежит в моей постели наполовину обнаженный (а наполовину ли?). Это же

внушает веру в лучшее, не так ли?» — прикидывала она расстановку сил, сама не зная почему, сказала с вопросительной интонацией:

— Эрик?

— Я не знаю больше, кто я, Влада. Раньше меня звали так.

— Что ты имеешь в виду?

— Я лишился основания. Мое тело — лишь оболочка, в которой бушует кипящая лава страха, страсти, отчаяния, сомнений, злобы и радости. — Он приподнялся с подушки и оперся на локоть. — Я не тот Эрик. Я не знаю, где я и с кем. Ты не моя, Влада, и я не верю в другую возможность. Я страстно хочу, чтоб ты стала моей, но понимаю, что это безнадежно. Ты никогда не станешь моей добровольно, ты уйдешь в свой мир так же, как и пришла сюда. Ты не простишь мне моей природы. Того, что я делал, и того, что мне предстоит еще сделать. Скоро ты вычеркнешь меня из своей жизни, а я останусь. Лишенный сердца, скованный отчаянием. Покинутый тобой. Без надежды на возрождение. Я не вижу выхода для себя, джейя. Потому пришел к тебе в постель без приглашения, чтобы иметь возможность хоть раз спать с тобой в одной кровати. И даже этого мне не удалось — я не спал.

— Эрик, почему ты так говоришь? Я же не давала тебе никакого ответа. Откуда такое уныние, милый Эрик?

— Так дай же его мне, сейчас! — Он приблизился к ней и буквально пожирал взглядом.

«Он требует ответа... Но что ему сказать? — Влада пребывала в прострации. — Я не приняла решение и вряд ли смогу скоро сделать это...»

Она ухватила его за шею, притянула к себе и поцеловала. Страстно, жадно, с надрывом. Сквозь собственную боль и сомнения, страх и влечение, девятый вал тревоги и голубую лагуну надежды. Они чувствовали одинаково, страдали сопоставимо и болели одной формой заболевания. Но поцелуй едва ли ослабил симптомы — Эрик отнял свое лицо и произнес:

— Скажи мне, Влада, скажи мне это. Все или ничего. Мы будем вместе — или я не увижу тебя никогда, уйдя с твоей дороги.

— Но я не приняла решения! Зачем ты так поспешен, у нас это называется юношеский максимализм, Эрик.

— У нас это называется примерно так же, но я так чувствую. Я осознаю, что неопытен в любви, несмотря на то, что был женат и что сотни женщин могут рассказать обо мне разное. И я знаю, что уже рассказали. Ты веришь ей?

— Нет, я не хочу ей верить. И не могу, — добавила она после недолгой паузы.

«Честна ли я сейчас с собой?»

— Джейя, ты моя единственная из женщин. Прошлое ушло и не вернется. Ты моя надежда на счастье. И ты мой палач, покуда я остаюсь в неведении. Подобных неприятных историй от красивых женщин ты услышишь немало, если скажешь мне «да». Каждая руководствуется своими целями — ревность, месть, зависть, происки политических противников. Нельзя верить ничему, что тебе говорят обо мне. Верь моим глазам и моей душе. Твое сердце знает правду, слушай его.

«Эти слова невозможно подделать, — поняла Влада. — Так правдиво говорить и врать при этом мог бы только сам дьявол. Эрик правитель, но не потусторонняя сила. Он человек из параллельного мира, ничуть не менее реального, чем мой. Он мужчина, который страдает и, по всей видимости, любит. Я могла бы сказать ему “да”, если б вопрос состоял в том, верю ли ему и хочу ли спать с ним в одной кровати. Но проблема намного шире. У меня есть дом,

родина по ту сторону портала. Сказать ему «да» — значит пообещать не искать дорогу обратно и, если нечаянно найду, не ступить на нее и остаться здесь».

— Позволь попытаться объяснить тебе и облегчить муки, — сказала она и присела в кровати, прикрывая грудь одеялом. — Я вижу, как ты несчастен. Знаешь, я чувствую примерно то же самое. Меня страстно влечет к тебе. Остается немало страхов и сомнений на этот счет, но я надеюсь, что они преодолимы. Если бы я была местной, не раздумывая согласилась бы. Возможно, я сама встала бы в очередь претенденток на твое сердце, не дожидаясь приглашения, лишь увидев тебя издали с летящими золотыми волосами в одеждах цвета электрума. Но я попала сюда не по своей воле: меня вырвали из моего мира и времени, я ушла, ни с кем не простившись. Они считают меня пропавшей без вести. Они мучаются, ищут меня, ждут новостей. Мама плачет по ночам. Как я могу отказаться от желания сообщить, что жива и здорова? Сказать тебе это «да» — отказаться от поиска пути домой. Это предательство близких. И я не могу добровольно принять это решение. Так же, как и не желаю отказываться от тебя, Эрик. Пойми, что ты требуешь невозможного. Я не могу сделать этот выбор. Никак. Выбери сам — отошли из дворца, если не можешь видеть меня и знать, что я не приму это решение. Или останься со мной настолько долго, сколько нам дарует Великий кумарун. Наверняка он как-то причастен к происходящему.

— Я понял тебя, джейя. Ты все доходчиво объяснила. — У Влады сжалось сердце. — Я не могу требовать определиться сейчас. Прости меня.

— Эрик, мы оба совершаем ошибку: то оглядываемся назад, страдая по прошлому, то волнуемся, что с нами будет дальше. Жизнь сложна, и мы непременно столкнемся с трудностями. Зачем мы переживаем до того, как они произошли? Давай жить сегодняшним днем, давай постараемся.

— Конечно, милая джейя. Ты так мудра! Ты права, безусловно, права.

И он припал к ней, вплотную прижавшись обнаженным телом. Он обвил ее ноги своими, припечатал спиной к простыне изумительным гладким рельефным торсом. Его волосы падали ей на лицо, немного щекоча. Губы его застыли в нескольких сантиметрах над ней, и он произнес:

— Хочу быть для тебя всем.

Они слились в поцелуе, вначале чувственном и неспешном, затем более жарком, воспламеняющим тела. Энергия страсти обволакивала языки, протекала через руки и пронзала тела в местах взаимных прикосновений. Кожа его груди, такая мягкая и гладкая, скрывающая рельефные сильные мышцы, прикасалась к ее груди, терлась о соски, даря блаженство.

«А где же экто? Где он прячется? — заинтересовалась Влада. — Эрик голый, это факт, но что-то экто чересчур скромн сегодня».

Эрик сильно обвил ее шею руками, словно заключив в тиски, и сказал:

— Джейя, я хочу стать лучшим партнером в твоей жизни. Подарить тебе усладу обоих миров, если позволишь. Научи меня быть таким, как ты хочешь, как ты привыкла и как любишь. Расскажи мне, милая. Научи. Покажи. Не надо смущаться, объясни все так, чтобы я понял. Давай сделаем это по-вашему.

«Это будет не так-то просто... — прикинула Влада. — Если не брать во внимание, что экто мало общего имеет с достоинствами земных мужчин, есть еще одна проблемка. Как я буду все это объяснять? Я стесняюсь говорить о таких вещах вслух. Вообще не люблю, нет, я терпеть не могу говорить о сексе! Никогда не любила, искренне полагая, что им надо

заниматься, а не разглагольствовать».

— Ты хочешь этого сейчас? — уточнила она, пытаясь не выдать тревоги.

— Сегодня, но не сейчас. Тебе нужно время, чтобы спланировать мое обучение. Я же понимаю, джейя, как необычна моя просьба. Но попробуй объяснить, прошу. Позволь доказать, что я смогу, я способен научиться. Ради себя самого и тебя. — Он коротко поцеловал ее в губы, затем откинулся в сторону и устроился под боком.

— Сегодня мы проведем вместе весь день, — сообщил он тоном, будто бы ничего особенного до этого и не произошло. — Я приготовил увлекательную программу. Но более не скажу тебе ничего, даже не проси меня. Это день сюрпризов, ми джейя.

— Как замечательно! Я согласна на все. Почти на все...

— Значит, нам пора вставать и собираться. Через час мы отправляемся в путь. Ты должна надеть платье, которое я привез тебе сегодня. Коробка на столе.

Влада приподняла голову и обнаружила большую синюю коробку.

— Цвет упаковки мне кое о чем напоминает... — отозвалась Влада.

Эрик расцвел в довольной улыбке.

— Все необходимое для нас уже приготовлено, ни о чем не беспокойся. Позавтракай и жди меня через час. Я тоже должен подготовиться. Скоро увидимся. — Он чмокнул ее в нос.

«Откуда он знает о таком, он импровизирует?»

Эрик вылез из-под одеяла, впервые предоставив возможность оценить воочию все великолепие своего телосложения. Он стоял к ней спиной, одевая на себя космо-одежды цвета электрума. Широкие мускулистые плечи, рельефные лопатки, идеальная мясистая задница, стройные накаченные мужские ноги. Хотя видом этих ног она уже не раз наслаждалась. «Что может быть лучше, чем красивый мужчина в юбке!» — хохотала она мысленно над сменой своих стереотипов. Меж ног Эрика то и дело мелькало экто, болтаясь на уровне колен. Когда он надел юбку, экто сам скрылся под ней и хозяин, видимо, как-то его приструнил. К сожалению, разглядеть этот процесс из-за спины Влада никак не могла, а спрашивать о таком все же пока стеснялась. Эрик немного развернулся к ней, принимаясь застегивать то ли сюртук, то ли камзол, и иронично сказал:

— Так и будешь разглядывать меня? Или поторопишься?

— Прости, невозможно отвести глаз, — сказала она игриво и метнула в него подушку.

Удивительно, но она не промазала — подушка ударилась в плечо и отскочила на пол. Лицо Эрика воспламенилось, он, наверное, собирался как-то ответить на ее бесцеремонные действия, но Влада от греха подальше шмыгнула с головой под одеяло и простонала:

— О, Рэйс кэнт Эрик! Молю вас, пощадите.

Он подошел к кровати и отдернул одеяло. Влада не сопротивлялась этому, она смотрела на него снизу, ожидая шуточного, или, возможно, пикантного наказания.

— Мне нравится, как это звучит из твоих уст, ми джейя. Эйдеринский определенно тебе идет. — Он поцеловал ее нежно, затем выпрямился, застегнул до конца пуговицы и направился к двери. — Я не прощаюсь, поторопись, — ласково сказал он и вышел.

Влада присела в кровати и выдохнула, переводя дух от горячих событий. Она сосредоточилась на воспоминании случайно подмеченной детали — у Эрика на животе с правой стороны находился большой розовый шрам.

«Он старался это скрыть, потому и стоял спиной, и накрывался одеялом до самой груди, даже когда в этом не было необходимости, — подумала она. — Если б подушка не застала его врасплох, я бы и не заметила... Ну, подумаешь, шрам. Что тут такого? Операцию, может,

делали, или порезался, авария, возможно... Наверняка ему не понравятся такие вопросы. Ой, ну и ладно, шрам и шрам. Все равно его тело прекрасно. Жаль, что близости так и не состоялось, начало было многообещающим... Ладно, подождем, он делал недвусмысленные намеки».

«Нельзя сомневаться в нем, Влада, — сказала она себе. — Надо принять такое решение раз и навсегда, и будь что будет. Интересно, что стало с Эммой? Какова кара за подобные проступки? И можно ли спрашивать об этом? Вдруг ей светит смертная казнь, как тогда изменится мое мнение о нем? Эрику часто приходится принимать сложные решения, так сказала Элла. Наверняка все не ограничивается оргиями на площади. Он Верховный правитель — Рэйс кэнт Эрик! В его руках судьба страны и всего населения. Вопросы жизни и смерти хотя бы частично находятся в его компетенции. Я совсем не знаю его с этой стороны, но пора бы уже и задуматься о подобном. Эрик не только «пылкий мачо», он несет такую тяжелую ношу ответственности, о которой тебе и не снилось, девочка».

«Интересно, что он задумал, говоря о дне сюрпризов? Мы проведем весь день! Достойная плата за страдания вчерашнего дня. Мы как на американских горках — катаемся от блаженства до отчаяния по несколько раз за сутки. А чего я здесь рassiживаю-то? Пора же собираться!»

Она соскочила с кровати и подошла к столу.

В коробке лежало платье, как он и сообщил. Но какое! Наряд, достойный спутницы короля, Верховного правителя, если точнее. Белое платье с легким металлическим блеском, напомнившее ей мерцание снега в свете ночных фонарей. Она так любила в детстве вечерние прогулки с мамой, когда зажигались лампы на фонарных столбах, освещающие чистый выпавший снег разноцветными искрами. Маленькие черные валенки Влады хрустели по снегу, она рисовала узоры из следов и с восхищением прислушивалась к звукам. Снег тогда казался ей бриллиантовым.

Платье было длинным, в пол, хорошо приталенным, а от бедра сильно расширялось. Ткань юбки струилась волнами, походка в нем наверняка напоминала Царевну-лебедь из сказки Пушкина. Кстати, рукава его были длинными, расклешенными и полупрозрачными, как раз той формы, чтобы удобно швыряться из них костями, как делала это уже другая сказочная красавица — Царевна-лягушка. Это обстоятельство казалось Владе каким-то чудаковатым даже в дошкольном детстве.

В коробке под платьем находился широкий пояс к нему. Влада взяла его и посмотрела на лицевую сторону. «Что это? Серебристый пояс с узорами, вытканными нитями цвета электрума? Как же так? Ведь только его кровные родственники имеют право носить золотой! Или я чего-то недопонимаю? — сомневалась девушка. — Или это намек на нечто особенное?»

Надев перед зеркалом платье, она почувствовала себя Галадриэль из «Властелина колец» — прекрасной эльфийской лесной владычицей. Этот образ подходил ее натуре больше, нежели сравнение с царевнами из русских сказок. Влада смотрела на себя и не верила в чудо преображения московской офисной штучки в фаворитку правителя сказочного мира с соответствующим одеянием.

«А почему никак не принесут завтрак? Элла смертельно обиделась и не хочет видеть меня никогда больше? Да, следует извиниться. Обязательно нужно. Но где она?»

Влада хотела было нажать на кнопку вызова, но, еще раз посмотрев на себя в зеркало, поняла, что ей срочно нужно накраситься и причесаться в условиях дефицита времени. Она

стремительно принялась за работу.

Вскоре в дверь постучали, и в комнату вошла незнакомая рыжеватая девушка, закатывая столик на колесиках, сервированный на одну персону.

— Извините, леди, что я запоздала. Меня зовут Эра, и я буду вашей горничной, пока Элла не вернется. Меня поздно предупредили о новой функции, поэтому я так нескоро.

— А что с Эллой?

— Ее направили по другому важному поручению. Не волнуйтесь, с ней все в порядке.

Влада взглянула на часы: «Без десяти, совсем скоро придет Эрик».

— Спасибо, Эра. Ты можешь идти.

Завершив макияж, она накинулась на завтрак, гонимая радостью ожидания и нехваткой времени. Проглотив бутерброд с колбасой и булочку с повидлом, запив половиной кружки чая, чтобы как можно дольше не чувствовать необходимость посещать дамскую комнату в волшебном платье, она уселась в кресло, полностью готовая к приходу дорогого гостя.

19

Свидетель времени кумаруна

В дверь постучали. «Это Эрик!» — подумала она, резко поднялась и побежала открывать. Ожидания оправдались сполна: кавалер в золотом держал перед собой небольшой горшок цветущих розовых фиалок.

— Я подумал, что они тебе понравятся. — Он протянул цветы. — И завянут не скоро.

— Спасибо, ты так мил. Очень приятный сюрприз.

— Сегодня день сюрпризов, джейя. Я буду ухаживать за тобой всеми известными мне способами обоих миров.

— Звучит интригующе, — сказала она и отошла поставить цветок на подоконник, расположенный практически на уровне пола.

— Ты бесподобно выглядишь, — сказал Эрик, оценив вид сзади. — Как и полагает выглядеть джейе правителя. Я сам выбрал для тебя это церемониальное платье.

— Церемониальное? О какой церемонии идет речь, Эрик?

— Скоро узнаешь, Влада. Доверься.

Она не стала спрашивать, почему ее пояс расшит золотом, решив остаться в добровольном неведении. Ведь фантазии на этот счет были приятны, и разрушать их возможным банальным объяснением ей не хотелось.

Эрик и сам великолепно выглядел: побрился и оделся как-то особенно, возможно, празднично. Сегодняшний золотой жакет излучал особую роскошь и величие. Хотя она и не была уверена наверняка, ведь все его наряды смотрелись по-царски. Низ же костюма представлял некую асимметричную юбку строгих геометрических очертаний. Описать премудрости этого кроя она не смогла бы и при сильном желании. Юбка не имела общего с римской, но в целом это была все же юбка. Владины взгляды изрядно изменились за последние несколько дней: мужчина в юбке для нее теперь был символом мужественности и силы, как это и воспринималось самими эйдеринцами. Сейчас она отчетливо это понимала и, более того, даже разделяла. Красивые мужские ноги в юбке — это восхитительно сексуально.

— Нам пора выезжать, джейя, — сказал он и вывел за руку из комнаты.

У главных ворот их ожидал правительственный транспорт.

— Что это? — удивленно спросила Влада.

Нечто было скорее похоже на мини-версию вагона современного японского

высокоскоростного поезда, однако, еще более причудливого дизайна. Зеркально-серебристая поверхность транспортного средства была настолько ровной, что девушка видела в ней свое отражение, но с несколько искаженными пропорциями тела.

— Это машина, джейя. Ты ожидала, что мы поедем на лошадях?

— Я даже не знаю, чего именно ожидала, но ваши машины совсем не похожи на наши. Я бы скорее подумала, что это летающая капсула. Эта машина летает? Или все-таки ездит по дорогам? В нашем мире нечто подобное, только большего размера, движется по рельсам.

— Она ездит на колесах по дорогам, Влада. Машины в нашем мире не летают к несчастью. Но версия этого дизайна способна плыть по воде с небольшой силой течения: по озеру, например, или тихой реке, хотя в наших краях таких и нет. Ее сделали по моему личному спецзаказу.

— Любишь водные прогулки?

— Не то что бы, просто так получилось. Я как-нибудь расскажу тебе историю моего меценатства. Садись в машину, смелее.

Внутри все выглядело более традиционно: комфортабельные кресла, раскладной столик, бар. Водительское сидение, по-видимому, было отделено глухой непрозрачной перегородкой. Вероятно, водитель в машине все-таки имелся, не ездила же она на автопилоте? Хотя, как знать...

— Здесь удобно, — констатировала Влада, развалившись в кресле. Эрик занял место напротив.

— Я рад, что тебе нравится. Элиот, поехали, — сказал он, видимо, шоферу, и космо-капсула тронулась. Двигалась она легко и беззвучно, наверное, как по идеальным немецким дорогам на новом автомобиле представительского класса. Хотя Влада не бывала в Германии и на подобных дорогах машинах ездить ей тоже не приходилось.

Окна авто, к счастью, были прозрачны. Они обогнули дворец справа и продолжили путь по одной из множества аллей необъятного парка. Влада еще ни разу не видела здесь транспортного средства, наверное, только автомобилям самых важных лиц был разрешен въезд на территорию, но уточнять она не стала. Девушка опасалась задавать Эрику много вопросов, большинство из которых, по ее мнению, были несколько идиотскими. Ей не хотелось быть похожей на ребенка, донимающего родителей бесконечными «почему». Окажись она на его месте, гарантированно раздражалась бы подобной чрезмерной любопытностью. Потому старалась не спрашивать о пустяках лишней раз, пытаюсь разобраться в сути дела самостоятельно.

— Куда мы едем? — спросила она, посчитав вопрос уместным.

— Мы едем в город, джейя. Столицу государства — город Эйдерин. Он находится за пределами парка и разделен горной грядой на две части — западную и восточную. Западная, — он указал рукой в сторону, — лежит между теми двумя горами. Исторически там проживают простые люди — ремесленники, служащие, порядочные горожане. В основном, конечно, порядочные. — Улыбнулся он. — Бывают и исключения, естественно. Но политика внутренней безопасности предполагает выдворение угрожающих элементов из столицы. Поэтому нарушители и бунтари подлежат экстренному переселению. Этому закону уже много сотен лет, он существовал задолго до Тита.

— Полезный закон, на мой взгляд. Я бы поддержала нечто подобное в Москве, — сказала она вслух, но подумала: «А где грань между порядочным гражданином и нарушителем? Если критерии размыты или чересчур суровы, тогда, пожалуй, идея не так и

привлекательна». Но она вновь предпочла промолчать.

Влада задумалась: «Как же интересно, какой Эрик политик? Какие законы принял сам лично? Суровы ли они или облегчают жизнь граждан? Скоро я обязательно узнаю».

Эрик продолжил экскурсию:

— С восточной стороны расположена старая часть города. Ее традиционно населяли вельможи, люди с достатком и положением. Архитектура той части отличается от современной, ты заметишь это сразу. Конечно, и там появляются новостройки — здания госструктур, учреждения культуры. Но мы стараемся быть умеренными в дизайне, чтобы новые постройки не портили лицо старой части города. Однако за последние десятки лет стираются социальные границы между востоком и западом. Многие богатые люди тяготеют к современному стилю и переселяются в западные районы, строят дома по индивидуальным проектам. Не так давно туда перенесены несколько старейших палат, комитетов и ведомств. Есть и немало модных заведений, — сказал Эрик тоном завсегда. — В какой части города тебе бы хотелось сегодня оказаться, джейя?

— Сложный вопрос. Но, скорее, в старой. Увидеть своими глазами постройки времен Великого кумаруна.

— Я сам планировал отправиться туда. Я предугадал твой выбор. — Он довольно улыбнулся.

— А если бы я сказала, что хочу на запад?

— Все, что ни пожелаешь, джейя. Все, что ни пожелаешь. — Он откинулся на спинку кресла, запечатлев на лице мечтательное выражение.

— А где находится Совет? — прервала безмятежность его раздумий Влада.

— Совет? Во дворце, джейя. Его собрания проходят во дворце. А почему ты сейчас спрашиваешь? — поинтересовался он с плохо скрываемым волнением.

— Ты завел разговор об учреждениях, вот и стало любопытно. Во дворце всегда так пустынно, или меня каким-то образом ограждают от встреч с местными? — спросила она, задержав на нем пристальный взгляд.

Мобиль, наконец, подъехал к посту охраны и, выехав за ограду парка, свернул налево. Дорога была по-прежнему безлюдна, но кое-где виднелись белокаменные строения. Влада заметила первых поселенцев, занятых садовыми работами в палисадниках.

— Да, джейя. Твои догадки верны. Я руководствуюсь только соображениями твоей безопасности. Дворец очень большой, и обитателей в нем достаточно. Твоя комната — в безлюдном крыле, а участок парка, где ты прогуливаешься, выделен для этих целей. Не надо воспринимать это остро. Все временно, пока ты не освоишься. Я занимаюсь твоим обучением и намерен вывести в наше общество. Кстати, мы почти приехали!

Влада снова посмотрела в окно. За новым поворотом открылся вид на восточный Эйдерин — старый город, наблюдавший величие кумаруна на протяжении сотен, а возможно, и тысяч лет.

— Что же это за архитектура такая?! — воскликнула она, не сдержав эмоций от увиденного.

— Ты видишь время кумаруна, джейя, строения эпохи нашего былого величия.

Архитектурный пейзаж за стеклом был действительно впечатляющим! Она не верила глазам, но фасады старого города были богато украшены золотом, серебром, бронзой, самоцветами и, возможно, драгоценными камнями. Тут были дома из природной бирюзы, покрывшиеся большими черными трещинами от времени, нефритовые зеленые дома,

кричащие о своей индивидуальности, как Царевны-лягушки. Дома из коричневого и синего авантюрина, сияющие искрами на солнце. Дома-улитки, вероятно, из глины, расписанные разноцветными глазурными росписями. А еще дома из стали с гигантскими резными гравировками, точно железные цитадели. «Мой дом — моя крепость, воистину это про них», — подумала Влада. Еще она идентифицировала фиолетовые аметистовые дома и желто-коричневые полосатые из «тигрового глаза». Названий десятка других материалов она не знала, но, кажется, вдоль улицы тянулись жилища всех возможных оттенков поделочных камней.

— А где же пряничный домик? — спросила она Эрика, но он не понял аналогии, пришлось коротко объяснить.

— Что все это значит? — действительно ничего не понимая, спросила она. — Вы самая богатая нация на планете? Во всех ее измерениях? Вы выкачали все недра здесь и еще подвезли ресурсов с Марса, чтобы строить трехэтажные дома из драгоценных камней и металлов? Золотые дома! Статуи животных баснословной стоимости почти у каждого дома... Малахитовые фонтаны! Как все это может быть правдой? Я не верю своим глазам, Эрик. В твоём авто, возможно, вместо окон экраны, на которых транслируют сказки?

— Джейя, моя Влада, не волнуйся так. Все, что ты видишь, — правда. Старый город действительно может произвести сильное впечатление. Но впервые вижу, что настолько. — Он по-доброму рассмеялся. — Раньше некоторые люди обретали способности к преобразованию одного материала в другой. Таких мастеров было не так уж много, но в целом по стране достаточно. Все объединялись в гильдию строителей. Самые способные жили в столице и строили все эти здания для богатых местных жителей. Видела бы ты, каков был дворец в те времена! Я и сам хотел бы это видеть, но, к несчастью, моя бабушка была так очарована современным стилем, что переделала его практически полностью. И сейчас ты видишь там то, что видишь, — холодную белую пустыню из стекла и мрамора. А раньше он был похож на старый город, только намного-намного красивее, так как был выдержан в едином стиле. В столице же каждый горожанин строил для себя, что хотел. Оттого золотой дом соседствует с бирюзовым, а нефритовый — с металлическим. В те времена золото было ничуть не более ценным материалом, нежели любой другой. Сильный мастер мог сделать золотым хоть весь город, если бы ему хорошо заплатили за это кумаруном. Поэтому все эти дома такие разные и в наше время считаются в прямом смысле драгоценными.

— Вот это да! Но почему они до сих пор в эксплуатации и в них живут люди? Это же золото, сейчас этот металл в цене, я полагаю? Почему дома не разберут и хозяева не обогатятся?

— Это запрещено законом под страхом смерти, Джейя. Иначе было бы трудно сохранить наследие предков, а это очень важно для нас.

«Значит, запрещено под страхом смерти, — подумала Влада. — Я знаю уже пару причин, способных выписать билет на тот свет — попытаться причинить физический вред наследнику рода Победителя, тогда умрешь от заклятья, ну и второй быстрый способ — попытаться распилить золотой дом. Чудаки! Что будет с Эммой, хотелось бы знать? Ее преступление сродни этому, или ее выселили из столицы как «непорядочную» горожанку? А может, просто записали выговор в личное дело? Умираю от любопытства, но как спросить об этом и не испортить его настроение? Промолчу, такой чудесный день».

В городе было людно. Улочки же были узкими, похожими на улицы старых европейских городов. В принципе это не было удивительным, ведь в условиях горного рельефа сложно

выделить пространство под широкие магистрали. Люди спешили по делам, ступая сандалиями по светло-серым булыжникам улиц, одетые по современной моде — в белое, так как сейчас было все еще утро, хоть и позднее. На машину Верховного правителя обращали не больше внимания, чем на любую дорогую тачку в Москве. «Неужели на ней нет знаков правительственного отличия? — засомневалась она. — Или встреча с правителем для всех — будничное явление?»

— Мы прибыли на место, — сказал Эрик, когда машина остановилась. — Идем, джейя.

Влада трусила. Невероятный город, влюбленный король, одежды Галадриэль, золотистый пояс. Как она будет выглядеть в глазах местных жителей? Как же все это ново, волнительно и ... ужасно страшно!

— Эрик, мне не по себе. Да, черт возьми, — не сдержалась она, — скажу честно, мне чертовски страшно!

— Милая джейя, ничего не бойся, ты со мной. Сегодня будет день твоего лучшего свидания, я обещаю тебе.

— Я не могу преодолеть дрожь в коленях, Эрик.

Она была на грани истерики, сама не зная толком отчего. И как взять себя в руки, она тоже не знала. Эрик поверил в реальность ее состояния и подсел рядом. Он обнял ее и прижался горячими губами к щеке.

— Джейя, ты смелая, такая смелая. Что с тобой?

— Сама не пойму. Я никогда так не боялась.

— Мы можем вернуться, если хочешь.

— Нет, ну уж нет! Пропустить второе свидание номер один — только через мой труп.

Эрик рассмеялся:

— Разве второе? Ужин на террасе официально считался деловым.

— Мне показалось иначе, — ответила она, и в ее глазах сверкнули озорные огоньки. — Расскажи, что подумают обо мне все эти люди? Чего ожидать, какой их реакции?

— Вот что тебя пугает! Я понял. Охотно объясню. Они знают меня как замкнутого и скрытного правителя, которого вот уже семь лет никто не видел с девушкой в общественном месте. Вероятно, они очень удивятся, джейя. И я нахожусь в сладостном предвкушении, очень хочу увидеть их лица, милая. Понимаешь меня?

— Понимаю, но боюсь стать объектом всеобщего осуждения. Наверняка они будут настроены враждебно к иноземке.

— Они не посмеют показать этого, даже если будут думать так. Меня уважают и если не боятся, то как минимум опасаются. Но я привез тебя сюда не для того, чтобы покрасоваться перед всеми. Хочу, чтобы ты стала моей и была со мной всегда. А это означает, что тебе придется бывать в общественных местах. Сегодня твой первый выход на публику, Влада. Но подобных впереди будет еще очень много, и в этом нет ничего особенного, по большому счету. Идем со мной. — Он предложил руку и направился к выходу, не давая ей возможности отказаться. Влада расправила плечи и с максимально возможной грацией вышла из авто.

Машина сразу отъехала, наверное, отправилась на парковку.

— Сегодня у нас плотный график, предлагаю начать с салона, — сказал он решительно. — Ты самая красивая джейя, о которой только возможно мечтать. Но если немного изменишь прическу, станешь более похожей на женщину нашего мира, а потому народ будет менее придирчив к тебе.

— Согласна, ты прав, — поспешила она заверить, чтобы он не тратил сил на

доказательство очевидного. Она вовсе не возражала против смены имиджа по здешней моде. К тому же посетить салон красоты в параллельном мире — это наверняка незабываемо!

Они вошли внутрь трехэтажного здания, снаружи облицованного янтарем. В центре просторного холла красовалась витиеватая лестница с замысловатыми загогулинами вместо балясин. На полу была выложена мозаика из разноцветных поделочных и полудрагоценных камней. Рисунок изображал волшебную птицу, очень похожую на знакомую Жар-птицу из русских сказок. Гостей встретил экстравагантный молодой человек с прической в стиле Элвиса, в серебряном космо-комбинезоне. Нижняя часть этого наряда представляла собой шаровары.

— Приветствую вас, повелитель, и вас, прекрасная леди. Извольте сменить имидж? Массаж? Водные процедуры?

— Энтони, эту юную леди зовут Влада. Она моя джейя. Ты должен сделать так, чтобы ни один волос без особой надобности не упал с ее головы, но при этом она стала невероятно современной и ее укладке позавидовала бы сама Элеонора!

«А кто это? — мысленно встрепелась Влада. — Местная поп-дива?» Но Эрик и не подумал ответить на неозвученный вопрос, но явно написанный на ее лице. «Наверное, он специально дразнит меня!» — расценила она.

— Пренебреженно, Господин. Леди сравнима красотой со звездами с небес, но после моей стрижки сможет соперничать даже с ночным кумаруном!

«Это такой тонкий местный комплимент?» — мысленно усмехнулась она, удивляясь здешним поэтическим образам.

— Я буду признателен, Энтони, если ты выполнишь мое указание без импровизации, — довольно холодно и неэмоционально произнес Эрик. Возможно, от этого у Энтони по спине пробежал холодок. — И да, у нас не так много времени, мы торопимся в несколько мест, так что все прелести ваших услуг леди Влада сможет вкусить в полной мере в следующий раз, — сказал он тоном вежливого повелителя. После он обернулся к ней и подмигнул так, чтобы этого не заметил парикмахер. — И Энтони, надень свой переводчик, Влада, возможно, захочет побеседовать с тобой, будь добр развлечь ее разговором во время стрижки.

— Пройдемте со мной, леди. Мы так рады видеть вас в гостях сегодня!

Он усадил ее в парикмахерское кресло странной конструкции, которое, несмотря на причудливый дизайн, в целом было похоже на современное земное парикмахерское кресло. «Интересно, а как у них зубы лечат? — подумалось Владе. — И похоже ли кресло стоматолога на наши аналоги?»

Эрик присел на пуфик за спиной парикмахера на значительном отдалении, наблюдая со стороны за происходящим.

«У Энтони, наверняка, колени дрожат, бедняга, — сочувствовала парню Влада. — Стричь джейю повелителя! Цена ошибки может оказаться для него высокой. Надо бы его подбодрить».

— Энтони, я рада, что воспользуюсь услугами лучшего парикмахера в Эйдерине. — Паренек удивленно посмотрел на нее с проблеском восторга во взгляде. — Я уверена, что вы самый лучший, иначе Эрик не посоветовал бы вас. Я открыта для экспериментов и уверена, что мне понравится новая стрижка.

— Вы так любезны, леди Влада. Я очень постараюсь оправдать ваши ожидания.

Он взял в руки ножницы и в два счета подровнял срез ее каре, укоротив не более сантиметра общей длины. Затем пригладил челку небольшой серебряной расческой, и в пару

движений из прямой она сделалась косою по диагонали. Смахнув состриженные волоски с лица и шеи девушки специальным прибором, похожим на воздушную помпу, он произнес: «Эла-ло!» — что было переведено как «вуа-ля», и раскинул руки в характерном жесте.

— Леди Влада, вам нравится?

— Это модно в Эйдерине?

Парикмахер ответил громко, чтобы было слышно и Эрику:

— Это экстра-модно в Эйдерине, так как это прическа джейи повелителя, сделанная рукой Энтони, — притворяясь смущенным, объяснил он и слегка поклонился. — Уже сегодня через пару часов ко мне выстроится очередь из девушек, чтобы повторить вашу уникальную стрижку.

«Он называет Эрика повелителем, а не правителем, — подметила Влада. — Непривычно, еще не слышала подобного обращения...»

Мастер добавил негромко, чтобы услышала только она:

— Сейчас в моде асимметрия в любых ее проявлениях, поэтому косая челка и обновление имеющейся формы — идеальное решение для вас, чтобы соблюсти все пожелания Господина. Ни один лишний волосок не должен был упасть с вашей головы, — объяснил он, взволнованно выпучив глаза. — Я был скован этим условием, леди.

— Энтони, мне очень нравится новая стрижка, спасибо вам. Как раз то, что нужно и удовлетворяет моим личным вкусам. Попрошу вас не копировать мою стрижку полностью, я не хочу быть иконой моды, мне важно сохранить индивидуальность.

— Боюсь, это не в моих силах. Если я не стану их стричь, это сделают другие мастера. Чтоб остановить наших модниц, вам придется просить Рэйс кэнт Эрика издать указ, запрещающий им стричься так же.

Влада рассмеялась:

— Пожалуй, это излишне.

— Я могу обещать вам, что буду стричь челки в другом направлении — справа налево, противоположно вашей, леди.

— Это будет очень любезно с вашей стороны, Энтони, — сказала она кокетливо. — Благодарю.

«Ты бы не флиртовала при Эрике, — одернула она себя. — Он ведь может не понять, что ты неумышленно. Откуда ему знать, что это неотъемлемая часть твоей сущности?.. Кстати, вряд ли Энтони натурал».

Влада покрутила головой перед зеркалом — стрижка и вправду нравилась ей. Довольная, она подошла к Эрику. При виде результата он поднялся, поблагодарил Энтони и добавил, что даже и не сомневался в его компетенции. Он расплатился довольно продолжительным потоком кумаруна, и они вышли из салона. Космо-мобиль уже поджидал у выхода.

— Ты очень красивая, джейя, — сказал он, занимая место возле нее в машине. — Сейчас ты готова на все сто. Мы направимся в центр, где на площади всегда собирается много людей.

— А кто такая Элеонора?

— Оу, — растянул он губы в улыбке, — я знал, что твое любопытство в конце концов даст себя знать. Я ждал этого вопроса. Как же ты смогла так долго вытерпеть, джейя? — Он игриво чмокнул ее в губы и продолжил:

— Элеонора — легендарная красавица, прелести которой не могли оставить

равнодушным ни одного из мужчин. Она обладала даром нравиться каждому, кому хотела, — мужчине ли, женщине... Ее аппетиты были ненасытны, потому она вошла в историю как самая красивая женщина. Так ли оно было на деле или это результат глобальных чар на восприятие людей, история умалчивает.

— Исчерпывающий ответ, — сказала Влада с холодком. Хоть это и было изначально сказано в качестве комплимента, но она почти ревновала Эрика к мифической Элеоноре. Существой та в настоящем, иметь такую соперницу никак не хотелось бы.

— Мы на месте, — сообщил Эрик и помог выйти из машины.

Перед ними простиралась большая людная площадь, мощенная белым камнем. Появление «звездной пары» быстро заметили все: течение жизни вокруг резко замедлилось. Прохожие останавливались, торговцы и лавочники учтиво склоняли головы в поклоне. Люди разглядывали их, не скрывая любопытства. Но на лицах не было злобы, в основном это было удивление и, возможно, даже радость оттого, что случайно стали свидетелями редкого события. Возможно ли, что они были рады за Эрика?

В толпе послышался странный звук: удар ноги о землю, потом второй, и шквал топчущих подошв в едином порыве заглушил любые другие звуки. Тогда Эрик поднял руку и стал размахивать ею, приветствуя собравшуюся публику.

«Значит, этот топот — нечто вроде проявления коллективной радости, а вовсе не то, что я тогда подумала. Еще одна загадка раскрыта».

Эрик шепнул на ушко:

— Поздоровайся с ними, джейя.

И Влада подняла свободную руку, вторую он по-прежнему крепко сжимал. Она махала толпе, как принцессы из диснеевских мультфильмов. Принц и принцесса на площади, полной людей, не хватало только балкона — традиционного места для подобных действий. Эрик сделал шаг в сторону толпы, ведя Владу за собой, — народ расступился, освобождая дорогу. Через минуту всеобщее ликование начало стихать, и вскоре люди вернулись к своим делам, почти не обращая внимания на «звездную пару».

— Они были рады видеть нас вместе, Влада, ты заметила?

— Сложно не заметить, Эрик.

— Ты до сих пор напряжена, джейя. Страшное позади. Сейчас мы зайдем в тихий магазинчик, и я тебя кое-чему научу.

«Наверное, сейчас он сделает еще один подарок, — предположила она. — Люблю подарки, но это вовсе не обязательно в таком количестве. Когда получаешь их слишком много, быстро привыкаешь и перестаешь ценить, а как-то не хотелось бы. Привыкнуть к сказке — это непозволительно».

В двухэтажном домике розового цвета (она затруднялась определить, из чего сделаны стены) располагался антикварный магазин — кладезь старинных волшебных вещей, принадлежавших людям, ушедшим из жизни более трехсот лет назад. При входе звякнул колокольчик — Влада испытала дежавю. Наверное, звук напомнил сувенирные магазинчики, так любимые ею в детстве, а может быть, фильмы о китайских кварталах, ведь каждый уважающий себя китаец — хозяин магазина — непременно вешал над дверью подобный колокольчик. Из подсобки моментом вышел мужчина вовсе не азиатской внешности.

— Господин Эрик, давненько я не видел тебя. Весьма рад.

— Позволь представить мою спутницу — леди Владу.

Худощавый высокий мужчина преклонного возраста с васильковыми глазами, в очках,

значительно увеличивающих глубину морщин, учтиво поклонился. Его волосы были наполовину седые, но природный черный еще проступал местами. Наверное, в молодые годы это был мужчина неземной красоты, такой же, как и Эрик, правда, противоположного ему цветотипа.

— Влада, это сэр Бэрит, — сообщил Эрик. Она приветливо улыбнулась и поклонилась. — Я с детства обожаю его магазинчик. Мальчишкой часто заглядывал сюда с мамой. Мне казалось, что тут есть все, что было угодно моей душе. Признаюсь, меня всегда привлекали старинные вещицы, я был почти равнодушен к игрушкам. Книги и предметы прошлого — вот моя главная страсть в мире вещей. Сегодня я хочу, чтоб ты выбрала здесь что-то для себя и купила на собственные средства.

— О, вот что ты придумал! Хочешь, чтобы я совершила первую покупку в магазине? Забавно. И я с удовольствием. — Влада огляделась кругом.

Стеллажи и прилавки были уставлены всевозможными старинными вещицами этого мира. Сразу бросились в глаза витрины с украшениями — перстнями, подвесками, ожерельями и диадемами. Затем взгляд пробежался по шкатулочкам, гравюрам, портретам каких-то людей. Она заметила несколько полок со старыми книгами, большими и маленькими, а также совсем карманными. Были здесь и флакончики, возможно из-под духов или снадобий, странные предметы неизвестного назначения, россыпи амулетов (Влада уже знала, что это за странные штуковины на шнурках, состоящие из связанных между собой перьев, камней, бечевки, костей, кожи и бог весть чего еще). Ее внимание привлекли и зеркала с изящными ручками, канделябры и разные механические приборы, похожие на астролябии или что-то такое же древне-механическое.

«И что же мне купить из россыпи этого древнего чудесного хлама? По всей видимости, ничего уже не функционирует как волшебные предметы».

— А есть в этом магазине сапоги-скороходы, скатерть-самобранка или ковер-самолет? Я бы приобрела нечто подобное.

— Не очень понимаю, что это все такое, но думаю, ты пошутила.

— Да, но шутка не смешная. — Она виновато улыбнулась. — Я знала, что ты не поймешь.

— Волшебных предметов в нашем мире никогда не существовало в прямом смысле слова. Волшебство заключено в кумаруне. И раньше люди могли использовать его на чудесные дела. Все, то ты тут видишь, как-то связано с историей и кумаруном, но волшебным действием никогда само по себе не обладало. Кроме, пожалуй, проклятых вещей. Но сейчас большинство из них тоже не функционируют.

— Не хотелось бы проверять на себе. А здесь есть такие?

— Да, леди, — вступил в разговор продавец. — Многие из этих украшений были прокляты своими хозяевами. В основном они преподносились обидчику в дар или подкладывались в его личные вещи. Но сейчас они не опасны.

— Пожалуй, надо выбрать что-то менее кровожадное для первой покупки. Может, посоветуете что-нибудь? Но предупрежу, у меня не так много средств — порядка ста пятидесяти кумарунов.

— Позволь я порекомендую тебе, джейя.

— С радостью, Эрик.

— Ты можешь выбрать любое понравившееся зеркало из этих. — Он указал на соответствующую полочку. — Полезный и безопасный предмет. В древности они были

очень ценными и редкими, мало кто из простых людей владел зеркалом.

— Вот, например, это сколько стоит? — Она указала на зеркальце средних размеров, похожее на то, у которого можно было бы спросить: «Свет мой, зеркальце, скажи». И оно, очень даже может быть, ответило бы.

— Пятьсот, леди.

— Цена покупки не важна, Влада, — вмешался Эрик.

— Я хочу строго вписаться в бюджет. Не спорь.

— Тогда думаю, тебе подошел бы один из этих карманных сборников стихов. Верно, Бэрит?

— Конечно, Господин. Все книги небольшого формата стоят до ста пятидесяти кумарунов.

— Отлично! — воскликнула Влада. — Книга — лучший подарок, пусть даже сделанный самой себе, — а про себя подумала: «Надеюсь, они не сговорились и не сбросили цену, общаясь жестами за моей спиной. Ведь нет же?»

— Это сборник одного из моих любимых поэтов, творившего около пятисот лет назад — Эрио Песнеписца, — сообщил Эрик тоном учителя литературы, взяв в руки небольшую пожелтевшую книжицу. — Книга, конечно, младше поэта, ей сто двадцать лет, — сказал он, посмотрев год издания на обороте. — Я могу прочесть тебе его стихи наизусть. Кстати, готов научить тебя читать по-эйдерински, думаю, нам хватило бы пары вечеров для этого. Понимать, конечно, ты не научишься так скоро, но просто читать по буквам — запросто.

— Заманчивое предложение, я бы с удовольствием научилась чтению. Было бы волнительно снова сесть за парту. Особенно если б ты стал моим учителем. — Она многообещающе посмотрела на него. — Значит, решено, я хочу купить поэтический сборник Эрио Песнописца, — сказала она хозяину магазина.

— Сто кумарунов, леди Влада.

«Они точно дурят меня! Сто кумарунов — это слишком мало для старой книги, если зеркало стоило пять сотен... Ладно, притворюсь простушкой, а то придется покупать косточку на шнурке».

— Теперь расплатись за покупку, Влада, — напомнил Эрик. — Ты справишься без подсказки?

— Буду стараться. — Она сосредоточилась на своем подвесе и попросила сто горошин кумаруна покинуть его и перейти в стяжатель продавца.

Голубая вереница света прямо через ткань платья потянулась по воздуху, завораживая свидетелей фантастическим зрелищем. Или только ее одну волновала эта картина? Остальные, вероятно, давно перестали замечать в этом нечто уникальное. Эрик, кажется, любовался, как она отлично справляется с задачей при его умелом наставничестве. А сэр Бэрит, похоже, с интересом наблюдал лишь за тем, как воркуют влюбленные голубки. Ведь он знал Эрика с детства и, похоже, имел к нему глубокую привязанность.

— Отличное приобретение, леди Влада. Желаю вам удачного дня, а также приятного поэтического вечера, — сказал хозяин магазина и неоднозначно улыбнулся.

«Он имеет в виду чтение, или намек аллегоричный? — усомнилась девушка. — Да какая разница, мужичок в любом случае приятный».

Влада с маленькой потертой книжечкой в руке в сопровождении галантного кавалера вышла из антикварного магазинчика. На двери вновь прозвенел колокольчик.

— Значит, нас ожидает вечер поэзии? — спросила она спутника нарочито «по-

онегински».

— С превеликим удовольствием, моя милостивая Госпожа, — ответил он, сведя лирику к играм в библиотеке. — А если серьезно, то я и правда хочу прочесть тебе кое-что из этого сборника. Идем. — Он повел ее в направлении одной из многочисленных улиц, расходящихся лучами от площади.

Пара свернула в переулок невысоких домов — все они здесь были заметно обветшалыми и на каждом имелись следы косметического ремонта. Но так как более пользоваться волшебством хозяева не умели — латали, как могли. И выглядело это довольно неряшливо: замазанные цементом трещины в домах из самоцветов, наспех сваренные швы на металлических элементах зданий, кое-где — деревянные подпорки и строительные леса. Эрик заметил, что Влада внимательно разглядывает окружающее, и пояснил:

— В наше время сложно содержать эти старинные дома в хорошем состоянии. На это требуются большие средства, не у каждого они есть. Не все жители восточной части сохранили уровень доходов предков.

— Разве у вас нет программ реставрации памятников архитектуры?

— Есть, но существует извечная проблема нехватки финансирования, Влада. В вашем мире разве не так?

— Конечно так, Эрик. Все точно так, как и везде.

Он обнял ее за плечи, и они продолжили путь по переулку.

«И как он так быстро научился подобному обращению? Обнимает, целует... И почти всегда выбирает уместное время, — в который раз задалась она подобным вопросом. — Я же почти ничего об этом ему не рассказывала!»

20

Любопытство и правда

— Почему ты не спрашиваешь, куда мы направляемся?

— И куда мы направляемся, Эрик?

— Время обеда, Влада! Мы идем в чудесное местечко для романтических свиданий.

— Но я же не смогу нормально поесть. Как же ваши традиции? Нас увидят и оценят мои аппетиты...

— Тебя смущают разговоры, что ты принимаешь мои ухаживания и демонстрируешь готовность принять предложение?

— Ну, в общем-то, нет, это меня почти не волнует после того, как нам устроила овацию толпа народа.

— О чем и речь, джейя. Мы совсем близко.

Они свернули направо и вскоре оказались в милом небольшом зеленом садике, по периметру которого рос кустарник, усыпанный множеством мелких белых бутонов и цветочных розеточек. «Странный куст, цветет в августе... — подумала Влада. — Что это за сорт такой волшебный?»

В центре палисадника красовался фонтан из розового кварца, воды которого изливались изо рта золотой рыбки. Вокруг на сочно-зеленой траве были расставлены столики, покрытые белыми ажурными скатертями. Каждый располагался на достаточном удалении от другого, чтобы воркование парочек оставалось конфиденциальным. И да, все столики были сервированы на две персоны — это был действительно ресторан для романтических свиданий. Сказочный ресторан!

Три стола из десятка были заняты парами, причем все спутницы были одеты в голубое.

Гости коротко обратили внимание на вновь пришедших, но быстро вернулись к разговорам. Эрик проводил Владу к столику возле фонтана, и она присела в удобное плетеное кресло с белыми подушками. Вскоре подошел официант, учтиво поприветствовал, поблагодарил за выбор их ресторана и предложил меню.

«Меню потустороннего ресторана — что может быть увлекательнее!» Она раскрыла его и моментом «сдулась»: картинок не было, одни надписи на непонятном языке — ни одной знакомой буквы! Влада смогла оценить лишь то, что перечень угощений предлагается обширный и на качестве полиграфии бланков хозяева не сэкономили.

— Какие продукты и блюда ты любишь? Я еще не спрашивал об этом и составлял меню для тебя по своему вкусу. Мне следовало поинтересоваться этим раньше, извини. Сейчас мы закажем, что ты захочешь.

«Он составлял мое меню? Неужели не шутит?»

— Дворцовая кухня великолепна, мне не на что жаловаться, Эрик. Главное, что я люблю в еде, — это разнообразие. Есть два дня одно и то же для меня большая проблема. Наверное, во дворце никогда не повторяются, но в моем мире в жизни обычного человека такие потребности обеспечить сложновато, признаюсь.

— И здесь жизнь простых людей сильно отличается от придворной. Ну и все-таки, что ты любишь?

— Красную икру, ее добывают из лососевых рыб, — решила она пояснить. — Вы едите икру?

— Хм, я слышал о красной, но, в нашем регионе не водится подобная рыба. И импорт не налажен. Что еще?

— Борщ с пампушками. Прогнозирую, что ты не знаешь, что это?

— Угадала.

В ее уме родился план: когда-нибудь накормить правителя блюдами земной кухни. Это может быть увлекательный вечер вкуса и страсти. Еще бы уметь получше готовить... Но уж как-нибудь можно исхитриться состряпать достойное угощение, все-таки она не совсем безнадежна на кухне, когда речь идет о любимых блюдах и знойных мужчинах.

— Давай я назову продукты, блюда из которых мне понравятся с большой вероятностью, — предложила она. — Я обожаю грибы, съедобные, уточняю на всякий случай. — Она хихикнула. — Мясо без прожилок, курицу в разных интерпретациях, мягкие сыры, рыбу в любых видах, особенно копченую и жареную. Обожаю соленые огурцы, гренки из черного хлеба с чесноком и, наверное, креветки. Из сладкого я люблю конфеты, из фруктов — виноград, арбуз, сливу и персики.

— Все эти фрукты, к счастью, произрастают здесь. Но что такое конфеты?

— Шоколадные конфеты. Ну, из какао-бобов, сахара и масла.

Эрик смотрел непонимающим взглядом.

— У вас нет конфет?

Он покачал головой.

— У вас что, и шоколада нет?

— Не знаю, что это.

«Я оказалась в мире без шоколада и конфет! О нет, это обстоятельство удручает. Что, как ни шоколадная конфетка, способна скрасить день женщины». Влада вздохнула с сожалением.

— Пожалуй, у меня есть подарок для тебя, Эрик...

— Подарок для меня? — удивился он.

— Да, я подарю его во дворце.

— Ты расскажешь мне про конфеты?

— Обязательно, но несколько позже. Так мы сделаем заказ?

Эрик жестом пригласил официанта и заказал на своем красивом языке несколько блюд с непереводаемыми названиями. Официант запомнил и удалился.

— Эрик, раскрой секрет, почему ты надел на меня церемониальное платье?

— Я его не надевал на тебя, джейя, ты одевалась сама, — пошутил он. — Ты же уже все поняла? — Он с хитрецей посмотрел на нее.

— Не сказала бы, теряюсь в догадках.

— Я показал гражданам *своей* страны *свою* избранницу.

— Уточни, Эрик, что значит избранницу?

«Он что, мне предложение сейчас сделает?»

— Я определился с выбором, Влада. Ты женщина, которая нужна мне, и только тебя я хочу видеть рядом. Сегодня я сообщил это людям.

— Но я не давала согласия.

— В принципе, что бы ты ни ответила, для меня ничего не изменится — ты моя джейя. Либо мы будем счастливы вместе, либо я буду несчастен один. Но ты в любом случае единственная для меня, какой бы путь ни выбрала. Церемониальный наряд тебя ни к чему не обязывает. Собственно, он условно церемониальный, я немножко приукрасил положение дел, чтоб создать интригу, — ответил он так по-мальчишечьи искренне. — Женщины любят загадки, а я очень хочу понравиться тебе.

— Ты мне очень нравишься, Эрик, более чем.

Он просиял и не стал ничего больше спрашивать. В его чудесных глазах искрилась надежда.

— Но, джейя, прошу понять меня. Я долго не смогу сказать тебе прямо, что люблю и готов жениться. Возможно, никогда не смогу сделать этого. Не потому, что не хочу. По нашим законам мужчина, признавшийся в любви на языке своей страны, обязан незамедлительно сделать даме предложение. Признание в любви и предложение — это для нас практически одно и то же. Жениться на тебе мне не разрешают законы. Я связан по рукам и не вправе поступать иначе. Но ведь это не более чем формальность: я готов разделить с тобой жизнь до смертного часа, дать тебе все, чем обладаю. Мы можем быть всем друг для друга, если оба этого захотим. Никто не сможет запретить мне этого. Никто, кроме тебя, джейя.

— В моем мире женщина, состоящая в подобных отношениях с главой государства, зовется «фавориткой» — официальной любовницей короля, — сказала она без эмоциональной окраски, будто экскурсовод в музее. Слова Эрика вовсе не обидели ее, по сути, он предлагал гражданский брак, в подобном она жила с Сашкой. «Так, не буду сейчас думать об этом», — прогнала она мысли. — Твое предложение мне понятно, Эрик. Давай не будем снова это обсуждать, с момента пробуждения противоречия, не позволяющие мне дать ответ, ничуть не ослабли.

— Конечно, я отвечал на вопрос о церемониальном платье, и меня немножечко занесло. — Он подмигнул.

Пара официантов в шароварах и приталенных светлых с черными вставками камзолах уже выносили заказ — декор блюд был выше всяких похвал. Сами же парни выправкой и

нарядом немного напомнили Владе императорских пингвинов. Перед ней поставили салат из овощей и креветок, блюдо из грибов и сыра, напоминающее по виду и запаху жульен, и запеченную на углях рыбу с невероятно ароматной поджаристой корочкой, возлежащую на подушке из укропа и лимона. Эрику подали то же самое.

— Хочу, чтобы сегодня мы чувствовали все одинаково, — пояснил Эрик свой выбор. — В отношении еды это несложно устроить.

— Ты забавный!

— И ты тоже, джейя!

— Любишь все эти продукты?

— К грибам я равнодушен, рыбу обожаю, а вот креветок побаиваюсь.

— Ты ведь живешь на море, неужели?

— Признаюсь, они мне, мягко говоря... неприятны. Но сегодня я поборю страх и ради прекрасной джейи пойду на подвиг. — Он принял позу смелого рыцаря, высоко задрал голову и вытянув руку с воображаемым мечом. Краем глаза он посмотрел на нее — оба расхохотались. Затем насадил на вилку креветку из тарелки с салатом и направил в рот — лицо никак не изменилось. Он тщательно прожевал и проглотил. Влада с интересом наблюдала за процессом в ожидании вердикта.

— Вкусно, джейя. Даже очень. Я произвел на тебя впечатление?

— Безусловно, мой смелый рыцарь. Ты был неподражаем.

— Я хотел предложить одну игру, — сказал он, не прореагировав на похвалу. Будто давно хотел сделать это, но не решался, а сейчас набрался смелости и озвучил. Его лицо было непроницаемо, но вскоре промелькнула тень улыбки.

«Любопытно, это будет похоже на игры в шатре и библиотеке?»

— Эта игра мне понравится? — спросила она заинтригованно.

— Я хочу больше узнать о тебе и твоей прошлой жизни. Но и ты, я предполагаю, хотела бы о многом расспросить, но не осмеливаешься. Я же знаю, насколько ты любознательна и как сложно тебе удержать сотни маленьких «почему».

«Откуда он знает? Какая же я мисс Очевидность, черт возьми!»

— Возможно, ты прав...

— Правила этой игры таковы: ты можешь задать мне любой вопрос, включая сугубо личные. Я должен ответить на него откровенно, не позволяя себе ни обиды, ни злости. После я смогу спросить о чем-то у тебя, но ты должна будешь придерживаться этих же принципов. Играть можно сколь угодно долго, хоть всю дальнейшую жизнь с перерывами на еду, секс и работу. В Эйдерине крепкие пары часто это практикуют. Игра называется «любопытство и правда». Но помни, если вопрос задан — ответ на него часто не тот, что ожидаешь услышать. И если правда тебе не понравится, твоя задача — принять ее такой, какая есть. Ведь тот, кто отвечает на вопрос, скован обязательством говорить честно. Ему намного сложнее, ведь он знает, что информация может быть болезненной и если партнер не поймет — это может повлечь проблемы в отношениях.

— Зачем же тогда играть в *такую* игру?

— Ну, считается, что крепкие пары способны принять друг друга такими, какие они есть. Игра — проверка отношений.

— Любят у вас пощекотать себе нервишки... Я не уверена, что смогу выполнить все условия.

— Не бойся, мы начнем с простого. Сегодня я ухаживаю за тобой всеми известными

мне способами, а игра в «любопытство и правду» — самое логичное продолжение свидания в этом мире. Посмотри, — указал он рукой на парочку слева, — они начали играть до нашего прихода и продолжают до сих пор.

«Блин, сейчас он начнет расспрашивать о прошлых отношениях. Надеюсь, мне не придется подсчитывать, сколько партнеров у меня было?»

— Давай попробуем, — согласилась она. — Но если вопрос уж сильно не понравится, я не стану на него отвечать.

— Это против правил, но для тебя все что угодно. — Он взял ее руку и поднес к губам, поцеловав в раскрытую ладонь. Было приятно, хотя и непривычно. — Ты можешь первой задавать вопрос.

«О чем же спросить?..»

— Что стало с Эммой, с той, что выбирала мне одежду?

— Она понесла наказание.

— Это весь твой ответ? Правила игры позволяют обходиться такими общими фразами?

— Я проверял тебя, — прыснул он. — Конечно, с моей джейей этот номер никак не прошел бы! Эмма заплатила за содеянное и была выдворена из столицы на периферию. Я считаю, что это чересчур мягкое наказание для подобного рода проступка — она оклеветала Верховного правителя. К тому же знала, что повторно ее не простят. Именно она и была последней каплей моего терпения, когда невольно сподвигла создать репродуктивный круг, чтобы ни одна женщина более не могла плести интриги в моем жилище. У нее влиятельные родители, поэтому Совет пошел на уступки и не назначил более строгого наказания.

«Все-таки он с ней спал, это очевидно из рассказа. Черт, игра мне не нравится».

— Ты расстроена? Считаешь, что ее участь несправедлива?

— Хорошо, что она жива и здорова. Я не хотела для нее физических наказаний. Ссылка в глухомань — то, что надо. Но я расстроена, ты прав.

— Почему?

— Ох, Эрик, не спрашивай, пожалуйста.

— Это мой вопрос в «любопытстве и правде». Почему ты расстроена после моего рассказа, джейя? Я хочу понять, что тобой движет, как ты чувствуешь. Помни, что нельзя обижаться и злиться, а также ввожу дополнение — нельзя расстраиваться. Постарайся сконцентрироваться и не позволять чувствам брать верх над разумом. Это отличная тренировка воли и душевных сил. Спутница правителя обязана быть морально сильной, и я знаю, что это умение реально развить.

— Я надеялась... Видишь ли, я надеялась, что у вас с Эммой не было близости. Отчего-то я ревную к ней более, чем к кому-либо: она очень красива. А скорее, причина кроется в том, что я и вовсе здесь никого не знаю. Что же будет, когда познакомлюсь с другими, как я справлюсь с возможной бурей эмоций, что может захлестнуть меня?

— Ты ревнива?

— Раньше не замечала за собой такого. Каким-то образом я выбирала мужчин, не дающих мне поводов для ревности. Да и красоток в моем окружении всего ничего, чтобы я могла сильно ревновать. Здесь же совершенно другая картина — и поводов, и красавиц в избытке.

— Я понимаю твои чувства, и знал, что тебе будет сложно примириться. Но я всецело буду верен тебе душой. То, что по закону обязано делать мое тело, не должно быть причиной ревности в нашем мире, джейя. Попробуешь ли ты постараться принять это?

«Он не ответил прямо. Значит, точно спал...»

— Я не в силах сейчас ответить даже *себе* на этот вопрос. — Она покачала головой. —

Наша игра вышла за рамки правил и превратилась в грустный разговор по душам.

— Да, мои планы на ее счет не оправдались. Прости, что расстроил.

— Наверное, мы не готовы к такому уровню доверия. Слишком много неразрешенных вопросов между нами. А знаешь что, давай поиграем в нее с измененными правилами.

— И как же?

— Каждый по очереди расскажет о себе то, что захочет: важное, интересное, забавное. Все, чем в данный момент захочет поделиться. Так мы избежим неудобных вопросов и сможем больше узнать друг о друге.

— Гениальная идея! Я готов. Начну первым. — Эрик прожевал недоеденный кусочек рыбы и начал рассказ:

— Когда мне было примерно пять, дядя Горгий подарил бельчонка. Я был так рад, ведь это был мой первый питомец! Я назвал его Эйком. Но наша дружба заладилась не сразу: Эйк был агрессивным и часто кусал меня. Мама объяснила, что у каждого человека и животного есть собственное мнение, и оно не будет всегда совпадать с моим. Мне следует научиться принимать всех такими, как они есть, и искать подход к каждому, с кем желаю подружиться. Тогда при помощи долгих тренировок и полтонны орешков я смог завоевать доверие Эйка. Постепенно мы так поладили, что он стал спать в моем кармане. Эйк, конечно, быстро вырос, и скоро мне пришлось просить маму шить большие карманы для отъевшейся белки. — Эрик рассмеялся с такой нежностью, что Влада чуть не прослезилась. — Однажды я принес спящую в кармане белку на урок органа. Мой учитель — сэр Эскидоп — на тот момент был уже преклонного возраста и казался мне тогда строгим, ведь я не был прилежным учеником музыки. Когда я ударил по клавишам — Эйк проснулся и сильно испугался, выскочил из кармана и прыгнул на голову стоящему рядом сэру Эскидопу. — Влада прикрыла рот рукой, чтобы сдержать смех. — К несчастью, учитель носил парик. Задняя лапа белки зацепилась коготками за волосинки, и прическа отправилась в полет вместе с Эйком. В общем, после долгой совместной погони за зверем по всему органному залу парик был отобран и извлечен из-под зрительского кресла.

— Что же стало с Эйком?

— Да собственно, с ним ничего особенного, а вот мне изрядно влетело, — задорно ответил он. — Хотя, признаюсь, я изначально немного сочувствовал учителю и понимал, что зря поступил так. Позже я учился музыке чуть усерднее.

— Хотелось бы послушать твое исполнение...

— Эм-м... Да, когда-нибудь. Мне нужно порепетировать, я давно не практиковался.

— В этом вопросе я могу побыть терпеливой...

Эрик неопределенно улыбнулся и сообщил:

— Твоя очередь рассказывать историю.

Влада задумалась: «О чем же ему рассказать? Все, что ни возьми, — или связано с мужчинами, или скучно, или выглядит, будто я хвастаюсь... Тоже о питомцах? Да ну их, эти кошачьи истории».

— Эрик, я даже и не соображу, о чем рассказать... Вот как назло ничего не идет в голову.

— Может быть, о львином хвосте?

— О! Спасибо за наводку, — сказала она, а про себя подумала: «Как бы мне обойти

острые углы...» Она сделала глоток апельсинового сока и начала:

— Был у меня в юности дружок. Мы недолго встречались, и у нас все было несерьезно, — поспешила она уточнить. — Однажды он спросил меня: «А какой бы ты хотела иметь хвост?» Я серьезно задумалась... — Влада начала рассказ бодро и весело. Эрик слушал внимательно, будто пытаюсь найти в словах скрытый смысл. Его губы чувственно приоткрылись, глаза же горели самоцветами. — Я перебирала в уме разные красивые хвосты, — продолжила она. — Помню, всерьез задумалась о лисьем и павлиньем. Но в конечном итоге озвучила: «Я хотела бы себе хвост как у льва». Парень удивился выбору, но я объяснила, что хочу иметь веселый хвост больше, чем красивый. А потом и я спросила... — Она прервала рассказ на полуслове от неожиданности: кто-то прикоснулся к ее колену, будто Эрик положил свою ладонь. Но руки его были на виду — в одной он держал вилку, а вторая лежала на столе. Влада дотронулась до ноги и обомлела: это был экто! Эрик положил на ее колени, прикрытые тонкой тканью платья, свой бесстыжий экто! Прямо в ресторане среди людей, которые наверняка искоса следили за правителем и его потусторонней спутницей.

«И как реагировать на такое?..» Влада напряглась, не зная, что говорить и что делать. Она резко отдернула руку и положила на стол.

— Прошу тебя джейя, продолжай. Мне очень любопытно, чем закончилась история, — ласково сказал Эрик, поглаживая ее бедро своим экто немного выше колена.

«Что он себе позволяет!» — думала она, но молчала в ожидании объяснений.

— Влада, я ухаживаю за своей дамой, в этом нет ничего постыдного. Видишь ли, у нас приняты такие игры среди влюбленных. Если шутить с девушкой на людях — это придает остроту ощущениям. Ты уже почувствовала эту перчинку, не так ли? Продолжай рассказ, будто бы ничего не происходит.

И Влада продолжила:

— Тогда я тоже спросила, какой хвост хотелось бы ему? А он ответил, что никакой, и рассмеялся, довольный как ловко провел меня. Я, конечно, смеялась тоже, но все же было ощущение, что меня надули, ведь сама я не додумалась выбрать этот вариант и остаться нормальным человеком без хвоста, — объясняла она уже как ни в чем не бывало, оправившись от ступора к концу рассказа. Она спросила:

— А люди за соседними столиками видят, чем мы тут занимаемся?

— Мы едим и разговариваем, джейя. Они видят это.

— А то, что происходит под столом?

— Длина скатерти, я полагаю, не позволяет с определенностью ответить на твой вопрос. Думаю, что если они хорошо приглядятся, смогут кое-что разглядеть.

— Эрик, как же так? Это считается нормальным?

— Вполне, экто — такая же часть тела, как рука или нога, только намного больше нравится женщинам. — Он хмыкнул, старательно пытаясь сдерживать откровенный смех. — В демонстрации экто на свидании нет ничего шокирующего. Приподними подол своего платья до уровня колен, я хочу почувствовать твою мягкую кожу.

Влада вспыхнула, но платье приподняла, обнажив не менее половины протяженности бедер. «Вот теперь-то соседи точно видят, как я задрала платье эльфийской владычицы. Надо стараться не думать об этом».

Экто жадно припал к коже на бедре и начал вертлявые кульбиты чуть выше колена. Повидимому, его длины не хватало, чтобы забраться под юбку повыше.

— Тебе приятно происходящее? — спросил он тоном опытного соблазнителя.

— Очень необычно и противоречит тому, как нас воспитывают дома. Но пикантно, я еле сдерживаюсь, чтобы не наброситься на тебя.

— М-м-м, леди Влада. Да вы горячая штучка, — поддразнивал он ее. — Сегодня у вас еще будет возможность выплеснуть энергию. А сейчас вы должны доесть свою рыбу, не расстраивайте меня тем, что плохо принимаете мои ухаживания.

Влада не позволила ему так просто перевести тему с экто на еду и накрыла ладонью непослушный экто. Тот замер, а Эрик закрыл глаза и откинулся на спинку кресла.

«Кажется, он рассчитывает получить свою порцию ласки, — расценила она увиденное. — Но как это возможно в ресторане? Чем закончится все? Чертовски неудобно...»

Влада, отгоняя стеснение, стала поглаживать головку экто. Ее пальцы ощупывали шипики один за другим. Она мягко массировала также и часть ствола, докуда дотягивалась рукой. Эрик тяжело дышал, но, видимо, скрывал истинные ощущения, пытаясь сохранить происходящее в тайне от окружающих. Влада крепко сжала ствол у основания колючей головки и начала водить ею по коже бедер и коленей — Эрик восторженно широко раскрыл глаза. Его взгляд вселял уверенность, что сейчас он раскидает и стол, и кресла, и кинется на нее прямо здесь, повалив на траву.

— Тш-ш-ш, — сказала она ему, прислонив ко рту палец свободной руки. — Терпение, мой господин, сохраняйте невозмутимость. — Эрик вновь откинулся на спинку и сжал зубы.

«Продолжать в этом темпе становится опасно... — поняла девушка. — Как же поступить?»

— Чем обычно заканчиваются подобные шалости в общественных местах, Эрик?

— Обычно они заканчиваются наивным прикосновением экто к коленям партнерши, джейя. Все, что произошло далее, — импровизация.

— Почему же ты не остановил меня?

— Потому что не хотел.

«Исчерпывающий ответ».

— И что же нам теперь делать? — поинтересовалась она.

— Я в растерянности, джейя. Как бы мне ни хотелось упасть с тобой сейчас тут под столом и завершить это чудное действие, мы не можем быть настолько открытыми в проявлении чувств. Пора остановиться, пока мой разум еще не полностью выветрился. Мы скоро продолжим, обещаю.

Влада отпустила экто, и Эрик произвел некие манипуляции в области пояса, видимо, приструнив шалуна. Она скинула подол с колен и прикрыла ноги. Оба сделали по глотку из стаканов и впились друг в друга глазами голодных, но счастливых хищников. Когда Эрик расплатился по счету, они покинули романтическое заведение. Неподалеку поджидал космобиль.

По громкой связи Эрик сообщил водителю:

— Наши планы изменились, Элиот. Мы направляемся к Тихому озеру. Предупреди Рэя, что сегодня закрытое мероприятие.

— Что ты задумал? Вечеринка на озере?

— Не вечеринка, джейя. Доверься, тебе понравится.

«Интересно, куда он планировал везти меня первоначально? Парикмахерская, площадь, магазин, ресторан, дальше что? Каким могло быть продолжение логической цепочки?»

Поэтический вечер

Путь пролегал по живописным горным районам, мобиль бесшумно двигался по серпантину, петляя меж горных склонов, преодолевая туннели и тщательно избегая будоражащие воображение обрывы. Через три четверти часа они подъехали к красивому горному озеру.

Вокруг было тихо и безлюдно. На противоположной стороне водоема она заметила строение, притаившееся в зарослях. Возраст дома было сложно определить: он был трехэтажным, бревенчатым и почерневшим от времени, более похожий на французский горный домик, нежели на русскую избу. Насколько Влада успела разобраться в местной архитектуре, ранее строили из каких-то неуместных по земным меркам материалов, а в настоящем — из стекла и белого камня в стиле «космического абстракционизма». Деревянный дом она видела впервые.

— Это горное озеро носит название Тихого, — пояснил Эрик. — Одно из лучших мест для спокойного отдыха в часе езды от дворца. Мы можем подъехать к тому дому по дороге или проплыть по водной глади, наша машина способна на это. Если ты не боишься, конечно.

— Поплыли! — сказала она, не обнаруживая наличие или отсутствие страха. Признаться, что ей немного боязно, не хотелось.

Машина свернула с дороги в направлении берега, легко преодолела границу суши и воды и устремилась по глади в направлении шале. Озеро было относительно небольшим на обозримом участке, но продолжалось за поворотом, потому об истинных размерах судить было преждевременно. Вероятно, оно было очень глубоким, как и большинство горных озер. Вода была кристально прозрачной и просматривалась на много метров, но из самых глубин на Владу взирала черная пустота.

Машина подплыла к противоположному берегу и въехала на сушу. Выбравшись из авто, девушка вдохнула полной грудью — горный воздух пьянил. Навстречу вышел высокий статный мужчина лет сорока — сорока пяти. Одет он был под стать этому дому: в брутального вида черный сюртук и шаровары, ткань которых напоминала одновременно и лен, и мешковину.

— Разрешите представиться, леди. Я — Рэй, смотритель Тихого озера.

Влада представилась в ответ.

— Наш приезд, вероятно, доставил тебе много хлопот, Рэй? — поинтересовался Эрик. — Я принял решение спонтанно, прошу простить.

— Не стоит извинений, Господин. Гости отнеслись с пониманием и почти не возражали.

«Получается, Рэю пришлось разогнать по домам всех туристов», — поняла Влада.

— Вы пройдете в дом или...

— Мы направимся напрямиком в плавучий дом, Рэй. Это идеальное место для моих планов.

«И что же он задумал? Исккупать меня в холодном озере?» — в шутку предположила она.

Рэй проводил их к скрытому в зарослях деревянному строению, названному Эриком плавучим домом. Он напоминал деревянный плот внушительных размеров, редкие вертикальные балки которого образовывали нечто наподобие стен, а сверху плавучий дом имел навес — крышу из высохшего камыша или тростника. Подобную конструкцию Влада видела в Таиланде, и там это называлось именно плотом, на котором десятка два людей

одновременно сплавлялись по реке Квай. Постройка была неплохо обставлена мебелью: по периметру находились скамейки со спинками, обитые приятным на ощупь материалом малинового цвета, а внутри набиты чем-то мягким — аналогом поролона. С одного края плавучего дома стоял грубоватого вида стол, а в противоположном — широкая лежанка наподобие двуспальной кровати, устланная бордовым покрывалом. Выбор цвета текстиля она сочла нетрадиционным для эйдеринского общества.

Хозяин довел до причала и беззвучно удалился. Они ступили на дощатый пол плавучего дома и остановились в центре. Сейчас Влада увидела, что озеро было намного больше, чем ей показалось изначально. Берега его были покрыты зеленой порослью, а горные вершины с белыми шапками в отдалении довершали изумительное зрелище.

— Прекрасное место, Эрик.

— Да, об этом уголке у меня сохранились самые теплые воспоминания. Не думал, что когда-нибудь снова окажусь здесь вместе с джейей. Ты заметила, как экстравагантен Рэй?

— Еще бы, черные одежды, дом сложно распознаваемой эпохи, выбор цвета мебели...

— Ты еще не видела его резиденцию внутри! Он помогал строить этот дом своему отцу, кстати, тоже Рэю, известному бунтарю и борцу против условностей нашего общества. Его отец не сделал ничего по-настоящему противозаконного, но на всякий случай был выдворен Советом из столицы, чтобы не мозолил глаза. Но мой дядя поспособствовал тому, чтобы ссылка не была слишком далекой. Поэтому Рэй-старший поселился вместе с женой и сыном здесь, на Тихом озере, и построил этот дом, ставшим его «криком протеста».

— Очень красивый дом. У нас, кстати, кое-где строят нечто подобное.

— Рэй-младший был уже на тот момент не так мал, он помогал отцу в строительстве и перенял от него плотницкие умения, а также взгляды на жизнь. Место это стало пользоваться популярностью у туристов и влюбленных парочек, чем семья и зарабатывает теперь на жизнь.

— Знаешь, как выглядит ваше общество в глазах не знающего традиций человека?

— И как?

— Нельзя назвать его закостенелым, хотя определенные черты, конечно, есть. Но, тем не менее, нравы в области отношений полов никак нельзя назвать пуританскими. В нашем мире многое из привычного здесь сочли бы революционным. Взять хотя бы заигрывания с экто на публике, или загар голышом на общественном пляже.

— Да, возможно. Но для нас это очень традиционно. А вот новшества репродуктивной политики, такие как, например, обмен партнерами, — здесь, да, соглашусь: это революционно. Но не будем о сложном.

Каждый задумался о своем, пауза затянулась.

Эрик подошел вплотную и сказал негромко:

— Мы остались одни, и никто нас не побеспокоит. Это идеальное место для поэтического вечера — гладь озера, звуки природы, красота. Пускай еще не вечер, но лучшего места нам просто не найти, джейя.

— Сборник остался в машине.

— Это неважно.

Эрик удивил ее: честно сказать, она ожидала приглашения на топчан и продолжения истории в ресторанчике, а не лирику в поэтической форме. Но сюрприз был приятным. Когда в последний раз ей читали стихи? Первый и последний раз она слышала посвященные себе строки в четырнадцать лет, то есть более чем половину жизни назад! Стихи совершенно

не в моде у людей ее поколения, да и сами женщины разучились их адекватно воспринимать. Влада помнила, как неловко ей было тогда, как не знала, как отреагировать, чтобы не расстроить парня и не показаться бездушной.

— Я с удовольствием послушаю, как ты читаешь, Эрик. Присядем? — предложила она, ведь они до сих пор оставались стоять друг напротив друга в центре деревянной конструкции. Вид открывался на все четыре стороны, только вертикальные балки кое-где мешали целостному восприятию пейзажа.

— Давай присядем к столу или... — подбирал слова Эрик.

— Давай приляжем. День был волнительным, и я устала. — Она ловко влезла на топчан, облокотилась на подушки у изголовья и, предварительно скинув сандалии, вытянула ноги. Длинное платье скрывало их, и это обстоятельство немного расстраивало. «Как ловко я объяснила выбор в пользу кровати, — похвалила она себя. — Умелый флирт, Владка».

— Хочешь, мы отплывем к центру озера? — спросил Эрик. — Плавучий дом — плавающая посуда.

— Нет, мне хотелось бы остаться здесь и скрыться ото всех за стеной из кустарника.

— Здесь никого нет, милая джейя. А Рэй не посмеет подглядывать, если я не попрошу его об этом. — Он подмигнул.

Влада состроила гримасу, говорящую за нее: «Ну уж нет!»

Эрик присел на противоположной стороне кровати, развернувшись к ней. После паузы, необходимой для настройки на поэтический лад, произнес:

«Эмпала лэстен карэ сэй,

Уланта элиа стопэна.

Полынэ стэа команэр,

Ми нарэ джея гаманэа.

Гастен мистер,

Парэнис брэйт».

Переводчик в ухе синхронно сообщал:

«Мой темный день был озарен,

Когда ты пришла в моих снах.

Я долго плутал в дебрях отчаяния,

Пока моя красивая молодая дева не возродила меня.

Чудеса реальны,

Если живешь надеждой».

— Прекрасные стихи, Эрик.

— Они есть в твоём сборнике. Я читал их, когда был еще мальчишкой и мечтал о любви и славе. Я позаимствовал нэри «джейя» из стихов Эрио.

Владе хотелось прочесть в ответ не менее душевные стихи, но все, что она помнила, это «Памятник» Пушкина, отрывок из «Полтавы», «Московский озорной гуляка» Есенина и его же «Березу» из программы начальной школы. Когда-то она учила массу стихотворений, но память за ненадобностью утратила все прекрасные образцы русской словесности. Влада всегда была недовольна ей, из головы постоянно выветривалось все, что она когда-то хорошо знала, но редко пользовалась. Пожалуй, только «Береза» могла бы кое-как подойти моменту.

«Белая береза

Под моим окном

Принакрылась снегом,

Точно серебром.
На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой...»

Она прочла стихотворение до конца и многозначительно смолкла. Объяснять, что это лучшее из всего, что она помнит, было стыдно.

— Ваш язык великолепен, Влада! Кто автор этих строк и почему он так долго описывает дерево? Береза — это же дерево, я правильно понял?

— Это Сергей Есенин, великий русский поэт, который жил примерно столетие назад. Он тоже был бунтарем своего времени и рано ушел из жизни. Вообще-то он часто писал куда более неполиткорректные стихотворения, а про березу говорит, восхищаясь красотой русской природы. У наших поэтов и писателей принято восхвалять красоты родных просторов. Береза — это такое дерево с белой корой и черными полосками, она является одним из символов России, так же как и медведь, и в недавнем прошлом красный цвет.

— Я понял, о каком дереве идет речь, но в наших краях оно не растет.

— Мое знакомство со взрослой поэзией началось с Есенина, — продолжила она. — В нашем книжном шкафу стояли три его сборника в зеленых обложках — три томика Есенина. Мама иногда читала мне его стихи. А еще мы вместе вырезали из открыток картинки и делали закладки, оставляя на страницах с понравившимися стихотворениями. Этот образ зеленых томиков Есенина — мое очень раннее воспоминание, такое теплое и родное. Мне тогда было лет пять-шесть, не больше. Когда я училась в выпускном классе школы, нам задали написать сочинение о поэте. Образ зеленых томиков из детства был ключевой темой, пронизывающей все мое повествование. Я получила за работу две пятерки и похвалу учительницы, что это самое проникновенное сочинение из всего потока. Вообще-то меня часто хвалили в школе, но этот момент особо запомнился... Ох, что-то я ностальгирую, — вздохнула она и попыталась улыбнуться, но, отвернувшись, незаметно утерла слезу.

— Влада... — сказал он и стремительно обогнул топчан, подсел к ней близко-близко и крепко обнял за плечи. — Твоя мама чувствует, что ты жива и невредима. Мать не может этого не знать.

Слезы предательски потекли. Что она могла сказать на это? Что хочет вернуться к маме? Хочет, но и оставлять Эрика она вовсе не желала. Размазав влагу по лицу, Влада остановила потоки. Оба долго молчали.

— Поэзия практически всегда наводит на грустные размышления, Влада. Это такое искусство, основанное на душевном волнении. Ты знаешь веселые стихи?

— Только неприличные, — усмехнулась она, шмыгая носом.

— И я тоже!

Тут им обоим сделалось смешно, и они расхохотались.

— Будем рассказывать друг другу неприличные стихи? — предложил он, немного отойдя.

Оба переглянулись и прыснули с новой силой. Сквозь истерический хохот Влада простонала:

— Эрик, перестань меня смешить!

— Зато ты больше не грустишь.

— Я давно хотела спросить... — сказала она, немного отдышавшись.

— Я во внимании.

— Ты знаешь, кто такие эльфы?

— Переводчик уверяет, что это маленькие красивые и коварные человечки.

— Вот как? — рассмеялась она. — Ну, скажем так, эльфы бывают разные. Это мифические существа в некоторых культурах нашего мира. Так вот, когда я появилась в вашем, подумала, что все вы — эльфы.

— Но мы не маленькие и не все из нас коварные, — сказал он, подтрунивая.

— Твой переводчик на этот раз сильно ошибается, Эрик, — прыснула она. — Я подумала, что вы те из них, что очень красивы, мудры и живет вечно, или как минимум тысячи лет. Еще у эльфов заостренные уши. Твои не такие, но вдруг каким-то образом наши реальности пересекались и раньше, и именно вы и стали прототипом этих легенд. Эльфы и эйдеринцы — даже на одну букву! Как ты думаешь?

— Ну, как знать... — Он пожал плечами. — Но мы не живем тысячи лет, джейя. В среднем мужчина дотягивает до семидесяти трех, а женщина — до семидесяти восьми. Проголодалась?

— Нет. Но я бы выпила вина, — сказала она без задней мысли.

Эрик напрягся. Было заметно, что в его голове происходит мучительный процесс выбора.

«Неужели он так категоричен в этом вопросе?!»

Он достал из кармана уже знакомый ей черный приборчик и произнес:

— Рэй, необходима бутылка вина, ну и закуска на твой вкус.

«Надо признать, смартфоны в нашем мире выглядят гораздо презентабельнее этого невзрачного “коробка спичек”, — оценила девушка. — Стоит ли объяснять, что я не злоупотребляю спиртным или не акцентировать на этом внимание, а то получится, что я оправдываюсь?..»

Вскоре подоспел Рэй с подносом, полным всего. Бутылка красного и два бокала находились в центре. Хозяин откупорил бутылку и с едва заметным поклоном поспешил удалиться. Эрик подошел к столу, наполнил бокал и преподнес Владе, картинно развалившейся на кровати.

— А разве ты не составишь мне компанию? — поинтересовалась она.

— Нет.

— А почему?

— Потому что не хочу пить.

«Мне начинают надоедать эти ответы по типу “потому что хочу”, и “потому что не хочу”. Большой царский капризный ребенок!»

— Поставь на стол, я не буду, — сказала она обиженно.

— Влада...

— Я не буду пить одна, алкоголь хорош в компании. Я вполне могу обходиться и без него.

— Ты злишься, я чувствую.

— Да, я злюсь. У тебя проблемы с алкоголем? Ты закодированный, поэтому не пьешь?

— Твои слова звучат неподобающим образом, — сказал он твердо и холодно. — Никогда не произноси при мне ничего подобного. Я многое готов тебе позволить, чего бы никогда не сделал для женщины этого мира. Но в этот раз ты переступила границу дозволенного.

«Черт! Король зол. Я действительно сказала лишнее. Он правитель и с ним никогда так не разговаривали. И что теперь, по протоколу, нужно перед ним извиняться?»

Влада встала, подошла к столу и поставила бокал.

«Выкинуть бы сейчас этот поднос в озеро и телепортироваться домой, чтобы не было стыдно за сказанное и содеянное. Не буду извиняться, не дождетя! Мы снова ругаемся... Мне никогда не подстроиться под него, *никогда!* Я слишком самоуверенна и остра на язык, и говорю быстрее, чем думаю. А еще слишком темпераментна и скандальна, что уж тут скрывать! Не буду извиняться. Блин, испортила поэтический вечер».

Дома в подобном расположении духа она бы развернулась и ушла. Домой ли, в сторону машины ли, или черт знает куда, но ушла отсюда! Мужчины для нее условно делились на две категории — те, кто после ее «выкидонов» пускался догонять и пытаться исправить ситуацию, и те, кто оставался стоять на месте, позволяя уйти, и более никогда не звонил и не приходил. «Сашка из первых, а Эрик — из вторых. Думаю, он из вторых. Но стоит ли это проверять? В том ли я положении?»

Но ноги сами понесли ее прочь: она стремительно бросилась к выходу, ступила на землю и пошла быстрым шагом в направлении, откуда Рэй привел их.

«Что я делаю? Куда ты, курица, пошла? Зачем оставила его? Он не идет за тобой — и на этом вашей истории конец. И куда идти? К машине, чтоб ехать потом с ним, не проронив ни слова? Или мне пойти по горным тропам в поисках человеческих поселений, чтобы сделаться там посмешищем и кем-то вроде юродивой? Какая ты дура, Влада! Он не идет за тобой! Он остался стоять там, пребывая в шоке от твоего острого языка, понимая, что ты вообще не подходишь на роль его джеи. Они не обзывают алкоголиками возлюбленных, при том что это скорей всего не так. И ты знала, что он очень остро относится к выпивке, раз запретил вино во дворце. Ведь это неспроста, явно у него какой-то серьезный пунктик на этот счет. Вот и машина. И что сейчас делать?»

Влада, наконец, оглянулась — позади никого.

«Какая ты дура, Влада! Нет предела твоему идиотизму. Ну, пускай сказала не подумав, извинилась бы, а то пустилась наутек. Причем понимала, что нельзя уходить, но ушла!»

Водительская дверца отворилась. Из нее вышел Элиот — молодой мужчина, ровесник Эрика, меньше ростом, но более мощной комплекции. В целом он выглядел шикарно: ярко-синие глаза, аккуратно подстриженные темно-русые волосы. Одет он был в серебряно-белую униформу, на ногах — шаровары и сандалии. Она уже легко отличала особенности кроя одежды служащих от повседневной и праздничной.

— Леди Влада, я Элиот. Прошу вас сесть в машину, я отвезу вас.

— А Эрик не поедет с нами?

— Он не сможет сопровождать вас, леди.

Влада решила, что это лучшее предложение, чем скитание в качестве юродивой, и беспрекословно подошла. Руки ей Элиот не подал, она самостоятельно вошла в машину и уселась в уголке.

«Это конец. *Это конец.* Он не поехал. Он не остановил меня, даже не попытался. Он из тех, кто не прощает женских истерик. Я знала это. Знала, и все равно не смогла себя остановить. Ты истеричка, Влада. Глупая истеричка. У тебя был принц и полцарства в придачу, а ты обвинила его и сбежала. Тоже мне недозолушка».

Она уставилась в окно, наблюдая, как машина медленно спускается по серпантину.

«Волшебное кольцо! Оно было реально, а я его снова потеряла...» — осознала она.

Владе, сколько она себя помнила, часто снились удивительные сны. Однажды в детстве ей приснилось волшебное кольцо. Она надевала его и творила разные чудеса, исполняла сокровенные желания — и свои, и многочисленных людей. Но она хорошо понимала, что спит, и все это лишь снится. Ей очень хотелось забрать кольцо с собою в реальность, и маленькая Влада продумала план: она положила его на протянутую руку и поверила, что если проснется и откроет глаза, оно непременно останется лежать на ладони. «Вот же оно тут! Никто не успеет забрать его в миг пробуждения», — убедила себя она и открыла глаза. Но ладонь была пуста. Волшебное кольцо не преодолело препятствия и навсегда осталось в стране снов, затерялось и ни разу больше ей не снилось. А ведь оно принадлежало ей, и она умела творить чудеса!

«Я вновь упустила мое волшебное кольцо. У меня было больше, чем я когда-либо желала. Эрик и был им, но я вновь провалила план. Безвозвратно».

Громкие рыдания вырвались у нее из груди. Мышцы тела содрогались оттого, как сильно сжималась ее душа. Будто кто-то затягивал узел из ее плоти, сердца и разума. Осознание безнадежности навалилось лавиной и придавило к земле многотонной глыбой, раздавив кости, проломив череп. Это был конец — Эрик отпустил ее. Как она сама того захотела... Он так подумал, что она хочет этого.

Машина подъехала к дворцовым воротам, и Элиот открыл для нее дверь. По пути от машины до кровати по ее внутреннему радио триста семьдесят восемь раз передали: «Это конец».

22

Навстречу радуге

Влада пролежала, не шевелясь, примерно час, а может быть, два или три: следить за ходом времени у нее не было сил. Она вновь и вновь прокручивала события дня и искала причину поведения на озере: «Что так сильно задело меня? Слова Эрика, что я перешла границы? Нет, он все правильно сказал. Почему тогда я сбежала? Потому что не стал со мной пить? Это бред, Влада. Ты же не знаешь всего, вдруг ему действительно нельзя? Как можно было так сплеховать и самовольно сбежать с такого свидания? Вместо утех на бордовом покрывале посреди горного озера я получила то, что получила. Нереально глупая женщина, дура из дур, каких не видывал свет! Как в один миг все обернулось ничем? И как все исправить? Вряд ли это можно исправить... Эрик сделал выводы и понял, что ошибся во мне, что я неправильная джейя. Эмма бы точно не профукала свой шанс. Она бы ухватилась мертвой хваткой и стала бы его женой, пригласи бы он хоть раз ее даже на деловой ужин. Такие, как она, идут к цели вопреки всему. А такие, как ты, выпускают журавля из рук по собственному большому желанию. Лети, принц на золотом коне, ищи себе другую джейю, ведь я не та, кто тебе нужен! Я недостаточно хороша для тебя, и ты просто обязан меня бросить! Какая же ты простофиля, Влада! Будь проклято это вино, пожалуй, я никогда больше не выпью — себе в наказание». Влада заметила, что в самобичевании ошиблась с цветом коня, но принц на золотом коне хорошо сочетался с образом Эрика, потому она не стала себя поправлять.

«Что делать будешь? Скажи-ка мне, ехидна, что ты там молчишь? Когда нужен совет, тебя не допросишься. Что будем делать после потери сказочного принца?»

Ехидна ответила: «Так оно и к лучшему. Все равно ты бы рано или поздно встала на дыбы и показала острые зубки. Ведь это же ты, шило в мешке не утаишь».

«Ты права, Ешка, — дала она имя ехидне. — Ешка-Ешка, остались мы с тобой вдвоем.

Да, еще Ксюха где-то в кулуарах дворца прозябает. Меня, наверное, скоро депортируют подальше с глаз Рэйс кэнт Эрика... Наверняка мое наказание будет именно таким. Может, стоит усугубить положение и отправиться на поиски Ксюхи, чтобы сослали и вовсе в Магадан. Почему бы и нет, чем дальше отсюда — тем быстрее забудусь. Хуже станет уже вряд ли, пойду-ка прогуляюсь».

Влада вышла из комнаты. В окнах коридора уже изрядно стемнело, еще полчаса — и наступит кромешная южная тьма. Она направилась в сторону, куда охранники увели Ксению в прошлую субботу. Коридор петлял и извивался, как и всегда здесь было тихо и безлюдно. Завернув за угол в очередной раз, Влада увидела стоящего на посту стражника. Она напряглась, но виду старалась не подавать. Пройдя мимо, снова повернула за угол и выдохнула. Охранник, к счастью, даже не шелохнулся.

«Чего же я ищу здесь? Не рассчитываю ведь я услышать где-нибудь Ксюхины стоны, — сообразила девушка. — Если ее держат за одной из этих дверей, как я узнаю об этом? Ломиться в каждую?»

Влада прикинула: дверь ее комнаты обычно не запирается — возможно, и другие двери могли быть открыты. Она толкнула ближайшую — та оказалась запертой.

«Вот видишь», — укорила Ешка.

«Да, подруга, вижу. Моя комната тоже ведь была заперта, пока меня в нее не привели...»

Вскоре она вышла к лестнице, лишённой помпезности в сравнении с другими во дворце. Та уводила как вверх на второй этаж, так и вниз — в подвал.

«Наверное, это служебная лестница, для обслуживающего персонала. Очень может быть. И куда мне пойти? Дворцовый подвал никак не вдохновляет. Вряд ли Ксюху держат в подземелье, а вот вероятность наткнуться там на неприятности зашкаливает. Страшно представить, что может находиться в подвале здания тысячелетнего возраста. Потеряюсь — при желании никто не отыщет». Она выбрала верх.

«Он тоже первый раз выбрал верх», — глумилась ехидна.

«А ну заткнись! — скомандовала ей Влада. — И рта своего больше не раскрывай».

Поднявшись этажом выше, она не успела пройти и десятка шагов, как из-за поворота стремительно вывернула Элла. Они едва не столкнулись лбами.

— Леди Влада, простите! Я не ожидала никого здесь встретить!

— Особенно меня? — Та кивнула. — Я хочу извиниться перед тобой, Элла, что наговорила гадостей. Прости. Я так не думаю о тебе. Я была в неадекватном состоянии и не понимала, что обижаю словами.

— Я не держу на вас зла, Влада. Любая на вашем месте заподозрила бы меня.

— Спасибо, Элла. Так ты вернешься? — спросила она и спохватилась: ведь ее самой очень скоро могло уже не быть во дворце.

— Я и не покидала вас. Господин поручил мне другое важное задание, поэтому Эра временно меня заменила. Уже завтра я вновь буду заботиться о вас.

— Ах, Элла... — вздохнула она. — Я не уверена, что задержусь здесь так надолго.

— Что случилось?

— Мы поссорились, причем дело серьезное. Думаю, это окончательно и я сама во всем виновата.

— Леди Влада, я уверена, что вы преувеличиваете и все наладится. Вы по-прежнему не воспринимаете картину целиком и не в силах понять всех мотивов, что движут Господином.

— Так-то оно так, но все-таки я сильно провинилась.

— Давайте я провожу вас в комнату, вы отдохнете и подождете его приезда.

«Пожалуй, вернуться необходимо. Мой шпионский план с треском провалился».

***

Влада сидела в кресле напротив окна. Вид из него напоминал картину «Черный квадрат» — не видно ни зги. Даже кумарун не мерцал в вышине, его заслоняла листва, а может, он вовсе сбежал от нее подальше, разлюбив. Она потянула за цепочку на шее и достала из-под халата ядрышко стежа — свет неончиков сливался в прозрачном камне. Сегодня она потратила в лавке сто горошин, но кумаруна меньше как будто бы не стало.

«Неужели он успел восстановиться так быстро? Как узнать, сколько в стеже кумаруна, когда подсчитать поштучно уже не получается? Он говорил, что можно научиться чувствовать его. Сейчас уже и не расспросишь, наверное... Смогу ли я объясниться с ним? Что скажу, если даст мне шанс? — в который раз задавала она себе одни и те же вопросы. — Умолять о прощении я не стану. Уходить с гордо поднятой головой — глупо, но скорее всего я так и поступлю. Я сказала то, что сказала. Не понимаю такого отношения к алкоголю, потому и задала тот дурацкий вопрос, не подумав. Он буквально сам слетел с языка! Эрик мог бы и объяснить мотивы этой неприязни, но не стал, просто отказался пить со мной, чем заставил почувствовать себя неудобно. А потом я сбежала, наивно надеясь, что он остановит меня. Но не остановил. И почему он должен был это сделать? Вряд ли он вообще понял, что я хотела этим сказать. Да я и сама не поняла причин, странно все. Лучше оставить как есть и начать паковать чемоданы. Дак у меня и нет ничего, все это его! Ну не выгонит же он меня голой? Надеюсь...»

Эра принесла ужин. Влада поблагодарила и с трудом дождалась ее ухода. Девушка казалась милой, но было вовсе не до новых близких знакомств.

«Выпью сок, съем кусочек хлеба и лягу спать до утра. Может, просплюсь и немного полегчает. А как же душ? К черту душ! Мне уже ничего не поможет и не надо тратить на него время, решения моих проблем в душе не существует. Надо просто плыть по течению».

Влада последовала своему плану: съела кусочек багета и выпила апельсиновый сок. Хотела направиться в кровать, но поняла, что безнадежно грязная и пахнет потом. Совесть не позволила лечь в постель в таком виде. Нехотя она отправилась в ванную, но уже через десять минут вышла обратно в красных кружевных трусиках.

На кровати сидел Эрик. Он смотрел на ее полуобнаженное тело печальными глазами.

«И как вы прикажете реагировать на такое бесцеремонное появление?»

Влада не смутилась, у нее больше не было сил на какие-либо эмоции. Она подошла к кровати, будто бы его там вовсе не было, и молча залезла под одеяло.

Ехидна шепнула: «Ты так и будешь строить из себя недотрогу? Остановись, поговори с ним».

Но Влада не знала, что сказать, ведь могла необдуманно ляпнуть лишнего, она совсем запуталась. Эрик сидел к ней боком и не поворачивал лица. «Сейчас он скажет, что принял решение о моем переезде», — Владе казалось, что она практически предвосхищает его слова.

— Влада, я ничего не понимаю. Объясни, что происходит? Ты оставила меня сегодня. Что я сделал не так?

«Ну вот, приехали. Он подумал, что я его бросила. Мужики во всех мирах ничего не смыслят в женской мотивации».

— Эрик, мне сложно тебе объяснить, — сказала она, понимая, что должна подбирать слова сейчас очень точно, не допуская двусмысленности. — Предполагалось, что если ты пойдешь за мной и остановишь, объяснишь свои мотивы — значит, я нужна тебе. А если не остановишь, что ты и сделал, значит — отпустил.

— Ты шутишь? Тебе кажется это логичным? У вас все женщины делают так и мужчины понимают это?

— Не все делают и не все понимают. Но многие делают, и часть мужчин понимает, та часть, кому впоследствии девушки говорят «да».

— Но я не знал таких тонкостей. Откуда мне было знать, это совершенно нелогично, на мой взгляд. Ты убежала без объяснения причин. Оставила меня одного с этой проклятой бутылкой. Ты обиделась на мои слова? Но как еще я должен был сказать тебе, что непозволительно так говорить с правителем? Я не повысил на тебя голоса, старался объяснить четко и по делу, взывая к твоему разуму. Ведь это действительно непозволительно. Если кто-то узнает о подобном, пойдут очень неприятные слухи, способные нанести серьезный ущерб всем: тебе, мне, государству.

— Да, я ничего не смыслю в политике. Я опасный элемент для государственного строя, признаю это. — Она не могла сдаться, хоть в душе ругала себя, ее голос был холоден и отрывист.

Ехидна кричала: «Остановись! Что ты делаешь?! Ведь он нужен тебе!»

— Стоп. Сейчас мы останавливаем этот гнетущий разговор, — сказал он как истинный правитель, перечить которому не посмел бы ни один подданный. — Ты явно хочешь меня к чему-то подтолкнуть своим необъяснимым поведением, или тебя что-то гложет. Что, Влада? Объясни. Прошу.

— Эрик! — Она схватилась за голову, села в кровати, обнажив груди, и зарыдала. — Эрик, я не знаю, что со мной и как тебе объяснить. Я не могу себе объяснить! Наверное, у меня проблемы с головой. Мне стало немножко обидно от того, что ты не выпил со мной и был настроен враждебно, а потом сказал, что я говорю не то, что позволено. Я знаю, что не должна была так говорить, я сказала, не подумав, это точно. Но потом мне необъяснимо стало настолько обидно, что ноги сами бросились от тебя прочь. Я хотела, чтоб ты остановил меня, но ты отпустил. Все это очень глупо, но вот так вот все и вышло. — Она рыдала и смеялась над собой одновременно.

— Ох, Влада, — сказал он ей, подсаживаясь поближе. Видимо, у тебя расшатались нервы в новой обстановке. Я попрошу доктора прописать тебе снотворное. — Он обнял ее за плечи и стал поглаживать по голой спине. — Тебе надо как следует выспаться.

— Я не хочу спать одна. Я ненавижу спать одна.

— Почему ты не говорила раньше? Это проблема очень просто решается, джейя.

«Он снова назвал меня “джейя”... Он не сердится?»

— У меня есть чудесный план, — сказал он. — Накинь халат.

Влада оделась. Эрик подхватил ее на руки и вынес из комнаты.

— Куда ты несешь меня? — удивленно и радостно спросила она его.

— Навстречу радуге, джейя.

Он нес ее по тому же пути, которым она сегодня пробиралась на второй этаж — та же лестница, тот же поворот, из-за которого появилась Элла. Он подошел к одной из дверей и толкнул плечом — та отворилась.

— Эрик, комната! Она потрясающая! — воскликнула девушка, едва оценив

пространство.

В просторной комнате квадратной формы была обустроена идеальная спальня, сравнимая с лучшими образцами современного дизайна. Тут было много ярких пятен, однако она вовсе не походила на цветастое безумие его шалаша. Будто бы ремонтом и обстановкой занимался дизайнер с безупречным вкусом. Стены были бледно-бежевыми, пол — цвета и фактуры светлого дерева, два больших окна занавешены плотными портьерами бледно-сиреневатого тона. Справа у стены стояла большая кровать с сиреневым шелковым балдахинном, будто в покоях восточной принцессы. Россыпь подушек холодной гаммы — голубых, розовых, сиреневых и фиолетовых, — они лежали на бледно-розовом парчовом пледе. Половину площади пола застилал светло-бежевый мягкий ковер, а на стене напротив кровати висела жизнеутверждающая яркая картина с изображением радуги. Стол и стулья из прозрачного пластика находились ближе к окну, наверняка были очень эргономичными, по форме изгибов сидения напоминая скамейки в парке, которые Влада почему-то считала вершиной удобства. В дальнем углу стоял старинный комод. Она сразу поняла, что это антиквариат, ведь он был деревянным, а фасады ящиков отделаны натуральной бирюзой, с медными ручками, — очень самобытный предмет интерьера. Находился здесь и парфюмерный столик с зеркалом, аналог того, что в ее комнате, только не белый, а бежевый, в тон стенам. Неподалеку от входа висели белые и черные дизайнерские полочки в виде змейки. Там стояли цветные интерьерные вазочки и коробочки. Было в спальне и два мягких кресла — кремовое и бирюзовое, а также три сиреневых пуфика. Люстра на белом потолке была стеклянной, в форме большого прозрачного шара с вкраплениями разноцветных пятен размером с мандарин. Их блики создавали атмосферу уюта и радости.

Эрик донес ее до кровати и аккуратно положил среди россыпи подушек. Сам же присел рядом.

— Это твоя новая комната, джейя. Она станет нашей, когда ты будешь готова. Я буду оставаться здесь с тобой в ночи, когда ты захочешь. Цвета этой комнаты должны излечить твою хандру.

— Это чудесный подарок, Эрик. Я уже и позабыла, что попросила о цветных подушках и пледе. Ты слишком буквально воспринял мою просьбу. — Она провела ладонью по коже его бедра, прикрытого тканью юбки лишь наполовину. Эрик, кажется, замер от неожиданности. — Скажи, а разве во дворце можно иметь подобную комнату? Ты говорил, что...

— Джейя, вообще-то нельзя. Но для тебя — все что ни пожелаешь. Я кое-что придумал для прикрытия этого дельца, но рассказать тебе все государственные секреты не могу. — Он лукаво улыбнулся. — Могу выдать лишь то, что вчера заехал на фабрику и заказал всю эту утварь, сегодня же Элла проконтролировала работы по обустройству комнаты.

— Так ты поэтому оставлял меня на весь день?

— Конечно нет, я совместил работу и личные прихоти. Вот этот комод, — он указал на него, — мне практически дальний родственник. Он принадлежал нашему роду несколько столетий, но после глобальной перестройки дворца вся старая мебель была вывезена и разошлась по стране: что-то в музеи, кое-что в частные руки, а что и по антикварным лавкам. Я хотел найти именно этот комод. Ребенком его запомнил на старой чудесной карточке, он мне сразу приглянулся. Его разыскивали задолго до твоего появления в нашем мире. И вот как все совпало — теперь он найден и будет стоять в твоей комнате.

— Эрик, она великолепная! Выше любых похвал. Спасибо за заботу... и прости меня,

пожалуйста. Я бы хотела пообещать тебе, что больше никогда не буду поступать так импульсивно, но не могу, ведь непременно нарушу слово. Уж такой у меня характер, я предупреждала тебя.

— Я буду знать, что должен следовать за тобой и останавливать всякий раз, как тебе вздумается убежать от меня. Я догоню тебя и не позволю уйти, будь уверена. Даже если придется тебя связать.

«Пожалуй, это тоже может стать проблемой», — подумала Влада, но разубеждать его не стала.

— У меня ведь тоже есть для тебя подарок, Эрик. Но он по-прежнему в белой комнате. Что же я все никак не вспомню о нем вовремя!

— Мой лучший подарок лежит сейчас на новой кровати в банном халатике, под которым есть только маленькие красные трусики. Я помню, что это цвет вашей страны.

— Ну, я бы не сказала, что это справедливо в отношении трусиков. — Она рассмеялась, не зная как объяснить ему различия между Красным Октябрем, Знаменем Победы семидесятилетним периодом социализма и красным цветом ее трусов.

— Ты устала, тебе нужен отдых. Давай вместе ляжем под одеяло и хорошенько выспимся. Я на минуточку заскочу в душ и сразу к тебе, — сказал он и скрылся за дверью ванной комнаты.

«Что же мы будем спать? Я профукала близость на бордовом покрывале, сейчас упущу новый шанс? Выспаться можно и в следующей жизни».

Она встала с кровати, скинула халат и в одних трусиках прокралась в ванную. Стены там были голубыми — ее любимый цвет ванных комнат. В душевой кабине мылся Эрик, он стоял к ней спиной, точнее задом.

«Ох и попка у этого Аполлона — круглая, мясистая, плотная, но мягкая. Такая невероятная задница, за которую так и хочется ухватиться при случае. Он не ждет меня здесь, что если испугается от неожиданности?»

Она стянула трусики и позвала его:

— Эрик.

Он обернулся, и его «морские» глаза сначала нашли ее, «земные», а после плавно опустились вниз по ее телу. Влада вошла в кабину и встала напротив. Они находились очень близко, но не касались друг друга. Сверху стекала вода, омывая его торс и ее груди.

Влада негромко сказала:

— Сегодня ночью мы будем делать все так, как в моем мире. Ты — земной мужчина без сексуального опыта, а я — твоя первая женщина, — и шепотом добавила: — Я готова научить тебя, Эрик.

— Счастлив, что ты поддержала мою идею. Я весь внимание.

— Сейчас мы вместе примем душ, а после продолжим в кровати. Давай, я помою тебя.

Влада налила гель для душа на мягкую губку и приложила к его коже. Она чувственными движениями намылила его грудь, живот и смогла хорошо разглядеть шрам в области печени. Она подумала: «Возможно, это и есть причина его неприязни к алкоголю?» Затем развернула его и уделила внимание спине. После пришло время водных процедур и для экто. Но что это с ним? Он был словно неживой: свисал вниз практически бездыханно.

Эрик прочел ее немой вопрос и объяснил:

— Он ждет твоих распоряжений и не смеет импровизировать, Влада.

— А-а... Знаешь, здоровый мужчина нашего мира уже не на шутку бы возбудился от

происходящего, и его фаллос бы встал, то есть принял горизонтальное положение и напоминал дубинку.

— Понял. — Экто тотчас же сделался перпендикулярным телу, и Владе пришлось посторониться, чтобы дать ему простор для маневра. Она с трудом сдержала улыбку. Этот «рычаг» растянулся на добрых полметра, а то и больше.

— Вот так пусть и остается, — издевательски предложила она, но интонацией баловства не выдала. Эрик был серьезен и внимателен. — А сейчас твоя очередь. Намыль меня.

Эрик обновил гель на губке и приложил руку к ее груди. Он намылил каждую, а затем спустился на живот.

— Я хочу, чтоб ты уделил больше внимания груди, Эрик. — Его рука тут же вернулась, лицо было крайне сосредоточенным. — Это не экзамен, Эрик. Нужно расслабиться и получать удовольствие. Ты не сделаешь ошибок, все проще, чем кажется. — Он выдохнул и едва улыбнулся. — А сейчас оставь губку и помассируй руками.

Он повиновался: груди Влады были обласканы умелыми круговыми движениями и мягкими нажимами ладоней, а соски получили порцию чувственных сжатий и потягиваний. Влада тихонько постанывала, давая понять, что ей очень приятно.

— Теперь нужно вымыть меня в интимной области. — Она налила из бутылочки гель на его ладонь, и опустила ее себе между ног. — Помой меня там.

Рука Эрика несколько раз бережно прошлась по ее киске, после он смыл мыло, направив туда струю из душа.

— Очень хорошо. Теперь мы чистые и можем насладиться друг другом.

Она подошла к нему близко-близко, изогнулась так, чтобы экто не упирался ей в живот и не держал на полуметровой дистанции, затем поцеловала Эрика. Он с готовностью подхватил уже полюбившуюся игру, их языки и губы нежно сошлись... Температура быстро накалялась, и вот их руки страстно и крепко скользили по телам друг друга, сжимая мышцы спин, плеч и ягодиц. Влада старалась избегать прикосновений к экто, она хотела продлить ласки, насколько это было возможно.

— Я хочу оказаться с тобой в кровати, — прошептала она.

Эрик стремглав вынес ее из душа, забыв о необходимости вытереться полотенцем. Спустя мгновение она была возложена на высокую мягкую кровать. Он лег рядом: одной рукой зарылся в ее волосах, а другой скользил по телу, уделяя внимание соскам, животу и бедрам. Они целовались так, будто задыхаются друг без друга.

— Пришло время перейти к следующему шагу, — сказала Влада и направила его ладонь себе между ног. — Помнишь про клитор? Сделай пальцами так, чтобы ему было приятно.

Надо сказать, что его рука не была единственной гостьей меж ее ног. Полуметровый перпендикуляр давно находился там, Влада буквально сжимала его своими бедрами. Занять удобное положение для прелюдии с мужчиной с гигантским возбужденным и негибачим членом — это настоящая наука. Сейчас она понимала это и даже жалела, что сама и предложила установку: быть «обычным мужиком». Она нашла рукой ствол позади себя и приласкала, уделив внимание и головке. Их губы не размыкались, а руки ублажали друг друга.

Эрик справлялся с новой задачей уверенно. Определенно, он был талантливым любовником, немного тренировки — и звание «бога земного секса» у него в кармане, насколько подобное возможно, разумеется, с учетом анатомических отличий.

— Сейчас мы примем позу «шестьдесят девять» и доставим друг другу удовольствие ртами. Ты уже делал это и у тебя отлично получилось.

Влада привстала и развернулась, заняв характерное положение сверху. Эрик лежал под ней, экто был устремлен вверх. Она поняла, что это обстоятельство заметно усложняет привычную позу. Она сказала:

— Нам придется слегка поменять правила, твой экто должен немного ослабить стойку, Эрик. — Тот обмяк.

Влада, наконец, приняла удобное положение, обхватила ствол и направила головку себе в рот. Экто при этом изогнулся кольцом. Эрик уже всю экспериментировал с чувствительностью ее клитора. Его язык был проворен, касания чувственны, а сам он, кажется, был полностью поглощён процессом. Влада присоединилась к оральной игре: она посасывала шипики, облизывала их, слегка покусывала и целовала губами. Одной рукой придерживала головку и описывала ей круги по часовой стрелке и против, приглашая экто в путешествие по своему роту. Вторая рука поглаживала и массировала ствол, нежно прикасалась к яичкам, оттягивала мошонку и снова возвращалась к экто.

Влада была уже близка к разрядке, но ей вовсе не хотелось останавливаться. Эрик, кажется, был тоже поблизости от вершины, его вздохи и низкие горловые стоны недвусмысленно говорили об этом. Он произнес:

— Влада, я хочу войти.

— Нет. Мы еще не обсуждали этот вопрос, я не готова.

Эрик сдался без боя.

— Сложи два пальца: указательный и средний, и войди ими в меня.

Он бездействовал.

— Дай мне руку, — сказала она, протягивая свою назад в поисках его. Эрик подал ладонь.

— Вот оно, это место, куда ты смело можешь ввести их. — Она наощупь показала вход во влагалище.

Эрик приложил пальцы ко входу и легонько нажал. Он вошел ими, робко продвигаясь вперед. Влада забыла предупредить, что следовало бы их предварительно облизать, но неудобств не почувствовала, ведь ее сок и его слюна уже давно все увлажнили. Пальцы продвинулись вглубь до предела своей длины и остановились.

— Двигай ими, Эрик. Не бойся сделать мне больно.

И Эрик начал двигаться. Его пальцы были длинны, а их диаметр — внушительным. Ощущения окутали Владу пеленой наслаждения. Она позабыла о необходимости ласкать головку экто, но вскоре поймала себя на этой мысли и возобновила манипуляции с ежиком.

— Влада, я испытываю нереальные ощущения, — поделился чувствами Эрик, продолжая ритмично двигать одной рукой в вагине, а второй сжимать и поглаживать ягодицы. — Ты богиня, я твой вечный слуга, — прошептал он, откинув голову на подушку.

После этих слов по ее телу разлилась горячая волна оргазма. Она содрогалась, а изо рта вырвался протяжный стон: — Э-э-эрик, мой Эрик...

В рот прыснула горячая и сладкая сперма, затруднив дыхание. Она с усилием сглотнула и с трудом отдышалась. Одновременные оргазмы описывают часто лишь в книгах, на деле же подобное выходило в ее жизни ой как не часто. Влада упала на Эрика, ее тело обмякло. Она почти не ощущала своих ног. В голове было так легко и пусто, как будто все мысли сговорились и одновременно вылетели. Она лежала на нем, и ей даже не приходило в голову,

что надо бы слезть.

— Ты как? — спросил Эрик спустя некоторое время.

— Я? Чудесно, — ответила она, проваливаясь в сон.

***

Влада проснулась ночью. Она лежала голая под одеялом в цветной комнате, а рядом на спине спал Эрик. Его сон был глубоким, дыхание — ровным и замедленным. Одеяло прикрывало его торс наполовину, руки были вытянуты вдоль тела, а волосы в хаосе рассыпаны по подушке. В детстве ей рассказали то ли мудрость, то ли байку, что мудрецы спят на боку, богачи — на животе, а короли — на спине. «Что ж, похоже, это была все-таки мудрость», — сделала вывод она. Сама же Влада предпочитала спать на боку или тоже на спине, а вот на животе — совсем не умела. «Видно обделила меня природа мудростью, что ж, что есть, то есть, — согласилась она, припомнив, что вытворяла вчера на озере. — А как я уснула? Был оргазм, а далее ничего не помню. Выходит я отключилась, даже не похвалив? Черт».

Ей более не спалось. Она еще полежала в кровати некоторое время, пытаясь заснуть, а потом тихонько встала и подошла к окну. Распахнула шторы — решеток на окнах не было. Вид открывался на дворцовую площадь, та была тускло освещена. Влада заметила двух патрулирующих территорию стражников.

«Не могу отделаться от мысли, что меры безопасности во дворце какие-то... минимальные. Возможно, это кажущееся безразличие к охране объекта номер один? И на самом деле все так идеально устроено, что комар и носа не подточит. Или они правда ничего не боятся и не верят в возможность потенциальных угроз? Я и сама, наверное, теперь важный государственный объект, стоит ли мне беспокоиться? Очень может быть, в «Игре престолов» мне бы точно угрожали тысячи мечей, ядов и всяческих подстав. Почему Эрик не волнуется на этот счет? Сам в день моего появления вышел на площадь в сопровождении нескольких десятков воинов. Как это расценивать? Они охраняли его королевское достоинство, что ли? Чтобы его не разорвала толпа голодных женщин? Звучит неправдоподобно. Но ведь так и выглядело! Я чего-то явно недопонимаю...»

Она обернулась на него — поза осталась без изменений.

— Король спит, — прошептала Влада. — Мой король.

Она снова посмотрела в окно. Кумарун мерцал в безоблачном небе, соперничая красотой со звездами. Казалось, едва заметно начало светать. Охранники скрылись из вида, и площадь стала совершенно пустынной, лишь в центре возвышались колонны, окружающие «лобное место».

«Должна ли я перебраться сюда с вещами? Мне здесь нравится, но и белая комната стала уже родной. Этот вид из окон... Сегодня уже четверг, завтра пятница, послезавтра суббота. Он говорил, что это происходит каждую субботу. Как я буду жить здесь, зная, что там — на площади — он делает это с ними? Не ревнуй, Влада. Ты взрослая женщина и понимаешь значение слова “надо”. Это официальные измены, прописанные в законе. Что, так сложно принять это? Короне нужен наследник, ты ведь понимаешь. Так в чем же дело?.. Твою мать! Ну как в чем дело? Как можно спокойно к этому относиться! Надо будет поговорить с ним об этом, выбрать удобное время. А что я скажу? Попрошусь пойти с ним? Не-е-ет, по крайней мере, не в первый раз. Попросить не ходить его самого — бесполезно, ты знаешь, что это невозможно. Но обсудить-то все равно надо, — понимала она. — Кстати, пора, наконец, вручить ему подарок. Неизвестно что он запланировал сегодня, вдруг опять

не получится, схожу сейчас». Она накинула халат и на носочках босиком вышла из комнаты.

Коридоры ночного дворца тускло освещались, было жутковато. Влада хорошо запомнила обратную дорогу и беззвучно пробиралась к своей комнате, стараясь не думать, что ногам неприятно и холодно. Спустившись по служебной лестнице и завернув за первый поворот, она услышала характерные звуки, будто кто-то придается плотским утехам. «О, дворцовые интриги! Как пикантно. Кто бы это мог быть?»

Ответ пришел сам собой: «Ксюха! Не она ли блудит с охранником, или еще кем-нибудь? Ну а что, весьма вероятно, учитывая ее влюбчивую натуру, красоту местных мужиков и полное отсутствие общения с друзьями. Да и вообще любых значимых дел».

Влада находилась сейчас в том месте, где вчера днем видела стражника. Она прислушалась в попытках понять, из-за какой двери доносились звуки. Отыскав источник возгласов страсти, она смутно припомнила, что скорей всего именно возле этой двери и стоял охранник.

«Если я толкну ее, она, скорей всего щелкнет, как и моя. Тогда меня заметят. Нет, мне это ни к чему, — рассудила она. — Ну, а если дверь заперта, то и вовсе бесполезно пытаться. Наведаюсь сюда в другой раз».

«Почему ты думаешь, что это Ксюха? — спросило подсознание. — Мало ли кто занимается сексом во дворце? Ты ничего не знаешь про местных. Тут много горничных, кухарок, они живут под одной крышей с кучей мужчин — охранников, библиотекарей, садовников, сантехников. Наверняка масса людей занимается ночью этим».

От мыслей о дворце, в котором по ночам трахаются за каждой дверью с экто в главной роли, она немного возбудилась. «Вот так “Сказочки тысячи и одной ночи”, — подумала она. — Неплохой сценарий для высокобюджетного порнофильма. В Эйдерине ведь и порнушки даже никто не видывал... Должны же у них быть какие-то аналоги? Эротические книги, журналы или, может, фотографии или картины... А может быть, секс-театр? Хм... С последним я все же, наверное, перегнула».

Дверь в ее комнату была, как обычно, не заперта. Это обстоятельство стало заботить Владу: отчего допускалось такое попустительство к ее безопасности? Она вошла, свет включился автоматически. «Что-то никак не соображу, как работает освещение... То хлопнуть нужно, а то сам включается-выключается, но почти всегда впопад». Она отыскала рюкзак, вынула единственную конфету, натянула перед уходом сандалии и поспешила обратно к Эрику.

Проходя мимо двери со звуками былого удовольствия, она более ничего не услышала. В паху снова отозвалось эхо мыслей об эротической индустрии. «Все же не хватает мне старого доброго члена, чтобы выбить из меня всю эту дурь! Но...» Она вздохнула и не стала заканчивать мысль.

Влада юркнула в незапертую дверь цветной комнаты. Эрик сидел на кровати, по пояс прикрытый одеялом.

— Ты проснулся?

— Да, только что. Увидел, что тебя нет.

— Хорошо, что не кинулся меня искать.

— Вообще-то планировал, но решил вначале составить план, а потом уже бежать голышом по коридорам, — хмыкнул он.

— Я спускалась в белую комнату.

«Стоит ли ему рассказать, что я слышала?.. — задумалась она. — Не сейчас».

— Помнишь, я обещала подарок? Вот он. — Она протянула конфету.

Эрик взял незнакомый предмет в руки и пригляделся в полумраке. Затем оставил на коленях и хлопнул два раза в ладоши — лампы в люстре зажглись. После снова взял конфету и взгляделся в обертку.

— Это конфета, Эрик. Мое любимое земное лакомство. В моей сумке обычно всегда лежит парочка, но в Эйдерин я попала с одной.

Эрик поднес «Кара-Кум» к носу и принюхался.

— Пахнет сладостью.

— Попробуй.

Эрик неумело развернул обертку и легонечко надкусил. После продолжительного смакования сказал:

— Это очень вкусно. И не похоже ни на что, что я когда-либо пробовал.

— Правда? В вашем мире не растет какао?

— Сложный вопрос. Но мне ничего подобного ранее не встречалось. Может, и не растет. А как оно выглядит, какао?

— Ох, знала бы я точно. Какао растет в тропиках. По-моему, родом из Южной Америки. Вроде бы это дерево, и у него большие плоды. — Она показала предполагаемый размер руками. — Их в чистом виде не едят, а из косточек получают порошок — это и есть продукт какао, из которого потом делают шоколад и конфеты. Возможно, бобы вначале сушат, а потом перемалывают. Повторюсь, возможно. У нас экспортируют какао по всему миру, и шоколад тоже делают повсеместно. Не думала, что мне когда-то пригодятся подобные знания, а то бы я подготовилась заранее.

Эрик завернул конфету обратно в обертку.

— Это слишком ценный подарок, чтобы я его съел. Он останется со мной как сувенир из вашего мира. Спасибо, джейя.

Влада ожидала от Эрика нечто подобное. Она прикинула: «Что ж, если у меня когда-то случится конфетная ломка шоколадозависимого наркомана, можно будет напомнить, “что для меня, все что угодно” и выпросить эту конфету обратно. И *сожрать* всю прямо с оберткой! Волшебный мир без шоколада — это как горькая сказка».

— Ты будешь еще ложиться спать? — спросил Эрик.

— Пожалуй, посплю еще. Вроде бы сон опять подступил.

Она скинула халат, выключила хлопками свет и залезла под одеяло на свою половину кровати. Эрик придвинулся и обнял. Сквозь окно с раздвинутыми шторами пробивался рассветный луч и освещал стену напротив кровати. Ее внимание привлекла картина, на которой яркими красками была нарисована радуга. Только она и ничего больше — типичная интерьерная картина.

— Эрик, мне кажется, что радуга для тебя означает что-то особенное. Я права?

— Почему ты так решила? — спросил он, целуя в плечо.

— Ну, мебель в шатре — раз. Радужные трусики — это два. Эмма говорила, что ты из черного можешь сделать даже радужный, если захочешь... Только не злись сейчас. Я думаю, что она сказала это не случайно — три. Ну и ты сам сказал, что несешь меня навстречу радуге — четыре. Мой ответ достаточно доказателен, Шерлок?

Эрик молчал, наверное, вспоминал историю с Эммой или решал, спрашивать сейчас о Шерлоке или оставить вопрос на потом.

— Когда я был мальчиком, — начал он, — мама объясняла мне, что когда папа умер, он

поселился на радуге в доме у основания ее левой ноги. Радугу видно не всегда, но это людям только кажется. Когда мы видим ее над Эйдериним после дождя, папа поднимается на самую вершину и смотрит на своих лейю и сына. Он всегда наблюдает за тем, как я расту, и гордится мной. Когда мне трудно, он посылает радужные лучи, которые глазу не видны, но очень помогают справиться с неприятностями. А еще мама говорила, что однажды поселится на радуге с ним и, когда это произойдет, я не должен сильно грустить, ведь они вместе будут смотреть на меня сверху и помогать с удвоенной силой, когда у меня будут трудности. Я верил ей и даже сейчас немножечко верю.

К моменту окончания рассказа Влада обливалась слезами, будто после просмотра «Хатико».

— Эрик, когда ты будешь готов, я хочу узнать историю твоих родителей. Я не тороплю тебя и буду ждать терпеливо, — сказала она, утирая слезы. Эрик поцеловал ее в висок, но не ответил. — Знаешь, я тоже хочу верить в радугу, — сказала она. — И, возможно, если Великий кумарун дарует нам совместное будущее, то после смерти мы построим дом на правой ноге радуги и будем ходить в гости к твоим родителям и принимать их у себя.

— На правой ноге живут дедушка и бабушка, джейя. Но я думаю, что мы отыщем свободное место для строительства, — сказал он, не размыкая объятий. — Наверное, стоит еще поспать?

— Наверное. Эрик, я уснула вчера и не сказала, что ты был очень ласков и страстен и справился на высший балл. Ты отличный любовник по меркам нашего мира. — Она повернула к нему лицо и поцеловала в губы.

— Ми джейя, ты снова играешь со мной?

— Вовсе нет, я планировала спать.

— А может?..

— Может?..

— Может, я немножечко пошालю экто возле твоей киски, а ты спи, отдыхай.

Влада нервно рассмеялась:

— Спать? Когда ты вместе с экто пошалишь возле киски?

— Почему нет? Киске холодно одной, пока ее хозяйка спит.

— Хорошо, попробуй согреть ее, но я буду, как спящая красавица, и не подумаю шевелиться, так и знай. — Она удобно улеглась на спине, закрыла глаза и раздвинула ноги.

Эрик разомкнул объятия, лег рядом в той же позе так, что они соприкасались лишь боковыми поверхностями рук. Он уступил первенство экто, и тот был проворен как кошка — елозил под одеялом, вибрировал, похлопывал, ввинчивался в клитор, но не пытался проникнуть глубже. Лежать неподвижно, не позволяя телу ни единого движения, в то время как для нее старался экто, было для Влады непривычным, но казалось очень пикантным. Было в этой игре что-то эдакое, особенно будоражащее. Остывая от нахлынувшей вскоре волны, она повернулась к Эрику, обвила его шею руками и протяжно прошептала:

— Спасибо, Эрик. Ты лучший.

Она так и уснула у него на плече и вопрос: «А кончил ли Эрик, и если да, то где же сперма?» — так и остался для нее без ответа.

23

Тит Победитель

Влада проснулась поздно, она прекрасно это понимала, не глядя на часы. Эрика рядом не было, что тоже не удивило ее, если учесть, что на сиреневом будильнике было почти

одиннадцать. На столике уже стоял завтрак. Она поднялась с кровати и подошла в надежде обнаружить записку. В центре стола лежала кнопка вызова, почти такая же, как и в прежней комнате.

«Конечно, какая может быть записка, если я не умею читать! Давно пора браться за устранение моей тотальной безграмотности. Уверена, Эрик сможет предоставить педагога или даже сам захочет научить, он вроде бы собирался».

Влада надела халат, вернулась к столику и нажала на кнопку. Явилась Элла.

— Доброе утро, леди. Вам понравился сюрприз? — Она обвела взглядом цветную спальню, поясняя, о чем именно идет речь.

— Более чем, Элла. Я знаю, что все здесь обустроено твоими стараниями, я очень благодарна.

Горничная скромно улыбнулась, но было заметно, что ей приятно словесное поощрение.

— Вы хотите, чтоб ваши вещи были перенесены в эту комнату?

— Пока нет, Элла. Я еще не решила. Сегодня точно нет, я позавтракаю и спущусь вниз.

— Как изволите, леди Влада.

— Ты обиделась, что ли?

— Что вы, нет.

— Значит, мне показалось. Комната прекрасна, но и к той я уже привыкла. И вид из этих окон меня немного смущает, Элла. Понимаешь, о чем я?

— Это лучший вид во всем дворце, леди, — попыталась та возразить, но быстро сориентировалась. — О! Я поняла, о чем вы. Влада, простите, я не подумала. Мы можем переоборудовать другую комнату, или заменить мебель в вашей на эту.

— Не надо беспокоиться, Элла. Я еще не решила, как ко всему этому относиться. Возможно, наоборот, захочу видеть отсюда все, что происходит по субботам. Я не знаю, еще ничего не знаю. Время покажет.

— Приятного аппетита, леди Влада, — сказала горничная, собираясь удалиться.

— А где Рэйс кэнт Эрик? Он не оставлял для меня сообщений?

— Я не общалась с ним сегодня.

Влада кивнула, и Элла беззвучно вышла. Дверь цветной комнаты щелчков не издавала.

Девушка с аппетитом съела восхитительный завтрак, предавшись воспоминаниям далекого детства. Она всегда любила вкусно поесть, а вот объем съеденного ее никогда не заботил. Она легко могла насытиться маленькими порциями, но иногда съедала очень много, если было, что именно, да повкуснее. Будучи ребенком, она часто фантазировала на тему «что бы я съела, если бы была королевой?». Любовь к этой психологической забаве она перенесла и во взрослую жизнь, но чаще уже мечтала о том, «что бы я съела, если бы у меня был ресторан?». Так вот, царевна из детства чаще мечтала о красной икре, так как в девяностые это была непозволительная роскошь для ее семьи, а хозяйка ресторана больше фантазировала об омарах, устрицах с лимоном, лягушачьих лапках и трюфелях. Ни один из этих продуктов Владе до сих пор не приходилось пробовать (пожалуй, кроме лимона), хотя желание было.

Она улыбнулась еще одному воспоминанию: как ее фантазийная королева мечтала съесть яичницу из двадцати желтков. Девочкой она не любила белки. Ей казалось, что будь она царских кровей, могла бы себе это позволить — слопать целых двадцать желтков за раз, затерев тарелку дочиста свежим черным хлебом. Забавно, это желание было так легко

осуществимо — не нужно становиться королевой, чтобы купить два десятка яиц, отделить желтки от белков и зажарить их разом на сковородке. Она легко могла бы сделать это и в двадцать девять, и в двадцать, и даже в двенадцать лет. Почему она до сих пор не реализовала наивную детскую мечту?..

Влада поднялась с удобного стула и прошла по комнате, разглядывая детали интерьера в дневном свете. Сейчас все выглядело не менее прекрасным, даже наоборот: подбор оттенков мебели казался безукоризненным.

«Чем занят Эрик? Увидимся ли мы сегодня? Наверное, да. Иначе, думаю, он предупредил бы меня. — Она в который раз прошла по комнате, не находя себе места. — Должна же я как-то связаться с ним? Почему у меня нет номера его “спичечного коробка”? Пойти гулять в парке? Или в библиотеку? Почему он не оставил сообщений? Ненавижу неопределенность».

Она подошла к кнопке и вновь вызвала Эллу. Ее появления пришлось ждать дольше обычного.

— Леди Влада, что-то случилось? — спросила та, стараясь скрыть одышку.

— Я хочу связаться с Эриком. Ты знаешь, как это сделать?

— Я передам ему вашу просьбу, леди.

«Значит, она может позвонить ему, послать телеграмму или как там они между собой переговариваются на расстоянии, а я не могу? Ясно, господин Эрик».

Подсознание шепнуло: «Не злись, попридержи-ка лошадей».

— Спасибо, Элла, — сказала Влада вслух, сдержавшись от других комментариев.

Она ждала новостей около четверти часа, когда горничная вернулась и протянула черный маленький приборчик.

— Вы можете поговорить с Господином.

Влада ответила ей одними губами:

— Спа-си-бо. — И приложила «коробок» к уху, свободному от переводчика. — Эрик?

— Ми джейя, доброе утро, красавица. Я рад, что твой сон был крепок и ты даже не заметила моего ухода. — Голос его был бодр, настроение — приподнятое.

— Привет, Эрик. Я не смогла дождаться вестей от тебя и попросила Эллу узнать, где ты. Извини, если отвлекаю.

— Нет, не отвлекаешь, джейя. Но я не во дворце, я в городе. Пробуду здесь примерно до обеда и выеду обратно. Жди меня, наш вечер будет незабываемым.

— Все наши вечера незабываемые, Эрик. Я буду очень ждать, — сказала она заметно повеселевшим голосом.

— И вот еще что, эта рация, — сообщил он, — она будет твоей. Когда вернусь, научу пользоваться. До встречи. — Связь прекратилась.

Довольная Влада посмотрела на Эллу.

— Прости за доставленное беспокойство.

— Рада быть полезной. Чем вы планируете заняться днем?

— Я, наверное, пройдусь. Ты можешь заниматься своими делами, мне хочется поразмыслить в одиночестве. А после я вернусь в белую комнату.

— Конечно, Влада. Приятной прогулки.

«Прогресс», — подумала девушка, в который раз отмечая, что Элла временами начинает обходиться без «леди».

***

Перед походом в парк Влада заскочила в белую комнату одеться. В гардеробной выбрала утреннее платье в греческом стиле, уже не находя в подобных фасонах чего-то непривычного. Даже ее косая челка необъяснимым образом сочеталась с романтическими платьями богини. Она легко подкрасилась, наскоро уложила волосы и вышла на улицу.

Погода снова радовала: было тепло, но не жарко. Она направилась по знакомому маршруту, погрузившись в раздумья.

«У нас практически *было*... — По телу прокатилась волна. — Он сказочный, совершенно нереальный. Черт! Он хочет войти. Но как? Ну, раз уже сказал, значит, будет и дальше настаивать. Конечно, он хочет. Полагаю, изначально думал об этом, но готовил постепенно. Но как? Шестьдесят сантиметров с колочками! Сможет ли он контролировать глубину проникновения?»

Влада подошла к очередной скамье и присела, удобно устроившись в тени.

«Какой он, наверное, ранимый. История о радуге трогает. Он осиротел в десять, сложно представить, что подобное значит для ребенка. Это ведь четвертый класс... Что же произошло с мамой? Она умерла в результате самопожертвования, поэтому ее кумарун изменил цвет на зеленый и перешел ему по наследству. И он не хочет рассказывать. Видно, история запутанная или ему больно об этом говорить. А отчего умер отец? А еще этот шрам, которого он вроде как стесняется. Не похож на операционный, очень уж неровные края. Раз он молчит обо всем этом, возможно, все как-то связано между собой?.. Ну, ты опять насочиняешь сама и поверишь! Вы знакомы всего неделю, что ж он, будет сразу выкладывать такие личные вещи? Погоди, сам расскажет, когда созреет».

«Он показал меня людям в платье с золотистым поясом, подарил “бунтарскую” комнату, в прямом смысле слова. Сказал, что она может стать нашей, если я скажу “да”. Он говорил про совместную жизнь... Неужели он действительно настроен серьезно? Отдает ли отчет словам? Возможно, он сейчас и думает так, но что будет дальше? Может передумать, разлюбить, влюбиться в другую... Слова и реальность нередко расходятся, даже если изначально были сказаны искренне. Люди переменчивы...»

Любовь для нее самой всегда была чувством конечным. Она зарождалась, росла, крепла, держалась еще какое-то время, а далее либо угасала, либо перерождалась в привычку, а чаще и вовсе обращалась в ненависть. После Влада уверяла себя, что это была не любовь. Но если так, то за свои двадцать девять с половиной лет она так и не полюбила ни разу из более десятка попыток.

«Сколько раз я сама думала, что люблю, а позже чувства сходили на нет. Это еще хорошо, если прощались без взаимных претензий. В лучшем случае на моем веку пламя превращалось в привычку, как с Сашкой, — удобно, комфортно, по-свойски, тепло и мягко, но чего-то не хватает. Пресно, как в озере. Все страсти отшумели и, наверное, канули в Лету безвозвратно. Но натура ж просит огня! Видит бог, я пыталась себя сдерживать, но у меня ничего не вышло: такое пламя, как к Эрику, невозможно погасить простыми самоограничениями. Но ведь с Сашкой поначалу происходило подобное, почти под копирку, если отбросить сказочный антураж: страсть, жар, непреодолимая тяга. Все это было уже, и не раз. Что же мне делать? Я влюблена, и он вроде бы тоже. Но что дальше? Сказать “да”? Но я не хочу, чтобы чувство становилось привычкой или ненавистью! Как построить отношения, чтобы они длились вечно?.. Ох, ну ты и фантазерка, какой из тебя строитель отношений? Не обманывай себя. То-то и оно, я знаю уже сейчас, что все закончится расставанием или жизнью по привычке».

Влада поднялась со скамьи, не в силах больше оставаться на месте — от тревожных мыслей нужно было срочно избавиться. Она пошла по аллее быстрым шагом.

«Но так ведь живут все! Не бывает вечной страсти. Любовь в отличие от нее — чувство глубокое, но комнатной температуры. Но я ведь даже не знаю что это такое — любовь! Всякий раз, когда страсть уходила, я считала, что чувство не было любовью. Привычку я тоже не считаю за нее, хотя многие и уверяют, что это примерно одно и то же. Ну не считаю я так, и все! — протестовала она. — По этой логике получается, что я не любила никогда... Печально, но факт. Я способна лишь на страсть, ненависть и привычку. Наверное, во мне какой-то изъян».

Влада остановилась.

«А может, я слишком требовательна к себе? А что если все люди чувствуют так же, но считают любовью, если им комфортно с человеком?.. Да кто их знает, остальных. Меня-то своя жизнь интересует».

Она развернулась и пошла в направлении дворца.

«Эрик практически идеален, — печально констатировала она. — Если я не люблю его, что ж тогда и взять с меня? Бракованная. Нет, конечно, я влюблена, сгораю от страсти, но люблю ли? Как я могу узнать сейчас, если знаю меньше недели? Это проверяется годами. И он слишком уж красив, а ведь иногда и безобразия хочется...»

***

— Скажи мне, Элла, — обратилась Влада, когда горничная принесла обед. — Что говорит ваша религия о жизни после смерти? Что происходит дальше с людьми?

Элла посмотрела с непониманием, но ответила:

— Люди верят, что их души превратятся в кумарун и развеются по свету, став частью великой тайны мироустройства.

— О, понятно. А другие поверья есть?

— Да разное болтают, но ничего правдоподобного.

«Понятно, значит стать кумаруном после смерти — это правдоподобно. Хм, души покойных на моей груди... Бр-р. Права была мать Эрика, предложив родственникам поселиться на радуге».

Влада пообедала и стала считать минуты до встречи.

«Он сказал, что выедет в обед, — прикинула она. — Значит, должен приехать примерно через полчаса».

Она ждала, но Эрик все не приходил. Тогда она приняла душ, уложила волосы и тщательно накрасилась. На все это ушло более часа — перевалило уже за четыре.

Наконец в дверь постучали. Получив приглашение, в комнату вошел Эрик с большой красной прямоугольной коробкой в руках. Сам он с ног до головы был в черном. Сюртук украшала изящная золотая вышивка на горловине и манжетах, а шаровары и обувь были полностью черными.

— Эрик, ты так необычно выглядишь.

— Да, я редко ношу черный. Но сегодня особый случай, джейя.

— Церемониальный наряд? — передразнила она его.

— Нет, это наряд для торжественных вечеров. Я, конечно, мог бы пойти в золотом, для правителя это универсальный цвет на все случаи жизни, но сегодня выбрал черный. И неспроста. Открой, — сказал он ей, протягивая красную коробку.

— Я заинтригована.

Она положила ее на космо-стол и осторожно подняла крышку. Внутри лежало черное платье.

— Ух ты... Думаешь, мне уместно надевать черное? Это же только для тех, кто чем-то отличился.

— Ты самая особенная Влада: ты моя джейя. Это достаточный повод, чтобы носить черное. Более того, я всем сердцем мечтаю о дне, когда ты наденешь красное, и на тебя никто не посмотрит косо. — Влада оценила эти слова. — Более того, — добавил он, — если Великий кумарун будет милостив, однажды мы с тобой наденем синее. Остается лишь верить, что мы не будем к тому времени слишком дряхлыми, чтобы сполна насладиться моментом.

— У тебя наполеоновские планы, — сказала она и поняла, что сейчас придется долго объясняться, с трудом вспоминая войну 1812 года. Слава богу, пронесло — Эрик не стал переспрашивать. Наверное, он торопился.

Влада достала платье из коробки. Оно было длинным в пол, с открытой спиной, а спереди наоборот довольно целомудренным: с вырезом под горлышко. «В таком платье придется постоянно следить за осанкой», — подумала она. Крой у платья был интересный: в полотно юбки вставлены клинья из другого материала — тоже черного, но с умеренным мерцающим блеском, напоминающим свечение ночного кумаруна. Влада предположила, что наряд сядет по фигуре бесподобно, если, конечно, она сможет помнить об осанке.

— И куда же мы пойдем, такие нарядные?

— Конечно же, это сюрприз, ми джейя.

— Мне переодеваться?

— Да, уже пора. Но я хотел бы наблюдать за тобой.

Влада картинно округлила глаза, потом заманчиво улыбнулась и удовлетворила просьбу повелителя Эйдерина: медленно сняла греческое платье, скинув его на пол, и грациозно перешагнула. Сегодня на ней были радужные трусики, они будто говорили Эрику «спасибо» за новую цветную комнату и разговор по душам. Она приблизилась к новому платью и, поняв, что грациозно надеть его без помощи не сможет, придумала новый план: взяв его в руки, подошла к Эрику, выразительно посмотрела в глаза и выдержала паузу. Он был практически в шаге от того, чтобы наброситься на нее, но что-то его сдерживало.

— Помоги мне надеть платье.

Эрик взял его. Она нырнула в широкие юбки и головой пролезла в горловину. Подойдя к зеркалу, Влада убедилась, что выглядит просто шикарно.

Эрик приблизился, затем достал из кармана бархатную красную коробочку.

— Надень еще и это, — сказал он и передал ей. — Семейные драгоценности, думаю, хорошо подойдут к платью.

Влада с трепетом открыла — сердечко забилося. Внутри находились две массивные клипсы овальной формы, усыпанные россыпью крупных по земным меркам бриллиантов. И цепочка из белого металла, наверное, золота, с кулоном в форме капли, в центре которого сиял гигантский цельный бриллиант. Влада не понимала в каратах, но по факту камень был размером с подушечку ее указательного пальца. Раньше ей не приходилось держать в руках очень дорогих украшений, тем более носить на себе или принимать в дар.

— Эти украшения тех времен, когда волшебники могли превратить орех в бриллиант?

Эрик рассмеялся:

— Ты начинаешь разбираться в нашей кухне. Не совсем так. Да, это старинные

украшения. Но по факту, люди, которые умели обращать камни в бриллианты, и в прошлом рождались крайне редко. Все, что они когда-то создали, стоит не менее натуральных бриллиантов, скорее даже более. И эти драгоценности действительно сделаны чудесным образом из гальки. Этим камням около восьмисот лет, а мастера звали Эзоп Сияющий.

Влада не поняла, был ли это подарок или временная аренда, но уточнять не стала, склоняясь в уме ко второму варианту. Принять такой дорогой подарок ей бы не позволили ни совесть, ни мировоззрение. Клипсы и кулон на фоне черного платья смотрелись великолепно. Не хватало лишь одного — красной помады. Она нашла в ящичке столика нужный цвет и сотворила себе сочные ягодные губы.

— Вот теперь я готова к поездке на бал! Где мои хрустальные туфельки?

Она отыскала в гардеробной черные сандалии на небольшом каблукке и надела. В принципе наряд полностью скрывал ее ноги, потому цвет обуви большого значения не имел. Она вспомнила, что ранее видела в одной из коробок подходящую наряду театральную сумочку, она отыскала ее и вышла из комнаты-шкафа, не забыв захватить помаду. Посмотрела на Эрика, сообщая глазами о готовности.

— Ты расскажешь мне о хрустальных туфельках в машине, а также все про большие планы некоего Наполеона. И еще ты задолжала о Шерлоке. А сейчас мы опаздываем, пусть не на бал, но в другое прекрасное место.

— О-о, это меня ты называешь любопытной? Может, ты заразился от меня?

Эрик рассмеялся.

— Ты надел черное, чтобы быть со мной на одной волне?

— Про волны ты мне тоже расскажешь. Но да, я хотел, чтобы мы выглядели парой, джейя. Идем же скорее. — Он прихлопнул ее по заднице, поторавливая к выходу из комнаты.

***

Пересказав Эрику «Золушку» в кратком изложении, взлет и падение Бонапарта, не забыв вставить и про Кутузова, задавшего ему перцу, а также детально объяснив значение выражения «быть с кем-то на одной волне» (ну и, конечно, дав обещание рассказать о Холмсе как-нибудь потом), Влада и не заметила, как блестящая капсула, что здесь машиной зовется, остановилась в центре города, причем совершенно другого.

— Где мы? — спросила она, пребывая в легкой прострации. В окно она увидела город будущего: белый камень, стекло, металл. Абстракционизм и космо-дизайн царили повсюду.

— Мы в западном Эйдерине.

— Но здесь не менее прекрасно! Ты описывал его как район для обычных граждан, я представила себе все по-другому.

— Вот так и живут простые граждане, Влада. Перед тобой современный Эйдерин во всей своей красе. Нам пора, через десять минут начало.

— Начало чего?

Он не ответил, просто взял за руку и вывел ее из машины. Она ступила на белый мрамор и... ей пришлось запрокинуть голову. Они стояли на площади перед большим величественным зданием. Оно было настолько впечатляющим, что Влада, кажется, раскрыла рот и не сразу поняла, что нужно бы его прикрыть. Самое близкое сравнение, что она могла бы подобрать, это оперный театр в Сиднее — белое огромное здание сложного дизайна, которое если увидишь на картинке однажды — никогда не забудешь.

— Что это, Эрик?

— Это Государственный театр, Влада. Сегодня вечер искусства.

— О-о-о, я почти угадала.

Эйдеринский театр был, конечно, не очень похож на австралийский аналог, но для описания особенностей этой архитектуры в ее словарном запасе не хватало технических терминов. Все что она могла сказать про него: мощный, величественный, невероятный, сложный, с асимметричными стенами из стекла и камня и огромной куполообразной зеркальной крышей с изогнутыми линиями. Максимум изгибов и минимум прямых. При этом все было дизайнерски продумано и выглядело гармонично. Невероятно! В общем, надо видеть, а лучше фотографировать. «Кстати, — задумалась она, — а фотоаппараты у них есть?»

— Влада, нам пора, — окликнул Эрик.

Она очнулась от ошарашенности. Они поднялись по широкой белой лестнице, ведущей к главному входу в Государственный театр.

— Ощущаю себя красоткой.

— Я рад осуществлять твои детские мечты, — сказал он и горделиво улыбнулся.

«Надо будет рассказать ему про яичницу. Он оценит», — промелькнуло в ее голове.

Изнутри здание впечатляло не менее — просторный холл с натертым до блеска мраморным полом, кстати, не белым, а серым со светлыми прожилками. Свисающая с высокого потолка стеклянная люстра в несколько этажей, состоящая из тысяч тонких стеклянных трубочек. Пространство немного напоминало элитный торговый центр с эскалаторами, стеклянными балконами и причудливым освещением. Влада сразу заметила секьюрити — мужчин в строгих одеждах с сосредоточенными лицами. Но разглядеть красоты внимательно не успела — Эрик настойчиво уводил ее в заданном направлении. Они вместе поднялись по эскалатору на второй, третий, а потом и четвертый этаж и далее вошли в отдельную ложу. Вероятно, это была vip-ложка, так как, несмотря на наличие десяти сидячих мест, более тут никого не было.

Влада расположилась у края, Эрик подсел рядом. Вошел мужчина преклонного возраста и вручил программку и два неизвестных прибора. Пожелав ярких впечатлений, он удалился. Влада рассмотрела странный предмет и догадалась, что это аналог театрального бинокля. Приложив его к глазам, она оценила преимущества: он прекрасно увеличивал на внушительном расстоянии, при этом она смотрела в него двумя глазами. Ей вовсе не приходилось ни шуриться, ни вглядываться, ни тем более что-то на нем подкручивать.

Зрительный зал был полон и походил на привычные театральные залы, только вот был очень-очень большим, схожим по величине со стадионом. Влада не бывала в театрах таких размеров, хотя допускала, что все же и в ее мире существуют подобные. Зал был красным; кресла, ковры в проходах, занавес — все хором кричали, что это храм искусства. Отчетливо выделялись партер и амфитеатр, в общей сложности не менее семидесяти рядов, а то и восьмидесяти. От самой сцены до последнего ряда амфитеатра тянулись пять восходящих проходов, устланных коврами дорожками. На уровне третьего, четвертого и пятого этажей располагались ложи. Некоторые из них были полными, в других находились по двое-трое зрителей, по-видимому, то были места для самых состоятельных. Закрытый занавес был гигантским — страшно представить, какой величины пространство он скрывал. «Понятно, почему возможен зал таких габаритов, — подумала Влада. — Без подобных супербиноклей половина зрителей ничего бы не увидели со своих мест».

— Почему здесь все красное? Я удивлена, — поделилась она мыслями.

— Это традиция, издревле красный считался цветом лицедейства. Театральные законы отличаются от общественных.

— О чем будет спектакль?

— В основном на сцене ставят истории из прошлого. Тебе будет интересно, я уверен. Спектакль называется «Тит Победитель».

— Очень символично. Познакомлюсь с твоими родственниками.

Свет погас, негромко ударили в гонг — в зале воцарилась тишина. Слабый луч осветил участок занавеса, и тот раскрылся. На сцене в полумраке клубился дым, в котором двигались тени. Заиграла негромкая, постепенно нарастающая по силе музыка, она была сказочно прекрасна. «Что это за инструмент? — задумалась Влада. — Может, орган?» Следом вступил другой. «Арфа? — уловила она знакомые звуки. — А вот сейчас подхватила флейта». Сцена осветилась сильнее, и будто ниоткуда появился высокий черноволосый юноша прекрасного телосложения в кожаных доспехах с деревянным мечом.

— Это Тит, — шепнул Эрик.

Юноша начал арию красивым баритоном. Он пел о родителях и брате, о том, что мечтает определиться и отправиться в путешествие.

— Они будут петь? Это опера?

— Смотри. — Он кивнул в направлении сцены.

Затем появилось множество людей, одетых в нечто наподобие крестьянских костюмов европейского средневековья. Они танцевали в неистовом вихре, под звуки беспокойной музыки, в которой солировали ударные. Тем временем Тит незаметно удалился.

Декорации сменились, и зрителям представилась изба, довольно-таки типичная для стародавних времен ее мира — с печью, столом, деревянными лавками, настилом вроде кровати. Появились новые актеры — отец и мать Тита, а также брат со светлыми волосами и сестра с черными. Отец был строг с детьми, он учил, как следует жить и что им всем делать.

Закончилось сцена бегством блондина из деревни, и отец с Титом отправились на его поиски. Актеры пели и танцевали, декорации и спецэффекты были умопомрачительными. Участники шоу передавали друг другу кумарун во время спектакля, и он перелетал из стежа в стеж синими, красными и зелеными потоками.

«Красный кумарун? — удивилась Влада. — Надо будет разузнать...»

Когда по ходу спектакля отец с сыном дошли до столицы и воочию увидели дворец, актеры исполнили душераздирающей красоты арию под звуки сказочной музыки. Декорации изобразили дворец белокаменным, но с цветными объемными элементами вроде куполов, причудливых статуй на фасаде и лепниной. Все это будто бы было украшено золотом и самоцветами.

Далее на сцену вышли царь со своей супругой, взрослой дочерью и мальчиком-сыном, одетые в кристально-белое. Голоса актрис были так многогранны, что сразу напомнили Владе пресловутую оперную диву из «Пятого элемента».

К финалу представления Тит с отцом наворотили кучу дел, насмотрелись на диковинные чудеса и вернулись домой.

«Местный театр воистину удивителен, — много раз повторяла она себе по ходу представления. — Высочайшего уровня шоу, в котором сочетаются опера, балет, иллюзии, а также фантастическая живая музыка, декорации и костюмы! В общем, нашим мюзиклам до этого еще очень и очень далеко, — решила она. — Отсутствие кинематографа подстегнуло развитие театра, и это прекрасно».

Когда спектакль закончился, зрители аплодировали ногами: все топали, а не хлопали, чудаки! Влада поддержала традицию и присоединилась к овациям.

— Эрик, это лучшее шоу, что я когда-либо видела! Невероятно!

— Очень рад это слышать. Но все же отсутствие кино и телевидения не дает мне покоя.

Влада участливо положила руку ему на колено — Эрик игриво закусил губу.

Он многозначительно произнес:

— После спектакля принято посещать фуршет, где гости делятся впечатлениями и общаются с актерами.

— Все эти зрители будут присутствовать там одновременно?

— Не все, лишь те, у кого это включено в стоимость билетов. Идем. — Он по-хозяйски взял ее за руку и вывел из ложи.

Они поднялись этажом выше, туда же стекались и другие гости, нарядно одетые в белое, серебряное и изредка черное. В просторном холле под стеклянной крышей, сквозь которую глядел уже поздний вечер, собралось больше сотни человек в торжественных одеждах. Каждый второй подходил к Эрику и Владе, чтобы обозначить свое приветствие. Ей жали руку и говорили нечто вроде: «Как я рад с вами познакомиться», или: «Вы невероятно очаровательны». У многих в ушах имелись переводчики. «Уж не ради ли меня все надели их?» — заподозрила она. Мужчины и женщины в подавляющем большинстве были привлекательны и очень часто красивы; все дамы тщательно накрашены: их вечерние мэйки были яркими и нередко кричащими.

Она сообразила: «Неудивительно: в обществе с такими строгими традициями в выборе цвета платья они выделяются при помощи косметики, это естественное желание женщин. Эх, им нужна “цветная” революция! Я могла бы стать их Жанной д'Арк, или Кларой Цеткин. Как хорошо, что у меня красная помада, хоть за счет этого вписаться в стандарты».

«Прекрасно, что мы оба в черном, — понимала взволнованная девушка, разглядывая окружение. — Мы выглядим парой, можно сказать, звездной. Нет, я как настоящая королева под руку со своим королем! Да, именно так. Сегодня я королева, твою мать!»

Влада с интересом рассматривала гостей. Из толпы сразу выделялся высокий чернокожий мужчина с ярко-голубыми глазами в белоснежном костюме, напоминающем одеяние Аладдина. Она часто пересекалась с ним взглядом, всякий раз чуть ли не вздрагивая от непривычного контраста кожи и глаз.

— Кто это, Эрик? — шепнула она.

— Мы не знакомы. Но скорей всего это чужестранец.

— Даже у негров голубые глаза?

— Конечно, джейя. У всех людей на планете, кроме девушки из Москвы.

В толпе она заметила нескольких женщин, имевших точно такую же стрижку, как у нее.

— А парикмахер оказался прав, — шепнула она Эрику, указывая поворотом головы в сторону одной из них. «И Энтони сдержал слово: челки и впрямь выстрижены по-другому», — отметила она мысленно.

Мимо сновали официанты с разнообразными закусками: канапе, бутербродами и булочками. Эрик часто останавливал их и предлагал Владе угощения — она охотно соглашалась. Он немало удивил ее, предложив вскоре бокал шипучего напитка: взял с подноса и протянул ей.

— Выпей, пожалуйста, я не против.

Влада сделала глоток и на секунды погрузилась в нирвану. Как прекрасен вкус этого

божественного напитка! Шампанское, которое она когда-либо пила, — это как сидр в сравнении с французским бордо. Эйдеринское шампанское — напиток высшего класса, с тонким вкусом, богатым ароматом и приятным послевкусием. Градус практически не чувствовался, но явно имелся, так как уже через несколько мгновений она испытала характерные ощущения разливающегося по телу хмеля. Из подсознания всплыл образ сперматозоидов, путешествующих по крови местных замужних (и распутных незамужних, таких как она) женщин. «Надеюсь, в моем мозгу не застрянет ни один из них, вызвав инсульт. Ну, если сие событие когда-нибудь все-таки произойдет, конечно...»

Всеобщее внимание нравилось Владе, она была красиво и дорого одета и находилась в компании жениха номер один во всем государстве. Более того, вероятно, одним из списка самых завидных женихов планеты. Шумные вечеринки, общение, публичные выступления — это была ее стихия.

«И почему так долго Эрик держал меня во дворце?.. Да разве долго? Я здесь всего несколько дней, и уже представлена высшему свету. Он все сделал правильно: подготовил меня, рассказал об устройстве мира и общества, проверил на адекватность (я с трудом сдала экзамен) и представил людям. Причем уже вчера. А сегодня закрепил эффект перед местной знатью. Они считают меня его женщиной, да, это чувствуется. Они принимают меня в качестве избранницы правителя. Вот дела!»

К ним подошла пара преклонного возраста.

— Сэр Уильям и леди Энжел, — представил Эрик.

— Весьма рада с вами познакомиться, — ответила она им.

— Тронуты вашим почтением, — сказал солидный господин. — У нашей дочери была достойная соперница, — обратился он к Эрику и отвел жену в сторону.

«Вот черт! Это родители Эммы».

— Не обращай внимания, потом обсудим этот инцидент, — шепнул он ей. — Ты моя джейя, помни это.

«Эрик так мил и предупредителен, — подумала она. — Он не может оградить меня от всего, но видно, что очень старается. Это так явственно заметно сейчас, и почему я так часто сомневаюсь в нем? Для чего были все эти мои закидоны? Разве не видишь — он представил тебя высшему обществу в фамильных драгоценностях восьмисотлетней давности. Он оделся в одном цвете с тобой, чтобы подчеркнуть, что вы — пара. А в этом мире огромное значение придается цвету. Влада — ты счастливица! Ты выиграла в суперлотерею!»

— Эрик, леди Влада, — окликнул их мужчина средних лет, который уже был десятью минутами ранее представлен ей как члена Совета. Точное название его должности не запомнилось: то ли судья, то ли секретарь. Он вел за собой того синеглазого чернокожего Аладдина, что не раз уже поглядывал на нее. — Хочу представить вам моего гостя из Нелитании, — сказал он. — Сэр Эрланд, писатель и заядлый путешественник.

— Рад с вами познакомиться, — учтиво отозвался Эрик с небольшим поклоном головы. — Вы ищете вдохновения в наших краях? — спросил он шутливым тоном.

— Здравствуйтесь, Рэйс кэнт Эрик. Наслышан о вашей славе. Я не впервые в Эйдерине и нахожу вашу страну прекрасной, как и местное театральное искусство. Очень рад знакомству. Леди Влада, весьма польщен встрече с вами. — Он значительно поклонился.

— Благодарю, сэр Эрланд, — сказала она, старательно выговаривая имя, не желая спотыкаться на сложном слове. — Была бы рада ближе познакомиться с вами, — сказала она без задней мысли, а после испугалась: «Имею ли я право говорить подобное?»

— Будем рады видеть вас во дворце, — тотчас же подхватил Эрик.

«Ну, слава богу».

— Непременно воспользуюсь предложением, Господин Эрик. Леди Влада, мое почтение. — Писатель поклонился и вместе с секретарем скрылся в толпе.

— Эрик, я напортила? — спросила она негромко, когда собеседники скрылись.

— Вовсе нет, ты держалась прекрасно. Люблю писателей. Но что конкретно привлекло в нем тебя?

— Не знаю точно, наверное, контраст. Никогда не видела голубоглазого негра. В нашем мире это невероятная редкость. Глаз отвести невозможно. И не ревнуй, здесь другое.

— Так же и я не могу отвести от тебя глаз, джейя.

— Э-эрик, ну я же объяснила, это совершенно другое. Есть в нем что-то просто по-человечески интересное, и отношения полов вовсе ни при чем.

— Да я понял, джейя. Согласен с тобой, интересный человек. Выясним.

Влада подхватила с подноса проходящего мимо официанта второй бокал шампанского и с улыбкой посмотрела на Эрика. Его лицо не выражало отношения, но она догадывалась, что тот скрывал бурю под маской безразличия.

— Эрик, я могу не пить, — сказала она мягко. — Но будет проще, если ты объяснишь мне все. Если причины действительно серьезные, я могу вообще никогда не пить. Но хотелось бы в таком случае знать, ради чего отказываюсь от *восхитительнейшего* шампанского, какого и не пробовала никогда.

— Наслаждайся вечером, джейя.

Влада пригубила бокал и расплылась в улыбке удовольствия: как же вкусно! Среди гостей она заметила трех актеров: царя, отца Тита, и еще одного второстепенного героя, чье имя не запомнила, — пухлого, поющего басом и повсюду носившего с собой флягу.

— Эрик, расскажи вкратце, как в вашем мире относятся к людям искусства?

— Их ценят и любят. Есть поклонники, которые не пропускают ни одного спектакля. Изображения артистов печатают на картоне и продают в кассах театра. Многие коллекционируют их.

— У нас это зовется фотографией.

— А у нас — чудесными снимками, подобные существовали за сотни лет до Тита. Сейчас, правда, технологии другие, но название осталось прежним. Я могу показать тебе старые альбомы с чудесными снимками, в них много интересного. Например, как выглядел дворец до реставрации, есть даже изображения времен Тита. Но его самого на них нет, жаль.

— С удовольствием посмотрела бы, договорились.

— Тебе понравился кто-то из актеров? Хочешь, мы подойдем и познакомимся с кем-нибудь?

— Я не думаю, что тебе будет приятно мое внимание в адрес другого мужчины.

Эрик задумался.

— Вовсе нет. Я уверен в тебе. По крайней мере, в том, что другой мужчина нашего мира не станет твоим выбором. За другие миры я не в ответе, но здесь я доверяю тебе всецело.

«Вот как. Интересно... А почему же?»

— Мальчик Тит пел весьма впечатляюще, — заметила она, стараясь говорить безэмоционально.

— Это же солист, твой выбор понятен, он прекрасен в своей роли. Идем, его зовут Мэкс Стяжательщик.

— Откуда такая фамилия?

— Досталась от предков, далеких от искусства, по всей видимости. Как и я от Победителей.

Эрик чуть отошел от нее и коротко переговорил с каким-то важным господином. Затем вернулся и повел за собой в направлении служебного выхода. Они спустились по лестнице до второго этажа, и далее он вывел Владу в чуть более скромный, чем в зрительской зоне, холл, где, по-видимому, располагались гримерки.

— Нам сюда, — сказал он, приближаясь к одной из дверей.

— Откуда ты знаешь?

— Здесь написано. — Он заодно улыбнулся и постучал.

Дверь отворил исполнитель главной роли. Он был не многим ниже Эрика, имел подобное телосложение и большие незабудковые глаза. Взгляд волевой и твердый, немного исподлобья, в этом они с правителем были схожи. Ресницы, брови и волосы его были темны, а кожа бледной и гладкой. Это классическое сочетание ярко-голубых глаз и темных волос — признак «породы», так раньше говорила Владе ее мама. Солист был старше, чем ей показалось в бинокль, скорее, он был ровесником Эрика, а не двадцатилетним юношей. Он уже успел переодеться в черный велюровый халат, сквозь глубокий вырез которого открывался вид на гладкую мускулистую грудь, но девушка резко отвела глаза от этой детали. Волосы он забрал в пучок на затылке, видно, причесался после представления. Во время спектакля локоны его были густыми и взъерошенными, длиной чуть ниже плеч. Сейчас же стало заметно, что под этой шевелюрой виски его выбриты. Эта прическа очень походила на те, что любят современные московские модники. «Эйдеринский хипстер», — подумала Влада и сдержала улыбку. Конечно, Мэкс был писанным красавцем, одним из многих, что населяли эти земли, но она еще не успела привыкнуть к такой гиперболизированной красоте, чтобы считать обычной и не обращать внимания.

— Господин Эрик, какой сюрприз! — воскликнул молодой актер. — Я знал, что сегодня вы и леди будете гостями театра, но видеть вас в гримерке весьма неожиданно. Я не в лучшей форме, прошу извинить, что не вышел к гостям после спектакля.

— Мэкс, добрый вечер. Позволь представить тебе леди Владу. Вот, возьми переводчик. — Эрик достал из кармана новый приборчик и вручил его.

Тот со знанием дела быстро приспособил его на раковине уха и обратился к гостье:

— Приветствую вас, прекрасная Влада. Вам понравился спектакль?

— Приятно познакомиться, Мэкс. Я воистину впечатлена.

— О, прошу прощения, что же вы стоите на пороге, проходите, присядьте на гостевой диванчик!

Влада под руку с Эриком вошла в гримерку солиста и устроились на диване. Актер присел напротив. Беседу продолжил Эрик:

— Прости, что мы без приглашения. Но ты не был на фуршете, а Влада назвала тебя самым ярким актером, я не мог не привести ее.

— О, я так польщен, леди! Видите ли, я немного простудил связки, что не лучшим образом сказалось на выступлении. Я решил не подниматься наверх, выпить чая и отдохнуть.

— Мэкс, вы были неподражаемы. Я впервые видела шоу подобного уровня. Там, откуда я родом, тоже сильные театральные традиции, но сравнивать наши театры — это что сравнивать океан и воздушную стихию. Ваш голос, пластика, игра — как все это сочетается в одном человеке? Причем нужно похвалить всех актеров, — обратилась она уже к Эрику. —

Все они прекрасно поют, танцуют, и играют роли. Невероятная, сказочная постановка!

— Я рад, что представление тебе понравилось, джейя. Польщен твоими отзывами о нашем искусстве.

— Леди Влада, — вступил Мэкс. — История Тита Победителя поставлена в трех частях. — Сегодня вы видели первую — о его молодости, но есть еще две части. Я приглашаю вас посетить их. Там, откуда вы, существует традиция собирать карточки актеров?

— Существовала, но сейчас в нашей стране это более не модно.

Он поднялся со стула, подошел к ящику трюмо и достал оттуда нечто вроде фотографии на вытянутом куске картона. Взяв ручку, Мэкс расписался на обороте. Затем вручил ей, покосившись на Эрика:

— Рэйс кэнт, надеюсь, вы не против? — спросил он тоном, намекающим, что повелитель не должен ревновать даму к какому-то актеришке.

— Нет, я это поощряю, Мэкс.

Влада заметила какие-то новые нотки в его голосе: уж не ревность ли это? Она взяла из рук Мэкса протянутую карточку и едва улыбнулась, дабы не провоцировать спутника. Затем убрала подарок в черную блестящую сумочку. «Вот ты мне и пригодилась», — подумала она.

— Спасибо Мэкс, нам пора, — сообщил Эрик. — Если Влада захочет продолжить знакомство с историей, мы обязательно посетим будущие спектакли. Творческих успехов, — попрощался он, потом крепко сжал ее руку и повел к выходу.

— Была рада с вами познакомиться, спасибо за карточку, — сказала она на прощанье.

— Польщен вашим вниманием, до встречи, — произнес Мэкс и прикрыл за ними дверь гримерки.

24

Рождение эгеры

Дойдя до лестницы, Эрик поинтересовался:

— Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно, почему ты спрашиваешь?

— Готова к продолжению вечера?

— Конечно, Эрик. Твои сюрпризы всегда приятны. Куда мы направимся?

— Мы почти на месте, нам нужно лишь подняться на крышу.

— О-о, как интригующе, идем же скорее! Слушай, я хотела спросить. А почему кумарун бывает красным?

— Он меняет цвет в результате трагических событий, красным становится, когда кто-то умирает насильственной смертью.

— М-да, лучше б не спрашивала сейчас... О, поэтому твой стеж горит фиолетовым?! В нем синий и красный кумарун! — поняла она и подумала: «Какая я недогадливая».

— Все верно.

— Ты что, кого-то убил? — спросила она и поняла, что снова перешла границу. — Прости-прости, я в шутку, можешь не отвечать, — быстро добавила она.

Эрик рассмеялся.

— Джейя, какая ты забавная! Я никогда не убивал людей своими руками. Но некоторые мои решения стали кое для кого причиной смерти. У меня тридцать миллионов подданных. Красный кумарун продается, вот откуда он у меня.

— А зачем он тебе?

Они уже были на крыше Государственного театра. Вокруг горели огни, и яркие прожектора освещали небо над Эйдерином. Большая часть крыши была стеклянной, и вход туда не разрешался. Сквозь нее был виден зал, в котором только что проходил фуршет. Но праздник подошел к концу, гости расходились. Оставшееся незастекленным пространство крыши покрывала лужайка из настоящей газонной травы.

— Какое чудо, — восхитилась Влада, снимая сандалии. — Я видела подобное только в кино! — Она прошлась босиком взад-вперед по зеленой траве.

Эрик смотрел на нее, кажется, умиляясь ее ребячеству.

— Подойдем к краю, посмотрим вниз? — предложил он.

— Конечно, к счастью, я не боюсь высоты.

Они приблизились к металлическим ограждениям и оба взяли за поручни. Стояла ночь, освещаемая луной, мерцанием звезд, прожекторами и бликами кумаруна. Теплый воздух обдувал тела, развевая волосы. Атмосфера идеального романтического вечера.

— Ты расскажешь, зачем тебе красный кумарун? — повторила она вопрос. — Для чего он вообще нужен?

— Ты снова это забыла?

Влада напряглась, пытаясь понять, к чему он клонит.

— Для тебя все что угодно. — Он расплылся в улыбке, довольный игрой своих слов.

— Ну ты и шутник...

— Прости. Красный кумарун раньше ценился за свое особое могущество. Одна горошина красного в прошлом — это как две синего по силе. Но дело не только в этом. Красный способен резко повысить силу воздействия чуда. Все мощные чародеи охотились за ним. К примеру, если дар состоял в том, чтобы вызывать ураганы, за счет красного кумаруна колдун мог создать стихию особо разрушительной мощи. А, например, если маг умел внушать другим свою волю, красный кумарун мог обеспечить влияние на целое войско.

— Но тебе-то он зачем?

— Да просто так, из любви к истории и в робкой надежде, что вдруг сила вернется на моем веку... А у меня — бац, и красный кумарун! — Он вздернул руками в театральном жесте и по-мальчишечьи рассмеялся.

— Все понятно с тобой, Эрик Мечтатель. — Она чмокнула его в щеку.

Он приобнял ее за плечи.

— Ну вот, — печально сказала она.

— Что случилось, Влада?

— У меня появились новые вопросы, — сказала она грустным голосом, а затем коварно рассмеялась.

— Подловила.

— Но это правда, вопросы появились, — сказала она серьезно. — Если красный кумарун был всем так нужен, получается, людей убивали направо и налево, чтобы его заполучить? Неужели все было так жестоко?

— Нет-нет, джейя. Помнишь, я говорил, что в кумаруне сокрыто зерно справедливости и его нельзя украсть и отобрать насильно у хозяина. После смерти человека все, что он скопил, переходит наследнику, кого он выбрал при жизни добровольно. Каким-то образом кумарун знает о завещании покойного. Если злоумышленник убьет кого-то вольно или невольно, он не сможет заполучить его состояние, за редким исключением, когда убийца и наследник — одно лицо. Но такие преступления раскрываются моментом, оттого они редки.

Кумарун краснеет после насильственной смерти хозяина и всегда переходит в стеж наследника. Только у них его и можно выкупить. Это востребованный товар, и люди охотно его продают.

— И какой же курс обмена?

— Раньше курсы разнились в зависимости от политической ситуации. В мирные времена может один к пяти, если в стране назревал передел власти — и один к десяти, а то и к двадцати. А в наши дни курс стабильно низкий: один к трем, самое время делать инвестиции. — Он смолк, но вскоре обратился:

— Влада.

— Да, Эрик.

— Позволь подарить тебе немного красного кумаруна.

— Зачем он мне?

— Ради эксперимента. Я сам думал предложить позже, но раз ты подняла тему сегодня, думаю, пришло время. Твои отношения с кумаруном нетипичны, это факт. Вдруг красный каким-то образом проявит себя, если...

— Ты хочешь, чтобы я научилась воспламенять взглядом деревья? — перебила она его.

— Нет же, это крайне маловероятно. Однако нужно проверить, вдруг случится что-то интересное.

— А если это опасно?

— Кумарун сам по себе безопасен. Он способен причинить вред лишь в руках могущественного колдуна, враждебно настроенного по отношению к тебе.

— Ну, хорошо. Давай я куплю его у тебя.

— Джейя, перестань играть в эти игры. Я хочу просто отдать, и не спорь.

— Мог бы тогда не спрашивать меня, а просто подарить, — пробубнила она.

— Если ты будешь не согласна, вернешь мне его обратно. Так мы можем простоять здесь всю ночь и посылать друг другу потоки кумаруна. Поэтому я прошу разрешения.

— О, боже мой! Я согласна.

Из фиолетового ядра его стяжателя хлынул поток красного кумаруна и, совершая в воздухе небольшие колебания, устремился в ее подвес, скрывааемый тканью платья.

— Триста горошин! — воскликнула Влада. — Не много? Сколько всего кумаруна умещается в стеж?

— Очень много. Его вместимость не бесконечна, но до предела тебе еще очень далеко. Только такие богачи как я, — сказал он и рассмеялся, — способны заполнить его до отказа.

— И что тогда делать дальше? Перестать богатеть?

— Есть способы богатеть, не переставая, Джейя. Но если я начну рассказ, это породит еще десяток вопросов.

— Прости, я увлеклась, — сказала она и посмотрела в ночное небо. — Все же, нет, я должна еще кое-что узнать. Если кумарун сейчас не тратится людьми, а лишь передается от одного другому в процессе покупок, да еще и переходит наследникам от родственников, как ваша экономика это терпит? За триста лет в стране должно было скопиться столько кумаруна, что богатым обязан быть каждый!

— У тебя талант к экономике, Влада. Ты все верно рассудила. В Эйдерине жесткая налоговая политика, потому сохраняется баланс.

— Мое любопытство на сегодня удовлетворено. Спасибо за урок, учитель.

— Рад быть полезен юному дарованию. А хочешь, я еще расскажу тебе о главном

секрете Тита?

— Хочу, — сказала она с улыбкой. — Сознайся, что ты сам любишь поболтать.

Он едва улыбнулся, но не прокомментировал замечание.

— Нет прямых доказательств, что Тит был способным и обладал даром добиваться всего, о чем желал.

— Как так?

— Долгое время при жизни он считался неспособным, ведь так и не дождался дня обретения. Но каким-то необъяснимым образом он действительно добился всего, о чем мечтал. Он обладал истинным талантом дружбы, хорошо разбирался в людях, был дальновидным и смелым. Но все эти качества не являются волшебными в нашем понимании. Он сам выбрал псевдоним Победитель, будучи еще юношей, посчитав, что это неплохое прикрытие в жизни: кто захочет вступать в схватку с незнакомцем с таким прозвищем? Но постепенно судьба его складывалась так, что все действительно поверили, будто его способность побеждать чудесной природы. Но в доказательство обратного говорит факт, что он не расходовал кумарун на волшебство. А это значит, что он не был чародеем.

— То есть и раньше не все люди были способными?

— Да, был небольшой процент неопределившихся. Традиционно принято считать, что Тит все же обладал могущественным даром. Теория о его неспособности не популярна, но я тщательно изучал этот вопрос лично и склоняюсь к ней.

— Оттого твой предок еще более велик, Эрик: стать самым главным среди волшебников, не будучи им. Невероятно.

— Именно, джейя, непостижимо. Этот факт придает мне сил. А знаешь, в чем наше с ним главное отличие?

— Хочу узнать.

— Я, в отличие от него, однолюб.

— О-о. А что Тит был... проказником?

— Еще каким. Он долго не мог определиться с выбором спутницы. Даже не так. Поклонниц у него было предостаточно. Он очень любил приключения разного рода и долго не мог отыскать настоящее чувство.

— Нашел?

— Книжки говорят, что да. Но я не уверен.

Он смолк, она тоже не хотела больше задавать вопросы. Они стояли в тишине, вслушиваясь в звуки ночной столицы. Снизу изредка проезжали машины и прохаживались пары.

— Влада, я не должен, но хочу спросить тебя.

— Спрашивай, Эрик.

— Я влюбленный дурак, но скажи, тебе понравился Мэкс?

— Эрик, — разочарованно выдохнула Влада. — Ну как мне мог не понравиться Мэкс? С чего бы он мне не понравился? Он красив, талантлив, учтив, какое из его качеств могло бы вызвать мое неодобрение?

Он молчал.

— Ты неверно задаешь вопрос, Эрик, — пояснила она свой ответ. — Я не заинтересована в нем как в партнере, если я правильно расценила твой вопрос. В вашем мире один мужчина красивее другого, ну и женщины, собственно, такие же. Кидаться на каждого встречного красавчика — это же невообразимая глупость. Сколько их еще я встречу

здесь? Сотни?

— Прости, я не хотел ревновать. Я повел тебя в примерку, зная, что не должен ревновать.

— Зачем же ты вообще повел меня туда?

— Я не могу держать тебя в золотой клетке, я понимаю это. Потому и повел.

— Эрик, это прекрасно, что ты все правильно понимаешь.

— Я не знаю, что ты чувствуешь ко мне, Влада. Оттого и не уверен в себе.

«Он хочет, чтоб я призналась в чувствах? Но что я ему скажу? Люблю ли я его? Да? Нет? Я сама не знаю! Страсть — стопроцентное да, но любовь?.. Не за его ли положение я сейчас цепляюсь? Люблю ли я его душу, а не плоть и статус?»

Ехидна ворчала: «С таким отношением к делу ты вообще помрешь, так и не признавшись себе, что хоть когда-нибудь кого-то любила!»

Она ответила ему:

— Эрик, правитель не может быть не уверен в себе оттого, что девушка не признается в чувствах первой.

— Ты права, джейя. Но хоть намеки.

«Неужели я не давала ему намеков? По-моему, их было предостаточно...»

Она развернулась к нему лицом и прошептала:

— Ты узнаешь мой ответ, если разгадаешь загадку каменного цветка. — Она прикоснулась пальцем к его губам.

«Что это было, Влада? Какую еще загадку каменного цветка? Как выкручиваться будешь?»

Эрик не стал поддерживать интригу и жадно набросился на нее с поцелуями, заставляя все тело трепетать. Он был так умел и страстен, будто бы она целовалась с самим книжным Казановой. Насколько был талантлив этот мужчина, что превзошел всех ее бывших любовников в искусстве поцелуя, вкусив этот плод впервые лишь четыре дня назад! «Наверное, это царская порода и фамильная тяга к победам говорят в нем», — объяснила она себе этот невероятный факт.

Он нехотя прервался после нескольких чувственных минут и произнес:

— Посмотри туда, — показал он рукой в сторону. — Видишь, здесь оборудован номер-люкс для новобрачных. Сегодня он наш. Мы можем пойти туда сейчас или еще задержаться под звездами. Сегодня особая ночь для меня.

— Чем же она особенна, Эрик?

Он оторопело посмотрел на нее:

— Ты самая непостижимая женщина. — Он нервно усмехнулся. — Кажется, ты вовсе не понимаешь, что значишь для меня. А я, как мальчик, не знаю, как еще доказать тебе.

Влада не совсем понимала, к чему он клонит.

— Прости, это крики отчаяния. Я зря сказал так.

Обдумав объяснение, он продолжил:

— Ты не такая, как все остальные. И дело не в глазах и не в анатомии. Тебе, будто бы все равно, кем я являюсь, что могу дать, на что способен ради тебя. Ты с легкостью можешь убежать от меня! Тебе не нужно ничего из того, что я имею. Я одновременно страшусь этого и восхищаюсь. Ты опасная и прекрасная. Я не в силах разгадать тебя, мой каменный цветок. Понятия не имею, о чем это, но образ хорошо подходит тебе, ми джейя. Я сражен.

— О, Эрик, только ты умеешь говорить так — одновременно объясняясь в любви и при

этом не признаваясь окончательно. Может быть, мы не будем торопиться? Я хочу, чтобы ты обнял меня сейчас и позволил сполна насладиться твоим обществом.

Эрик сделал шаг и заключил ее в тиски объятий.

— Сегодня особенная ночь для меня, так как я хочу, я надеюсь, что ты позволишь мне.

Он смотрел на нее со своей огромной высоты в тусклом свете, и глаза его были безумны. Влада молчала, она понимала, о чем шла речь.

— Прошу, ответь. Джейя, я изучил твою анатомию и могу гарантировать, что не причиню тебе вреда. Я могу строго контролировать глубину проникновения. Я так хочу тебя, моя Влада, что нет сил более сдерживать желание в себе. Я верю, что ты тоже этого хочешь. Будь моей сегодня этой ночью, моею до конца.

«О-ох, вот и настал час расплаты!.. На одной чаше весов — принц и неземное удовольствие, а на другой — смерть от неосторожного обращения с экто ужасно-прекрасного, который в порыве страсти может немного задуматься. Что же мне выбрать в этот поздний романтический час?»

— Эрик, мне страшно, — решила она сказать чистую правду. — Я хочу этого втайне с первого дня, как увидела тебя. Чего скрывать, ты поразил мое воображение. Но хотеть на расстоянии и получить в реальности — это такие разные вещи! Экто хороший, он мне нравится. Но экто внутри меня — это как шаг в неизвестность, который грозит неприятностями, мягко говоря.

— Верь мне, я знаю, о чем говорю. Экто полностью подчиняется моей воле, Влада. Осечек быть не может.

— Ты хочешь сделать это в номере для новобрачных?

— Если ты пожелаешь, Влада.

— Ты чего-то не договариваешь...

— Я готов это сделать там, где тебе будет комфортнее. Хочешь, мы вернемся в цветную комнату, или в белую, или в любую другую возможную комнату. Но если ответить на твой вопрос честно, я хотел бы сделать это прямо здесь.

— На крыше?

— Это место символично для меня. Я не раз бывал тут по ночам и часами смотрел на спящий Эйдерин. Много печальных мыслей об одиночестве, закате моего рода, проблемах с Советом, бедах, постигших мою семью... Это место особо располагает к печальным размышлениям. Но все же мне тут нравится. Я хочу, чтобы ты стала моей сегодня здесь.

— Нас видно с площади, Эрик. Не то что бы я сильно стесняюсь, риск пикантен. Не тебе позволяются по статусу такие вещи? — Она сказала это, и вспомнила еженедельные субботние вечеринки. — Ой, я ляпнула, не подумав.

— Влада, не будем об этом. Я обо всем позаботился. — Он приблизился вплотную и крепко взял за плечи. — Ты самая прекрасная женщина двух миров. Будь же моей, Джейя, до конца моей.

Во всем городе разом вырубилось электричество. Огни Эйдерина потухли, и только кумарун, звезды и луна освещали ночной город.

— Ты отключил свет? Как?

— Ты узнаешь об этом, когда откроешь мне секрет каменного цветка, милая Джейя.

И он поцеловал ее. Этот поцелуй не был похож на предыдущий. В нем чувствовался привкус пьянящей надежды, предвкушение исполнения сладостной мечты, не дающей покоя измученному сердцу. Руки Эрика стали так смелы: гладили спину, страстно прижимая к

себе, проникали глубоко под вырез на спине, практически достигая ее круглой попки. Он скинул с ее плеча один рукав, затем второй, обнажив в лунном свете набухшие груди. Он опустился перед ней на колени и жадно целовал соски, нежно массируя мягкие ткани ее чувствительной груди. Верхняя часть платья сжалась гармошкой на талии, но думать об этом у нее не было ни малейшего желания. Эрик словно утопал в чувствах и затягивал ее за собой. «Нет ничего лучше страстно влюбленного мужчины, в голове которого есть лишь ты, твоя душа, твое тело и твои прелести, — завидовала она сама себе. — Такой любовник способен доставить невероятное наслаждение и возвысить женщину до небес. Любишь ли ты его, Влада? — спросило подсознание. — Признайся себе честно! Люблю, но... Твой ответ: “Люблю, но?” Это самое большее, на что ты способна? Бесчувственная ты стерва», — констатировала ехидна и спряталась обратно в свою нору.

Эрик нырнул под юбку, полностью скрывшись под черной тканью. Он нежно целовал ее бедра, и она не сдерживала сладостных стонов. Кожа ее бедер всегда была такой чувствительной: малейшее прикосновение другого человека к ней отзывалось в ее теле судорожной щекоткой. Но его касания сейчас дарили ей томную негу — радужные трусики сделались совсем мокрыми. Владе стало сложно сохранять равновесие, и она схватилась руками за ограждение.

— Эрик, я вся горю, — призналась она в ощущениях.

Он обеими руками стянул стринги, незамедлительно припав языком к влажному лону. О, как прекрасен он был в своей смелости и опытности! Владе не требовалось более ничего объяснять, просить и приказывать. Этот мужчина читал ее мысли и предвосхищал желания. Его язык был так точен и деликатен, движения изобретательны и разнообразны, что ей оставалось лишь удивляться и млеть.

Эрик выбрался из-под платья и очутился сзади. Он запустил руку в ее прическу и пальцами сжал короткие волосы на затылке. Это ощущение усилило в ней чувства сексуального томления и неги, страх спрятался в тень, уступая дорогу необузданному желанию. Эрик поднял с пола юбку и закинул выше ее попки, которая предстала его взору абсолютно голой и незащищенной. Он сжал ягодицу и прошептал над ухом:

— Раздвинь ноги.

Влада послушалась и простонала с интонацией капризного маленького ребенка:

— Э-э-эрик...

— Ничего не бойся.

И экто прикоснулся к ее входу. Он вибрировал и с легким нажимом исследовал дорогу — вот его головка была уже внутри нее. Влада чувствовала, что он продвинулся еще совсем неглубоко, она тяжело дышала. Экто нежно ерзал внутри, подаваясь чуть вперед и снова возвращаясь назад. Шипики массировали ее изнутри, даря ни на что не похожие ощущения. Это было... приятно, необычно, немного щекотно и возбуждающе. Да, именно возбуждающе. Ее сексуальный аппетит стремительно возрастал, ей хотелось большего, возможно, целого мира сейчас ей было бы мало, чтобы удовлетворить голод. Эрик резко продвинулся вперед без предупреждения. Наверное, он вошел на максимально возможную для нее глубину, но больно ей не было. Затем экто попятился обратно, и вновь нырнул в ее глубины с головой.

— О, джейя... Ты восхитительно горячая и влажная. Такая нежная там, это для меня так ново, ты же понимаешь, — прошептал он и усилил темп.

Влада не видела его лица, она стояла, нагнувшись вперед, опираясь на поручень. Эрик сзади обвивал ее руками, лаская груди, обнимая плечи. Экто работал точно мужской фаллос,

Влада почти не ощущала разницы, за исключением трения шпиков, но это было скорее плюсом, чем минусом. Эластичные выросты только усиливали волшебные ощущения.

— О, гос-по-ди, Э-эрик! — выкрикнула она протяжно, разливаясь в волне оргазма. Она опустилась на колени, не отрывая рук от поручня. Эрик вторил ее движению: синхронно присел вместе с ней, позволив весу ее тела навалиться себе на грудь. Он нежно поцеловал ее в шею, обнял и прошептал:

— Тебе было хорошо?

— Очень хорошо, лучше, чем когда-либо, Эрик.

— Ты в силах потерпеть еще немножко?

— Да, — ответила она. Он подхватил ее на руки и стремительно понес в направлении vip-номера.

Толкнув входную дверь, в потемках он доставил ее до кровати и опустил в центре. Влада лежала на спине, ее юбки раскинулись в стороны. Эрик быстро снял оставшийся на теле черный сюртук, видно, шаровары были потеряны еще на лужайке, и остался обнаженным. Он помог раздеться ей, а затем накрыл телом сверху, воспаменя поцелуями и прикосновениями. Он развел в стороны ее ноги, обняв руками за колени. Влада белее ни о чем не волновалась, этому мужчине она могла всецело доверять. Экто вошел плавно, но уверенно, продвинулся вглубь и завибрировал. Волна приятных раскатов пошла от точки вибрации по всему телу.

«Какой же он невероятный!»

— О, Эрик, это неопишимо! То, что я чувствую сейчас, — это... это... — тяжело дыша, стонала она, не в силах вымолвить окончание фразы.

— Что, милая джейя? Скажи мне.

— Как будто я сейчас взорвусь на тысячи осколков. Но я мечтаю об этом, — с трудом договорила она, задыхаясь от нехватки воздуха.

— Да, ми джейя. Ты чувствуешь именно то, что и должна. Это называется «эгера» — рождение вселенной.

«О, весьма подходящее название грядущему космо-оргазму», — подумала она в последний миг перед взрывом. И, не сдерживая животных криков, она разлетелась на тысячи частей, уничтожив в себе старую вселенную и родив новую. Эрик присоединился к ней с секундной задержкой и, вторя стонам, упал меж ее ног, опустив лицо ей на грудь. Она обняла одной рукой его спину, а второй легко поглаживала по голове, нашептывая:

— Мальчик, милый мой мальчик...

— Я счастливейший из мужчин. Ты моя, джейя, без остатка.

Они лежали так некоторое время, восстанавливая дыхание.

— Эрик, я, наконец, разгадала твой запах. Ты пахнешь детством и радостью, мечтами и надеждами. А еще присутствуют нотки моря, лазурного и теплого, как твои глаза. И я не преувеличиваю, — заметила она, поглаживая мягкое золото его волос, утопая в аромате его страсти.

— Экто пробудил в тебе эгеру, теперь ты знаешь, что я чувствую, когда ты ласкаешь мой экто.

— Да, теперь я знаю. И даже понимаю, почему вы тысячи лет обходились без поцелуев.

— А я теперь этого не понимаю... Поцелуи и ласки руками прекрасны. Это ощущения совсем другого рода, но они так сладки и передают чувства лучше слов. Наверное, нужно основать школу поцелуев, — сказал он и после недолгой паузы беззвучно рассмеялся.

— Эрик, ты подарил мне новый мир. В разных смыслах, но сейчас я говорю о мире ощущений. Чувственных ощущений. Я не в силах верно подобрать слова... Да, пожалуй, не стоит и пытаться. Это называется эгера. Не верю в происходящее. Не могу поверить.

— Влада, это происходит с нами. Мы не в сказке, и это не сон. Просто поверь. Наши миры соприкоснулись, и ты пришла ко мне. Какова была вероятность этого? Абсолютно ничтожна. Но это произошло. Субботним вечером ты явилась в наш мир в паре километров от меня и сама нашла дорогу к мертвому сердцу, прошагав своими ножками в оранжевых необычных сандалиях и голубом платье цвета романтических свиданий.

— И оставила трусики на белой площади.

— Ох, не напоминай, прошу! Я никогда не забуду тот стыд, который испытал, невольно вынудив тебя сделать это.

— Можно задам тебе один неромантический вопрос?

Эрик молчал.

— Ты не предохранялся сегодня? Я правильно поняла?

— Предохранялся? В Эйдерине никто не делает этого уже лет десять, в связи с проблемами деторождения в этом нет смысла.

— Ну, я не боюсь забеременеть, это маловероятно в нашем случае. Я о другом — что насчет любовных болезней? — спросила она, подобрав понятное для переводчика определение.

— Ах, вот о чем речь! Да, ты вправе сомневаться во мне на этот счет. Но такие болезни побеждены уже лет тридцать как, еще до моего рождения. А у вас с этим разве до сих пор проблемы?

— Да, мы далеки от победы на этом фронте. Но я здорова, можешь не беспокоиться.

— Даже не думал об этом, джейя... Знаешь, нам нужно вернуться во дворец. Завтра тяжелый день, и я хотел бы проснуться в своей постели.

— Вместе со мной?

После едва заметной паузы он ответил:

— Да.

25

Истина где-то рядом

Этой ночью сон Влады был глубоким, но беспокойным. Ей снились обрывки произошедших за неделю событий, спутанные в клубки душевных переживаний. Она понимала, что спит и все это ей лишь снится, но совершенно не в силах была проснуться и отогнать наваждение. Ее веки были неподъемны, руки и ноги тяжелы, она утонула в собственном подсознании и продолжала смотреть на тревожные картинки снов в немом ожидании утра. Когда, наконец, открыла глаза, увидела, что лежит в собственной кровати в белой комнате. Одна. Влада привстала и посмотрела на место возле себя: подушка и простыня показали, что Эрик не ночевал с ней сегодня ночью.

«Как я вообще тут оказалась? — задумалась она. — Последнее, что помню, это как садилась вместе с ним в авто. Вероятно, после отключилась в машине. Но как я вышла и очутилась в кровати? Не могла ж я уснуть настолько глубоко, что не почувствовала, как меня выносят и несут на руках добрых метров четыреста до комнаты, ведь я же не годовалая! Или позабыла все во время сна, ведь он был не из приятных...»

Влада поняла, что под одеялом на ней лишь трусики: «Надеюсь, он сам меня раздел? Где мое платье и бриллианты? А, ну, наверное, это Элла по-тихому все прибрала».

Она так и не смогла ничего вспомнить, но решила, что это не так и важно. «Наверное, я и впрямь уснула, как младенец после эгеры, подаренной красавцем-правителем параллельного мира».

Следом она испугалась догадке: «Может, это сперматозоиды так повлияли, закупорив сосуды моего мозга?!»

— Лучше не думать об этом! — приказала она себе вслух.

«Что же вчера со мною случилось... Эгера... Вот уж не думала, что возможны подобные ощущения. *Космо-оргазм!* Воистину рождение вселенной, — оценила она выбор названия. — Надо вписать в “коллекцию первых раз” и поставить на пьедестал почета! Я единственная женщина моего мира, испытавшая эгеру, наверное. — Она разразилась смехом злой волшебницы. — Как вообще такое возможно вытерпеть и не тронуться умом? Не думаю, что могла бы испытывать подобное чаще, чем раз в неделю. На это требуются большие душевные и физические силы... Вряд ли Эрику понравится мое предложение заниматься сексом четыре раза в месяц... — представила она. — Да и мне самой это не понравится. Но ощущения настолько сильны, что я ее даже боюсь».

«Ты и экто боялась, — подсказала ехидна, — а теперь передумала...»

«Верно, — согласилась она с доводами. — Может, и к эгере привыкну? Слушай, ты чего такая трусиха в последнее время? Тебя подменили будто. Может, это кумарун так повлиял, или смена климата, или часовых поясов? Или партнеров? — ерничала Ешка. — Ты опять за свое, старушка?»

«Но где же Эрик?» — задалась она вопросом, оставив размышления о плотском.

Влада надела переводчик, достала из тумбочки рацию и поняла: «Вот черт, он не показал, как ею пользоваться». Она покрутила черную коробочку в руках, понажимала кнопки, но видимого результата не достигла.

«Ты уверена, что это хорошая идея — звонить ему сразу как встала с кровати? — уточнил внутренний голос. — Приведу себя в порядок, а там, возможно, все само прояснится. Здравая мысль».

Первым делом она направилась в душ, ведь после вчерашнего даже не помылась. Оттуда вышла с твердым пониманием, что сегодня ее последний шанс поговорить с Эриком о предстоящем завтра неприятном событии. В комнате ее ожидала Элла с накрытым на две персоны столиком.

— Доброе утро, Влада. Если вы не возражаете, я составлю вам компанию за завтраком.

— Отличное предложение, Элла. Буду очень рада. Ты можешь объяснить, как пользоваться рацией?

— Могу. Но Господина Эрика сегодня лучше не беспокоить.

— Это почему?

— Он оставил такие инструкции. Он встретится с вами сегодня после ужина.

«Что-то мне это не нравится. К чему она клонит?»

— Элла, ты чего-то не договариваешь. Скажи мне все как есть.

Элла покраснела и замаялась:

— Ну как же, леди Влада. Вы не понимаете?

— Нет, не понимаю.

— Господин не отчитывается передо мной, но я думаю... я чувствую, что он очень переживает по поводу сегодняшнего и ему тяжело видеть вас.

— Постой... Сегодня же пятница.

— Сегодня суббота.

— Как суббота? Пятница! Я точно все подсчитала. Я попала сюда в субботу, в воскресенье мы с Эриком поужинали. В понедельник...

— Нет, все воскресенье вы проспали, встав лишь под утро понедельника.

— Нет! Почему вы мне не сказали об этом?!

Элла смотрела на нее округлившимися от испуга глазами.

— Разве Господин не сказал вам, когда утром заходил познакомиться?

— Нет! О боже, я даже не думала, что целые сутки прошли мимо меня.

— Ну, вы были в шоке, это объяснимо. То, что сегодня суббота, а не пятница — для вас это имеет большое значение?

— Конечно! Я не успела обсудить с ним важный вопрос! Я все тянула и откладывала, собиралась поговорить накануне. И вот, я промедлила, — объяснила Влада и призадумалась.

Элла молчала, все еще с тревожным выражением лица.

— Думаешь, он не хочет говорить со мной, потому что ему больно видеть меня?

— Думаю, так.

— Позвони ему, я хочу с ним поговорить.

— Я не могу, Господин дал четкие указания, всячески развлекать вас и не пускать к нему, пока он сам вечером не придет.

— Вот черт! — выругалась Влада. — А в цветную комнату мне можно?

— Он сказал, что после 19:00 вас не должно в ней быть.

— Элла, я не хочу, чтоб ты плохо выполняла возложенные обязанности, но в этот раз я не спущу все на самотек. Мне необходимо увидеть Эрика, хочет он того или нет. Если ты не поможешь мне, я сама пойду по дворцу и буду стучаться в каждую дверь, пока не найду. Я буду кричать его имя тысячи раз так, что он не сможет меня не услышать, где бы он ни был. И даже если он в отъезде, ему непременно сообщат о моем поведении. Эрику станет стыдно, и он вынужден будет вернуться, чтобы утихомирить. Ты слышишь меня, Элла? Ты не в силах помешать мне.

Щеки горничной горели, она застыла в нерешительности.

— Элла?

Та не шевелилась, не отвечала и даже, кажется, не моргала.

«У девочки что, ступор?»

Влада посмотрела на нее еще какое-то время и вышла вон из комнаты. Сделала несколько шагов по коридору и выдохнула, осознав, что погорячилась и снова действует необдуманно. «Угрозы были, конечно, страшными, но в реальности — стоит ли быть настолько сумасшедшей? Зачем показывать Эрику себя с такой стороны? Как отъявленная скандалистка! Пожалуй, хватит быть идиоткой, Влада. Пойди-ка прогуляйся на воздухе».

Она поспешила в сторону ближайшего выхода — побыть в одиночестве и хорошенько все обдумать. Погода изменилась: небо заволочили облака, температура резко понизилась и дул прохладный ветер. Даже природа всем своим видом говорила, что возражает против того, что будет происходить сегодня на площади вопреки воле Влады и, вероятно, самого Эрика.

«Верить ли ему? И снова этот вопрос! Эрик так искренен, что ему очень хочется верить. Но когда его нет рядом, вновь настигает ощущение нереальности и какого-то подвоха. Вдруг это лишь умелая игра в театре одного актера? Разве не могут в нем уживаться и тяга к публичным оргиям, и приватные встречи с “гостьей из будущего”? Но ведь речь идет об

Эрике! — остановила она себя. — Он столько раз убеждал меня в искренности чувств, вспомни, как красиво он говорил. Но я ведь знаю его ровно неделю...»

«Узнать человека в такие сроки невозможно, ты же взрослая тетка, Влада! — взревело подсознание. — Попробуй отбросить чувства и симпатии, объясни себе без прикрас, что ты видела? Мужчина страстно желает близости, говорит, что ты его дама сердца, что покорила и таких, как ты, не бывает. Ну и еще много разных приятных вещей в твой адрес. Один раз он приревновал, когда узнал о мужчине из другой жизни. И второй раз немного к актеру, но это была или видимость ревности, чтобы сделать тебе приятно (ведь небольшая ревность всегда льстит, чего скрывать), или же мастерски подавляемая внутренняя буря. Не верю, что он всего чуточку приревновал, как это выглядело на деле. Тогда бы он не стал вообще об этом говорить, сдержался бы. Еще он был недоволен твоим желанием выпить вина. Не пытался остановить, когда ты обиделась и ушла. В целом подарил тебе несколько чудесных свиданий, но ведь ему это было не сложно... Вчера он получил то, чего хотел, к чему целенаправленно шел и для чего все это делал. Вот в сухом остатке все, что ты о нем успела узнать. А сегодня он уже не хочет тебя видеть... Вроде бы только до оргии. Ну, а где гарантии? Почему он сам не объяснил тебе? Не верится, что ему трудно подобрать слова. Почему не ночевал с тобой, хотя обещал?..»

«Не так уж и хорошо я разобралась в нем, — согласилась она с доводами. — Я вижу фантик, а что внутри? Говорить красивые слова — это умение не уникально. И дома таких мужчин достаточно, поющих и про глаза, и уникальность, и “бла-бла”. Чем же я так особенна, давай-ка подумаем? Местные девушки все как одна красотки, я в лучшем случае середнячок по здешним меркам. У моих глаз цвет прошлого, ну допустим. Но синие ведь явно красивее? Ну, по крайней мере, я так считаю. Я по-ихнему не понимаю, читать не умею, все мне надо разъяснять. Это плюс? Ну не знаю... Если только для любителей заморочиться. Он говорит, что я не такая, как все, так как мне не нужно его богатство и положение. Ну как сказать, определенно льстит, что он правитель. Конечно, мне это приятно! Но в целом я не меркантильна, это факт, никогда не была такой. С этим я с ним соглашусь, мой плюс. Но он ведь так богат, что какая ему разница, нужны женщине его средства или нет? Даже если и нужны, что в этом такого? Он самая большая шишка в этом лесу. Может, он жадный? Да не похоже на то...»

«Итак, Влада, я не вижу в тебе особой уникальности по меркам этого мира, — резюмировала внутренняя ехидна. — Дома ты и вправду ничего, но тут — не обольщайся. И знаешь ты его не очень хорошо, можно сказать, даже плохо».

«Вспомни, он сказал, что нужно верить ему и его глазам, — переключила мысли Влада. — Что еще не раз услышу неприятное в его адрес, и я поверила ему тогда. Что же сейчас-то происходит снова со мной? Да все что я тут надумала, ничего не значит. Как бы то ни было, я не желала расставаться с ним ни тогда, ни сейчас. Надо верить, и будь что будет. Нужно увидеть его и поговорить, и снова посмотреть в глаза».

«Ну а как же репродуктивный круг? — добавила огоньку Ешка. — Это состоится сегодня! А ты не можешь даже поговорить с ним!»

«А чего я скажу? Ну, допустим, я попросилась бы пойти вместе...»

«Что постоять в сторонке или поучаствовать?» — не унимался внутренний голос.

«Нет, конечно, не поучаствовать!»

«Ну, тогда — постоять в сторонке. Считаешь, это хорошая идея?»

— Это самая идиотская идея, Влада!

«Ну а что тогда ты собралась с ним обсуждать? — докапывалась ехидна. — Не пойти он не может, так Совет вообще вышлет тебя в Салехард, как угрожающий строю элемент».

«Нет, ни в Магадан, ни в Салехард я не хочу», — согласилась она.

«Ну, так и о чем ты собралась с ним говорить?»

«Я не знаю. Ну, может, я бы обняла его и сказала, что буду ждать и не стану обижаться».

«А это правда?»

«Ни фига это не правда, Влада!»

— Так о чем же, твою мать, ты хочешь ему сказать?!

Девушка опустила на ближайшую скамейку и закрыла лицо руками. Смахнув не удержавшуюся слезу бессилия, она поняла, что замерзла, а это может плохо сказаться на здоровье. Она решила вернуться обратно.

Ехидна умничала: «Влюбиться в красивого, образованного и обаятельного правителя несложно. В чем твоя заслуга? Где преодоление, работа над собой?»

«Ну, следуя твоей логике, любить нужно страшного, глупого и злого старика, чтобы ты была довольна? — огрызнулась Влада. — Надоели твои нравоучения. Где находится его комната? Почему я до сих пор не спросила его? На каком хотя бы этаже? — задумалась она, глядя на переменную этажность дворца. — Я бы на его месте выбрала крайний этаж — четвертый или пятый. Скорее, пятый».

«Пойдешь искать его на пятом? Да тебя изловят и запрут в комнате, говорили же, что небезопасно разгуливать по дворцу».

«Может, он врал, чтобы я не совала нос в чужие дела?» — перечила она подсознанию.

«Может, и так, или правду говорил. Ты не раз уже ошибалась. Считаешь, что он обманывает тебя в мелочах? Как бы тогда он смог так правдоподобно все обстряпать, что ты ни разу не поймала его с поличным? Тут либо глобальное продуманное вранье, или он честен с тобой, как перед лицом бога».

Неподалеку от дворца Влада заметила необычный мужской силуэт. Он стоял неподвижно, облокотившись на дерево, развернувшись корпусом в ее сторону. Странность заключалась в цвете наряда — на нем было подобие коричневой куртки, ну и в том, что Влада впервые видела незнакомого человека в этой части парка.

«Кто это там? На охранника не похож, — подумала она. — Будто ждет кого-то. И стоит на моем пути. Пройти мимо?»

Девушка продолжала двигаться, постепенно приближаясь к фигуре. Вскоре она признала в нем вчерашнего артиста.

«Что он тут делает? Придется поздороваться. Блин, Эрику это не понравится».

Подходя ближе, она расправила плечи, но сказала себе, что не должна улыбаться ему. Мэкс встрепенулся, всем видом показывая, что узнал ее и собирается заговорить. Влада поравнялась с ним.

— Леди, Влада, добрый день! Надеюсь, он добрый.

— Здравствуйте, Мэкс. Не ожидала вас здесь встретить.

— Понимаю, но я здесь. — Он развел в стороны руки, будто на сцене. — Вы можете обращаться ко мне на «ты». Не буду ходить вокруг да около, я надеялся увидеть вас.

«Что? К чему он клонит? — гадала Влада. — Будет сейчас тоже гадости об Эрике рассказывать?»

Артист подошел значительно ближе, остановившись в метре. Он был чудаковато одет: коричневая кожаная куртка сложного кроя, очень тонкая и без подкладки, как раз по погоде,

под ней белая рубашка с чем-то вроде жабо, с приколотой у горловины рубиновой брошью. Камень наверняка был натуральным. Снизу надеты черные брюки, и не то чтобы очень широкие. Влада усилием воли не дала подкрасться мыслям, которые обычно посещали ее вслед за раздумьями о юбках и шароварах местных мужчин. «Эрик говорил, что театральные традиции отличаются», — вспомнила она, разглядывая наряд и при этом пытаясь не подать вида. Волосы Мэкс забрал в пучок на затылке, демонстрируя наличие выбритых висков. Причем, по-видимому, он пользовался аналогом геля для волос, так как укладка была идеально ровной.

— Влада, простите, могу я называть вас так? Влада, разреши объясниться.

— Я не уверена, что готова к переходу на «ты». Мы мало знакомы.

— Да, я понимаю. Простите меня. Леди, прекрасная леди Влада... Я не вижу другого способа, кроме как признаться прямо. Решиться увидеть вас и оказаться здесь — мне было непросто.

«О чем это он? Тоже влюбился с первого взгляда, что ли? Это эпидемия?»

— Я вижу по вашему лицу, — сказал он, — что вы уже догадались о предмете разговора.

«Здесь у каждого в глаз встроен рентген, или просто я такая предсказуемая? — негодовала она мысленно. — Дома не замечала за собой».

— Я увидел вас вчера и не могу забыть. Это правда.

— Не прошло и суток, это неудивительно, — попыталась она перевести все в шутку.

— Вы очаровали меня, я буквально сражен вашей харизмой. Никогда не встречал такой женщины как вы: смелой, открытой, настоящей. Подобные живут лишь на страницах книг. Я не смогу позабыть вас никогда, хочу, чтобы вы знали об этом.

— Мэкс, простите, я не могу ответить вам взаимностью. И никогда не смогу. Мое сердце несвободно. Прошу извинить меня. — Она сделала шаг в сторону.

— Я умею ждать, Влада, — сказал он, преграждая ей путь. — Леди Влада, прошу, подарите мне еще пять минут.

— Вы не боитесь вызвать гнев Верховного правителя?

— Опасаюсь, конечно, — кто он и кто я? Но ради истинной любви я готов рискнуть.

«Истинной любви?»

— Простите, Влада, мне мои слова. Но я не верю в глубину его чувств к вам. Я же влюблен в вас по-настоящему и готов жениться хоть сегодня. Простите, что говорю об этом в парке, украдкой... Но я понимаю, что следующий шанс может представиться не скоро. Я знаю, что вы откажетесь. Сейчас откажитесь. Но пройдет время, и все может измениться. Просто знайте, что вы моя лайда.

Переводчик сообщил, что значение этого нэри — путеводная звезда.

— Если вам когда-то понадобится моя помощь, — продолжил он, — вы всегда можете на меня рассчитывать в качестве друга, любовника, мужа, слуги — кого угодно.

«Ох, надеюсь, мне это не пригодится».

— Мэкс, мне нечего ответить вам. Наше знакомство было приятно мне вчера, как артиста и благодарного зрителя, но не более. Эрик единственный мужчина этого мира, предложение которого я потенциально готова принять, — сказала она, стараясь выглядеть максимально уверенной.

— Я знаю это. И заметьте, не потому, что он правитель. Я убежден, для вас это имеет небольшое значение, потому и решился объяснить в надежде на путеводную звезду. Ведь такая женщина, как вы, оценивает мужчин не по званию и достатку, поэтому я решил, что

даже у простого актера есть шанс. Ведь мои помыслы чисты, я хороший человек с достойной репутацией и положением в обществе, каким-никаким. Простите, это звучит как хвастовство, но я не знаю другого способа кратко представиться за несколько минут. Просто помните мои чувства и, если я понадобится, — найдите меня в театре. О большем я и не мечтаю. Просто знайте. И у моего предложения не будет срока давности, леди Влада.

«Какое чистое произношение моего имени...»

— Разрешите мне прикоснуться к вашей руке лишь единожды, — произнес он с чувством, пронзая незабудковыми глазами.

«Что? Прикоснуться? Уж не на экто ли он намекает?»

— Подайте мне руку, Влада, прошу.

— Простите, Мэкс. Такого действия я вам не позволяю. Всего доброго, желаю влюбиться в девушку вашего мира.

— Пойдите, умоляю! Приходите на мои спектакли. Хоть иногда. Я буду счастлив видеть вас хотя бы раз в году. Я обещаю ничем не выдавать своего отношения к вам на людях, но вы сможете увидеть силу моих чувств в глазах. Если я буду смотреть на вас так, как сейчас, знайте, что мое отношение к вам не изменилось.

Влада не ответила, развернулась и поспешила во дворец.

— Влада! — окликнул он.

Она не оглянулась.

— Я никогда не любил и не был связан узами брака. Ты первая и единственная женщина. Я буду ждать, — выкрикнул он вслед.

«Уф!.. Ну и дела. Что на него нашло?! — переживала она, стараясь идти как можно быстрее и не оглядываться. — Как реагировать на подобное? Божечки мои. Эрик разозлится. Бедного парня вышлют в Перу за подобное, прощай сцена. В принципе, он не сказал и не сделал ничего особенного, просто объяснился в чувствах. С кем не бывает. Нахлынуло... Думаю, он все же хотел дотронуться рукой, а не экто... Артисты впечатлительные натуры, наверное... Не была лично знакома ни с одним. Вот и познакомилась, м-да... Парень, конечно, чертовски хорош собой, но тут каждый первый — прекрасный эльф, а я одна. Эх, прихватить бы с собой всех незамужних подруг, переженить здесь за неделю на Тарзанах, Аполлонах и Торах. Вот бы были благодарны мне по гроб жизни, — хмыкнула она. — Нельзя думать об этом вообще в таком ключе, я строго себе запрещаю! Эрик — вот твой ориентир, забудь о случившемся. И даже не анализируй. Вдруг его вообще подослали ко мне для проверки или еще зачем? Может, это происки Эммы или каких заговорщиков? Этот мир сложен: политика, все дела. Да, забудь... Не было ничего. Вернись в комнату и подумай еще раз, как достучаться до Эрика и не испортить при этом репутацию».

Дойдя до комнаты, она представила, что внутри, возможно, ее ожидает Эрик. Она сглотнула и отворила, но комната была пуста. Влада присела в кресло, но не прошло и минуты, как она вскочила.

«Ну не могу я сидеть и бездействовать! Кстати, Эллы не видно. Как она поступила, когда я припугнула ее? Пошла ябедничать или не стала? В этой натуре непросто разобраться. Если меня не ищут сейчас с собаками, она или вообще ничего не рассказала, или же доложила, но Эрик не поверил угрозам». Ехидна прикрикнула: «Вот ты снова взялась за старое! Твои мыслительные эксперименты с мисс Марпл часто оканчиваются полным провалом».

— Да, но что-то делать-то нужно! — ответила Влада вслух.

«Лучше бы ты сидела и ждала вечера. Но ты ж не сможешь».

— Не смогу.

«Ну, пройдишь до цветной комнаты, погорюй на другой кровати. Так полчаса скоротаешь».

«И то верно, Ешка. Схожу, погорюю на новом месте».

Влада направилась по знакомому маршруту к служебной лестнице. На пути встретился охранник в том же месте. Парень был рыж, что тотчас же бросилось ей в глаза. «Ну, конечно, ведь не может же на посту всегда стоять один и тот же человек, — поняла она. — Что же они тут стерегут? Прямо раздирает любопытство».

Она решила заговорить с ним:

— Добрый день, сэр.

Тот с высоты двухметрового роста нехотя покосился на нее и ответил:

— Добрый день, леди. Мне не дозволены разговоры по уставу.

— Очень жаль, но, возможно, вы подскажете мне, где я могу отыскать Рэйс кэнт Эрика?

Двухметровый ничего не ответил и даже не посмотрел на нее.

— Желаю вам приятного рабочего дня.

И она с высоко поднятой головой повернула за угол, показывая себе мысленный кулак за дурацкое пожелание человеку с самой нетворческой работой на свете. «Что же может быть приятного стоять тут без права пошевелиться? И вообще глупо было спрашивать. Кстати, а как он меня понял? — задумалась она. — У него есть переводчик? Хм... Хотя, он сказал всего одну фразу, в принципе, мог ответить наобум. Или же... он стережет Ксюху и общается с ней, потому имеет транслятор...»

Дойдя до цветной комнаты, Влада толкнула рукою дверь, та легко отворилась. У окна в бирюзовом кресле восседал он.

«Это же Эрик!»

Он сидел к ней спиной и наверняка слышал, что кто-то вошел. Но он не повернул головы. Трепет в ее душе нарастал: «Почему он не смотрит на меня и не шевелится? Все так плохо? Это конец?»

Она подошла на пару шагов ближе и спросила:

— Эрик? Почему ты не смотришь на меня?

— Влада, зачем ты искала меня? — сказал он, так и не удосужившись развернуться.

«Нет, так дело не пойдет!»

Она решительно обогнула кресло и впиалась в него взглядом. Эрик был бледен, с покрасневшими глазами, на лице проступила щетина.

«Он болен? Или плакал?»

— Да что вообще происходит? Что с тобой? Что все это значит, можешь мне объяснить?

— Разве ты не видишь?

Влада молчала.

Эрик молчал.

— Ты... ты болен?

— Я болен, да.

— У тебя грипп?

— У меня не грипп. Умирает моя душа. Я не хочу тебя видеть. Не могу. Не сегодня.

— Но почему? В чем я провинилась? Это из-за вчерашнего? Добился своего?

— О чем ты? Не-е-ет, Влада. Не будь ребенком.

— Я не ребенок! А вот ты очень даже похож. Можешь мне объяснить нормально, что ты здесь делаешь в таком состоянии и почему не хочешь меня видеть?

— Я здесь, потому что Элла сказала, что ты ищешь меня. Я знал, что ты придешь сюда в поисках.

— Почему не позвонил или не спустился вниз?

— Я же сказал, что не хотел тебя видеть. Пришел сюда в надежде, что ты меня не найдешь.

— Похоже на женскую логику, не находишь? Ну, продолжай.

— Сегодня суббота. Я должен... трахать на площади не менее трех продажных женщин.

— Да, суббота... Почему продажных?

— А кто станет делать это с незнакомым мужчиной, пускай и правителем?

«Он старой школы? Масса женщин пошли бы на это, не думая о себе в таком ключе. Ну, допустим».

— Ты, в отличие от меня, знал, что сегодня суббота. Почему ничего не объяснил мне и предпочел спрятаться до вечера? Ты пришел бы вообще ко мне после?

— А что я могу сказать тебе? Ты ненавидишь меня за это и презираешь.

— Я не ненавижу тебя и не презираю.

— Значит, я сам ненавижу себя и презираю. И зачем вообще обсуждать? От этого разговора становится только хуже.

Влада понимала, что беседа идет в опасном русле. Она была уже на взводе и рисковала дополнительно усугубить ситуацию. Нужно было действовать решительно. Она кинулась на пол возле кресла и обняла Эрика, положив голову на его колени.

— Эрик, не говори так. Мы справимся.

Он молчал и к ней не прикасался. Влада ждала, секунды превращались в минуты.

— Что он хотел от тебя? — нарушил Эрик тишину.

«О нет, он о Мэксе?.. Господи, боже мой, уже узнал. И что отвечать?»

— Ты следишь за мной?

— А должен?

— Ты отвечаешь вопросом на вопрос.

— Ты тоже.

Влада поднялась с пола и подошла к окну, повернувшись к сидящему в кресле Эрику вполоборота. Она сложила руки под грудью, глубоко вдохнула и ответила:

— Эрик, в парке я встретила солиста. Я была удивлена его приходу. Он сказал, что увлечен мной. Я не думаю, что это серьезно с его стороны. Мне лично все равно. Это не первый мужчина, влюбленный в меня безответно. И не думаю, что речь идет о сильных чувствах. — Она сделала паузу. — Мне бы не хотелось, чтобы ты его наказывал. Он не сказал ничего оскорбительного. Он просто актер, чувствительная натура.

— Считаешь, что это нормально — приходиться к женщине Рэйс кэнта и говорить ей подобные вещи?

— Нет, я считаю, что это очень рискованно. Но на меня его слова не произвели впечатления. Но смелость достойна уважения, не каждый бы отважился на подобное.

— Ты его защищаешь! — Он вскочил на ноги, но с места не сдвинулся. — Послушай себя. Что если к тебе будет приходиться каждый, кто влюбится с первого взгляда? Я понимаю его, но закрывать на подобное глаза не стану.

— Эрик... Я еще не твоя женщина. Я не давала тебя согласия, особенно после того, как

ты меня поймел и не желаешь видеть уже на следующее утро. Не смей причинять ему вред, — сказала она и приблизилась на шаг. — Все что угодно для меня, помнишь? Так вот, я хочу, чтоб ты не трогал Мэкса.

— Джейя! — взревел он.

— Эрик! Я не просила тебя говорить мне подобных слов, это было твоим желанием. Или речи Рэйс кэнта — простая болтовня?

— Нет. Мое слово — закон, — сказал он, выдохнул и упал в кресло, закрыв глаза. Возможно, так он пытался вернуть самообладание. — Влада, прости за ревность. Ты не виновата, что доводишь мужчин до безумия. Я не сделаю ему ничего, если он не повторит попыток. Но предупреждение он получит, и если продолжит — я не даю гарантий. И больше ты меня на слове не поймаешь, знай. А сейчас, прошу, походи в свою комнату. Я должен найти в себе силы и пережить этот день, не вовлекая в эту мерзость тебя. А после я приползу к тебе на коленях и буду умолять не бросать меня.

— Эрик, ты чересчур драматизируешь. Я не собиралась бросать тебя из-за этого. Я же была в курсе, на что иду и что ты мне можешь предложить. Ты не виноват, что находишься в безвыходном положении. Я, конечно, не могу безразлично относиться к этому, но и презирать тебя за это не собираюсь.

— Ты говоришь так лишь сейчас, не воспринимая весь масштаб. Но когда поймешь, то ужаснешься. Однажды чаша твоего терпения переполнится, и ты не сможешь прощать меня каждый раз.

— Давай не будем об этом сейчас. Хочешь, я пойду с тобой и буду рядом?

— Нет! О чем ты! Ты никогда не будешь участвовать со мной в этом кошмаре!

— Но почему так категорично? Если мы пойдем вместе, все будет происходить с моего согласия. Когда двое разделяют правила игры — они вроде как в одной лодке. Чем бы они ни занимались, раз оба с этим согласны, то в их вселенной все выглядит вполне нормально.

— Эмма, о чем ты говоришь?

Влада оторопела.

— Эмма?

Эрик остолбенел, как и Элла двумя часами ранее: глаза не двигались, веки не моргали, рот остался немного приоткрытым.

— Ты назвал меня именем жены или?..

Он все не выходил из этого окоченелого состояния.

«Они тут все так странно себя ведут, когда слышат неудобные вопросы?»

— Или этой мерзавки? — закончила она свою фразу.

— Прости, — выдохнул он.

— Так значит, ты спутал меня с этой стервой Эммой?! Что у вас было с ней? Отвечай мне! И не надо прикрываться рассказами о репродуктивной политике! — Она дрожала от негодования.

— Влада, Джейя, не надо так говорить со мной, прошу.

— Что у вас было?! Что? Правду!

— Мы спали несколько раз, это так. Меня принудили к этому, это правда.

— Что ты не договариваешь?

— Она хотела стать моей женой, и ей почти это удалось. Мне было все равно, жениться или нет. Но в последний момент я передумал. Был большой скандал...

— Эрик! Почему ты врал мне?

— Я не врал тебе. Я недоговаривал.

— Это не одно и то же?!

У Влады резко повысилось давление, и сердце грохотало в груди.

— Джейя, прости меня за все! — Он подскочил к ней и схватил за плечи. — Я не в себе сегодня и плохо контролирую слова.

Влада отбросила его руки и принялась расхаживать кругами по комнате. Эрик остался у окна и следил за ней стеклянными от страха глазами.

— Ты с ней спал и хотел жениться...

— Это ничего не значит. Я собирался, но не желал. Жениться я когда-то хотел на своей покойной жене и... вот, на тебе.

— Объясни тогда, почему до недавнего времени у Эммы был свободный доступ во дворец? Почему именно она подбирала мою одежду? Почему ты ее не выгнал еще тогда?

— Сам не знаю, я не предавал этому значения. Она дочь председателя Совета. Я же не думал, что встречу тебя. Так получилось. И я не просил ее подбирать тебе одежду. Я дал поручение Элле, а она проявила инициативу, не понимая всех тонкостей.

— Нет, все же ты меня обманул! — не унималась она, сама не зная зачем. Что-то вертелось у нее в голове, но она никак не могла поймать идею за хвост. Что-то вчера ее насторожило, но она быстро упустила это из вида, не стала развивать тему. А сейчас ей страстно захотелось вспомнить и выяснить все разом. — Вчера ты переспал со мной. Ты добился своего — и не хочешь больше видеть!

— Все не так, Джейя. Ну что с тобой? Это из-за круга, да? Поэтому ты так взвинчена? Прости!

— Нет, тут что-то не так. Вчера... вчера ты сказал мне... вспомнила! Ты сказал, что знаешь, как я устроена внутри. Откуда? Откуда ты это знаешь, Эрик?

«Вот черт! Он снова оцепенел. Значит, вопрос попал в точку!»

— Откуда ты знаешь, как я устроена внутри? — настаивала она, подходя к нему ближе. — Ты что, препарировал меня, когда я спала больше суток в прошлое воскресенье?

— Влада, о чем ты? Ты понимаешь, что говоришь?

— Не придирайся к словам! Не препарировал, а изучал, осматривал, я не знаю, делал рентген?..

— У тебя взяли только кровь, Влада.

— Откуда ты тогда знаешь?

— Это Ксения. Мы изучали Ксению.

Влада открыла рот в безмолвном крике и ненадолго оцепенела, как и люди этого мира.

— Что вы делали?!. Что вы делали с Ксюхой? Вы ее как крысу изучали? Как собаку Павлова? Вы ставили над ней опыты? Как инопланетяне над землянами? А-а-а-а... — застонала она и села на пол.

— Нет! Мы ничего такого не делали, — поспешил заверить он, припадая к ней на колени. — Мы не применяли инвазивные методы, ее не резали, не причиняли никакого физического вреда. Брали лишь анализы — кровь, мочу, другие жидкости. Делали УЗИ. Осматривали без вмешательств.

— Да вы изверги! Другие жидкости? Это какие еще? Плевральную жидкость из легких? Желчь из желчного пузыря? Сок поджелудочной железы?

— Влада, успокойся! Ты нагнетаешь. Она не испытывала физических страданий.

— А душевных? Вы ее изучали как крысу, бог знает, что вы там с ней делали! Что она

пережила и какого страха натерпелась! Почему? Почему вы так с ней? Почему не со мной? Что вы за нелюди? И какая твоя роль во всем этом?

Эрик схватился за голову и простонал:

— Ми джейя, с ней все *хо-ро-шо*. Я общался с Ксенией, ее психологическое состояние более чем приемлемое. По большей части она скучает по дому. Она не сидит взаперти, ей также разрешено гулять в саду, и у нее есть своя горничная. У меня не было выбора, Влада. Наши репродуктивные законы неподвластны мне. Когда вы появились здесь, Совет немедленно постановил изучить вас в попытках найти решение репродуктивной проблемы. Я использовал право второго вето, чтобы они оставили в покое *тебя*. Будь у меня еще одно вето в запасе, это бы не подействовало. Как минимум одну из вас подвергли бы исследованиям.

— О, нет! Ты все описываешь так благородно! — Она вскочила на ноги и отошла на расстояние. — Действовал из лучших побуждений! Но по факту моя подруга — подопытное животное, которую изучают представители «высшей расы», возомнившие себя вправе действовать подобным образом! Я хочу немедленно увидеть ее!

— Да, верно, у нас нет такого морального права. — Он поднялся и замер. — Я знаю это и полностью согласен с твоими обвинениями. Но я ничего не мог поделать, потому принял решение молчать и не рассказывать тебе. — Он опустил голову.

— Ты мне врал! Врал про Эмму, врал про Ксению. Может, ты и с ней закрутил роман? А почему нет? Почему я, а не она?

— Потому что ты ми джейя, а не она! И твои слова обидны.

— Обидны? Откуда мне знать, в чем еще ты мне соврал, или не договорил, или предпочел умолчать? Эрик, это просто невообразимо болезненная правда! Отведи меня к ней, прошу!

— Я не вправе. Это будет стоить мне остатка полномочий.

— Как это понимать?

— Совет узнает о моем поступке и поднимет на голосование вопрос об ограничении прав. Я не могу этого допустить, мне и так досталось незавидное наследство от дяди. Совет стал так влиятелен при его правлении.

Владу трясло, колотило от чувств и эмоций. Ей стало очень плохо, физически плохо. Сильно резануло в животе, она схватилась за него руками и скорчилась. Закружилась голова, ей казалось, что сейчас она потеряет сознание.

— Эрик... — еле слышно простонала она в надежде, что тот подхватит и не даст свалиться на пол.

Но он не подхватил.

Все же она не упала, устояв на полусогнутых. Боль медленно отступала, постепенно восстановилось восприятие реальности. Влада стояла... посреди спальни своей московской квартиры. Она была дома. Одна. Целая и невредимая. Без Эрика.

26

Жестокий намек

— Я дома?

Влада бросилась из спальни в смежную гостиную, пробежала по коридору, заглянув в третью комнату, и в конце проверила кухню — в квартире никого не было.

— Я дома! — не понимая своего отношения к случившемуся, воскликнула она.

«Я рада? Я в ужасе? Сложно сказать однозначно. В голове кавардак. Что сейчас

произошло вообще? Как относиться к тому, что узнала об Эрике? — Сердце снова сжалось. — Бог ты мой! Я его никогда больше не увижу, наверное... Горевать на этот счет буду позже. Где Сашка? Почему не дома? Сегодня что? Суббота — нерабочий день. Надо позвонить!»

Она вспомнила, что сотового нет, домашний же телефон давно был отключен за ненужностью.

«Есть же Интернет!»

Она включила компьютер, судорожно дожидаясь загрузки, и вошла в skype. Напротив контакта «мама» горел зеленый огонек.

«Звоню. Сигнал принят. Подключение... Ну же!» Сердце выпрыгивало из груди.

— Мама! Это я!

— Владочка?!. Бог ты мой! Девочка моя!! Где ты пропадала? Мы сбились с ног в поисках! — выпалила мама и разрыдалась, не в силах более ничего сказать, лишь плакала навзрыд.

— Мамочка, я не специально. Прости.

«Что ей сказать? Правде она не поверит, ну, или, по крайней мере, это разговор не сегодняшнего дня».

— Мамочка, не плачь. Я жива и здорова. И я дома. Со мной произошло невероятное, ты даже не поверишь в это. Но все закончилось, я вернулась, и приеду к тебе сразу, как найду Сашу и поговорю с ним. Где он может находиться, не знаешь?

— Он ищет тебя, Влада. Везде ищет.

— У меня нет телефона, мама. Его skype выключен. Позвони ему сейчас, скажи что я здесь.

— Хорошо милая, я сейчас позвоню ему, не отключайся.

— Конечно.

Мама позвонила Сашке, он взял трубку и не поверил с первого раза, что Влада ждет его дома. Теще пришлось несколько раз повторять, чтобы он ехал скорее домой.

— Он так рад, Владочка! Он так любит тебя. Он сказал, что приедет примерно через сорок минут, если без пробок.

— Спасибо, мамочка! Я позвоню тебе сегодня позже, когда мы с ним все обсудим. Люблю тебя. Мне надо в ванную.

— С тобой все в порядке?

— Да, мам. Все в порядке. Постарайся больше не волноваться.

— Постараюсь милая, позвони мне обязательно! Давай я сама приеду к тебе завтра?

— Нет, ма, ну что ты поедешь в такую даль! Я приеду сама.

***

Влада вошла в ванную и посмотрела на себя в зеркало: растрепанная, с косой челкой, бледная. В белом с серебряными вышивками платье Афродиты с шикарным декольте. На ухе переводчик — презент из Эйдерина. Она убрала его в шкафчик. Затем сняла платье и бережно повесила на полотенцесушитель. На ней остались голубые трусики цвета романтических свиданий. «Жестокий намек...» — подумала она, разделась окончательно и залезла в ванную. Включила душ и встала под струю с головой.

На груди висел прозрачный кулон на серебряной цепочке — ее стеж. Ядрышко было полностью прозрачно — кумаруна в нем не было.

«Что стало с неончиками? Они исчезли в переходе между мирами? Или просто

невидимы, но на самом деле по-прежнему живут внутри? Их было уже столько, что и не сосчитать. И одна зеленая горошина — подарок от Эрика. И триста красных, сделавших ядро фиолетовым... Как я оказалась дома? Почему телепортировалась? Я не входила ни в какую дверь, просто перенеслась... Может, это красный так повлиял? Тогда выходит, что Эрик по своей воле стал причиной моего возвращения... Не думаю, что он хотел этого. Что будет с ним? — всхлипнула она. — Я, наверное, испарилась у него на глазах. Вернулась в мир, из которого и пришла. Наверное, теперь страдает...»

Слезы давно текли из глаз и смешивались с водой.

«А ты будешь страдать по нему?» — спросила ехидна.

Влада не желала давать себе ответ на этот вопрос. Ей хотелось верить, что будет, но не слишком сильно.

«Эрик ставил опыты над Ксюхой! — вспомнила она. — Она до сих пор там! А вдруг нет? Может, каким-то чудом тоже вернулась? Надо сегодня же это выяснить».

Слезы текли ручьями, но она не сдерживала их.

«Вот и закончилась неделя удивительных приключений и лучших свиданий. Космо-секс также остался там, в чудесной стране, где дремлет волшебство».

Ехидна не преминула вставить: «И где проводят опыты над девушками, устраивают оргии и демонстрируют экто первым встречным».

— Ой, ну брось ты!

«Что я скажу Сашке? Где я была? Чем занималась? Имею ли я право соврать ему? Или лучше все рассказать? — Она осознала, что срочно нужно определяться с легендой, времени в обрез. — Нет, выкладывать правду точно нельзя. А где же я была тогда? И как мы будем жить дальше? И хочу ли я с ним жить дальше — вот это приоритетный вопрос. — Влада решила отложить эту мысль на потом. — Сотни вопросов и ноль ответов. Он скоро придет, откроет дверь — и что? Я понятия не имею, как вести себя с ним».

В дверь ванной постучали.

— Влада, Влада! Это ты? Ты живая?

«Что, уже прошло сорок минут?»

— Сашка? Ты приехал! Да, конечно, живая. Сейчас, погоди, я выйду...

Она поспешно вылезла из ванной, замоталась в халат и вышла. На кухне сидел Сашка и пристально смотрел на нее. Он молчал.

— Привет, — сказала она ему.

— Привет.

«Почему он ничего не спрашивает? Сердится? Боится? Чего это он такой непроницаемый, точно...» — Она не позволила мыслям озвучить это имя.

— Сашка, привет! В общем, это невероятно, но... меня похитили пришельцы. — В последний миг она выбрала именно это объяснение, самое вероятное из всех невероятных.

— Что? Пришельцы?

— Я плохо помню подробности. Но знаю, что нас с Ксюхой похитили они. Меня отпустили. Что стало с ней, пока не знаю. Нужно проверить, вдруг и ей посчастливилось.

— Я общался с ее родителями вчера.

— Нужно позвонить им сегодня.

— Влада, ты шутишь? Пришельцы? Может, скажешь правду? Я пойму.

— Это почти правда. Вся правда в том, что мне понравилось у них. Я переживала, что оставила дом, ни с кем не попрощавшись. Если б не это, мое пребывание там было бы

сказкой. Они офигенно живут в своем мире. Не знаю, в какой галактике это конкретно находится... У них развитая цивилизация, интересная история, приятное население... Политические проблемы типа наших. В общем, живут неплохо эти инопланетяне.

— Ты меня разыгрываешь?

— Нет же! Это правда. Вот только я не настроена сейчас все это обсуждать. Со мной там разное произошло, и я теперь не та, что была раньше. И, как прежде, вряд ли буду. Человек, который увидел такое, не сможет позабыть этот опыт. И невозможно остаться прежним, Сашка! Дай мне время на анализ, прошу.

— Я счастлив, что ты вернулась. И что ты живая... — Он встал и подошел вплотную. Крепко обнял и зарылся лицом в волосы.

«Ну вот, и телесные контакты! Как решать эту проблему? Я совсем запуталась. Может, махнуть в отпуск в одиночку? В Сочи, например? Нет, он меня никуда теперь непустит».

— Ну, выше нос! Я здесь. Мне нужно выспаться. Ужасно тянет в сон. — Она провела рукой по его волосам и отстранилась, зашоркав тапками в направлении спальни.

Влада всегда дома шоркала тапками, и ей это нравилось. Было в этом что-то детское и забавное. И если мужчина говорил ей, что она шоркает, в первые дни знакомства — это был точно не ее вариант. Ее мужчина или не заметил бы, или счел бы милым. Сашка никогда не произносил этого вслух, но ей казалось, что он просто не замечает этого так же, как сам чавкал, когда ел что-нибудь вкусное. «Интересно, а как поступил бы Эрик?» — задумалась Влада, бредя в направлении спальни. Она была уверена, что он бы ни за что не сделал ей подобного замечания, хотя подметил бы, конечно, сразу. Возможно, он и без тапок заметил. Домашней обуви во дворце не носили, но не шоркала ли она голыми пятками, когда ходила по комнате босиком?..

***

Сон Влады был глубоким и без сновидений. Она проснулась, когда за окном уже начало темнеть. На краю кровати сидел Сашка в полумраке.

— Саша? Ты чего сидишь тут?

— Смотрю на тебя.

— Я дома и не собираюсь улетать.

— Скажи мне, что произошло?

— Ты позвонил родителям Ксюхи?

— Да. Она не возвращалась. Они хотят поговорить с тобой.

— Хорошо, но не сегодня. Надо позвонить маме.

— Я говорил с ней, сказал, что ты очень крепко спишь. Она позвонит завтра утром.

— Я сама поеду к ней завтра.

«Молчит. Вот черт, его не устраивает мое объяснение», — поняла девушка.

— Влада, — сказал он настойчиво.

— Саша! Я тебе все объяснила. Меня не было, потому что я отсутствовала в этом мире. Фильмы смотришь? Представляешь, путешествия между мирами действительно возможны!

— Влада, ну я же тебя знаю, ты сейчас говоришь неправду.

— Я вру?

— Не знаю, но явно многое не договариваешь.

— Я сказала то, что хотела. И большего говорить не хочу. Тебя такой ответ устраивает?

— Сейчас это больше похоже на правду, хоть и не объясняет, где ты пропадала.

— Это так важно?

— У тебя был любовник, ты вернулась, так как вы поссорились?

— За кого ты меня принимаешь? Я бы как минимум оставила тебе записку и позвонила маме.

— Что же тогда произошло? Мне нужно реальное объяснение, Владка!

— Знаешь, нам надо пожить отдельно какое-то время. Пока я не разберусь в себе, и ты не перестанешь до меня докапываться.

— Я достаточно пожил отдельно от тебя какое-то время. Я не хочу расставаться с тобой больше никогда. Я хочу жениться на тебе, иметь двоих детей, пока мы еще не состарились и даже готов больше никогда не спрашивать о том, что с тобой, черт возьми, там случилось. Я чуть не помер за эту неделю.

— За пять лет нашего с тобой сожительства худшего времени для этого разговора ты не мог придумать, Саша! Последний из Дарси на этой планете вымер двести лет назад, это уж точно.

— При чем тут Дарси? Я говорю о себе и о тебе. Я все бы отдал за то, чтобы слышать твое шорканье тапками каждый день до последнего. Ты ведь тоже не Элизабет Бэннет, Влада.

— Ты помнишь ее имя? Удивил.

— Да вот как-то запомнилось, может быть потому, что ты заставила меня пересмотреть с тобой все шесть серий подряд пару месяцев назад под предлогом, что это классика мировой литературы. — Он болезненно рассмеялся. — Если б не вино и бутерброды, я б, наверное, взвыл.

— Ах ты, мой алкаш! Мне тебя не хватало...

— Что ты скажешь на мое предложение?

— Я уже ответила, что худшего момента ты не мог найти для этого. Я не в силах сейчас думать ни о чем, кроме того, как вернуть все, что утрачено, и как забыть то, что обретено. Мой ответ — точно не сейчас. Сколько время?

— Девять.

— Сколько я спала?

— Часа три.

Влада подсчитала в уме: «Девять минус три — это шесть. В шесть часов я легла спать. Примерно час я мылась и разговаривала с Сашкой. Это пять часов, да еще полчаса с мамой по skype — я вернулась домой в полпятого. А с Эриком общалась после завтрака, но до обеда. Значит, в районе часа. В итоге примерно четыре часа затерялись в процессе перехода между мирами. И что мне дает это знание? Мне — ровным счетом ничего, я же не физик».

— Выпьем пива? Так пива хочется, Саш... И икры! И конфет!

— Схожу в «Пятерку».

— Не, там икра не очень. Давай в соседний.

— Никуда не уходи.

ПРОЛОГ

Слезы веры и надежды

Прошло две недели со дня возвращения Влады. Сашка с того вечера не беспокоил ее расспросами, в отличие от матери. Рассказ о пришельцах попал на плодородную почву, и мама поверила в это, но и не спустила все на тормозах: чередой ее вопросов не было конца. Ее интересовали все новые и новые подробности, вплоть до кулинарных рецептов и

особенностей агротехники огурцов. Влада не могла и не хотела рассказывать всего, особенно если тема затрагивала отношения с аборигенами. Приходилось замалчивать, ссылаться на частичную амнезию и с мастерством заядлого шарлатана уходить от прямых ответов. Влада ненавидела вранье! Она старалась никогда не лгать без острой на то необходимости. И в обычной жизни подобное не требовалось. Но этот случай вылетел за рамки обыденного, как выстрел из орудия. И ей снова и снова приходилось юлить в попытках удовлетворить материнский интерес.

Отношения с Сашкой были напряженными. Он старался не доставлять ей дополнительных проблем, но внутри него бушевал штормовой океан. Влада знала это, но не могла развеять его страхов и опасений. Рассказать ему все — означало остаться в одиночестве, но в этом мире вряд ли нашелся бы лучший мужчина для нее, а путь в другой мир закрыт. Наверное, навсегда...

Проблема все же стояла остро: она испытывала психологическую привязанность к Александру, но прикосновений более не терпела. По ее коже каждый раз пробегал холодок, когда он будто бы ненароком прикасался к ней. Что со всем этим делать, она не знала.

А Эрик? Ее мифический Эрик остался в параллельной вселенной, где-то там, по ту сторону, в Краснодарском крае. И на поезде к нему не доедешь, и на самолете не долетишь. Он превратился в воспоминание, о котором невозможно забыть. И нужно ли забывать? И сможет ли она сделать это, даже если очень-очень захочет? Он снился ей почти каждую ночь. Он обнимал ее и говорил с ней, она рассказывала ему истории из жизни этого мира. Он водил ее на свидания, но более ни разу во сне у них не доходило до близости, даже до поцелуя. Все время им кто-нибудь мешал: то люди, то стихия, то обстоятельства. Она просыпалась каждое утро в безмерной тоске по нему. С ощущением безнадежности, с осознанием полнейшего бессилия что-либо сделать. Ее мутило по утрам от ночных тревог, кусок не лез в горло. Ей казалось, что ее душа больна и истерзана, как старая половая тряпка. Именно этот образ приходил ей чаще всего, когда она просыпалась в очередной раз, брела в ванную, чистила зубы, сдерживая рвотные позывы, и далее плелась на кухню, чтобы налить кружку чая. До обеда она и думать не могла о еде и лишь к полудню отваживалась на бутерброд. Вечерами же она немного приходила в себя, разговаривала по сети с мамой, отвечая на новые ее вопросы, и съедала большую порцию спагетти болоньезе, или жареной картошки с соленой рыбой. Через день она заказывала еду с доставкой на дом, так как готовить у нее не было ни сил, ни малейшего желания. Когда Сашка возвращался с работы, она быстро накрывала что было съестного на стол и убегала под предлогом, что ей нужен отдых. Хорошо, что он не задавал вопросов: чем же она занималась весь день? Ведь по большому счету Влада не занималась ничем, кроме пустых мечтаний, надрывного плача и лежания на кровати, часами вглядываясь в одну точку на глянцевого натяжном потолке. На работе ей нехотя дали отпуск за свой счет, ведь в противном случае она незамедлительно бы уволилась. Мир рекламы и маркетинга остался без прославленного бойца на неопределенный срок.

***

Прошло еще несколько дней. В очередной понедельник Влада поднялась с кровати в одиннадцать с головной болью. Она не успела добрести до ванной, не сдержалась, и из желудка потоком хлынула рвота прямоком на кафельный пол в коридоре.

«Что за черт! — выругалась она мысленно, приходя в себя после случившегося. — Я подцепила потустороннюю желудочную заразу?»

С трудом она вычистила рот от неприятного запаха, вытерла пол в коридоре, хватаясь за стену, чтобы не свалиться в обморок, ведь давление упало ниже некуда.

«Может, я сейчас... *вернусь?* — подумала она с надеждой. — Ощущения соответствующие». Но ничего подобного с ней не случилось.

На кухне она выпила стакан воды, даже чай без сахара не пошел у нее этим поздним утром.

«Какой сегодня день? — задумалась Влада. — Понедельник, двенадцатое сентября. Да что же это? Задержка? Месячные должны были начаться уж неделю как, а я про них и забыла. Неужели я беременна? Не может быть! Ну а что, вдруг, судя по дате и самочувствию?»

Она оделась и вышла из дома. Московская осень не радовала: холодно, сыро, промозгло. С неба моросило — Влада раскрыла зонт. Аптека находилась неподалеку, в паре минут ходьбы. Она купила два теста для верности. Еще заскочила в магазин на углу и купила несколько здоровенных апельсинов, желудок требовал витамина С.

Вернувшись домой, она сняла курточку, поставила зонт сушиться в коридоре. Зашла в гостиную и присела на диване, с трепетом срывая целлофан с упаковки теста.

Она бегло пробежалась по аннотации, затем пошла в туалет, чтобы пописать в баночку. Наполнив емкость, опустила полоску теста до отмеченной границы и строго последовала дальнейшим рекомендациям: положила на сухую горизонтальную поверхность — подоконник в кухне, и отвернулась. Результат нужно было оценить в срок от трех до десяти минут.

«Итак, три минуты: раз, два, три, четыре... шестьдесят... сто двадцать». Она отсчитывала секунды, но не вытерпела и повернула голову на минуту раньше запланированного.

«Две полоски? Две полоски!»

Еще минуту она смотрела на тест, боясь — вдруг одна из них исчезнет. Но та никуда не делась.

Это был ее тест с двумя полосками. Впервые в жизни — две полоски! Внутри нее уже жил малыш.

— Боже и Великий кумарун, все боги всех миров и конфессий! — обратилась она, обретя дар речи, подняв руки к небесам. — Какое же это счастье! Благодарю вас всех, спасибо!

Она повторила тест для верности — ничего не изменилось: те же две полоски.

— Я беременна! — воскликнула она радостно.

Влада вымыла апельсин, очистила его и с удовольствием съела.

«Ну что ж, это обстоятельство чрезвычайно все усложняет. Но, несмотря на это, я так рада!»

Ехидна очнулась от спячки: «Любишь же ты сложности, глупая ты женщина».

— Ты права, подруга. Мне тебя не хватало последнюю неделю. Куда же я без твоих нравочений!

«Это ребенок Эрика, — не сомневалась она. — И все-таки наши виды, ну, или подвиды, совместимы! И у него будет наследник! Это то, о чем он так мечтал. Это наше спасение и надежда на счастье. Если я смогу родить ему сына, возможно, когда-нибудь отыщу дорогу обратно. Мой малыш — это ключ. Я буду в это верить. Кумарун не зря свел нас, это все его хитрые планы, я знаю. — Она схватилась за кулон на шее, снимать который не планировала

никогда. — Я буду слепо верить. Моя задача выносить ребенка, во что бы то ни стало!»

Владе пришла идея. Она направилась в комнату и включила компьютер. Нашла ближайшую к дому частную клинику и позвонила по указанному номеру.

— Добрый день! Могу я записаться к вам на УЗИ?

— УЗИ чего?

— Матки, я, наверное, беременна.

— Ранние сроки?

— Да, именно.

— Ольга Васильевна принимает сегодня с двух.

— Какое самое раннее время для записи?

— 14:00.

— Пожалуйста, запишите меня. Владислава Петрова.

— Ваш возраст?

— Двадцать девять.

— Ждем вас сегодня. До свидания.

«Какое счастье! Я узнаю все точно прямо сегодня! Возможно, даже увижу малыша на экране!»

В 13:50 Влада стояла у дверей кабинета УЗИ в частной клинике. Не то чтобы она предпочитала платную медицину, но идти по прописке к гинекологу, а потом ждать несколько дней очереди на УЗИ ей точно не хотелось. Спустя пять минут к кабинету подошла врач. Ей было немного за сорок, красивая и ухоженная зрелая женщина.

— Вы ко мне?

— Да, Ольга Васильевна.

— Я скоро приглашу вас.

Минуты через три над дверью кабинета мигнула лампочка — Влада вошла.

— Рассказывайте, — мягко сказала доктор.

— У меня задержка примерно неделю. Сегодня утром тест показал две полоски.

— Дата последней менструации?

— Шестое августа.

— Раздевайтесь до пояса снизу и ложитесь на кушетку.

Влада разделась и легла. Врач взяла длинный датчик, надела на него презерватив и ввела во влагалище. «Видно, на таких ранних сроках УЗИ делают так» — расценила девушка.

— Да, я вижу эмбрион. Вы беременны. Ребенок в матке, все хорошо. Срок семь с половиной — восемь недель. Это не вяжется с датой последней менструации.

— Как так, доктор?

— Такое бывает. Первые несколько месяцев беременности иногда могут продолжаться незначительные кровотечения, которые ошибочно воспринимаются за менструацию. Видно, это ваш случай. Живот болит? Тянет, покалывает?

— Нет, доктор, не болит. Начался токсикоз по утрам.

Влада судорожно отсчитывала в памяти дни. «Ребенок не Эрика? Не может быть, с Сашкой давненько ничего не было. Или было? Может и так, но мы предохранялись!»

— А вы не можете ошибаться в сроках? — спросила она с надеждой.

— Не более чем на три-четыре дня.

Врач включила что-то на аппарате УЗИ, и Влада услышала стук.

— Это бьется сердце вашего ребенка.

Влада сделала вдох и забыла о выдохе. Она слышала, как бьется сердечко ее малыша, о существовании которого она узнала несколько часов назад. Слезы потекли непроизвольно, сердце сжалось, но не от боли, а от всепоглощающего счастья.

— А с ребенком все хорошо, доктор?

— Ну, как вам сказать...

— Что, доктор?!

— На этом сроке невозможно определить пол. Обычно невозможно. Но ваш малыш имеет хорошо различимый вырост в области паха — это мальчик. Случай нетипичный и настораживает. Возможно, имеет место патология. О подобных отклонениях мне не известно, вам необходимо проконсультироваться с другими специалистами перинатального центра, я дам вам контакты. Советую не расстраиваться раньше времени, но вопрос требует незамедлительной консультации и контроля.

Влада оторопела, но сразу обо всем догадалась.

— Спасибо доктор, я знаю, куда нужно обратиться. — Она поспешно оделась и выскочила из кабинета. Закрыв за собой дверь, тяжело выдохнула.

«Ну и дела! Этот мальчик — сын Эрика. И он развивается быстрее, чем обычные дети».

Влада не помнила, как оплатила счет в кассе клиники и выбежала на улицу. Дождик перестал капать.

«Я беременна! — Она приложила руки к животу. — И это ребенок Эрика! И это мальчик. У нас будет сын, который унаследует отцовскую анатомию, по всей видимости. И с ним все в порядке, никакой патологии нет, это же просто экто!»

«Это же может быть и девочка? У них же тоже есть экто! Как я сразу не подумала... Вот дела. Да как же я рожу-то моего малыша здесь? Его посчитают мутантом. Не дай бог, скажут мне, что родился мертвым, а сами отправят его или на опыты, или в приют для уродов. Всякое показывают по телику... В роддом мне нельзя. Надо хорошенько подумать, как наблюдаться и как рожать. Вероятно, это случится раньше срока, ведь он так быстро растет, мой малыш...»

«А что я скажу Сашке? — ударило как обухом по голове. — Я беременна не от него. Скрывать связь с Эриком дальше нельзя. Да и тошно мне уже это скрывать! И когда Сашка увидит этого ребенка... Что же будет, когда он увидит?»

«Проблем будет много, ты знала это с момента, как обнаружила две полоски, — напомнила она себе, стараясь вернуть самообладание. — Разберемся, Влада, слава богу, тебе не шестнадцать лет и ты умная баба, и не такая уж и бедная. Хорошо подумаем и разберемся. Время еще есть. А сейчас — в сушиницу! Поедать роллы, пить апельсиновый сок и праздновать в одиночку эту потрясающую новость! Я ношу наследника рода Победителей, следующего правителя Эйдерина! Это подарок нам от Великого кумаруна. И, наверное, Эрик и вправду любит меня, раз смог сделать ребенка после нескольких лет безуспешных попыток с сотнями женщин своего мира! Я вернусь туда. Мы вернемся вместе к твоему папе, мой малыш! — обратилась она к комочку внутри себя, не сдерживая более слез веры и надежды. — Мой мальчик, я знаю, что ты мальчик».

Больше книг на сайте - Knigolub.net